Стивен Рансимен

СИЦИЛИЙСКАЯ ВЕЧЕРНЯ

ИСТОРИЯ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В XIII ВЕКЕ

clio personalis

ЕВРАЗИЯ

Annotation

Сицилийскую Вечерню можно назвать «итальянской Варфоломеевской ночью». В 1282 г. восставшие жители сицилийского города Палермо полностью вырезали ненавистных правителей-французов, захвативших их остров двенадцатью годами ранее. Это кровавое событие всколыхнуло всю Западную Европу и привело к безжалостной войне, в которую были втянуты Франция, испанское королевство Арагон, Италия. Раскрывая истинные причины Сицилийской Вечерни, автор книги С. Рансимен показывает, что на самом деле она была лишь звеном в долгой подспудной борьбе за власть и влияние, которую вели между собой самые могущественные государства того времени.

Книга изобилует яркими и интересными подробностями о средневековой политике, войне и жизни человека в XIII в.

Для широкого круга читателей.

Пер. с англ. Нейсмарк С. В.

- Рансимэн Стивен
  - СИЦИЛИЙСКАЯ ВЕЧЕРНЯ:
    - ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ
    - ПРЕДИСЛОВИЕ
    - Пролог. СИЦИЛИЯ
    - Глава I. СМЕРТЬ АНТИХРИСТА
    - Глава II. НАСЛЕДСТВО ГОГЕНШТАУФЕНОВ
    - Глава III. НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ АДРИАТИКИ
    - Глава IV. В ПОИСКАХ КОРОЛЯ: ЭДМУНД АНГЛИЙСКИЙ
    - Глава V. В ПОИСКАХ КОРОЛЯ: КАРЛ АНЖУЙСКИЙ
    - Глава VI. ВТОРЖЕНИЕ КАРЛА АНЖУЙСКОГО
    - Глава VII. КОНРАДИН
    - Глава VIII. КОРОЛЬ КАРЛ СИЦИЛИЙСКИЙ
    - Глава IX. СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ИМПЕРИЯ
    - Глава X. ПАПА ГРИГОРИЙ X
    - Глава XI. ВЗЛЕТ КАРЛА АНЖУЙСКОГО
    - Глава XII. ВЕЛИКИЙ ЗАГОВОР
    - Глава XIII. ВЕЧЕРНЯ
    - Глава XIV. ПОЕДИНОК КОРОЛЕЙ
    - Глава XV. СМЕРТЬ КОРОЛЯ КАРЛА

- Глава XVI. ВЕЧЕРНЯ И СУДЬБА СИЦИЛИИ
- Глава XVII. ВЕЧЕРНЯ И СУДЬБА ЕВРОПЫ
- ПРИМЕЧАНИЯ
- БИБЛИОГРАФИЯ
  - I. ИСТОЧНИКИ
    - 1. Сборники источников
    - 2. Отдельные источники
  - II. Современные работы

Рансимэн Стивен

СИЦИЛИЙСКАЯ ВЕЧЕРНЯ: ИСТОРИЯ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В XIII ВЕКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Вниманию читателя представляется книга английского историка С. Рансимена, которая посвящена крупному событию средневековой европейской истории XIII в. — восстанию в 1282 г. жителей Сицилии против власти правивших ими французов, известному под названием «Сицилийская Вечерня».

Сицилийская Вечерня имеет долгую предысторию. В XIII в. вся Италия стала ареной борьбы за власть между папством и германскими императорами. Своего апогея эта борьба достигла в правление императора и короля сицилийского Фридриха II (1220-1250) из династии Гогенштауфенов, сосредоточившего в своих руках власть над Германией, Северной и Южной Италией. В каждом городе и области за влияние боролись сторонники императора (гибеллины) и приверженцы папства (гвельфы). После смерти Фридриха папство задумало уничтожить его наследников и призвало на помощь представителя французского королевского дома Карла, графа Анжуйского. В 1266 г. Карлу удалось победить Гогенштауфенов — последний принц из этой династии погиб на эшафоте; Карл же стал королем сицилийским. Человек властолюбивый и амбициозный, он задумал создать средиземноморскую империю, подчинив себе Иерусалимское королевство и Византию. Но планы рухнули, столкнувшись с мятежом жителей Сицилии, недовольных деспотичным правлением короля-француза и его присных. События, связанные с Сицилийской Вечерней, привели к крупномасштабной войне между европейскими державами и установили расклад сил на долгое время вперед.

С. Рансимен — автор книг, давно получивших репутацию классических: «Истории крестовых походов», «Падение Константинополя в 1453 г.», «Византийская цивилизация», «История Первого Болгарского царства». Он задумал «Сицилийскую Вечерню» как своего рода связующее звено между историей различных государств средиземноморского бассейна. Рансимен только отчасти уделяет внимание самой Вечерне — его интересует история всего Средиземноморья. Можно сказать, что автор написал историю международных отношений в Европе XIII в. Автор одно за другим рассматривает события, происходившие в Франции, Германии, Англии, Италии и Испании. На страницах книги можно встретить известнейших персонажей средневековой Европы — германских

императоров Фридриха II Гогенштауфена, Рудольфа Габсбурга, византийского императора Мануила Палеолога, королей Людовика Святого и Карла Анжуйского.

Книгам С. Рансимена присущи образность повествования, подробное и красочное изложение деталей, что делает их доступными широкому кругу читателей. Не является исключением и «Сицилийская Вечерня», написанная так, чтобы передать весь накал страстей, трагичность и величие происходивших событий.

Карачинский А. Ю.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О Сицилийской Вечерне редко вспоминают в наши дни. Обычного образованного человека это словосочетание разве что наводит на мысль об одной из малоизвестных опер Верди. В прошлом веке и ранее дела обстояли иначе. История Сицилийской Вечерни вдохновляла поэтов и драматургов; о ней было написано множество исторических трудов, что помогло Сицилии приобщиться к итальянскому Возрождению (Risorgimento). Не стоит рассчитывать, что любой сегодня осилит поэтические трагедии Казимира Делавиня или миссис Фелиции Геманс; но хочется надеяться, что никому не придет в голову изучать историю по либретто, написанному Скрибом для Верди. Это была неудачная работа. Либретто было заказано для гала-представления в Париже, но оскорбило Верди и итальянцев, поскольку традиционный герой Вечерни, Джованни да Прочида, был выставлен коварным и беспринципным интриганом; сицилийцев — поскольку их выписали одновременно жестокими и трусливыми; австрийцев — поскольку описывалось восстание итальянцев против власти захватчиков; и французов — поскольку кульминацией пьесы было заслуженное избиение их соотечественников.

«История Сицилийской Вечерни» («Storia della Guerra del Vespro Sciciliano»), написанная Амари и впервые опубликованная в 1842 г., до сих пор остается приятным и познавательным чтением. Амари был тонким и эрудированным историком, который скрупулезно выискивал любые свидетельства, какие можно было найти, и собрал их в связное повествование. Но Амари был еще и политиком. Рассказав об успешном восстании против Анжуйской династии, он хотел воодушевить сицилийцев, чтобы они восстали против Бурбонов. Все его научные изыскания вели, и небезуспешно, единственно к этой цели. Но он был намеренно предубежден, что сузило его кругозор. Так что Амари оставил место для рассмотрения этой истории в более широком европейском контексте.

На самом деле история избиения французов в Палермо 30 марта 1282 г., традиционно известная как Сицилийская Вечерня, важна не тем, что это отдельная драма о заговорщиках и головорезах, и не тем, что это просто отдельный эпизод в эпической трагедии о Сицилии и ее угнетателях. Эта резня была одним из тех исторических событий, что меняют судьбы наций и институтов мирового масштаба. Чтобы понять важность этого события, мы должны увидеть его в международном контексте, поэтому в своей книге

я постарался рассказать всю историю Средиземноморья второй половины XIII в., центральным событием которой стала Вечерня. Это монументальное полотно, оно простирается от Англии до Палестины, от Константинополя до Туниса. Композиция многофигурная, но исторические полотна всегда изобилуют персонажами, а читателям, которые боятся толпы, лучше держаться асфальтированных дорожек художественной прозы. В этой книге множество тем сходятся в одной точке. Это история о великом правителе, которого погубило собственное высокомерие. Это история о великом заговоре, сплетенном в Барселоне и Византии. Это история о храбром и скрытном народе Сицилии, восставшем против чужеземного господства. Это история о медленном самоубийстве величайшей концепции средневековья — всемирной папской монархии.

Существует множество источников, на которые можно опираться в истории Вечерни. Этот период изобилует хронистами и историками различной степени достоверности. Архивы правительств, игравших роль в этой истории, уже все по большей части изучены, а их постановления опубликованы; хотя, возможно, еще многое можно было бы отыскать в беспорядочных архивах королей Арагонских и кое-что — в утраченных в ходе последней войны архивах неаполитанских династий Гогенштауфенов и Анжуйцев. Я также глубоко обязан работам многих современных историков. В частности, я должен упомянуть недавно опубликованный труд Э. Леонара об Анжуйской династии в Неаполе, пусть вынужденно краткий, но бесценный с точки зрения учености и здравого смысла. Современному историку уже нечего добавить к великолепной книге Э. Джордана об Италии накануне вторжения Анжуйцев, опубликованной в 1909 г., а его более поздняя работа (1939 г.) по истории Германии и Италии XII и XIII вв. еще более замечательна той краткой ясностью, с какой в ней представлена важнейшая информация. К сожалению, эта работа заканчивается 1273 г. Короткая книга Картельери о Педро Арагонском и Вечерне четко определяет природу Великого Заговора, хотя, возможно, автор преуменьшает причастность Византии. Его работа была подтверждена исследованиями мадемуазель Вьеружовски. Среди итальянских историков и поныне бесценная история Амари была дополнена такими историками, как Каруччи, Понтьери и Монти, и сицилийскими соавторами Либертини и Паладино. Моя признательность будет также очевидна в моих комментариях, в которых я, по возможности, ссылался только на современные работы, в тех случаях, когда современные историки, сделав за меня большую часть работы, сами указали все свои источники.

Я постарался побывать в тех местах, где произошли важнейшие

события этой истории, и теперь хотел бы поблагодарить моих друзей в Италии и на Сицилии, которые очень помогли мне в моих путешествиях. Я также хотел бы поблагодарить служащих *Cambridge Univercity Press* за учтивость и доброту.

Стивен Рансимен

Лондон, 1957 г.

Пролог. СИЦИЛИЯ

Остров Сицилия по форме напоминает треугольник; он расположен в середине Средиземного моря, разделяя его надвое и почти образуя перешеек, соединяющий Италию с Африкой. Мало найдется островов, более обласканных природой. Климат там мягок, а ландшафт, с его непроходимыми горами и лучезарными долинами и равнинами, прекрасен. Даже частые землетрясения и постоянная угроза извержения Этны, пусть и свидетельствуя о капризах природы, как бы в качестве компенсации обогатили почву на острове. Человек же был не столь предупредителен. Географическое положение сделало остров неизменным полем битвы между Европой и Африкой, к тому же любой, кто хотел контролировать Средиземноморье, должен был заполучить этот остров. История Сицилии — это история вторжений, войн и восстаний.[1]

Кто такие сицилийцы *(Siculi)*, давшие свое имя острову, и действительно ли они пришли из Италии и вытеснили коренных островитян сиканов *(Sicani)* — это предмет для спора историков, изучающих древнюю историю. История Сицилии начинается с того момента, когда *Siculi* сами осознали, что их землю завоевывают и колонизируют два великих народа античности, знакомые с искусством мореплавания, — финикийцы и греки. Греки пришли примерно в 700 г. до н. э. и основали города на побережьях восточной части острова.

К тому времени финикийцы уже осели на Сицилии, они приплыли из своих колоний в Африке и заняли западную часть. Между этими двумя народами велись войны, в которых преимущество было на стороне греков. Но финикийцы с великой африканской империей Карфаген за спиной все равно оставались реальной угрозой для греков. В свободное от войны с финикийцами время греческие города-государства обращались к своему обычному времяпрепровождению: мелким междоусобным войнам и бунтам. Главным греческим городом были Сиракузы, прославившиеся тем, что его жители отразили нападение афинян; время от времени кто-нибудь из правителей Сиракуз, какой-нибудь Дионисий, укреплял свою власть настолько, что на несколько лет его правления устанавливались мир и порядок. Несмотря на некоторые трудности, это было счастливое время. Греки начали выращивать оливки и виноград. На огромной центральной равнине, с лугов которой Аид, бог подземного мира, похитил дочь богини плодородия, колосились нивы. На склонах гор паслись тучные стада.

Беззаботная жизнь крестьян увековечена в идиллиях Феокрита. Однако уже тогда человек посягнул на богатства острова. Города, как греческие, так и финикийские, нуждались в кораблях для войны и торговли; и лесные деревья стали падать под топорами судостроителей. А пока Коридон развлекался в тени с Амариллисой, их козы пожирали побеги, которые могли бы возродить леса. Начались эрозия и высыхание. Почва была смыта со склонов гор, и славные ручейки, орошавшие долины, стали превращаться внизу в речушки, чьи русла наполнялись зимой, но оставались голыми и сухими под летним солнцем.

Идиллия продолжалась недолго; из-за своего географического положения Сицилия была вовлечена в великие войны между Римом и Карфагеном. К 200 г. до н. э. весь остров оказался под римским господством. Римляне обходились с островом довольно мягко: им было необходимо зерно, которое выращивали на острове, чтобы прокормить их огромную столицу. Случались и плохие времена. Островитяне страдали от поборов пропретора Верреса, которого обличал Цицерон; их также затронула война, развязанная Секстой Помпеем против центрального правительства в Риме. Еще до этого земли были опустошены восстаниями рабов, преимущественно бывших военнопленных, которых римляне поселили на острове вскоре после пленения. Но римские писатели мало что сообщают о Сицилии. Мы можем заключить, что их молчание — свидетельство тихого процветания. Остров по существу стал греческим. Его жители, будь они по происхождению греки, финикийцы или *Siculi*, говорили по-гречески, хотя римские чиновники использовали также и латынь, а официальные документы составлялись на обоих языках. В то же время было представлено некоторое количество колонистов из Италии, говоривших на латыни.

Упадок Римской империи и ее угасание на западе принесли новые несчастья на остров. Шторм в Мессинском проливе спас остров от вторжения Алариха и вестготов, но вскоре после этого Сицилия была атакована и на некоторое время захвачена вандалами, пришедшими из Карфагена. Остров вновь был присоединен к Италии при Одоакре и после него при остготском короле Теодорихе Великом, причем оба они заботливо относились к Сицилии, поскольку вандалы перекрыли экспорт зерна из Африки и вся Италия зависела от хлеба, выращенного на сицилийских полях. Но, невзирая на то, что оба этих правителя были достаточно осторожны, старались не злить сицилийцев и не пускать готских и других варварских поселенцев на остров, их правление было непопулярным. Когда император Юстиниан прислал армию из Константинополя, чтобы

присоединить Сицилию к Византийской империи, прежде чем двинуться на отвоевывание Италии у остготов, его войска повсюду на острове встретили радушный прием, и остготские гарнизоны отступили без боя. До окончания войны в Италии остготы совершали набеги на остров, но, в отличие от самой Италии, он избежал опустошения.[2]

Последовал короткий период затишья, во время которого, правда, судя ко всему, на острове появились малярийные комары, неся с собой страшную болезнь, и в низко расположенных районах население стало сокращаться. В середине VII в. несчастья продолжились. Мусульмане завоевали Сирию и Египет, а поскольку они планировали расширять свою империю на запад, Сицилия была их очевидной целью. Их первый набег на остров датируется 652г., но только после того, как они завоевали противоположное побережье Африки в начале VIII в., натиск стал по-настоящему серьезным. Между тем был такой момент, когда казалось, что Сицилия может стать центром возрожденной Европы. Император Констант, отчаявшись удержать восток против исламского нашествия, планировал перенести столицу из Константинополя обратно в Старый Рим. Когда оказалось, что его идея невыполнима, он обосновался в Сиракузах. Но его чиновники были напуганы тем, что он решил оставить Константинополь, и в один день 668 г., когда император принимал ванну, один из придворных убил его ударом мыльницы по голове. После смерти Константина правительство вернулось в Босфор.[3]

В течение VIII в. византийские императоры смогли удерживать власть над Сицилией. Произошло, правда, несколько локальных конфликтов из-за недовольства островитян иконоборческой политикой императоров Исаврийской династии. Но в то же время греческая составляющая на острове усилилась. Не предпринималось никаких попыток навязать иконоборчество на острове; многие иконопоклонники с востока нашли там убежище; к тому же императоры в свете их конфликта с Римской церковью, а также из соображений административного удобства перевели провинцию из подчинения Римской епархии, к которой Сицилия принадлежала прежде, в Константинопольскую. В IX в. мусульманские вторжения из Африки приняли серьезный оборот. Поводом было восстание одного из местных правителей, Евфимия, который провозгласил себя императором и призвал на помощь арабов. Захватчики высадились на острове в 827 г. Евфимий был вскоре убит, но арабы не ушли. В 831 г. они взяли Панорм, или Палермо, который переименовали в аль-Мадинах и сделали его своим опорным центром. Они продвигались медленно, если не считать западную

часть острова, древнюю финикийскую территорию, где греческое влияние было самым слабым. Но в 842 г. они взяли Мессину, а в 857 или 858 г. — Кефаледий. Двумя годами позже захватчики укрепились в центральной части острова, взяв штурмом с помощью предателя почти неприступную крепость Генна, или Кастроджованни. Императоры сделали все возможное, чтобы спасти остров, но византийский флот, который пришел в упадок при Исаврийской династии, лишь недавно начал возрождаться. Византийцы сумели спасли Южную Италию, куда арабы тоже вторглись, но когда византийская столица Сицилии, Сиракузы, пала в 878 г., они ушли с острова. Таормина продержалась до 902 г., а несколько деревень на склонах Этны — чуть дольше, но к концу IX в. остров был под прочным арабским контролем.[4]

Арабы внесли оживление в сицилийский уклад. Они привезли лимон и апельсин, хлопок и сахарный тростник; правда, они быстро довершили начатое сицилийскими козами, расточительно вырубая леса. Арабы были прекрасными торговцами; в период их правления Палермо превратился в международный рынок, где купцам из христианских городов Италии были так же рады, как мусульманским купцам из Африки и с Востока. Многие поселенцы, арабы и африканцы, пришли вслед за своими армиями на остров, особенно на восточную его часть; но христиан это очень мало обеспокоило. И в самом деле, с финансовой точки зрения их жизнь стала, возможно, даже лучше, чем при византийском правлении, поскольку налоги были не слишком высокие, и крестьянам не приходилось оставлять свои поля ради службы в армии. Правда, шли многочисленные мелкие войны. Вначале арабские эмиры сохраняли верность африканским Аглабидам✧A⊙, но когда Аглабидов сменили неортодоксальные Фатимиды✧B⊙ и Зириды, сицилийские правители провозгласили независимость и стали сражаться между собой и против африканцев, пытавшихся снова подчинить их. В начале XI в. византийцы попытались отвоевать остров и даже преуспели в этом на какое-то время, но им пришлось отвлечься на нормандцев, вторгшихся в византийскую Италию.[5] В 1060 г. нормандцы решили завоевать Сицилию. Они уже захватили большую часть Южной Италии и поняли, что для того, чтобы создать сильное королевство, им необходимо также установить контроль над Сицилией. Но в то время как завоевания в Италии совершались группой баронов под предводительством Роберта Готвильского по прозвищу Гвискард и его союзников из числа лангобардской аристократии, завоеванием Сицилии занимались лишь Роберт Гвискард и его младший

брат Рожер. Это оказалось долгим делом, поскольку у Готвилей было мало своих войск, и Гвискарду приходилось отвлекаться на проблемы на материке, а у Рожера, который и сделал большую часть работы, под началом часто оставалось не больше ста рыцарей. Но появление нормандцев приветствовалось христианским населением, а их успеху способствовал разлад в среде мусульман. Трое эмиров — эмиры Тра-пани, Палермо и Джирдженти, — поделившие между собой контроль на острове, завидовали друг другу. Союз с Ибн ад-Тимнахом, эмиром Палермо, позволил норманнам получить плацдарм на острове. Они захватили Мессину в 1061 г. Первая их попытка взять Палермо в 1064г., вскоре после смерти Ибн ад-Тимнаха, потерпела неудачу, но в 1068г. они разбили армию, посланную Зиридами из Африки для освобождения острова, после чего нормандцы стали медленно, но верно продвигаться дальше. После взятия Сиракуз в 1085 г. и Бутеры с Ното в 1088 и 1091 гг. завоевание острова было успешно завершено. Пока Роберт Гвискард был еще жив, он провозгласил совместное владение островом. Он заявил о своих правах сюзерена по отношению к брату, но Рожер удержал за собой титул графа Сицилийского и контроль над островом и над Калабрией. После смерти Гвискарда в 1085 г. его наследники были слишком слабы, чтобы отстаивать свои права, и граф Рожер стал править как независимый государь под верховным сюзеренитетом Папы Римского, который наделил нормандских правителей полномочиями завоевывать земли в Средиземноморье.

Рожер умер в 1101 г., и после него правил его восьмилетний сын, Симон, под регентством вдовствующей графини Аделаиды Савойской. Симон умер через два года, и после него правил его брат Рожер II, которому к тому времени тоже исполнилось как раз восемь лет. Аделаида правила как регентша до 1112г., когда Рожеру исполнилось семнадцать, а она сама была вовлечена в пагубный для нее брак с разведенным королем Иерусалимским Балдуином I.

Рожер II унаследовал все могущество и все амбиции своей семьи. Он был намерен сделать Сицилию силой международного значения, господствующей в Средиземноморье. Его попытки установить контроль над акваторией Средиземного моря, завоевав побережья Туниса напротив Сицилии, оказались неудачными, но он достиг своей цели, завладев Мальтой и создав мощный флот. В 1127г. правитель нормандской Италии Вильгельм I, герцог Апулийский, внук Гвискарда, умер. Несмотря на противостояние папству и законные права князя Антиохийского, другого внука Гвискарда, Рожер завладел итальянским наследством. В 1130 г. он получил титул короля Сицилии и в Рождество того же года был коронован в

кафедральном соборе Палермо. За время своего последующего двадцатичетырехлетнего правления Рожер сделал свое королевство серьезной силой в европейской политике. Он постоянно ссорился с Папой и с германским императором, которым не нравилось усиление его власти. Рожер провел несколько удачных атак на византийские территории, держал мусульман Туниса в постоянном страхе. В то же время он строго и рассудительно управлял своими владениями и старательно поощрял развитие торговли.

Его сын Вильгельм I, правивший в 1154—1166 гг., продолжил политику отца, хотя был более постоянен в своей поддержке папства, которому угрожал император Фридрих Барбаросса. Вильгельм I из-за своей жестокости и непопулярности своих советников получил прозвание «Злой», и в его владениях, как на Сицилии, так и на материке, произошло несколько бунтов. Но справедливость и законность его правления не вызывали сомнений. Правление его сына Вильгельма II, пережившего трудное время до своего совершеннолетия, оказалось более спокойным; его удостоили прозвания «Добрый», Данте же отвел ему место в Раю после смерти. Но в основном он придерживался курса, выбранного его отцом и дедом. Вильгельм II умер в 1189 г.

Правление трех этих нормандских королей принято считать золотым веком в истории Сицилии. Около столетия остров был центром сильного и процветающего королевства, короли предпочитали его своим владениям на материке. Палермо был их столицей и их любимой резиденцией. И в самом деле, и Вильгельм I, и Вильгельм II нечасто покидали это место, где они вели жизнь, больше напоминавшую жизнь арабских султанов, чем жизнь средневековых христианских правителей, сознательно копируя в своих придворных церемониалах иератический стиль Византии. Их система правления основывалась на феодальных связях, что было необходимо для их территории на материке, где, в силу обстоятельств завоевания, находилось несколько крупных бароний, которые непрочно держались под властью короны, и королям приходилось постоянно прилагать усилия, чтобы их власть признавали. На Сицилии же, где графу Рожеру в его завоеваниях помогала лишь незначительная часть знати, было пожаловано мало феодов, и все они были небольшие по размеру. Этот правитель оставил большую часть острова в своем королевском владении. При византийцах и при мусульманах города являлись практически независимыми государствами со своим правительством. Когда король забрал себе большую часть острова, феодализация на Сицилии едва стронулась с места, но в будущем это должно было привести к лишениям и

беспорядкам. Реальная власть над островом, а по мере возможности и материком, была сосредоточена в королевской курии, которая представляла собой любопытную комбинацию феодальной, византийской и мусульманской систем правления. Титулы были в большинстве своем арабские или греческие. Управление провинциями осуществлялось не местной знатью, а чиновниками, назначенными курией. За редким исключением, никому из вассалов не было позволено вершить суд, хотя они и пользовались всеми другими феодальными правами. Городами управляли люди, назначенные королем.

В королевстве говорили на нескольких языках. На материке, за исключением Калабрии, в общее употребление вошел один из диалектов итальянского, а на острове большая часть населения говорила по-гречески; были также большие колонии мусульман, говоривших по-арабски, и несколько еврейских поселений. Двор говорил на нормандско-французском наречии, и росло число чиновников и приезжих с материка, говоривших на французском и итальянском. Законы и указы выходили на латыни, греческом и арабском. У мусульман были свои суды, где судили по законам Корана, византийское право было сохранено для греков. Мусульманам разрешалось свободно молиться в мечетях. Были попытки насадить католицизм среди греков, но от них вскоре отказались: богослужения продолжали идти в соответствии с греческим каноном, но греческое духовенство должно было признать верховную власть Католической церкви. Поскольку новый правящий класс исповедовал католическое христианство, на Сицилии наблюдается постепенный сдвиг в сторону католицизма, что нашло свое отражение в разговорном языке. Короли жестко контролировали церковь в своем государстве. Папство даровало им право быть постоянными папскими легатами; они заявляли, что «коронованы самим Господом», и сомневаться в их законах и решениях считалось святотатством. Но Папа объявил себя верховным владыкой королевства, и был признан таковым.

Основной отличительной чертой нормандского правления было успешное привнесение гармонии в различные сферы жизни на Сицилии. Все заговоры и восстания были результатом деятельности чужеземной аристократии. Простой сицилиец с благодарностью относился к власти, которая хотя и была суровой и проявляла, быть может, чрезмерную опеку, но зато обеспечила ему справедливое правосудие и процветание, какого не знали его предки. Короли поддерживали торговлю и ремесла. Они создали и субсидировали большой торговый флот. Во время похода на Грецию Рожер II захватил в плен искусных ткачей шелка для развития

зарождавшихся на острове шелковых мастерских. Оказывалось покровительство художникам различных стран и направлений. Великие храмы нормандской Сицилии служат идеальной иллюстрацией развивавшейся цивилизации: нормандские зодчие использовали искусство греческих и мусульманских каменщиков и византийские строительные приспособления, арабских декораторов и византийских мастеров мозаики; все это вместе объединилось в гармоничный и уникальный стиль. При дворе арабские портные вышили для короля христианские тексты арабскими буквами на парадной мантии. Придворные посты занимали люди разного происхождения: адмирал Георгий Антиохийский, урожденный грек, епископ Сиракуз Ричард Палмер, англичанин, или ставший епископом Агридженто венгерский еретик. На арабских путешественников (таких, как Ибн Джубайр) глубокое впечатление производило процветание мусульманских областей, подчиненных королю. Ибн Джубайр обратил особое внимание на госпитали и богадельни, содержавшиеся на средства и мусульман и христиан; он также с интересом отмечал, что христианские женщины на острове подражали мусульманкам: они надевали чадры и абы, выходя из дома, и никогда не вмешивались в разговор.[6]

Таким образом, на Сицилии к концу XII в. население состояло из традиционно враждебных групп, но тем не менее мирно сосуществовавших и двигавшихся уже в направлении подлинного национального самосознания. Нормандским королям, как бы спесивы и неразборчивы в средствах они ни были, следует воздать должное за это невероятное достижение. Но золотой век был недолог. Королевская семья начала редеть. Когда в 1189 г. Вильгельм II умер, наследовать ему должна была сводная сестра его отца (посмертная дочь Рожера II) Констанция. Четырьмя годами ранее, в возрасте тридцати одного года, Констанция вышла замуж за старшего сына германского императора Фридриха Барбароссы, Генриха Гогенштауфена, который был младше ее на одиннадцать лет. Генрих и Констанция заявили свои претензии на трон; право Констанции унаследовать корону было утверждено парламентом Сицилийского королевства во время ее помолвки. Но ни на Сицилии, ни на материке никому не нравилась перспектива восшествия на престол германского короля. В результате интриг корона перешла к Танкреду, графу Лечче, незаконнорожденному внуку Рожера II. Генрих Гогенштауфен был слишком занят в Германии, исполняя обязанности регента, в то время как его отец отправился в Третий крестовый поход (в котором, кстати, и погиб годом позже), и не мог пойти на юг защищать право своей жены на Сицилийское

наследство.

Правление Танкреда было неспокойным. Знать его недолюбливала, мусульмане бунтовали против него. Танкред заключил в тюрьму вдову своего предшественника, Иоанну Английскую, и прибытие ее брата, Ричарда Львиное Сердце, отправившегося в крестовый поход и по пути заглянувшего на Сицилию, поставило Танкреда в еще более затруднительное положение, которое ничуть не улучшилось с одновременным прибытием французского короля. Танкреду удалось в конечном счете заручиться дружбой Ричарда, обещавшего ему союз против Генриха и Констанции, но это принесло сицилийскому государю мало пользы, поскольку оскорбило французского короля, а английская армия отправилась дальше в крестовый поход. В 1191 г. Генрих вошел в Италию, был коронован в Риме и стал императором. Он двинулся на юг, дошел до Неаполя и Салерно, где оставил императрицу Констанцию. Затем ему пришлось отступить, и Констанция попала в руки к Танкреду, но по приказу Папы ее вскоре отпустили. Император не смог возобновить военные действия до 1194г. В начале 1194г. Танкред умер, оставив престол своему малолетнему сыну Вильгельму III при регентстве своей вдовы, королевы Сибиллы. Когда Генрих, к тому времени уже упрочивший свою власть в Германии, появился на юге Италии во главе огромной армии, сопротивление было бесполезно. Сибилла сдалась на условиях, которые не были выполнены. Она сама оказалась в заточении, многие из ее соратников подверглись жестокой расправе, а малолетний король канул в неизвестность.[7]

Генрих был возведен на сицилийский престол, коронация прошла в Палермо на Рождество 1194 г. Констанция не присутствовала на церемонии, она содержалась под охраной в маленьком апулийском городке Еси в ожидании рождения ребенка. Поскольку ей было уже сорок лет и на протяжении девяти лет супружества у нее не было детей, были приняты меры, чтобы исключить все сомнения в подлинности ее материнства. Не менее девятнадцати кардиналов и епископов собрались в шатре на рыночной площади Еси, где 26 декабря Констанция родила сына, которого нарекли Фридрихом.[8]

Генрих был суровым правителем, и вскоре его возненавидели на Сицилии даже больше, чем на материке. Это был умный, но холодный человек, чьи честолюбивые устремления подчинить своей самодержавной власти всю территорию Германии и Италии от Северного моря до Африканского пролива и сделать их наследственными владениями его

семьи почти увенчались успехом. Но сицилийцы, которыми до недавнего времени правили местные государи, соблюдавшие интересы островного населения, не имели ни малейшего желания плестись в хвосте этого имперского обоза. Генрих надеялся задобрить сицилийцев, назначив императрицу родом с Сицилии регентшей на острове и принадлежащей острову территории на материке; но при этом Констанцию он рассматривал лишь как свое орудие. В действительности правил германский сенешаль, Мар-квард фон Аннвейлер, и его власть была подкреплена германскими войсками. Констанция напрасно протестовала. В 1197 г., когда Генрих вновь приехал на Сицилию, имел место заговор с целью убить его, и, судя по всему, Констанция и Еапа были к нему причастны. Генриха вовремя предупредили, и в результате он стал править куда более сурово, чем прежде. Все вздохнули с облегчением, когда несколько месяцев спустя, 28 сентября 1197г., император умер в Мессине от внезапного приступа дизентерии.[9]

Смерть Генриха не принесла мир на остров. Вдовствующая императрица взяла бразды правления в свои руки, прогнав германцев и окружив себя местными сановниками. Но ее власть была непрочной. К счастью, она нашла деятельного друга и наставника в лице Иннокентия III, нового Папы, избранного в январе 1198г. Сама императрица была уже слаба здоровьем и тревожилась за будущее своего сына. Она составила завещание, согласно которому после ее смерти королевством должен был править Государственный совет, но сын Констанции попадал под опеку Папы. Фридрих в возрасте трех с половиной лет был официально коронован в Палермо в мае 1198г. Через шесть месяцев Констанция умерла.[10]

Детские годы Фридриха вплоть до его совершеннолетия были беспокойными и несчастливыми как для королевства, так и для короля. Иннокентий, будучи сюзереном королевства и опекуном юного короля, тщетно пытался контролировать правительство. Плелись бесконечные интриги и шли мелкие войны между Вальтером Палеарским (канцлером и главой Государственного совета), бывшим сенешалем Марквардом и еще одним германем, Дипольдом фон Фобургом, которому Генрих даровал власть над Салерно. Одна из дочерей Танкреда сбежала из плена, и ее муж Готье де Бриенн получил от Папы обширные владения в Апулии и стал военачальником понтифика Папы в королевстве, не оставив, правда, при этом претензий своей супруги на престол. Пизанцы и генуэзцы бились друг с другом на побережьях, в особенности — в районе Сиракуз, каковые и

были заняты последними. К счастью для королевства, Марквард умер в 1201 г. в результате неудачной операции по удалению камня, а Готье де Бриенн — от ран в 1205 г. Вальтер Палеарский и Дипольд подчинились Папе, который прислал своего племянника, Герарда, кардинала церкви Св. Адриана, в качестве папского легата для надзора за сицилийским правительством. Следующие два года протекли более спокойно, не считая кровавого бунта мусульман и постоянных грабежей, учиняемых германскими авантюристами.[11]

В декабре 1208 г. Фридриху исполнилось четырнадцать и его несовершеннолетие закончилось. Он принял власть в разоренном королевстве. Коронных земель почти не осталось — Папа роздал большую часть поместий; различные сеньоры заняли земли, с которых их нельзя было согнать. Только благодаря подношениям от крупных городов Фридрих получил достаточно денег, чтобы начать править. Папа, получавший по завещанию Констанции ежегодно более тысячи унций золота в награду за опекунство над королем, а также возмещение всех расходов на защиту королевства, заявил, что потратил еще 12 800 унций золота на поддержание порядка на острове. Фридрих начал царствовать с этим долгом на шее.

При Фридрихе остров возвратил себе часть былого величия. Фридрих любил Сицилию больше, чем все остальные свои владения. Он вырос во дворце в Палермо, окруженном прекрасными садами, и всю жизнь повторял, что только там чувствовал себя дома. Там располагался его двор, там родились его дети, но сам Фридрих редко там появлялся. У него было слишком много дел. Со временем он навещал остров все реже и реже, предпочитая свободное время проводить на отдыхе в одном из своих замков или охотничьих домиков на материке в Апулии. Фридрих обеспечил Сицилии справедливое и упорядоченное правление: он реформировал законы таким образом, чтобы искоренить коррупцию как в общественных, так и в частных делах, выгнал генуэзцев, которые эксплуатировали остров из своей колонии в Сиракузах. Но Фридриху пришлось применять силу, чтобы добиться желаемого. Он был непопулярным правителем. Сицилийцы помнили, что он сын жестокого германца — Генриха VI. Они видели, что его честолюбивые планы простираются на Северную Италию и дальше за Альпы. И императорская коронация Фридриха в 1220 г. не вызвала у них энтузиазма. Хоть Фридрих и оставил свою жену Констанцию Арагонскую регентшей на Сицилии, она не снискала преданности своих подданных. В 1212 г. начался страшный голод. Сарацины на острове под предводительством разбойника Морабита подняли восстание, и прошло

десять лет, прежде чем оно было подавлено, а Морабит повешен в Палермо. Тогда всех мусульман выслали на материк, в северную Апулию. Только после этих кампаний, проведенных в 1222 и 1223 гг., знать, поднимавшая локальные бунты, была сломлена, а ее земли конфискованы в пользу короны.

Фридрих был деятельным, но жестоким королем. Реформа законодательства, которую он провел, была справедливой, но он насаждал новые законы силой. Кроме того, для успешного ведения войн людей призывали в армию, и чтобы содержать армию, были подняты налоги. После наведения порядка деспотизм Фридриха был направлен в мирное русло: он поддерживал торговлю и производство, так же как и его нормандские предки, основывал новые города и привлекал иммигрантов, которые могли оказаться полезными, установил твердую монету и снизил пошлины на ввоз товаров. Убедившись, что все его подданные обеспечены справедливым судопроизводством, Фридрих дал им возможность получать образование в новом университете, который основал в Неаполе. Правление Фридриха принесло на остров мир и процветание, несмотря на высокие налоги и утечку мужского населения. Но сицилийцы понимали, что все уже иначе, чем во времена нормандских государей, при которых Сицилия находилась в сердце независимого королевства. Тогда провинции на материке управлялись из Палермо, и нормандские короли, несмотря на все свои амбиции, остались по существу королями Сицилии. Теперь же король Сицилии был также и императором и правителем Северной Италии. Даже в самом Сицилийском королевстве Фридрих не оказывал предпочтения острову перед материком. Он пытался привнести равенство в отношения двух этих территорий, и к тому же военные нужды действительно заставили его сосредоточить внимание больше на материке, чем на острове. Непрерывные распри Фридриха с Папой смущали набожных жителей острова, особенно если учесть, что он, в отличие от нормандских королей, так и не добился от папства статуса легата и официального контроля над сицилийской Церковью. Население острова так и осталось преимущественно греческим, хотя число католиков резко увеличивалось, и выкресты из ислама, которые остались на Сицилии, когда всех мусульман выслали, похоже, ассоциировали себя с ними. Но, несмотря на разношерстность сицилийцев, их национальное самосознание становилось все сильней, основываясь на затаенном негодовании. Сицилия после короткого периода независимости оказалась затянутой в трясину европейской политики. Пока был жив блистательный император, все могло быть хорошо, поскольку он был добрым правителем и все знали, что сердце

его принадлежит Сицилии (даже если некоторые его действия говорят об обратном). Однако невозможно было предсказать, как обернутся дела при менее могущественном государе, если горделивые сицилийцы не получат должного уважения и внимания, которые считали своим несомненным правом.[12]

Глава I. СМЕРТЬ АНТИХРИСТА

В январе, в самом начале 1251 г., в Лион, где Папа Иннокентий IV жил в изгнании, прибыл посланник. Он ехал так быстро, как только позволяла зимняя непогода, чтобы принести важную весть: три недели назад в декабре 1250г. император Фридрих II умер от скоротечной лихорадки в замке Фиорентино в Южной Италии. Взволнованному Папе казалось, что теперь все беды Церкви закончились: антихрист погиб, «род гадюк» потерял своего предводителя. «Да возрадуются небеса, — тут же написал он к верующим на Сицилии, — да наполнится весельем земля, ибо с падением тирана Господь Всемогущий сменил бури и грозы, которые посылал на ваши головы, на ласковый ветерок и питающий влагой дождь». Радость Иннокентия разделили его друзья и сторонники по всей Европе. Им казалось, пришло время, пока вражеские силы оплакивают своего вождя, нанести удар и уничтожить их. В послании, адресованном народу Милана, папский легат Григорий Монтелонгийский призывал к насилию с мстительным ликованием, имевшим мало общего с христианским милосердием.

Легко понять радость Папы, поскольку папству за всю его долгую историю никто не оказывал сопротивления столь грозного, как Фридрих II Гогенштауфен. Он был императором и одновременно главой самой могущественной семьи в Германии. От матери он получил в наследство Сицилийское королевство с принадлежавшими ему землями Италии, простиравшимися от оконечности полуострова до самых предместий Рима. Его дед Фридрих I Барбаросса снискал больше блеска и славы, чем любой другой император со времен Карла Великого. Отец Фридриха II, Генрих VI, был даже более могущественным и жестоким государем. Проживи он дольше, он мог бы сделать императорский трон наследственным достоянием династии Гогенштауфенов. Папство боролось с обоими императорами, поскольку их концепция императорской власти противоречила папской концепции мировой теократии во главе с преемником Св. Петра. С Барбароссой папство заключило перемирие. Генрих VI, получив благодаря своей женитьбе на Констанции Сицилийское королевство, что существенно увеличило его возможности, казалось, был близок к победе, но внезапно умер. Его сын Фридрих был еще мальчиком, слишком юным, чтобы воссесть на императорский трон, за который бились разные претенденты, погружая империю в хаос. Папство восторжествовало

при блистательном Иннокентии III, но он, как бы ни была велика его власть, боялся распада империи. Вдова Генриха Констанция Сицилийская умерла вскоре после своего мужа, и когда она, чтобы обеспечить безопасность своему сыну, оставила его на попечительство Папы, Иннокентий совершил серьезную ошибку. Положившись на благодарность мальчика, он заявил его права на имперское наследство. Фридрих II стал королем Германии в 1215 г., когда ему был двадцать один год, а тремя годами позже он стал императором.

Папа Иннокентий умер в 1216г., так и не узнав, какие беды принесет церкви его подопечный. Преемник Иннокентия, Гонорий III, который был наставником Фридриха, вскоре обнаружил, что на молодого императора религиозное воспитание оказало мало влияния и что тот не чувствует себя связанным чувством благодарности по отношению к папству. Фридрих обещал, что в обмен на императорскую корону он уступит сицилийский престол своему несовершеннолетнему сыну, а сам отправится в крестовый поход. Но став императором, не выказывал ни малейшего желания выполнить первое обещание и не слишком торопился выполнять второе. Гонорий был добросердечным человеком и не хотел думать плохо о своем бывшем воспитаннике. Он, хоть и не без укоризны, позволил Фридриху действовать на свое усмотрение. Но Гонорий умер в 1227 г., а его преемник, Григорий IX, уже не был склонен к компромиссам. Он не любил Фридриха и не доверял ему. Григорий выразил протест против удержания Сицилии за императором, предал Фридриха анафеме за то, что он не отправился в крестовый поход, и снова предал анафеме, когда тот все-таки отправился в Святую Землю. Успех Фридриха в Святой Земле, где он вернул Иерусалим христианам, был небескорыстным, поскольку он женился на наследнице Иерусалимского королевства; впрочем, и сами победы Фридриха были ненадежны, как ясно видела знать Иерусалимского королевства. Он умело воспользовался временной слабостью мусульман, чтобы достигнуть соглашения, которое легко могло быть нарушено, как только мусульмане восстановят свои силы. Но возвращение Иерусалима обеспечило ему уважение в Европе, и когда Фридрих, вернувшись, обнаружил, что на его итальянские земли вторглись папские войска, всеобщие симпатии были на его стороне. Нападение Папы на земли крестоносца, воевавшего в Святой Земле, взбудоражило общественное мнение христианского мира. Даже Людовик Святой, король Франции, был потрясен. И когда Папа вскоре стал проповедовать Священную войну против императора, сама эта идея стала казаться нелепой. Но Папа был непреклонен. Жестокое противостояние длилось весь период его понтификата и было продолжено его

преемниками.

С материальной точки зрения Папа не мог соперничать с империей. Папство зависело от добровольных пожертвований верующих. Преимущество Папы заключалось в обширной, хорошо построенной церковной организации, главой которой он являлся, но он не мог рассчитывать ни на покорность всех своих епископов, ни на регулярное поступление причитающихся ему десятин и налогов. У него не было своей армии, если не считать рекрутов, набиравшихся в папском государстве. Он мог бы воззвать к сочувствию итальянских гвельфов, но те были повсюду слишком заняты борьбой с гибеллинами, чтобы чем-то еще помочь Папе. Даже его собственная Римская епархия часто изменяла ему. Римлянам нравилось править самостоятельно и назначать своих чиновников и сенаторов. Многие Папы были вынуждены половину своего понтификата провести в изгнании.

Преимущество было в основном на стороне императора, но его власть на самом деле никогда не была такой могущественной, какой казалась. У него не было того контроля над Германией или над Северной Италией, какой был у его деда. За годы, прошедшие после смерти Генриха VI, князья Германии и власти итальянских городов приобрели такую независимость, какую Барбаросса никогда бы не потерпел. В Германии, чтобы получить поддержку местных князей, Фридрих II был вынужден подкупить их, дав им большие полномочия. В Италии он мог положиться скорее на аристократов, симпатизирующих империи, чем на собственных императорских чиновников. Во время его правления в большинстве итальянских городов возникла императорская партия, обычно называемая партией гибеллинов — в честь родового замка Гогенштауфенов в Вайблингене, в противовес папистский партии, обычно называемой партией гвельфов — в честь династии Вельфов Саксонских, — которую Папы поддерживали в борьбе против Гогенштауфенов. К тому времени Папа стал всего лишь главой партии итальянских гвельфов так же, как император стал всего лишь главой партии гибеллинов. Для императора, в значительно большей степени, чем для Папы, это означало отказ от власти. У Фридриха никогда не было большой армии. Германские князья неохотно давали ему войска, и он не мог позволить себе отстаивать там свои интересы. Итальянские гибеллины думали только о борьбе с местными гвельфами. Фридрих всецело зависел от войск, собранных в его собственном королевстве на юге Италии. Армия Фридриха никогда не насчитывала больше пятнадцати тысяч людей, из которых лишь немногие были хорошо подготовленными воинами. Народное ополчение какого-

нибудь маленького итальянского городка могло сопротивляться ему, укрывшись за городскими стенами, долгие месяцы. Он мог быть императором и королем Германии, Бургундии, Сицилии и Иерусалима, но за его громкими титулами было слишком мало реальной власти, чтобы удержать эти земли за собой.

Однако в этом противостоянии дело было не столько в материальном и численном превосходстве, сколько в престиже и общественном мнении. На стороне Фридриха II было очарование, все еще связанное со словосочетанием «Римская империя». Человек средневековья, уставший от свалившихся на него бед, оглядывался назад в надежде вернуть времена великого мирового господства Древнего Рима, чьи правители построили дороги, которыми в то время еще продолжали пользоваться, и канализацию и акведуки, которые потихоньку приходили в негодность; человек средневековья мечтал об императоре, который вернет утраченное величие. Карлу Великому это почти удалось, а позднее — Фридриху Барбароссе. Фридрих II унаследовал вместе с титулом уважение и надежду людей, все еще преданных имперской идее. Он сам прекрасно это осознавал. Его целью было сделать свою номинальную власть реальной, стать Цезарем, наследником Константина и Юстиниана, а не только Карла Великого. Выросший в Сицилии, где его нормандские предки создавали свой двор, в подражание византийскому, он жаждал того могущества, каким обладали византийские императоры, которые, подобно наместникам Бога на земле, хоть и почтительно относились к церкви, но на самом деле обладали высшей теократической властью. Императорская корона никогда прежде не украшала столь умную голову. С точки зрения интеллекта Фридрих был в числе самых выдающихся людей своего времени. Он был талантливым лингвистом, свободно владевшим французским, германским и итальянским, латынью, греческим и арабским. Он хорошо знал право, медицину и естественную историю, интересовался философией. Хоть внешне он и не представлял интереса — низкорослый и склонный к полноте, рыжеволосый, краснолицый, близорукий, он при желании мог кого угодно очаровать своим умом. Казалось, его способности должны были бы ему помочь в достижении поставленной цели, но получилось, что он стал жертвой собственного ума. Император, которого люди хотели видеть, должен был быть традиционной, патриархальной фигурой, вроде Барбароссы и Карла Великого, а не человеком, нетерпимым к условностям феодального мира. Фридрих презирал глупцов и высмеивал нравоучительное благочестие. Ему нравилось ошарашивать людей смелостью своего мышления. Он не принимал во внимание чужие

слабости, а его вера в свое высокое предназначение привела его к тому, что он отбросил понятия чести, которых принято было придерживаться в его время. Он потакал своим слабостям и был довольно жестоким человеком. В своем пресловутом гареме в Палермо он держал в заточении, с высокомерным пренебрежением, несчастных юных княгинь, на которых по очереди женился. Для своих законных сыновей, которые придерживались более традиционных взглядов, Фридрих был суровым и невнимательным отцом. У него были преданные поклонники, но очень мало друзей. Мир в основном относился к Фридриху с подозрением. Других монархов, которые были готовы поддержать его против папства, император оттолкнул своим аморальным поведением и богохульством. Для своих врагов, напуганных его необычным умом и бесстрашием, Фридрих был воплощением антихриста.[13]

Никто из Пап, боровшихся с Фридрихом, не был так умен, как он. Гонорий III был добродушным, но беспомощным человеком. Григорий IX и Иннокентий IV были людьми суровыми и волевыми, оба — неутомимые слуги Церкви, но ни один из них не обладал широтой или оригинальностью мышления. Папство, однако, меньше зависело от личных качеств своего вождя, чем империя. В империи была заключена смутная ностальгическая идея, которую можно было реализовать только при мудром, уважаемом и сильном императоре. Устройство империи было довольно расплывчатым и бесформенным. Папство же опиралось на поколения церковных юристов и мыслителей. Оно было тщательно организовано, чтобы оказывать влияние на весь христианский мир. Его права и претензии были четко сформулированы. Фридрих мог сколь угодно справедливо сомневаться в подлинности «Константинова дара», но в тот век слепой веры немногие разделяли его сомнения. Папа, как наследник Св. Петра, мог утверждать, что его должность была учреждена Христом и что она возносит его, пусть даже простого смертного, над грешным человечеством. У сана же императора, несмотря на весь блеск, не было божественного происхождения. Коронация могла поставить его выше других людей, но он оставался грешным человеком, и именно Папе надлежало проводить коронацию. Благодаря своей отлаженной структуре и религиозному престижу папство было сильнее империи; но у него была возможность проиграть. Церкви плохо служили ее слуги. Поступало все больше жалоб на приверженность духовенства земным благам и на его алчность, праздность и потакание собственным слабостям. Религия все еще процветала среди мирян, но духовенство больше не служило образцом для подражания. Святые все еще встречались, но их редко можно было найти

на епископской кафедре. Напротив, святыми становились простые люди, вроде Франциска Ассизского, на чью деятельность власти смотрели с некоторым подозрением. И хотя Папы сами демонстрировали

благочестие, которое вызывало уважение, их дело было осквернено средствами, которые они использовали. Поскольку власть папства держалась скорее на духовном превосходстве, чем на материальном, понтифики не устояли перед соблазном и использовали духовное оружие излишне расточительно. Папа Григорий VII унизил короля Германии в Каноссе, отлучив от церкви, но на самом деле подчиниться Генриха IV вынудили дипломатические соображения. Даже Папа Иннокентий III своими успехами во многом обязан своему политическому чутью. Анафема, которая не предусматривает никакого физического воздействия, может быть эффективной, только когда моральная сторона вопроса была абсолютна ясной. То же можно сказать и о Священной войне. В этом случае обещания духовного вознаграждения недостаточно, пока дело не станет по-настоящему привлекательным с моральной точки зрения. Или же требовался материальный стимул. Урбан II организовал Первый крестовый поход в атмосфере подлинного религиозного энтузиазма, но многие крестоносцы шли также в надежде получить часть пресловутых богатств Востока. Крестоносцы, которых Иннокентий III отправил воевать с альбигойскими еретиками, были суровыми, честолюбивыми людьми, откровенно стремящимися к личной выгоде; Иннокентий, несмотря на весь свой авторитет, не смог помешать рыцарям Четвертого крестового похода нарушить его приказ; крестоносцы нашли более выгодную цель, чем безнадежное дело защиты христи-ан в Палестине. Когда Григорий IX и Иннокентий IV призывали к Священной войне против императора, людей останавливали не только моральные соображения, они просто не видели в этой войне никакой для себя выгоды. Было похоже, что папство использует Священную войну просто ради своих политических целей, и это были цели, достижения которых не желали многие добрые христиане.

Не следует судить пап слишком строго. Они ясно видели — чтобы достичь идеальной теократии Григория VII[✧I⊙], которая на самом деле отнюдь не являлась идеальной, такие противники, как Фридрих II, должны быть побеждены любой ценой. Но в действительности им не было нужды так стараться. Империя уже проиграла битву, разрыв между идеалом и реальностью был значительнее, чем в случае с папством, и она еще меньше была готова выдержать долгую борьбу. Блестящие личные качества Фридриха II дали империи последнюю пугающую видимость величия, но он ничего не мог сделать, чтобы спасти ее. Настоящую угрозу для Пап

представляло совсем не то, чего они боялись: опасно было не то, что империя может восторжествовать, а то, что, разгромив империю, папство таким образом может совершить самоубийство.

Мудрый наблюдатель мог уже видеть, что время прежней многонациональной империи прошло. Стремление человечества к миру и покою, которые может обеспечить одно всемирное государство, не угасло, и никогда не угаснет. Но трудности на пути к достижению единства теперь были очевидны. Национальные нужды и традиции различались все сильнее, плохо развитые коммуникации создавали слишком много барьеров. Стали возникать исходя из географической целесообразности новые небольшие унии. Император, несмотря на свой вселенский титул, в действительности был лишь королем земель Центральной Европы, причем королем, чья власть зиждилась на привнесенной идее, в отличие от его собратьев во Франции и в Англии, чья власть глубоко укоренилась в реальности. В следующем столетии у империи нашлись красноречивые адвокаты, но они защищали уже проигранное дело. Будущее было за национальными королевствами. Не только Западная империя переживала упадок. По всему миру гибли империи раннего средневековья. Законный наследник Рима, Византия, где сохранялись римское право, греческий язык и культура и Православная церковь, связавшая людей различных национальностей в единое государство с городом, который Константин сделал столицей, в течение девяти веков оставалась подлинным наднациональным христианским государством. Но бесконечные нападения врагов на всех фронтах сократили территорию этого государства, а социальные и экономические проблемы истощили его силы. Турки вторглись в Малую Азию, нормандцы из Северной Италии и с Сицилии представляли постоянную угрозу для европейских провинций империи. Славянский национализм привел к восстанию на Балканах. В 1204г. сам Константинополь — момент особенной слабости — пал под натиском союзников венецианцев и рыцарей, связанных обетом пойти в Четвертый крестовый поход. Латинская империя, основанная крестоносцами, была империей лишь номинально. Империя в изгнании, основанная византийцами в Никее, была скорее не империей, а королевством, где греки и другие православные могли найти убежище и вынашивать план мести. Восточная Европа больше не была единой, а сам Константинополь, до недавнего времени казавшийся незыблемой столицей великой империи, стал лишь игрушкой в международной политике.[14]

В мусульманской мире халифат Аббасидов[illegible], давний враг

Византии, тоже клонился к закату. Власть халифов, подорванная наемниками — тюрками, уже давно была чисто номинальной, и хотя в XIII в. последний из них, аль-Мустасим, успел насладиться несколькими годами независимости, он вскоре, в 1258 г., погиб вместе с полумиллионом своих подданных во время резни, устроенной монголами при разграблении Багдада. Из враждебных династий, претендовавших на халифат, династия испанских Омейядов[illegible] угасла не один век назад, а последний фатимидский халиф Египта был свергнут в 1171 г. Саладином. Саладину и его династии Эйюбидов почти удалось объединить мусульман, но, несмотря на все свои блестящие успехи, они были просто семьей курдских авантюристов и не могли похвастаться престижной биографией. В 1250 г., в год смерти Фридриха II, египетский султан из династии Эйюбидов был убит, и власть над Египтом попала в руки военной клики, военачальников — мамлюков турецкого происхождения. Из множества мелких государств, на которые теперь распался мусульманский мир, мамлюкский султанат Египта был самым деятельным и честолюбивым.[15]

Даже в Восточной Азии шел тот же процесс. В Китае блестящая империя Сунь, давно миновавшая пору своего расцвета, искалеченная, ковыляла к своему окончательному закату в 1279 г. Южнее Китая империя кхмеров, объединившая Индокитай под властью монархов Ангкора, близилась к распаду, ей оставалось лишь несколько десятилетий. Во всем мире только одна великая империя, казалось, процветала, и она была такой необычной и пугающей, что не подпадала ни под одну известную категорию. Монгольская империя превосходила своими размерами и жестокостью своих воинов, все известные миру империи, и все же даже она вскоре ощутила веяния того времени. В то же столетие, когда умер ее основатель, Чингисхан, каждая ветвь его династии приняла религию и культуру того народа, которым правила, и великий хан в Каракоруме уже не был их повелителем.[16]

При таком положении дел во всем мире люди вскоре могли бы задаваться вопросом: сможет ли папство стать великой вселенской теократией, о которой мечтали Григорий VII и Иннокентий III? Папы подорвали власть Гогенштауфенов, чей последний великий правитель был мертв. Но теперь, когда империя Гогенштауфенов сломлена, что они воздвигнут на ее месте? Слишком занятые империей, не забросили ли они западные королевства? Смогут ли понтифики сами создать в Италии, от контроля над которой зависит их власть, эффективное правительство, или им придется прибегнуть к помощи посредников, которые в результате

могут нанести еще больший ущерб их делу?

Глава II. НАСЛЕДСТВО ГОГЕНШТАУФЕНОВ

Император Фридрих был женат трижды. Его первую жену, Констанцию Арагонскую, выбрал для него Папа Иннокентий III. Намного старше Фридриха, Констанция была вдовой короля Венгрии. Констанция умерла в 1222 г., оставив одного сына, Генриха, которого еще ребенком сделали Римским королем и правителем Германии. Но Генрих не любил своего отца и не одобрял его политику. После множества интриг и ссор его лишили власти в 1234 г., и он неожиданно погиб, упав с лошади в 1242 г. От его брака с Маргаритой Австрийской родились двое сыновей, Генрих, вроде бы признанный Фридрихом II на какое-то время наследником Сицилийского королевства, но умерший, по-видимому, раньше своего деда, и Фридрих, который прожил ненамного дольше. Второй брак Фридриха был заключен с наследницей Иерусалимского престола Иоландой (или Изабеллой) де Бриенн. Она умерла при родах в 1228 г., оставив после себя сына, Конрада, который, будучи семи дней от роду, стал законным королем Иерусалимским. В 1234 г. Фридрих женился в третий раз — на Изабелле Английской, сестре короля Генриха III. Она также умерла раньше своего мужа и оставила одного сына, названного Генрихом. У Фридриха было несколько незаконных детей. Наиболее привлекательным из них был сын уроженки Кремоны, мальчик по имени Энцио, который получил титул короля Сардинии. Всего за несколько месяцев до смерти Фридриха Энцио был захвачен в плен во время битвы с болонцами и провел остаток своей жизни пленником. Любимчиками Фридриха были двое его детей от Бьян-ки да Ланца из рода графов Лоретских. Дочь Бьянки Констанция еще ребенком — к ужасу Папы — была выдана замуж за императора-схизматика Никеи, немолодого уже человека, который унизил свою невесту, открыто предпочтя ей одну из ее фрейлин. Сын Бьянки, Манфред, претендовавший на признание его законным сыном, был к моменту смерти отца красивым восемнадцатилетним юношей. Еще один внебрачный сын императора, Фридрих Антиохийский, рожденный во время крестового похода императора, теперь был императорским наместником в Северной Италии.[17]

В своем завещании император оставил Сицилийское королевство старшему из своих законных сыновей, Конраду, которому оно и полагалось по праву наследования. Конрад уже был избран Римским королем и наследником императорского титула. Младшему сыну, Генриху, должно

было достаться либо Бургундское королевство, либо Иерусалимское. Это был бесполезный подарок — король Бургундии, доставшейся Гогенштауфенам от жены Фридриха I, обладал лишь титулом, дающим некие смутные феодальные права, передавать же по наследству Иерусалим мог только Конрад, а не Фридрих, и рьяно следящие за исполнением законов заморские бароны Иерусалимского королевства никогда бы не допустили, чтобы трон без их согласия был передан правителю, в чьих жилах не течет кровь их государей. Если бы Конрад умер бездетным, Генрих должен был унаследовать германские и сицилийские земли, принадлежавшие их семье. Из незаконных детей императора ни Энцио, в своем заточении, ни Фридрих Антиохийский не были упомянуты в завещании, но Манфред получал большой удел в Северной Италии в качестве князя Тарентского; он также был назначен *бальо* — или наместником — всей Италии до тех пор, пока Конрад не придет и не примет правление; он также должен был унаследовать Сицилийское королевство — или просто королевство *(Regnum)*, как теперь называли его итальянские хронисты — в случае, если прервется род законных наследников.[18]

Желание императора в основном осуществилось. В далеком Иерусалиме его смерть ничего не изменила. Местные бароны, которые сопротивлялись его попыткам править ими, по-прежнему признавали Конрада своим законным королем, и в его отсутствие они доверили правление следующему после него совершеннолетнему наследнику — королю Генриху I Кипрскому, хотя в реальности Иерусалимским королевством правил французский король Людовик Святой, который все еще оставался в Святой Земле после своего прискорбно закончившегося египетского крестового похода.[19] В Европе же торжество Папы Иннокентия IV по поводу смерти антихриста оказалось преждевременным. Конрад, который в то время был в Германии, смог восстановить там надлежащий порядок, чтобы наконец перейти Альпы в южном направлении в январе 1251 г. Антикороль, Вильгельм Голландский, которого Папа назначил на эту роль тремя годами ранее, был оттеснен в свои владения в низовьях Рейна. Зигфрид, архиепископ Майнцкий, умер в 1249 г., а его преемник, архиепископ Кристиан, имел миролюбивый нрав, что Папе казалось совершенно неподобающим для иерарха. Его и в самом деле сместили по указу Папы позже, в 1251 г. В то время страной управлял регент Конрада, его тесть, герцог Оттон Баварский. В 1252 г. власть Конрада оказалась под угрозой, когда ландтаг во Франкфурте при подстрекательстве Конрада,

архиепископа Кельнского, назначил Вильгельма Голландского Римским королем, но к началу 1254г. Вильгельм рассорился со всеми тремя избравшими его архиепископами: Майнским, Кельнским и Трирским, и папские начинания снова сошли на нет.[20]

В Италии дела Папы обстояли не лучше. Он вернулся туда в апреле 1251 г., через несколько месяцев после прибытия Конрада, и обосновался в Перудже. Но и он, и Конрад обнаружили, что северо-итальянские города слишком заняты своими внутренними конфликтами между гвельфами и гибеллинами для того, чтобы принять участие в более масштабном конфликте между папством и Гогенштауфенами. Ни одна из сторон не могла выработать скоординированную политику. Сам Конрад провел лето на Истрии и в северной Ломбардии, питая все большие сомнения относительно оказания помощи Гогенштауфенам дядей его сводного брата Манфреда, Манфредом Ланца, и его родней. На юге Сицилийского королевства верность Конраду хранил Пьетро Руффо, который был наставником Генриха, внука покойного императора. На материке юный Манфред, будучи бальо, проявил недюжинную энергию, подавляя восстание знати и городов, разразившееся весной 1251 г. в Терра ди Лаворо, расположенной на древней территории Кампании. К осени мятеж был жестоко подавлен, хотя города Неаполь и Капуа все еще сопротивлялись. Но энергия Манфреда была отчасти продиктована корыстными соображениями, что беспокоило Конрада. Манфред пытался установить контроль над Сицилией, отправив другого своего дядю, Гальвано Ланца, на замену Пьетро Руффо, чья преданность законному правителю Гогенштауфену была неколебима, и главные советники Конрада, сенешаль Бертольд Гогенбург, командовавший германскими войсками в Италии, и камергер Иоанн Мавританский, командовавший сарацинскими отрядами покойного императора и охранявший его казну, оба не доверяли Ланца. Бер-тольд помогал Манфреду подавлять восстание в Терра ди Лаворо и даже участвовал вместе с ним в неудавшихся переговорах с Папой, предпринятых без ведома Конрада. Но потом он приехал к Конраду в Истрию, и сведения, которые он сообщил, привели короля в ярость.[21]

В январе 1252 г. Конрад пересек Адриатическое море и высадился в Сипонто в северной Апулии, возле Фоджи, где были сосредоточены сарацинские войска во главе с Иоанном Мавританским. Манфред подчинился Конраду, но был лишен части своего удела, а передача им земель в дар своим дядьям Ланца была признана недействительной. Пьетро Руффо был утвержден в должности наместника на Сицилии и в Калабрии.

Конрад до конца года разбирался с восстанием в Терра ди Лаворо, вспыхнувшем снова, и вполне успешно, хотя Капуа и Неаполь наконец покорились только к следующему году. Одновременно он начал переговоры с Папой. Теперь у него было устойчивое положение, в то время как Папу Иннокентия все еще сдерживали в Северной Италии. Рим, недавно оставшись без правителя из-за вражды между партиями аристократов, превратился в народную коммуну по северо-итальянскому образцу и избрал в качестве своего подеста (Podesta)[illegible], или сенатора, болонского юриста сочувствующего Гогенштауфенам, Бранкалеоне ди Андало, который получил почти самодержавные полномочия и правил справедливо, но строго. В ломбардских городах гибеллины брали верх над гвельфами, и хотя в Тоскане гвельфы смогли добиться успехов, у них не было никакой возможности оказать Папе реальную помощь.[22]

Иннокентий был непреклонен. Он не надеялся, что сможет вытеснить Конрада из Южной Италии, но был решительно против объединения Сицилийского королевства и Германии. Конрад, нуждавшийся в папской поддержке, или, по крайней мере, в папском нейтралитете на тот случай, если ему удастся установить контроль над Германией, был готов на любые уступки, кроме этой. Переговоры были обречены на провал. Какое-то время Папа думал решить проблему, передав Сицилийскую корону сводному брату Конрада, Генриху, женив его на одной из своих племянниц, и Генрих, похоже, с интересом отнесся к этому предложению. Но из этого плана ничего не вышло. Конрад и его сторонники никогда бы не допустили такой интриги. Когда Генрих умер в возрасте восемнадцати лет в декабре 1253 г., распространился слух, поддерживаемый Папой, о том, что он отравлен своим братом. Сенатор Бранкалеоне пытался помешать окончательному разрыву между Иннокентием и Конрадом, но в январе 1254 г. Конрад публично обвинил Папу в узурпации и ереси, а в феврале Иннокентий ответил Конраду анафемой.[23]

Война была неизбежна, и Конрад занимал на более выгодную позицию. Попытка Папы призвать к новому крестовому походу против Гогенштауфенов была воспринята резко отрицательно. Во Франции королева-регентша Бланка пригрозила конфисковать земли у любого, кто откликнется на воззвание Папы. В Германии над папскими агентами открыто смеялись.[24] Армия Конрада была в хорошем состоянии. Его казна была полна, благодаря налогам, которые он собирал в своих итальянских владениях. Казалось, что Конрад добьется большего успеха, чем отец, в деле искоренения влияния Папы в Италии, и он уже планировал двинуться

в северном направлении, чтобы восстановить порядок в Германии. Сейчас мы можем сомневаться, действительно ли он мог повернуть время вспять и восстановить империю Гогенштауфенов. Ему так и не представилась такая возможность. В апреле 1254г. у Конрада, находившегося в своем лагере в Лавелло на границе Апулии, началась лихорадка. Ему было всего двадцать шесть лет, но здоровье его было совершенно подорвано. Он мужественно, но тщетно боролся за жизнь. 21 мая Конрад умер в окружении своих сарацинских воинов.[25]

И Папа Иннокентий снова мог ликовать по поводу бедствий, постигших «род гадюк», и с большими основаниями, чем по поводу смерти Фридриха четыре года назад. Теперь в живых оставался только один законный наследный принц из ненавистной ему семьи, двухлетний сын Конрада, Конрад II по прозванию Конрадин, живший в Южной Германии со своей матерью, Елизаветой Баварской. Король Конрад на смертном одре понимал, как мало шансов у мальчика. Он не рассчитывал на то, что его сын унаследует германский трон, но, по крайней мере, Конрадин был законным королем Сицилии и Иерусалима. Юристы Святой Земли признали за ним титул Иерусалимского короля. Так что до конца жизни Конрадина управление Иерусалимом осуществлялось от его имени. Но было очевидно, что он никогда в Святую Землю не приедет еще и потому, что не захочет рисковать таким образом потерять европейское наследство. В Сицилийском королевстве дела обстояли иначе. Умирающий король назначил там своим бальо Бертольда Гогенбурга, которому доверял, оставив при этом Пьетро Руффо по-прежнему управлять Сицилией и Калабрией под началом Бертольда. Потом он, в отчаянной попытке воззвать к рыцарским чувствам Папы, рекомендовал своего сына на его попечение.[26]

Папу это совершенно не тронуло, да и подданные королевства не ощущали особой заинтересованности в судьбе ребенка, которого никогда не видели. Зато некоторые из них сосредоточили свои надежды на блистательном Манфреде, а другие тешили себя предложением Папы, объединить города и их предместья в свободные коммуны под властью Церкви. Иннокентий, вначале намеревавшийся предложить сицилийскую корону какому-нибудь иностранному правителю, теперь, когда его противники оказались разделенными, решил, что может сам захватить власть над королевством. Бальо Бертольд оказался перед дилеммой. Он мог рассчитывать на Пьетро Руффо, но тот столкнулся с движением в защиту коммун на острове и не мог прислать ему подкрепление. Бертольд мог также рассчитывать и на Иоанна Мавританского, но Иоанн утратил

контроль над сарацинскими полками, которых переманивали друзья Манфреда. Большинство других сторонников Гогенштауфенов тоже начали переходить на сторону Манфреда. Папа Иннокентий поспешил на юг в Ана-ньи. В отчаянии Бертольд послал туда Манфреда для переговоров с Папой. Иннокентий согласился с тем, что права Конрадина следует принять во внимание, когда тот достигнет совершеннолетия, но пока что папство должно владеть королевством. Бертольд был готов согласиться, поскольку не видел иных способов обезопасить будущее Конрадина. Но Бертольд не сумел увлечь за собой своих сторонников, и у него не хватало денег, чтобы платить своим войскам. Он оставил пост бальо, и Манфред занял его место.[27]

Однако у Манфреда оказалось ничуть не больше влияния, чем у Бертольда. В сентябре 1254 г. Папа переместился к границам королевства в Сан Джермано. Три недели спустя Манфред принял условия, предложенные Иннокентием. Королевство должно было перейти под контроль папства, а решение по поводу будущих прав Конрадина оставалось в силе. Манфред получал обратно полный удел в Таренто, а его дядья — земли, конфискованные Конрадом. Манфред также становился наместником в провинциях на материке, за исключением Терра ди Лаворо.[28]

Ни Иннокентий, ни Манфред не собирались мириться с этим соглашением. Сначала они сохраняли видимость дружеских отношений. Когда Папа пересекал реку Гарильяно 11 октября, Манфред встретил его и шел рядом, ведя под уздцы его лошадь. Но тем временем племянник Папы, кардинал Гульельмо деи Фиески, вел папскую армию на юг и требовал от населения присяги на верность, что было прямым пренебрежением правами Конрадина. Сам же Папа, чтобы заручиться поддержкой Пьетро Руффо, предложил ему пост наместника на Сицилии и в Калабрии, хотя последняя географически принадлежала к области наместничества Манфреда. Затем Манфред, прибыв вместе с Папой в Теано, обнаружил, что его земли в Монте Гаргано заняты назначенцем Папы, Борелло Англонским. Манфред выехал, чтобы посоветоваться с Бертольдом, который двигался из Апулии. Но по пути Манфред попал в засаду Борелло, который пытался его убить, но сам погиб во время схватки. Бертольд проехал мимо и прибыл в ставку Папы в Капую 19 октября. Манфред отправился в Лучеру, где Иоанн Мавританский со своими сарацинскими воинами охранял королевскую казну. Кардинал Гульельмо с папской армией следовал за ним по пятам, тоже стремясь в Лучеру и к казне.

Манфред прибыл туда первым 2 ноября и узнал, что Иоанн уехал, чтобы подчиниться Папе.[29]

Теперь Манфред был убежден, что Папа намерен его уничтожить. Используя все свое красноречие и обаяние, он убедил сарацин в Лучере передать ему казну и присоединиться к его армии, чтобы поднять восстание. Когда стало известно о действиях Манфреда, сторонники Гогенштауфенов по всей Апулии начали стекаться к нему со всех сторон, в их числе была большая часть германских войск Бертольда, недовольных пренебрежительным отношением кардинала к правам Конрадина. Бертольд все еще склонялся к переговорам, но 2 декабря Манфред собрал достаточно большую армию, чтобы атаковать те германские войска, которые не захотели перейти на его сторону, и разбил их армию во главе с братом Бертольда, Оттоном, возле Фоджи. Бежавшие с поля битвы примкнули к армии кардинала, стоявшей у Трои, и посеяли панику. Папские солдаты были наемниками, и им задерживали жалованье, поскольку кардинал рассчитывал захватить казну в Лучере; услышав о победе Манфреда, они тут же разбежались, а кардинал умчался сквозь зимнюю вьюгу в Ариано. Вся Апулия покорилась власти Манфреда без боя.[30]

Папа Иннокентий был в Неаполе. Он слегка захворал, пока был в Теано, и его болезнь продолжала прогрессировать еще две недели, которые он провел в Капуе. Папа чувствовал себя еще достаточно хорошо для того, чтобы организовать торжественный въезд в Неаполь 27 октября, но там он слег. Новости об успехе Манфреда были для него чудовищным ударом. 7 декабря Папа Иннокентий умер, осознавая крах всех своих начинаний. Он сломил власть Гогенштауфенов, разрушил унию Германии и Италии, не оставив ни малейшей надежды на ее возрождение. Но он оставил в руках представителя ненавистного рода прочную власть в Италии. Учитывая дальнейшее развитие, Папа сделал только хуже. Немногие Папы были столь постоянны, столь неутомимы и столь отважны в сражении за дело папства, но и немногие были столь неразборчивы в средствах, столь вероломны и столь настойчивы в готовности использовать духовное оружие в суетных мирских целях. Иннокентий усмирял светских правителей, но его методы не делали чести ни ему, ни церкви, главой которой он являлся. Он был твердым и бесстрашным защитником папства, но папство заслуживало более благородного защитника.[31]

Кардиналы, собравшиеся на конклаве после смерти Иннокентия, знали о его ошибках и о грозящих им опасностях. Они выбрали Папой прелата, известного своей мягкостью и набожностью. Но Ринальдо Конти,

кардинал-епископ Остии, который взошел на папский престол через пять дней под именем Александра IV, не мог в одночасье отказаться от политики Иннокентия, и у него не была выработана своя политика взамен прежней. Он позволил советникам Иннокентия направлять его, хотя кардиналы-племянники покойного Папы утратили свое влияние, и политикой папства теперь руководил коварный и честолюбивый флорентиец, кардинал Октавиан дельи Убальдини.[32]

Новый Папа продолжал искать иностранного принца, чтобы передать ему власть над Сицилийским королевством. Но первоочередной задачей было уничтожение Манфреда. Александр IV сумел заручиться поддержкой городских коммун Сицилии и Южной Италии, пообещав, что, находясь под его сюзеренитетом, они сохранят свободу; однако это заверение полностью противоречило обещаниям кандидатам на сицилийский трон. Манфред обнаружил, что апулийские города не хотят ему подчиняться. Южнее Пьетро Руффо планировал превратить свое наместничество на Сицилии и в Калабрии в наследственное княжество со столицей в Мессине, но он находился между двумя огнями. Манфред с помощью искусных дипломатических интриг вытеснил его из Калабрии, а сицилийские города тем временем провозгласили себя объединенной республикой под эгидой Папы. Манфред послал известие в Германию к баварскому двору и, публично объявив, что считает Конрадина своим королем, убедил герцога Людвига, дядю и опекуна Конрадина, признать его регентом. Бертольд Гогенберг все еще оставался при папском дворе. В мае 1255 г. он присоединился к кардиналу Октавиану в походе против Манфреда. Как обычно, папская армия состояла из ненадежных наемников, и Бертольд, обнаружив, что теперь Манфред защищает интересы Конрадина, решился на предательство. Он передал Манфреду сведения обо всех передвижениях кардинала и не выполнил возложенную на него обязанность по поиску продовольствия для армии. В результате Манфред сумел взять в кольцо папские войска на все лето, пока те не оказались под угрозой голодной смерти. В сентябре Октавиан капитулировал и подписал мирный договор. Конрадин был признан королем, а Манфред регентом, но Терра ди Лаворо и Сицилия отходили папству. Изгнанники с обеих сторон, включая Бертольда и его братьев, возвращались на свои земли. Октавиан со своей истощенной армией отступил в Ананьи, где жил Папа. Александр спешно отказался от договора, но вред уже был принесен.[33]

Манфред теперь господствовал в Южной Италии. На следующий год он завоевал Терра ди Лаворо, жители которой устали от войны и потеряли

надежду на папство. Затем, устроив убийство находившегося в изгнании Пьетро Руффо и ослепив Бертольда и его братьев, он отправил своего дядю, Манфреда Ланца, отвоевывать Сицилию у коммун. Сицилийская знать была недовольна существующей системой городских коммун, и большинство сицилийцев надеялось, что при местном правителе, не связанном с Германией, вернется золотое время нормандских королей. В 1257 г. Манфред полностью контролировал остров. Пришло время отбросить притворную верность мальчишке из Германии. На юге поползли слухи о смерти Конрадина в Баварии; неизвестно, сам ли Манфред распространил этот слух, но он извлек из него выгоду. 10 августа 1258 г. Манфред был коронован сицилийской короной епископом Агридженто в кафедральном соборе Палермо, а аристократы острова и посланцы с материка приветствовали его и оказывали ему почести.[34]

Манфреду теперь было двадцать шесть лет. Он был ярким и талантливым человеком. Он уже успел проявить свою неразборчивость в средствах, вероломство и жестокость, но его обаяние заставляло забыть о недостатках. Манфред унаследовал отцовскую любовь к познанию и интерес к наукам, и он обладал тем же даром очаровывать собеседника, но без неудобной склонности к нарушению условностей. Вдобавок он был необычайно хорош собой. Тем не менее Манфред не был таким великим человеком, как его родитель. Несмотря на всю энергию, проявленную им на войне и дипломатическом поприще, ему была присуща определенная леность в повседневных заботах управления. Он с готовностью позволял своим друзьям и, в особенности, своим родственникам из рода Ланца выполнять его обязанности и вскоре обнаружил, что те ведут его по пути, которого мудрее было бы избежать. Если бы Манфред удовольствовался судьбой своих нормандских предков и правил на Сицилии, удерживая под властью южную часть материка, действуя во имя процветания своих подданных, он смог бы основать династию, которой суждена была бы долгая жизнь. Папство смирилось бы с его существованием и оставило бы Манфреда в покое. Но Ланца пришли с севера Италии и получили во владение земли в Ломбардии. Они побуждали Манфреда стать королем не только Сицилии, но и всей Италии, и сам он, зная, что в его жилах течет кровь Гогенштауфенов, не забывал, что его отец был императором.[35]

Правление Манфреда в южном королевстве было достойным. Он хотя и отобрал муниципальные вольности у городов, но зато обеспечил им справедливую власть; возродил Неаполитанский университет и вернул ему денежное содержание; основал новые города, как, например, Манфредония

под Монте Гаргано. Но для самих сицилийцев он принес лишь разочарование. После коронации Манфред редко бывал на острове, предпочитая жить в Неаполе или в Лучере в окружении своих сарацинских солдат. Остров снова начал превращаться в придаток к материку, политика уводила Манфреда все дальше на север, а с Сицилии утекали деньги и люди на военные нужды. Поэтому сицилийский сепаратизм, который всегда был на поверхности, снова дал о себе знать.[36]

Манфреду было бы трудно обуздать свои амбиции, в то время как папство не могло смириться с его успехом и втягивало его в дальнейшую борьбу. Несмотря на свою добродушную слабость, Папа обладал немалым преимуществом. Ему незачем было волноваться по поводу Германии — судьба маленького Конрадина не беспокоила никого, кроме его баварских родственников. Вильгельм Голландский, антикороль, выбранный Папой Иннокентием IV, был признан по всей стране — во многом благодаря тому, что его считали недостаточно умелым правителем, а следовательно, неспособным вмешиваться в дела местных князей. После смерти Вильгельма Голландского в январе 1256 г. электоры Германии решили, что им больше всего подойдет иностранный правитель, не имеющий своих земель в Германии, но зато богатый. Кандидатов было двое: Ричард, граф Корнуэльский, брат короля Генриха III Английского, и Альфонс X, король Кастильский. Альфонса поддерживали король Франции, Людовик Святой, чей авторитет обеспечивал ему немалый перевес, и папский двор, который в то время уже вел переговоры с Англией о Сицилии, решил, что для английской королевской семьи одного лишнего трона будет достаточно и что Альфонс будет лучшей гарантией против возрождения Гогенштауфенов, поскольку по материнской линии король Кастилии притязал на Швабское герцогство Гогенштауфенов. Из семи германских князей — электоров четверо выбрали Ричарда в январе 1257г., и четверо — Альфонса в апреле: один из электоров — король Чехии — со временем изменил свою позицию. Ричард, однако, сумел закрепить выбор своей кандидатуры, короновавшись в Ахене в мае, прежде чем Альфонс успел ступить на германскую землю, весной 1258 г. Ричард прибыл в Германию. Но положение Ричарда было шатким. Так что он стремился завоевать расположение Папы.[37]

В Италии, невзирая на колоссальные долги, Папа убедил гвельфских банкиров во Флоренции предоставить ему займ и таким образом получил полную поддержку этого могущественного сообщества. Будучи римлянином по происхождению, Александр больше подходил римлянам,

чем прежде — Иннокентий, и в ноябре 1255 г. они выгнали сенатора Бранкалеоне и впустили в город Папу. Многие из сторонников Гогенштауфенов охладели к Манфреду из-за захвата им сицилийского трона и сомневались в его заверениях, что права Кон-радина будут признаны, когда тот достигнет совершеннолетия после того, как слух о смерти Конрадина оказался ложным. Опекун Конрадина, Людвиг Баварский, поддержал Ричарда Корнуэльского и был готов даже примкнуть к Папе.[38]

Манфреда это не испугало. Весной 1257 г. новый переворот в Риме вновь вернул к власти Бранкалеоне, который вступил в союз с Манфредом. Бранкалеоне был убит на следующий год, и Рим постепенно, шаг за шагом, снова перешел на сторону папства. Но Манфред тем временем опустошил большую часть папских земель. В Тоскане он получил поддержку Сиены, а из-за интриг кардинала Октавиана, который мнил себя посредником между гибеллинами и папством и пытался заставить своих флорентийских собратьев разделить его взгляды, Флоренция была ослаблена. В итоге в сентябре 1260 г. флорентийцы были разбиты во время кровавой битвы при Монтаперти — жуткой бойни, окрасившей воды реки Арбии в красный цвет. Победа дала Манфреду власть над Центральной Италией, которой он с тех пор правил через наместников, словно уже был императором. На севере он опирался на самого могущественного и деятельного деспота в Ломбардии, маркграфа Уберто Паллавичини, правившего от имени Манфреда, а также на союз с генуэзцами. Один за другим города гвельфов покорялись сицилийскому королю. Свергнув и убив в 1259 г. веронского тирана, гибеллина Эццелино, рассорившегося со всеми своими соседями, Паллавичини сумел, благодаря энергии и такту, сохранить мир в Ломбардии. Манфред тем временем занял Сардинию, пренебрегши правами на ее корону своего плененного брата Энцио. К 1261 г. вся Италия была под властью Манфреда, и Папа остался изолирован, охваченный бессильным гневом, не имея ничего, кроме шаткой власти над Римом.[39]

Амбиции Манфреда все росли. Он не оставлял мысли об империи и рассчитывал, что когда-нибудь сможет добиться власти над Германией. А между тем он мог бы действовать и в другом направлении и стать предводителем католического христианства.

Глава III. НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ АДРИАТИКИ

Кто бы ни правил Южной Италией и Сицилией, ему следовало принимать во внимание не только полуостров, но также и соседние страны, отделенные узкой полосой морей. Нормандские короли стремились установить контроль над Тунисом в Африке, но они еще больше хотели распространить свою власть за Адриатическое море на Балканы и на принадлежащие Византии полуостров и острова. Фридрих II был слишком занят своими делами в Центральной Европе для того, чтобы продолжать их политику. Его целью было сохранить союзников за морем, с тем чтобы его враги-паписты не создавали ему там проблем. Манфред, упрочив свою власть в Италии, вернулся к нормандским традициям. У него не было никаких видов на Африку, поскольку эмиры из династии Хафсидов в Тунисе были к нему сильно расположены. Но бывшие земли Византии на Балканах открывали широкий простор для его амбиций.

Четвертый крестовый поход 1204 г. разрушил Византийскую империю, но так и не создал на ее месте стабильного государства. Латинская империя, основанная в Константинополе, империя Романии, быстро пришла в упадок. Уже через пятьдесят лет после ее основания она состояла лишь из самого Константинополя, третью которого уже владели венецианцы, и ближних его предместий. Латинский император Константинополя Балдуин II объездил всю Западную Европу в поисках покровителя, который помог бы ему удержаться на шатком троне. Он уже отдал лучшие реликвии из старой византийской сокровищницы Людовику Святому, чтобы добыть немного денег. Он оплачивал расходы своего двора, продавая свинец с крыши дворца итальянским купцам, и заграничные поездки, оставляя своего сына и наследника в залог венецианцам. Только вмешательство какого-нибудь союзника могло удержать империю от падения в ближайшие годы.[40]

Византийские греки уже оправились от потрясения, вызванного падением Константинополя. Появились три новых греческих государства. На востоке бывшей Византийской империи одна из ветвей великой династии Комнинов обосновалась в Трапезунде. Но правитель Трапезунда, хотя он называл себя императором и Великим Комнином и обладал большим состояниям благодаря своим серебряным рудникам и географическому положению своей столицы, расположенной в конце торгового пути из монгольской Азии, мог только номинально

провозгласить себя наследником прежней вселенской империи, его власть была слишком локальной и не распространялась за пределы узкой полоски черноморского побережья Анатолии.[41] В Эпире, на западе, было основано княжество одной из ветвей императорской династии Ангелов. В 1224г. деспот Эпирс-кий отобрал Фессалоники у итальянской династии, обосновавшейся там после Четвертого крестового похода, и присвоил себе титул императора.[42] Но отвоевать им Константинополь мешало самое сильное из новых греческих государств, Никейская империя, возникшая стараниями Феодора Ласкаря, зятя одного из последних византийских императоров, Алексея III Ангела. Феодор собрал вокруг себя самых выдающихся беглецов из Константинополя, включая патриарха Православной церкви, чье присутствие придавало его двору законность. Феодор к моменту своей смерти в 1222 г. вернул все земли, перешедшие когда-то к франкам в Азии. Его зять и преемник Иоанн Ватац оказался человеком еще более могущественным, он отнял у латинского императора все его земли, кроме Константинополя и предместий, и остановил продвижение враждебной империи Ангелов, взяв Фессалоники в 1246 г. К тому же он провел реформу правления в своих собственных владениях и оттеснил анатолийских турков к заливу. К моменту смерти Иоанна Ватаца в 1254 г. его владения простирались от самого сердца Малой Азии до Фессалии. Казалось очевидным, что Никейская империя скоро поглотит Константинополь.[43]

Ангелы были усмирены, но не сломлены. Незаконнорожденный принц из их династии, Михаил II, все еще правил в качестве деспота Эпирского землями, простиравшимися между Албанскими горами и Коринфским заливом, и был готов искать друзей среди франков, которые могли помочь ему усмирить никейцев. У него был большой выбор союзников. На юге Эпира и Фессалии было несколько мелких греческих, французских и итальянских сеньорий, кроме того — герцогство Афинское под управлением бургундцев из рода Ла-Рош со столицей в Фивах. Весь Пелопоннес был под властью князя Ахейского, Гильома Виллардуэна, принявшего власть после смерти своего брата Жоффруа II в 1246 г. При Виллардуэнах Пелопоннес достиг большего процветания, чем когда-либо, и Гильом, который родился здесь же и для которого греческий язык был родным, мог надеяться создать единое греко-франкское государство, которое простиралось бы за пределы Пелопоннеса в Северную Грецию, а может быть, даже до Фессалоники. Против самого Гильома его греческие подданные ничего не имели, но многие из его франкских баронов не

отличались особой терпимостью, и их католические иерархи постоянно досаждали Православной церкви. Поэтому греки жаждали воссоединения с возрожденной православной империей Константинополя, которая вернула бы им их гордость, пусть даже ударив по карману, и князь Гильом с тревогой следил за ростом Никейской империи. Латинский император Константинополя был его номинальным сюзереном и находился у него на содержании, Жоффруа II установил ему ежегодную ренту, равную приблизительно 10 000 ливров. Но есть основания полагать, что у Гильома был наготове какой-то план по захвату власти в Латинской империи. Он всегда был готов присоединиться к любому союзу против никейцев.[44]

Манфреду, наблюдавшему за развитием событий из-за Адриатического моря, эта сложная ситуация представлялась многообещающей. Его отец Фридрих II всегда был в хороших отношениях с Никейским императором Иоанном Ватацем, с которым их сближала общая вражда с папством. Манфред же планировал вести более продуманную политику. Латинская империя была очень дорога Папе. Иннокентий III не одобрял Четвертый крестовый поход, но был доволен его итогом. Рим долго еще пребывал в ярости из-за отказа Константинопольской патриархии признать его главенство. После 1204 г. непокорного греческого Патриарха сменил зависимый католический, и благодарный Папа взял Латинскую империю под свое покровительство. Теперь же, если не принять срочных мер, у власти в Константинополе вскоре снова оказались бы греки; причем, что еще хуже, в патриарший город вернулись бы патриархи — схизматики, на которых франки не смогли бы повлиять. По прошествии некоторого времени папство объявило крестовый поход против греков, но без особого успеха. Для многих западноевропейских христиан Священная война против своих собратьев по вере, пусть и схизматиков, казалась такой же неуместной, как такая же Священная война против Гогенштауфенов. Иннокентий IV был в ярости, когда в 1240 г. Ричард Корнуэльский отказался отменить запланированный им крестовый поход против мусульман в Палестине и передать деньги, собранные им для этого похода, на защиту Константинополя.[45] И теперь Манфред решил, присоединившись к союзу против Никеи, стать защитником католицизма; тогда папство уже едва ли смогло продолжать нападать на государя, который оказал решающую поддержку в столь важном для Церкви деле. Возможно также, что Манфредом двигали личные чувства. Его сестра Констанция в 1244 г. была выдана замуж за пожилого императора Иоанна Ватаца и терпела унижения при никейском дворе. Но Манфред, хотя несколько лет спустя

все же добился ее возвращения в Италию, обычно был не очень чувствителен к несчастьям своих родственников. Для него гораздо больший интерес представляло то, что в награду за союз против никейцев он мог получить плацдарм за Адриатическим морем.[46]

Коалиция против Никеи была создана Михаилом Эпирским. Ему подвернулся удобный случай после смерти Иоанна Ватаца. Сын Иоанна, Феодор II, хоть и был самым образованным правителем своего времени, отличался упрямством и недальновидностью. Он оттолкнул от себя Церковь своим догматизмом, а аристократия — своей тиранией. Сначала Михаил действовал осторожно. Он согласился с тем, что следует заключить брак между его сыном и наследником Никифором и дочерью Феодора Марией, и нехотя позволил этому браку состояться. Но когда Феодор оказался втянут в войну с болгарами, Михаил начал потихоньку вторгаться на его земли. Феодор, однако, заключил с болгарами выгодный мирный договор и поручил своему самому сильному военачальнику, Михаилу Палеологу, захват Эпира. Никейские войска прошли через север страны и захватили крупный морской порт Дураццо. Михаил Эпирский начал утрачивать свою решимость, когда Феодор внезапно отозвал Палеолога в Никею, лишил его своей милости и умер несколько месяцев спустя в августе 1258 г., оставив престол шестилетнему мальчику, своему сыну, Иоанну IV Ласкарю Ватацу.[47]

Когда на Никейский трон взошел ребенок, у Михаила Эпирского оказались развязаны руки. У него были две красивые дочери. Одну из них, Анну, Михаил отдал в жены дважды вдовцу, но так и оставшемуся бездетным, Гильому Ахейскому, дав за ней в качестве приданого часть областей Фессалии, отобранных у никейцев. Вторую дочь, Елену, он предложил в жены Манфреду; вместе с женой-красавицей сицилийский король получил приданое, состоявшее из острова Корфу и городов Бутринто, Авлона и Субото на материке. Манфред, чья первая жена, Беатриса Савойская, умерла за год или за два до того, оставив после себя только дочь, с радостью принял соблазнительное предложение. Он уже занял несколько важных плацдармов на Эпирском побережье, и брак узаконил бы его положение, В начале 1259 г. Елена прибыла в Трани и там вышла замуж за Манфреда. Обе дочери Михаила были счастливы в браке, но ни один из его зятьев не имел искреннего желания помочь ему в его деле. Они присоединились к Михаилу, чтобы помешать никейцам захватить Латинскую империю и за его счет расширить свои владения. Сам Михаил считал, что, если его союзники помогут ему сокрушить никейцев, это будет

стоить тех неудобств, которые принесет ему отказ от западных земель, поскольку сфера его интересов будет сосредоточена на востоке, где он намеревался завладеть Константинополем.[48]

Оставалось совсем немного до того, чтобы союзники начали действовать. Малолетнему никейскому императору был нужен регент. У него не было никаких близких родственников, кроме сестры, которая была едва старше его. Его мать умерла, а его отец был единственным ребенком в семье. В империи был один человек, несомненно достойный править. Это был Михаил Палеолог, самый успешный военачальник последних лет. И отец и мать Михаила принадлежали к великому роду Палеологов. Его отец вел свой род от свояченицы Алексея I Комнина, а бабушка его матери была старшей дочерью Алексея III Ангела. Жена Михаила Палеолога, Ирена Дукена, была внучатой племянницей Иоанна III Ватаца, но сам Михаил не питал теплых чувств к семье Ватацев. Император Феодор не доверял честолюбивому полководцу и однажды уже заставил искать убежища при турецком дворе. Впоследствии, когда Палеолог был восстановлен в прежней должности и одержал немало побед над Михаилом Эпирским в 1258 г., Феодор отозвал его с театра военных действий и лишил своего расположения. Так что, когда патриарх Арсений, действуя в интересах государства, убедил знать и народ империи доверить регентство Михаилу Палеологу, присвоив ему сначала титул Великого дуки, а затем и деспота, Михаил решительно настоял на том, чтобы разделить титул императора со своим малолетним подопечным. Когда пришло время коронации, он был настолько уверен в поддержке армии и многочисленных врагов покойного императора, что заставил сопротивляющегося патриарха короновать его первым. Патриарх потребовал с него обещание передать власть мальчику через двенадцать лет, когда тому исполнится восемнадцать. Михаил согласился, но позаботился о том, чтобы задолго до того времени Иоанн оказался неспособным принять бразды правления. Ребенка держали в заточении в темноте, и в 1262г., в возрасте десяти лет, мальчик был лишен зрения.[49]

Неразборчивость в средствах на пути к трону, жестокость и вероломство по отношению к своему юному соправителю навсегда запятнали репутацию Михаила Палеолога. И все же, получив верховную власть, он оказался справедливым и сильным монархом, требовательным к себе и великодушным к своим недругам, и прежде всего — преданным империи. Латиняне вскоре поняли, что в его лице столкнулись с непримиримым врагом, а Михаил Эпирский был сильно обеспокоен.

Первым делом деспот Эпирский вторгся в Македонию, где был хорошо принят греческим населением, которое, казалось, предпочитало эпирское правление никейскому. Затем, боясь, что Михаил Палеолог нанесет ответный удар, он призвал на помощь своих зятьев. Михаил Палеолог не хотел ввязываться в столь трудную затею вскоре после своего сомнительного с моральной точки зрения восшествия на престол. Он знал, что не сможет достичь мира с Михаилом Эпирским, но попробовал лишить его союзников. В Ахейю был отправлен посол, уполномоченный в случае необходимости предложить князю небольшие территориальные уступки, но Гильом, рассчитывавший получить больше земель с помощью войны, ответил посольству оскорблениями. К Манфреду император отправил одного из своих самых доверенных посланников, Никифора Алиатта. Манфреду напомнили о давнем союзе его отца с Никеей и предложили вернуть ему его сестру, вдовствующую императрицу. Однако Манфред, который также надеялся извлечь большую выгоду из войны, просто заключил посла в тюрьму, где тот провел два года. Одновременно император Никеи написал Папе, намекая, что будет работать над объединением христианских церквей, если Рим остановит войну. Папа Александр, пребывавший в замешательстве, не ответил ему.[50] Неудача, которую император Михаил потерпел в попытке расстроить союз своих врагов, не повергла его в чрезмерное отчаяние. Когда латинский император Балдуин, который не без причины был обеспокоен амбициями Гильома Ахейского и, возможно, считал Михаила опаснее, чем тот был на самом деле, написал в Никею с предложением мира в обмен на территориальные уступки, его посла встретили насмешками. Тем временем брат Михаила, севастократор Иоанн Палеолог, был отправлен на запад с такой большой армией, какую только ему могли выделить. Она состояла не только из греческого ополчения, но также из славянских и турецких верховых наемников и, возможно, нескольких наемных рыцарей с запада. Весной 1259 г. армия севастократора быстро пересекла Македонию. Она догнала военные силы деспота Эпирского возле Кастории и разбила их. Деспот Михаил, застигнутый врасплох, отступил в Эпир в ожидании своих союзников, а севастократор занял Охрид и близлежащие крепости.

Союзники поспешили на помощь деспоту. Из Италии Манфред прислал четыреста отлично вооруженных всадников, набранных из германских войск, вместе с каким-то количеством сицилийских пехотинцев. Они высадились в Авлоне и присоединились к эпирской армии в Арте. Гильом Ахейский собрал гораздо большую армию, объявив феодальный призыв во всем своем княжестве. Он лично возглавил армию,

переправился через Коринфский залив, высадился в Навпактосе и присоединился к своим союзникам на пути в Арту. Объединенная армия двинулась в Талассин, район Фессалии, где жили валахи. Там к деспоту присоединился его внебрачный сын Иоанн, женатый на дочери вождя валахов, и привел с собой всех валахских воинов, кого смог собрать. К Гильому на помощь пришли отряды различных франкских сеньоров из Северной Греции и войска из Афинского герцогства, которое он подчинил за год до описываемых событий. Затем союзники повернули на север, уверенные в победе. Они уже начали понимать, что вскоре будут оспаривать друг у друга завоеванные земли, но в обстановке взаимной доброжелательности решили бросить жребий.

Враждующие армии встретились на равнине Пелагонии, у деревни Ворилла Лонгос, неподалеку от города Монастир. Через эту равнину проходила Виз Игнатия, большая дорога из Константинополя и Фессалоники в Дураццо; Иоанн Палеолог ждал там, чтобы иметь возможность связаться и со своим братом, императором, и с востоком. Он получил указания избежать прямого столкновения с вражеской армией, которая численностью превосходила его войско, и попытаться дипломатическими средствами расстроить союз. Ему это удалось. Что произошло на самом деле, остается неясным, разные хроники дают разные версии. По какой-то причине, когда битва была уже неизбежной, возникла ссора между эпирскими войсками и армией Гильома Ахейского. У Палеолога, несомненно, были шпионы в эпирском лагере, готовые воспользоваться любой ссорой в неприятельской армии. Если верить слухам, незаконный сын деспота Иоанн был недоволен ухаживаниями одного из ахейских сеньоров за его прекрасной валахской супругой и не получил никаких извинений от князя Гильома. Эпирцы и так уже нервничали из-за амбиций Гильома, и разъяренный незаконный сын деспота без труда убедил своего отца и брата порвать с латинцами. Похоже, что Иоанн Палеолог подкупил эпирских военачальников и, возможно, отправил послание с обещанием не преследовать эпирцев, если те отступят. Кроме того, в стычках, которые уже случались, франкская конница сильно проигрывала по сравнению с легковооруженными никейскими всадниками. За ночь деспот с семьей и теми войсками, которые мог собрать, выскользнул из союзного лагеря и бежал в сторону Эпира, а когда рассвело, остатки эпирской армии разбежались. Воины Гильома и Манфреда, проснувшись, обнаружили, что греческие союзники исчезли. Иоанн Палеолог напал прежде, чем ахейцы и сицилийцы успели подготовиться к бою. Не попытавшись оказать сопротивление, они стремительно бежали с

поля битвы. Многие из них были убиты, но намного больше — попали в плен, в том числе — большинство франкских сеньоров. Сам Гильом был найден несколькими днями позже, когда прятался в стогу сена. Он был переодет, но его узнали по необычайно выступающим зубам.[51]

Битва в Пелагонии была решающим событием в истории Ближнего Востока. Она сделала неотвратимым отвоевание Константинополя византийцами и гибель Латинской империи, показав при этом, что победителем будет император Никеи, а не деспот Эпира. И она положила начало возвращению Греции византийцам. Латинский император Балдуин, хотя и относился к князю Гильому почти с таким же подозрением, как и к Палеологу, понимал, что теперь император Михаил представляет для него значительно большую опасность. Балдуин тут же сделал отчаянную попытку обратиться за помощью к Папе и вскоре решил, что наиболее вероятный его светский покровитель — король Манфред. Но Папа и Манфред были слишком заняты своими ссорами друг с другом. Ни один из них не ответил на его просьбу. Лучшее, что Балдуин мог сделать после того, как Михаилу едва не удалось убедить франкского предателя открыть городские ворота, было заключение годового перемирия с Никеей в августе 1260 г., перемирия, которое каждая из сторон готова была нарушить при первом удобном случае. В начале 1261 г. император Михаил заключил договор с генуэзцами в Нимфее, дающий им привилегии на всех землях его империи, если они помогут ему отвоевать Константинополь. Венеция была главной опорой Латинской империи, венецианцы и генуэзцы недавно славно повоевали друг с другом в сирийских водах, и победу одержали генуэзцы. А потому Генуя была готова прислушаться к уговорам византийского императора. В июле 1261 г. Михаил послал одного из своих военачальников, Алексея Стратегопула, с небольшой армией уладить спорные вопросы на болгарской границе и велел ему, проезжая Фракию, устроить демонстрацию сил у стен Константинополя. Когда Стратегопул приблизился к городу, его встретил глава живших в предместьях сельских жителей, известных как «добровольцы», поскольку они по собственному желанию служили то греческому, то латинскому императорам. Этот человек рассказал Стратегопулу, что большая часть латинского гарнизона отправилась вместе с большей частью венецианских кораблей на захват греческого острова в Черном море под названием Дафнузия, расположенного в сотне миль от города. Он предложил провести никейские войска в город через найденный им подземный ход. В ночь на 24 июля несколько отборных бойцов прокрались внутрь, сопровождаемые «добровольцами». Они одолели дозорных на стенах и открыли ворота

перед армией, ждавшей снаружи. Ранним утром 25-го Алексей Стратегопул въехал в город по улицам, полным греков, славящих императора Михаила. Латинский император

Балдуин проснулся и обнаружил, что город попал в руки врага. Он надеялся удержать Влахернский дворец и сумел отправить сообщение венецианским кораблям, возвращавшимся после неудачного штурма Дафнузии. Венецианцы приплыли к Золотому Рогу днем. Но греки подожгли причалы, на которые те собирались высадиться. Среди пламени, в общей сумятице, атака венецианцев была отбита. Балдуин и его свита бежали из Влахерна в Большой дворец и едва успели выйти в море на веслах и присоединиться к союзникам прежде, чем те прекратили атаковать. Венецианцы вместе со спасшимися франками и их императором уплыли на запад. Латинская империя Романьи пришла к своему концу.

Император Михаил расположился в деревне Метеоры, возле Тиатиры, приблизительно в двухстах милях к югу. Его сестра, Евлогия, находилась вместе с ним. Один из ее камергеров был как раз на византийском побережье, рядом с Константинополем, когда узнал новость о взятии Константинополя. Он поскакал во весь опор и доложил своей госпоже о случившемся на следующее утро. Император спал, когда сестра вошла к нему крича, что Константинополь теперь принадлежит ему. Едва проснувшись, он не мог поверить, и ей пришлось трясти его и повторять, что Господь дал ему Константинополь, пока он не понял, что произошло. Тогда Михаил Палеолог приготовился к поездке в свою новую столицу. На полпути, в Ахиросе, ему вручили знаки императорской власти, ранее принадлежавшие Балдуину. 4 августа Михаил пересек Мраморное море и торжественно въехал через Золотые Ворота, проехав по старой дороге для императорских шествий через весь город к собору Премудрости Господней, где и возблагодарил Бога. Через несколько дней он был торжественно коронован патриархом в этом же соборе, который был традиционным местом коронации византийских императоров.[52]

Став владыкой Константинополя, Михаил Палеолог, называвший себя «вторым Константином», стремился укрепить свою власть над Грецией. Он все еще удерживал у себя в плену князя Ахейского и других сеньоров, которых пленил в битве при Пелагонии. Осенью 1261 г. он предложил отпустить Гильома Ахейского и его соратников в обмен на уступку трех больших крепостей на юго-востоке Пелопоннеса. Это были Монемвасия, расположенная на огромной скале, выступающей в море, с живописной бухтой у подножья — франки захватили всего пятнадцать лет назад; Мани, расположенная в горах за мысом Матапан; и Мистра, расположенная

высоко в горах Тайгет, возвышающихся над Спартой и долиной реки Эврот. Гильом согласился, но условия должны были подтвердить другие правители франкской Греции. Ги, герцог Афинский, как старший из оставшихся в Греции сеньоров, созвал совет в Никли, позже известный как «Женский совет», поскольку главную роль на нем играли жены пленных сеньоров. Герцог Ги считал условия слишком опасными. Но княгиня Ахейская придерживалась иного мнения. Хоть она и была гречанкой, никто не мог заподозрить ее в измене, поскольку, будучи дочерью Михаила Эпирского, она ненавидела никейцев, захвативших Константинополь. Княгиня не доверяла Ги и хотела, чтобы муж вернулся домой; другие женщины с ней согласились. Предложение императора было принято. Князь Гильом вернулся в свои земли, получив византийский титул и поклявшись не поднимать оружие против императора, а три ключевые крепости были переданы византийским войскам.[33]

Это был пик успеха Михаила Палеолога в Греции. Гильом вскоре был освобожден от своей клятвы Папой и благополучно отразил попытки византийцев расширить подвластные им земли. Не принял он также мирное предложение императора, в соответствии с которым наследник Михаила Андроник должен был жениться на старшей дочери князя и его наследнице. Прошли десятилетия, прежде чем византийцы смогли извлечь реальную пользу из своих крепостей на Пелопоннесе. Не большего успеха добился Михаил Палеолог в своих последующих нападениях на Эпир. Алексей Стратегопул, завоеватель Константинополя, был отправлен захватить Эпир осенью 1261 г. но попал там в окружение и был взят в плен с большей частью своих людей. Деспот Михаил правил своими землями до самой смерти, последовавшей десятью годами позже.[54]

Поражение в Пелагонии повредило престижу короля Манфреда и лишило его нескольких умелых воинов; подобно всем католическим государям того времени, он был потрясен завоеванием Константинополя греками. Но на самом деле это не повлияло на его политическую линию. Ведь он отправил своему тестю довольно скудную помощь (в сравнении с территорией, которую получил в качестве приданого своей жены), и его потери были несерьезными. Кроме того, поражение ставило деспота Эпира в большую зависимость от его могущественного зятя, особенно учитывая, что его второй зять, Гильом Ахейский, вернувшись из плена, не был готов простить эпирцев за ту роль, которую они сыграли в Пелагонии. К концу 1259 г. войска Манфреда и его чиновники полностью контролировали Корфу и противолежащие крепости на материке, включая Дураццо, что

вроде бы изначально не входило в приданое королевы Елены.[55] Кроме того, взятие Константинополя греками Манфред мог обратить себе на пользу. Папство было глубоко потрясено гибелью Латинской империи. Казалось, вряд ли Папа предпримет решительные действия против государя, который, казалось, может отомстить за потерю Константинополя. Манфред поспешил выступить как защитник свергнутого Латинского императора. Балдуин II во время своего бегства из захваченной столицы по пути остановился в Греции, чтобы принять бессмысленные почести от немногих оставшихся там франкских сеньоров, которые собрались, чтобы приветствовать его в Кадме, в Фивах и в афинском Акрополе. Затем он поплыл в Италию и высадился в Апулии. Манфред лично встретил Балдуина и принял его со всеми почестями, осыпав подарками и пообещав любую посильную помощь в возвращении его на престол. Он рассказал своему гостю о своих трениях с Папой и попросил о посредничестве. Манфред сказал, что готов сам атаковать Константинополь, оплатить все расходы для этого похода, а потом, если потребуется, отправиться в Святую Землю, если только Папа дарует ему свою благосклонность и мир или даже просто перемирие. На Балдуина произвела сильное впечатление искренность Манфреда, а также его богатство. Он пообещал сделать все что в его силах, чтобы помирить Манфреда с папством. Покинув двор Манфреда, Балдуин поехал к Папе в Витербо и передал ему послание сицилийского короля. Папа отказался на него отвечать. Тогда Балдуин отправился во Францию к королю Людовику Святому, но тот был также не в восторге от Манфреда, которого считал узурпатором и врагом Церкви.[56]

То был обескураживающий ответ, но бывший император Константинополя на протяжении многих лет оставался верен своей дружбе с Манфредом, отчасти просто потому, что сицилийский король действительно был ему искренне симпатичен, отчасти потому, что никто больше не мог оказать ему реальную помощь; Манфред же решил, поскольку дела в Италии дали ему передышку, отправиться в поход на Константинополь. Он был уверен, что Рим не станет более враждовать с ним после того, как он окажет такую благородную услугу католикам. Тут Манфред жестоко ошибался в отношении папства.

Глава IV. В ПОИСКАХ КОРОЛЯ: ЭДМУНД АНГЛИЙСКИЙ

Будь жив Папа Александр IV, когда пал Константинополь, просьбу императора Балдуина о мире между Манфредом и папством, быть может, не оставили бы без внимания. Александр был добродушным человеком, не приемлющим крайние меры. Он пытался сохранить за собой свободу действий в сицилийском вопросе, но не имел ни малейшего представления о том, что делать с этой свободой. В Риме Александр перестал чувствовать себя в безопасности, ему пришлось стать свидетелем того, как Манфред приобретает все больше власти над большей частью Италии и становится чуть ли не национальным героем на полуострове. Александр IV отлучил Манфреда от церкви и, хотя его беспокоила судьба Латинской империи Константинополя, отказался благословить латино-эпирский союз, потерпевший поражение в Пелагонии. Но все эти действия Александра ни к чему не привели. Впрочем, будучи человеком нерешительным, он, возможно, прислушался бы к просьбе императора Балдуина. Кардинал Октавиан, которым Александр восхищался и у которого часто спрашивал совета (хотя и не доверял ему полностью), был за мир с Гогенштауфенами и поддержал бы Балдуина. Но Папе Александру IV не пришлось принимать столь важное решение. Он умер в Витербо 25 мая 1261 г. Александр, с присущей ему нерешительностью, не назначил ни одного кардинала. На момент его кончины в коллегию кардиналов входили всего восемь человек. Они поспешили собраться, чтобы выбрать преемника, но никак не могли прийти к согласию. После трех месяцев пререканий кандидат, который набрал бы необходимые две трети голосов, так и не был найден. Тем не менее очень важно было найти Папу, поскольку на тот момент Церковь отчаянно нуждалась в руководящей руке. Наконец кто-то вспомнил о патриархе Иерусалимском. На момент смерти Александра он как раз был в Италии, улаживая кое-какие дела при папском дворе, и поразил всех своей честностью и энергичностью. Его кандидатура была выдвинута, и уже готовясь к возвращению в Святую Землю, 29 августа он с некоторым удивлением узнал, что единогласно избран на пост Папы. Шестью днями позже он был возведен на папский престол под именем Урбан IV.[57]

Папа Урбан сильно отличался от своего предшественника. В миру этого уроженца Франции звали Жак Панталеон, отцом его был сапожник из

Труа. У нового Папы за плечами было более шестидесяти лет жизни и большой опыт управления делами Церкви. Получив блестящее образование в школе при кафедральном соборе Труа, а затем в Парижском университете, Урбан провел молодые годы во Франции и попал в поле зрения Папы Иннокентия IV на Лионском Соборе в 1247 г. Иннокентий назначил его легатом для миссионерской работы в Балтии и для дальнейшей политической работы в Германии в поддержку кандидатуры Вильгельма Голландского. В 1255 г. Урбан был выбран патриархом Иерусалимским. Прошло несколько лет, прежде чем он смог отправиться в Палестину, где оказался свидетелем немыслимой ситуации: аристократы Святой Земли перессорились между собой и с королевой-регентшей Плезанцией, венецианцы и генуэзцы открыто воевали друг с другом на побережье, а военно-монашеские ордена не признавали никакой власти. Будущий Папа предпринял решительные действия, поддержав регентшу против аристократов и венецианцев против генуэзцев; и в Рим он приехал в 1261 г., чтобы заручиться поддержкой папства в усмирении рыцарей ордена госпитальеров. Урбан IV совершенно очевидно был человеком дела, который смог бы вывести папство из состояния летаргии.[58]

Оставив, хоть и неохотно, проблемы Святой Земли неразрешенными, Папа моментально сосредоточился на действиях против Манфреда в Италии. Манфред был в зените власти. Он господствовал над всей Италией. Брак с Еленой Эпирской обеспечил ему плацдарм на Балканах. В 1258 г. он заключил новый альянс, еще более досадный для папства, когда обручил свою дочь Констанцию, единственного ребенка от своего первого брака, с инфантом Педро, сыном и наследником короля Хайме (Якова) Арагонского. У арагонцев был лучший флот в западном Средиземноморье; их поддержка в сочетании с собственной морской мощью давала Манфреду господство на море. Но Манфред был склонен к праздности. Все шло, как ему казалось, настолько хорошо, что он не стал утруждаться, чтобы, воспользовавшись вакантностью папского престола, укрепить свои позиции; он также не предпринял ничего, чтобы обезопасить себя от действий нового Папы. Вместо этого Манфред охотился в лесах Базиликаты. Он рассчитывал, что его друг император Балдуин защитит его интересы в Римской курии и во Франции.[59]

Манфред недооценивал способности нового Папы и его ненависть к Гогенштауфенам. Урбан IV первым делом назначил четырнадцать новых кардиналов — несколько из них были французами, как и он сам, — чтобы обеспечить себе поддержку коллегии.[60] Затем он приступил к

восстановлению контроля над папским наследством. В этом Урбан не вполне преуспел. Ему не удалось вытеснить семью Вико, друзей Манфреда, с их земель в Бьеде и Чивитавеккье; не удалось ему также укрепить свою власть над Римом настолько, чтобы обосноваться там, так что он предпочитал жить в Ви-тербо и Орвьето. Но Урбану удалось вернуть некоторые владения, отчужденные при его предшественнике, и значительно усилить свою власть в Лации и Марке. В Тоскане Урбан упрочил связи с флорентийскими и сиенскими банкирами, тем самым поставив в затруднительное положение правителей-гибеллинов в обоих городах; и он сумел вывести Пизу из-под контроля гибеллинов. Урбан не сокрушил власть Манфреда в провинции, но ослабил ее. Двигаясь далее на север, папство вернуло влияние в Ломбардии, когда Урбан назначил энергичного епископа, Отто Висконти, в ключевую епархию этого региона — Миланское епископство. А предводителю гвельфов, Аццо д'Эсте, который был в немилости при Александре IV из-за заигрывания с Паллавичини и гибеллинами, было вновь дарована папская милость, и его внук и наследник, Обиццо, был вскоре назначен главой возрожденной лиги гвельфов. В Тоскане же помощники Манфреда хоть и не были низложены, но власть их была несколько ослаблена.[61]

Однако подлинным решением проблемы было лишить самого Манфреда основных источников его могущества — Южной Италии и Сицилии. Любое недовольство раздувалось папскими агентами, которые имели некоторый успех на самой Сицилии. Островитяне разочаровались в Манфреде, который редко приезжал к ним, предпочитая держать свое правительство и проводить свой досуг на континенте. В 1261 г. на Сицилии через несколько месяцев после убийства наместника Манфреда, его кузена Фридриха Малетты, человек по имени Джованни ди Коклерия объявил себя Фридрихом II, восставшим из мертвых, и собрал вокруг себя сторонников. Новому наместнику Риккардо Филанджиери пришлось постараться, чтобы подавить мятеж.[62] Это недовольство было на руку Папе, чей план заключался в том, чтобы посадить на сицилийский трон своего кандидата.

Папа считал, что король Сицилии был его вассалом. Именно Папа пожаловал земли Южной Италии и Сицилии нормандским захватчикам в XI в. Рожер II, конечно, присвоил себе корону без благословения Папы, но понтифик в конце концов признал законность его титула. В глазах Рима Фридрих II был законным наследником сицилийского престола только потому, что Папа признал его таковым; и в 1245 г. Папа Иннокентий IV чувствовал себя в своем праве, когда формально отрешил Фридриха от

власти. Но провозгласить его низложение было проще, чем привести в исполнение. Пришлось бы даровать корону правителю, достаточно сильному для того, чтобы сместить Фридриха. Иннокентий сначала обратился к французскому двору. Но Людовик Святой, хотя и не одобрял действия Фридриха, считал его законным монархом, смещать которого Папа не имел никакого права. Английский двор, к которому обратились во вторую очередь, оказался более сговорчивым. Король Генрих III был человеком тщеславным, и его привлекала возможность посадить на трон еще кого-нибудь из своей семьи. Но очевидным кандидатом был его брат Ричард, граф Корнуэльский, который знал Фридриха и хорошо к нему относился. Фридрих был его шурином, и Ричард заезжал к нему в гости на Сицилию по дороге из Святой Земли. Так что, пока Фридрих был жив, у Папы не было возможности найти кандидата, горящего желанием свергнуть императора. После смерти Иннокентий сделал еще одну попытку. Обдумав возможную кандидатуру младшего сына Фридриха, Генриха, 3 августа 1252 г. он написал английскому королю письмо, в котором просил убедить Ричарда взойти на сицилийский престол, перешедший к папству после смерти Гогенштауфена. Но Иннокентий, похоже, не очень рассчитывал на успех, поскольку двумя днями позже он написал такое же письмо королю Людовику, предлагая трон младшему брату Людовика, Карлу, графу Анжуйскому. Сам Людовик все еще находился в Святой Земле после плачевно закончившегося Египетского крестового похода, поэтому вместе с этим письмом Папа направил послание к старшему после Людовика брату, Альфонсу, графу Пуатье, как к старшему принцу во Франции, с просьбой употребить свое влияние на Карла. Эти письма были доверены папскому нотарию Альберту Пармскому, который должен был доставить сперва английское письмо, а уже в случае неблагоприятного ответа — письма французскому двору.

Ричард Корнуэльский сразу отклонил предложение. Он сказал, что это все равно что предложить человеку луну при условии, что тот сковырнет ее с неба. Карл, казалось, пребывал в нерешительности; впрочем, он мог ждать указаний от короля Людовика. Людовику эта идея не нравилась, поскольку он считал сына Фридриха, Конрада, полноправным королем Сицилии, а его мать, королева Франции Бланка, имевшая огромное влияние на своих сыновей, была глубоко шокирована попыткой Папы раздуть из его ссоры с Гогенштауфенами Священную войну. Так что Карл тоже отказался.[63]

Смерть Конрада и узурпация власти Манфредом изменили ситуацию. Король Людовик не любил Манфреда, считая его нечестивым захватчиком,

но был убежден, что трон по праву принадлежит юному Конрадину. Генрих Английский не испытывал подобных колебаний. Ричард был еще менее заинтересован в деле, чем раньше, поскольку теперь стремился стать императором и вкладывал всю свою энергию и деньги в Германию. Но у Генриха III был младший сын, Эдмунд, которого Генрих тоже хотел бы видеть королем. Мысль о том, чтобы предложить кандидатуру Эдмунда, казалось, пришла Генриху в голову еще тогда, когда Ричард отклонил предложение, а Конрад был еще жив; но Альберт Пармский между тем уже отправился к французскому двору, и только к следующей осени Карл Анжуйский, получив к тому времени жесткие указания от короля Людовика, ответил Папе четким отказом. Генрих III же был озабочен правами своего племянника, Генриха Гогенштауфена, к которому питал некоторую привязанность. Но Карл в конце концов отвел свою кандидатуру 30 октября 1253 г., а молодой принц Генрих умер шестью неделями позже. В самом конце года Папа уполномочил Альберта Пармского вновь обратиться к английскому двору. В феврале 1254г. Генрих сообщил Иннокентию, что хочет предложить кандидатуру Эдмунда. В марте Альберт Пармский составил с ним проект договора, который Папа должен был утвердить. 14 мая Иннокентий написал ряд писем, в которых называл Эдмунда «королем Сицилийским», но предлагал внести некоторые изменения в договор. Прежде чем эти письма были доставлены, пришло известие о том, что 11 мая король Конрад умер; и Альберт Пармский, сомневавшийся в целесообразности английской кандидатуры, решил придержать письма до тех пор, пока не сможет узнать решение Папы.[64]

Дальновидность Альберта подтвердилась. Иннокентий не хотел сразу же посягать на права малолетнего Конрадина; он также полагал, что есть вероятность договориться с Манфредом, который теперь контролировал юг королевства. Последовала краткая передышка, когда Иннокентий пришел к соглашению с Манфредом осенью 1254 г. Но стороны не доверяли друг другу. Манфред приветствовал Папу в королевстве, собственноручно «ведя лошадь под уздцы», когда тот пересекал реку Гарильяно, но медовый месяц закончился через восемь дней, и Манфред бежал в Лучеру. Иннокентий возобновил переговоры с Англией, но уже не столь категорично, как прежде. Он согласился признать Эдмунда королем Сицилийским, но добавил двусмысленный пункт относительно прав Конрадина.[65]

Ситуация все еще оставалась неясной, когда в декабре 1254 г. Иннокентий умер. Король Генрих III Английский снова увлекся сицилийским проектом. Много лет назад он дал обет предпринять

крестовый поход и теперь постоянно облагал своих подданных налогами на военные нужды. Но на самом деле он не очень рвался отправиться на Восток; к тому же с его стороны было бы недальновидно покидать свое довольно беспокойное королевство. Набожность и семейные чаяния Генриха были бы удовлетворены в гораздо большей степени, если бы он употребил свои деньги на Священную войну за интересы Церкви, наградой в которой был бы престол для его сына. Имелись ли у Эдмунда, которому в ту пору было всего восемь лет, какие-то соображения на этот счет, остается неясным. Ясно было, однако, что подданные Генриха не разделяли его энтузиазм. Они были возмущены навязанными им налогами; но будь эти деньги действительно направлены на освобождение христиан в Святой Земле и на войну с язычниками, англичане, пожалуй, отдали бы их без сожалений. В Священной войне против Гогенштауфенов не было той притягательности. Было неясно, с какой стати английские деньги должны быть отданы на войну в Италии ради удовлетворения личных амбиций короля. «Сицилийская проблема», как называли ее англичане, грозила пошатнуть власть английской монархии.[66]

Король Генрих не обращал внимания на ропот своих подданных. Он уже заключил соглашение с королем Альфонсом Кастильским, который был его соперником в Гаскони и имел притязания на наследство Гогенштауфенов по материнской линии. Старший сын Генриха Эдуард был обручен со сводной сестрой Альфонса, Элеонорой. Между Англией и Францией велась долгая война, которая была теперь прервана перемирием, достигнутым благодаря посредничеству Папы и желанию Людовика Святого жить в мире со своими соседями. В декабре 1254 г. Генрих прибыл в Париж с визитом, взяв с собой свою жену, Элеонору Прованскую, которая приходилась сестрой французской королеве Маргарите. К королевам присоединились их мать, вдовствующая графиня Прованская, и две их сестры, Санча, графиня Корнуэльская, и Беатриса, графиня Анжуйская, мужья которых по очереди отказались от сицилийской короны. Это было счастливое семейное торжество, омраченное лишь легкой завистью сестер. Маргарита, Элеонора, Санча и их мать выказали некоторую холодность по отношению к Беатрисе, которая, будучи хоть и младшей сестрой, получила от покойного графа все провансальское наследство, так что вдовствующая графиня и ее старшие дочери считали себя несправедливо обделенными. Но короли были очарованы друг другом. Король Генрих, будучи поклонником искусств, выражал свое восхищение новыми постройками в Париже, Людовик же согласился не препятствовать выдвижению

кандидатуры Эдмунда на сицилийский трон.[67]

Кандидатура была утверждена новым Папой Александром IV. Иннокентий IV мог бы усомниться в разумности возведения девятилетнего мальчика на сицилийский престол и усмотреть дипломатическую выгоду в соблюдении прав Конрадина. Александр был не столь дальновиден. Он был уверен, что английский король богат, и радовался, что тот сможет оплатить расходы на неизбежную войну против Манфреда. Генрих все еще был связан обетом — ему надлежало отправиться в крестовый поход в Святую Землю, и выступить он должен был в середине лета 1256 г. По просьбе Генриха Папа теперь изменил условия обета. Теперь Генрих должен был послать войска в Италию до Михайлова дня 1256г. и отдать в папскую казну 135541 марок. Осенью 1255 г. епископ Болонский прибыл из Италии, чтобы властью Папы передать Эдмунду королевские полномочия. Вместе с епископом прибыл папский нунций, Ростан Массой, он должен был проследить, чтобы деньги, обещанные Генрихом, были собраны и отправлены Папе. В октябре Эдмунд был торжественно провозглашен сицилийским королем. Тогда же король Генрих дал клятву выполнить требования Папы под страхом отлучения от церкви.

Ослепленный гордыней, Генрих III не отдавал себе отчета в том, что за обещания он дает. Сумма, которую требовал Папа, была за пределами возможного для Англии. Фактически он принял на себя долги папства, не задумавшись о том, где добыть эти деньги. Его подданные были не настолько слепы. Светские аристократы отказали ему в поддержке, и тут Генрих ничего не мог поделать. Духовенство занимало более слабую позицию. Епископ Херефорда, посол Генриха при папском дворе, уже заложил собственность некоторых английских монастырей, как гарантию займов, полученных у итальянских банкиров именем Папы. Чтобы выкупить заложенную собственность, следовало взимать налог со всего церковного имущества в размере одной десятой в течение трех лет или пяти лет, если трех окажется недостаточно. Налог должны были собирать папские чиновники под руководством Ростана Массона; любому капитулу или монастырю, отказавшемуся платить, грозили интердикт и анафема. Гул протеста услышал даже витавший в облаках король, а Ростан начал понимать, что таких денег просто нет в наличии. Гигантские суммы были отправлены в Италию, но долг, казалось, оставался все таким же огромным. Михайлов день 1256 г. прошел, а большая часть обещанного дара так и не была выплачена. Ростан отправился к папскому двору и вернулся в марте 1257 г. в сопровождении архиепископа Мессинского с требованием новых налогов. Генрих принял представителей торжественно, вместе с Эдмундом,

к тому времени уже двенадцатилетним, который на приеме был одет в апулийскую мантию. Сицилийскому архиепископу был, возможно, приятен тактичный наряд его потенциального короля; но ему никак не мог понравиться настрой английских аристократов, собравшихся, чтобы встретить его. Не-смотря на пламенную проповедь, которую архиепископ прочел английским епископам, напоминая им о долге перед их юным принцем и его новым королем, те нехотя предложили ему 52 000 фунтов взамен новых налогов, которые требовал Папа, заявив при этом, что должно быть получено также согласие низшего клира, который упорно не желал давать согласие. Светская знать вновь наотрез отказалась помогать Генриху III и легату.

Даже король Генрих понял, что зашел слишком далеко. В апреле он приостановил все выплаты папским агентам, заявив, что еще не решил окончательно, продолжать ли сицилийское дело. В конце июня он назначил послов и, наделив неограниченными полномочиями, направил их в Париж, чтобы заключить постоянный мир с королем Людовиком, а оттуда в Италию — чтобы изложить альтернативные предложения Папе. Генрих полагал, что имеет право рассчитывать на смягчение условий, поскольку Папа не сделал ничего, чтобы предотвратить укрепление власти Манфреда в Италии, и теперь воевать с ним будет более сложно. В свете вышеизложенного Генрих спрашивал Папу, не будет ли более разумным решением заключить мир с Манфре-дом на основе раздела Сицилийского королевства; или же понтифик возмется самостоятельно оплатить половину военных расходов в обмен на половину королевства. Если же эти условия окажутся неприемлемыми, Генрих был готов отозвать кандидатуру Эдмунда при условии, что будет освобожден от всех обязательств, и тогда Папа сможет заняться поисками нового кандидата. Поскольку послы задержались в Париже, эти предложения были доставлены в Рим Ростаном Массоном, который полностью разделял мнение английской стороны и, возможно, даже сам составил письма к Папе.[68]

Папа Александр был в ярости. С упрямством слабого человека он решительно не хотел уступать Генриху. Из-за успеха Манфреда (виноват в котором он во многом был сам) Александру тем более не хотелось выпускать англичан из своих тисков. Ростан впал в немилость; ему было позволено вернуться в Англию, но ответ Папа передал через нового легата, нотария Арло-та. Александр сделал одну маленькую уступку: Генриху разрешалось не выплачивать остаток обещанных денег, что составляло значительно больше половины изначально указанной суммы, до лета 1258г.; между тем английские послы должны были выступить гарантами по

займам на покрытие части долга. Генриху же далее было приказано заключить мир с Францией и прибыть на Сицилию не менее чем с 8500 вооруженными людьми к 1 марта 1259 г. Архиепископы и епископы должны были отвечать за сбор денег в каждой епархии, а Генрих должен был собрать налог с мирян. В случае невыполнения этих условий Генрих будет предан анафеме, а на страну наложен интердикт.

В апреле 1258 г. Генрих созвал светскую и церковную знать и сообщил ей об условиях, выдвинутых Папой. Реакция последовала весьма резкая. Через несколько дней представители высшей светской знати собрались вместе и поклялись поддерживать друг друга. Потом они подъехали в полном вооружении к королевскому дворцу в Вестминстере и, оставив мечи у порога, ворвались к королю. Осознав собственное бессилие, вместе со своим наследником, принцем Эдуардом, король поклялся на Евангелии последовать совету своих баронов. Те со своей стороны пообещали помочь ему с сицилийской проблемой, если Папа смягчит условия, а король — проведет конституционные реформы. В мае в Оксфорде надлежало созвать парламент для обсуждения реформ.[69]

Сицилийское дело теперь вылилось в более широкий спор между монархией и аристократией Англии. Генрих III все еще питал определенные надежды. Более того, через три года он все еще считал, что, если бы не вмешательство знати в 1258 г., он мог бы прийти к реальному соглашению с Папой. Послы Генриха, преуспевшие во Франции с мирным договором, который был утвержден на следующий год, добились внесения в договор условия, согласно которому король Людовик обещал оплачивать содержание 500 рыцарей в течение двух лет, чтобы поддержать Генриха III в сицилийской войне. Английские бароны написали Папе, предлагая содействие в этом вопросе, но при этом дали понять, что они не в восторге, отметив, что с ними не посоветовались, и намекнули, что сомневаются в выполнимости задачи. Фактически всем стало понятно, даже Папе, что от Англии уже нечего ждать. Александр неплохо нагрел руки на этой истории: получил от Англии 60 000 марок, и это ничего ему не стоило. Сразу приняв решение, 18 декабря 1258 г. он издал буллу, отменяющую пожалование Сицилийского королевства принцу Эдмунду.[70]

Долгое заигрывание с Англией никак не помогло в решении проблемы сицилийской короны. Папа получил некоторое количество наличных денег, но Манфред тем временем укрепил свое положение в Италии. Вся эта история важна, главным образом, из-за влияния, которое она оказала на внутренние дела Англии, ибо она привела к «войне баронов», спорам

вокруг конституции и событиям, омрачившим последние годы правления короля Генриха. Сейчас кажется нелепым, что королю Генриху вообще могла придти в голову мысль посадить сына на итальянский трон. Ни сам Генрих, ни его страна не могли позволить себе этот грандиозный проект; и Папа должен был гораздо раньше понять, что зря теряет время. Но немногие средневековые монархи задумывались о финансовых вопросах. Да и брат Генриха Ричард, который считался одним из мудрейших людей своего времени, полагал, что достаточно богат, чтобы затеять еще более честолюбивый проект — сделаться императором, и ему это почти удалось. Если бы подданные Генриха оказались более сговорчивыми и оплатили бы войска для похода, а Папа был бы не так ненасытен в своих требованиях, Эдмунд мог бы стать королем Сицилии. Манфред не был непобедим, как показали последующие события; а в 1256 г. он был слабее, чем в 1266 г. Французская армия, победившая его чуть позже, хотя и имела преимущество в лице компетентных полководцев, была не особенно многочисленна; да и потратили на нее гораздо меньшую сумму, чем сумма, обещанная Генрихом Папе. И в самом деле, будь Генрих и Папа Александр умнее и пользуйся они большим уважением у своих подданных, они могли бы достигнуть своей цели; а для Сицилии, возможно, было бы лучше зависеть от далекой Англии, чем от Франции. Принц Эдмунд впоследствии стал умным и великодушным правителем, почитаемым своими вассалами. Он мог бы стать хорошим королем и основать династию, искренне преданную интересам сицилийцев. Но ему, без сомнения, повезло, что его освободили от хитросплетений средиземноморской политики, и Эдмунд был гораздо счастливее в роли графа Ланкастера, чем мог бы стать в роли короля Сицилийского.

Отказ от английского проекта позволил Папе заняться поисками нового кандидата. Но Александр, как всегда, колебался, и смерть забрала его прежде, чем он успел принять решение. Преемник Александра, Урбан IV, имел более четкую программу.

Глава V. В ПОИСКАХ КОРОЛЯ: КАРЛ АНЖУЙСКИЙ

Папа Урбан последние несколько лет до своего восшествия на папский престол провел на Ближнем Востоке. Он не был причастен к политике папства в Западной Европе и мог взглянуть на нее свежим взглядом. Как только у него появилось время изучить историю кандидатуры принца Эдмунда на сицилийский престол, он понял, что эта затея неосуществима. Генрих Ш, со своим неисправимым оптимизмом, надеялся, что новый Папа может изменить последнее решение Александра, но несмотря на просьбу английского короля, Урбан в сентябре 1262 г. прислал ему сообщение, подтверждающее, что переговоры с Англией окончены. Он уже искал другую кандидатуру.[71]

Урбан был французом, и инстинкт подсказывал ему искать спасения для Церкви во Франции. Король Людовик Святой до сих пор не особенно радовал папство в этом вопросе. Но Урбану больше не к кому было обратиться. С того времени, как он был послом в Германии, Урбан испытывал сильную неприязнь к Гогенштауфенам: для него и речи быть не могло, чтобы встать на сторону Конрадина с целью свергнуть Манфреда. В Германии больше не было подходящей кандидатуры, поскольку Ричард Корнуэльский, Римский король, был слишком занят попытками удержаться у власти, и ему в любом случае было не до Италии, даже если бы Папа согласился рискнуть и объединить императорскую и сицилийскую короны. Из остальных западных монархов король Хайме Арагонский был человеком авантюрного склада, готовым ввязаться в любое новое предприятие, но он только что заключил союз с Манфредом. Король Альфонс Кастильский предложил себя в качестве короля Сицилии, но он все еще был кандидатом на императорский трон и вызвал недовольство папства своими имперскими амбициями, подружившись с гибеллинами Северной Италии. Оставался только французский двор. Весной 1262 г. нотарий Альберт Пармский снова был отправлен в Париж — просить короля Людовика, чтобы тот пересмотрел свое решение и принял предложение о пожаловании Сицилийского королевства принцу из его династии.

Король Людовик был в замешательстве. Он обещал свою поддержку английскому кандидату, но в любом случае его беспокоили наследные

права Конрадина. В то же время Людовик осуждал Манфреда, который в его глазах был узурпатором и врагом Церкви. Он был настроен против Манфреда так серьезно, что готов был разорвать помолвку своего сына Филиппа с арагонской принцессой, когда узнал, что ее брат женился на дочери Манфреда. Людовик согласился на этот брак, только когда Хайме Арагонский пообещал никогда не предоставлять Манфреду военную поддержку в его конфликте с Церковью. Король Людовик некоторое время колебался. Затем, с ловкостью, едва ли совместимой с его безупречной репутацией, он пошел на компромисс: отказался от сицилийского трона для себя или для своих сыновей, но не стал возражать, когда Альберт предложил трон его брату, Карлу Анжуйскому. Обрадованный согласием Людовика, Альберт приготовился отправиться в Прованс, где находилась резиденция графа Анжуйского, когда в Париж прибыли новые письма от Папы с указанием приостановить все дела.[72]

Папа переключился на другой фронт в связи с прибытием к папскому двору бывшего латинского императора Балдуина. Балдуин приехал в Витербо от Манфреда, которого он считал единственным государем, способным восстановить Латинскую империю Константинополя. Теперь настал черед Папы растеряться. Возвращение Константинополя было для него делом особой важности, и ему было искренне жаль Балдуина. Папа отказался дать прямой ответ на письма Манфреда, привезенные императором: он не мог заставить себя с такой готовностью прийти к соглашению с отлученным от церкви захватчиком, но сразу же отвечать отказом ему тоже не хотелось. Папе не пристало тратить все свои силы на войну в Италии, когда католическому христианству на востоке грозила опасность. К тому же надо было принимать в расчет не только Константинополь: государства, основанные крестоносцами в Сирии, где Урбан когда-то жил и трудился, были под угрозой из-за усиления египетских мамлюков. Когда в 1260 г. мамлюки разбили монголов, аристократия Иерусалимского королевства, напуганная могуществом монгольской империи, приветствовала ее поражение. Однако вскоре оказалось, что для христиан Святой Земли мамлюки являются гораздо более серьезной и близкой угрозой. Урбан был человеком с большим жизненным опытом: он рассматривал христианский мир как единое целое. Ему нужно было время, чтобы пересмотреть свою политику. Вместо того чтобы и дальше предлагать сицилийский престол французскому принцу, Папа теперь обратился ко всем верующим, настаивая немедленно организовать крестовый поход.[73]

Многим казалось, что дипломатия Манфреда увенчалась успехом. Один англичанин написал домой из Витербо, что согласие между сицилийским королем и папством близко.[74] До Константинополя дошло известие о том, что Папа освободил Гильома Ахейского от клятвы верности, которую тот принес византийскому императору Михаилу Палеологу, и в Константинополе решили, что это произошло из-за вмешательства Манфреда. Византийский император испугался, что весь Запад объединился в большой союз против него.[75] Его беспокойство было преждевременным, поскольку у Папы имелись на этот счет свои соображения. Папа отправил послание с требованием, чтобы Манфред явился к нему лично или прислал доверенное лицо к папскому двору до 1 августа 1262 г. В конце июля Манфред отправил послов в Витербо, где они были представлены Папе лично бывшим императором Бал-дуином. Послы просили отсрочки для Манфреда и получили разрешение до 18 ноября. Урбан тем временем написал Людовику Святому, чтобы попросить у него совета. Французскому королю, рвавшемуся в поход против язычников, перспектива мирного договора казалась заманчивой. При всей его нелюбви к Манфреду, его совесть была бы спокойна в том случае, если бы Папа простил Манфреда. Людовик написал, чтобы выразить свое одобрение. Но по какой-то причине письмо так и не дошло до адресата. Может быть, Людовик чувствовал некоторое беспокойство по поводу того, что придется пожертвовать правами Конрадина на сицилийский трон, которые в случае примирения с Манфредом будут попраны. Возможно также, что Карл Анжуйский, который теперь был заинтересован в сицилийской короне, сумел задержать письмо брата.[76] Урбан так и не получил никакого ответа из Франции, когда второе Посольство Манфреда прибыло к нему в начале ноября. Манфреду была предложена гарантия неприкосновенности для прибытия к папскому двору, но условия юзвращения Манфреда в лоно церкви не оговаривались; Папа также отправил письмо Альберту Пармскому с указаниеми продолжать переговоры с Карлом Анжуйским. Наконец, в конце ноября Урбан определился со своими условиями в отношении Манфреда. Чего точно он потребовал — неизвестно. Похоже, что он предложил пожаловать Манфреду и его наследникам Сицилийское королевство в обход всех притязаний, какие могут быть у Конрадина. Манфред, по-видимому, должен был заплатить большую сумму наличными в качестве первого взноса и платить ежегодную дань папскому престолу. Он также должен был вернуть в свое королевство изгнанных политических противников и отдать им отобранные земли. Именно это последнее условие

оказалось неприемлемым. Даже если бы Манфред захотел отказаться от земель, которые считал необходимыми для поддержания своей королевской власти, его чиновники, которых он награждал конфискованными поместьями, никогда не согласились бы с их утратой. Двор Манфреда не позволил бы ему принять эти условия. К тому времени, когда он выдвинул встречные предложения, было уже поздно. Урбан решил, что ничего хорошего из примирения не выйдет.[77]

Папа должен был действовать осторожно. Король Людовик страстно мечтал отправиться в крестовый поход на Восток, и император Балдуин поехал в Париж, чтобы использовать свое влияние на короля. Урбан продолжал действовать так, будто крестовый поход был его главной целью. Хотя про себя он уже начал сомневаться, будет ли соглашение с Михаилом Палеологом с целью объединения двух земель менее выгодным, чем возвращение Латинской империи, он все же официально отказался иметь дело с греками. Но Урбан дал Людовику понять, что, по его мнению, на Манфреда нельзя полагаться и, если крестовый поход будет успешным, на сицилийский престол должен взойти более верный сын Церкви.[78]

Людовик Святой позволил себя убедить, несмотря на просьбу Балдуина. В мае 1263 г. его братья, Альфонс де Пуатье и Карл Анжуйский, приехали к нему в Париж. Людовик дал разрешение Карлу возобновить переговоры с папством. В июне послы Карла прибыли к Папе. 17 июня Урбан передал им проект договора для их господина, а через три дня он написал Альфонсу де Пуатье с просьбой помочь ему убедить Карла принять эти условия. В июле Папа написал дружелюбное письмо императору Михаилу Палеологу и назначил нового посла к французскому и английскому дворам. Это был архиепископ Козенцы, принадлежавший к знатной неаполитанской семье Пиньятелли, которая из поколения в поколение враждовала с Гогенштауфенами. Архиепископ должен был сообщить Генриху Английскому, что кандидатура Эдмунда больше не обсуждается, а Людовику — что ему следует отбросить все свои сомнения в отношении прав Эдмунда или Конрадина. Интересы Церкви и крестового похода требовали передачи сицилийского престола Карлу.[79]

Император Балдуин, на которого рассчитывал Манфред, был в отчаянии. 2 июля он написал Манфреду из Парижа, что Папе удалось убедить короля Людовика в неискренности попыток Манфреда к примирению. Балдуин советовал Манфреду отправить надежного посланника в Париж с письмом к королю Людовику, чтобы убедить того в своей истовой вере, и с еще одним — к французской королеве, которая, как

заметил Балдуин, очень не любила графа Анжуйского. До Манфреда это письмо не дошло, оно было перехвачено подеста Римини, который переслал письмо Папе. Папа прочел письмо и отправил его обратно через Альберта Пармского в Париж, чтобы письмо прочел Людовик. Людовик был глубоко потрясен, узнав, что Балдуин, состоявший у него на содержании, плетет интриги за его спиной. Герцог Бургундский, которого Балдуин склонил на свою сторону, посулив королевство Фессалоникское после восстановления империи, не смог повлиять на короля; королева Маргарита тоже утратила всякое влияние при дворе, поскольку она оскорбила короля своей ненавистью к его брату.[80]

Получив согласие своего брата, Карл поспешил принять проект договора, предложенный Папой. Его послы тут же отправились в Орвьето, где в тот момент жил Папа, с письменным согласием Карла. 26 июня Урбан подписал буллу с обещанием соблюдать свою сторону договора. Дата ратификации договора неизвестна. К концу июля Карл Анжуйский был признан защитником Церкви.

Условия договора были более выгодны Папе, нежели Карлу. Новый король Сицилии должен был отказаться от присвоенной нормандскими правителями должности папского легата в своем королевстве. Он не мог распоряжаться ни назначениями на церковные посты, ни делами, попадающими под церковную юрисдикцию, не мог собирать налоги с духовенства, не мог он также использовать традиционное право королей получать доход с вакантной епископской кафедры. Он не только не мог претендовать на императорский престол, но также не мог занимать никакой пост в императорской части Италии или во владениях папства, не мог конфисковать ни целый лен, пожалованный короной, ни часть лена, ни каким-либо другим образом уменьшить его размеры и стоимость. Ему надлежало обеспечить достойное правление, подобно тому, что было при короле Вильгельме II — «добром короле Вильгельме» (как гласило предание), — и не следовало взимать чрезмерные налоги. Если Папа решит сместить его, Карл не должен был требовать дальнейшего подчинения от своих вассалов. Вдобавок ко всему граф Анжуйский должен был принять на себя остаток английского долга папству, выставлять на службу Папе триста рыцарей или кораблей по первому требованию и платить папству ежегодный налог в 10 000 унций золота, что в тридцать раз превышало дань, которую платили нормандские короли. Взамен папство даровало Карлу свое покровительство и позволило собирать десятину во Франции, Провансе и королевстве Арелатском в течение трех лет. Папа обещал проповедовать начало крестового похода против Манфреда и не допустить

избрания на императорский престол Конрадина или кого-либо другого, кто мог бы претендовать на сицилийскую корону.

То, что Карл Анжуйский все же принял эти условия, показывало, насколько велики были его амбиции. Молва приписывала его согласие стать сицилийским королем влиянию жены. Беатриса Прованская завидовала своим сестрам, которые теперь были королевами Французской, Английской и Римской. Когда они в последний раз встречались, Беатрисе пришлось, как простой графине, сесть за стол для людей более низкого звания на торжественном обеде, и это горько ее обидело. Она тоже хотела стать королевой. Но Карл был не из тех, кто потакает женским прихотям. Он стремился взойти на престол не меньше, чем его жена.[82]

Карл родился в начале 1227 г., через несколько месяцев после смерти своего отца, короля Людовика VIII, и его детство пришлось на то бурное время, когда его мать, Бланка Кастильская, подчинила своей власти непокорную знать Франции. Бланка была гордой и сильной женщиной, слишком занятой политикой для того, чтобы уделять достаточно времени и любви своим детям. Чувство долга объединило ее с благочестивым старшим сыном, Людовиком IX Святым, чьи интересы она так неустанно защищала, и который отплатил ей безоговорочной, почтительной преданностью. До Карла же, который из всех детей Бланки больше всего походил на нее, матери, казалось, не было дела. Людовик Святой был снисходителен к своим братьям, насколько позволял его аскетичный, нелюдимый склад характера, но его любимчиком был второй брат, Роберт, граф Артуа, отважный, красивый юноша, погибший из-за своей горячности в битве при Мансуре во время Египетского крестового похода. Из двух оставшихся братьев, Альфонса и Карла, Людовик предпочитал Альфонса, и Карл об этом знал. Альфонс, граф Пуатье, был болезненным, мнительным, трудолюбивым и угрюмым человеком. Он был женат на Жанне Тулузской, богатейшей наследнице во Франции, но редко жил в южных владениях своей жены, предпочитая быть поближе к Парижу, пока толпа курьеров сновала туда-сюда с дотошными инструкциями по управлению его уделом, за выполнением которых он тщательно следил. Он был справедливым и благочестивым, разве что несколько жадноватым правителем, и король, его брат, считал его рассудительным и верным советником. Их единственная сестра, Изабелла, еще молодой удалилась от мира в монастырь Сент-Клуд, который сама основала.

Обделенный любовью семьи, Карл с юных лет привык полагаться только на себя. Он вырос высоким и мускулистым юношей, с темно-оливковой кожей, унаследованной от кастильских предков, и длинным

носом — от Капетингов. Карл был прекрасно сложен; от матери он унаследовал ее энергию. Карл получил хорошее образование и никогда не утратил уважения к учению и любви к поэзии и искусству. Но он унаследовал свойственный его семье аскетизм и всегда мог отказаться от удовольствий во имя более высокой цели. Но если аскетизм короля Людовика проистекал из его искренней набожности, то аскетизм Карла был средством к удовлетворению жажды власти. Его благочестие было по-своему искренним, но в основном выражалось в уверенности, что Господь избрал его своим орудием.[83]

Семья хоть и не осыпала Карла проявлениями родственной любви, зато одарила его немалыми материальными благами. Еще до его рождения умирающий отец завещал Карлу (при условии что родится мальчик) богатые апанажи Анжу и Мэн. Только в 1247г., в возрасте двадцати лет, Карл вступил во владение этими двумя графствами, но за год до того его мать и брат устроили его брак с богатой наследницей, Беатрисой Прованской. Беатриса была младшей из четырех прекрасных дочерей Раймонда-Беренгария IV, графа Прованса и Форкалькье. Из ее сестер Маргарита вышла замуж за короля Людовика в 1234 г., Алиенора — за короля Генриха III Английского в 1236 г., а Санча, красивейшая из них, — за Ричарда Корнуэльского, будущего Римского короля, в 1243 г. По феодальному обычаю, поскольку в семье не было сына, дочери должны были стать сонаследницами, но Раймонд-Беренгария не хотел дробить свои земли и оставил их целиком Беатрисе, решив, что ее сестры в достаточной степени вознаграждены богатым приданым. К несчастью, их приданое так и не было выплачено до конца, и оставленные без наследства сестры чувствовали себя обманутыми, в частности — королева Маргарита, старшая сестра, которая с тех пор ненавидела Карла. Вскоре Карл также испортил отношения со своей тещей, Беатрисой Савойской, которая поссорилась с ним из-за своего вдовьего наследства.[84]

Карла не испугала враждебность семьи его жены. Беатриса предпочла его таким соперникам, как Конрад Гогенштауфен, Римский король, и двум пожилым вдовцам — королю Хайме Арагонскому и графу Раймонду VII Тулузскому, и Карл оправдал ее выбор. По закону графство Прованское находилось в вассальной зависимости от императора как часть старого королевства Бургундии и Арелата. Карл просто проигнорировал этот факт, да и Фридрих II не был настроен бороться за свои права. Но последние графы Прованские были слишком беспечны и предоставили городам и знати графства полную свободу. Карл был настроен покончить с подобным

положением дел. Когда он прибыл в Прованс в начале 1246 г., с ним приехала целая толпа юристов и счетоводов, обученных при французском дворе, которые сразу же приступили к изучению его графских прав и привилегий и подсчетам причитающихся ему денег и прочих благ. Их действия вызвали яростный протест провансальцев. Два местных аристократа, Барраль де Бо и Бонифаций де Кастеллан, собрали вокруг себя всех недовольных. Их поддержала вдовствующая графиня, которая объявила, что по завещанию ее мужа ей полагалось во владение графство Форкалькье и право пользования его собственностью в Провансе; мятежников также поддержали три города — Марсель, Арль и Авиньон. Эти города официально были не частью Прованса, а империи, что дало им возможность стать коммунами по итальянскому образцу. Теперь же они опасались за свою независимость. Когда в 1247 г. Карл отправился на север, чтобы формально вступить во владение графствами Мэн и Анжу, эти три города заключили оборонительный союз на пятьдесят лет и пригласили Барраля де Бо возглавить их армию.

Карл обещал отправиться в крестовый поход со своим братом, и у него не было времени расправиться с мятежниками. Все, что он мог, — это пойти на компромисс со своей тещей, уступив ей Форкалькье и третью часть доходов Прованса. После того как он вместе с королем отплыл из Эг-Морта в 1248 г., волнения в его графстве переросли в открытый бунт. В крестовом походе Карл показал себя как храбрый воин, но как только брат отпустил его во Францию, он поспешил домой и высадился в Эг-Морте в октябре 1250г. С помощью военной силы и искусной дипломатии он сумел разделить врагов и сокрушить их одного за другим. Арль подчинился ему в апреле 1251 г., а Авиньон — в мае. В июне Барраль де Бо капитулировал. Марсель, отбив первую атаку Карла в августе, просил о мире в следующем июле. Карл был снисходителен к предводителям восстания, но настоял на том, чтобы его законные права были полностью и окончательно восстановлены и признаны. Марсельцам было позволено сохранить свою коммуну, но они должны были признать Карла сюзереном. В ноябре 1252 г. смерть королевы-матери Бланки, которая была регентшей во Франции во время от-ксутствия Людовика, вынудила Карла поехать в Париж и принять регентство совместно с братом Альфонсом. Как раз тогда Карлу впервые предложили сицилийскую корону. Альфонс не одобрил это предложение, а король Людовик написал из Святой Земли, что запрещает принимать его. Разочарованный Карл ввязался в ражданскую войну во Фландрии. Поддержав графиню Маргариту в войне против ее сына, Жана д'Авена, он получил графство Эно и пост регента Фландрии и начал стягивать свои

войска в графство. Король Людовик, еще будучи в Святой Земле, с тревогой узнал о войне во Фландрии. Вернувшись во Францию летом 1254 г., он приказал Карлу отказаться от Эно. Своим окончательным решением он в 1256 г. отдал Фландрию Жану д'Авену, но Жан должен был принести феодальную присягу Карлу.

К тому времени Карл оставил надежду приобрести владения во Фландрии. Пока он был на севере, Провансом управляли компетентные сенешали, которым помогали местные епископы и Барраль де Бо, ставший преданным сторонником Карла. Но многие аристократы все еще не сдавались, руководимые Бонифацием де Кастелланом. Вдовствующая графиня снова устраивала беспорядки. Марсельцы были возмущены визитами чиновников, настаивающих на правах Карла как сюзерена. И снова Карл справился с врагами по одиночке. В ноябре 1256 г., благодаря вмешательству короля Людовика, вдовствующая графиня согласилась отказаться от Форкалькье и от своих претензий на пожизненное владение доходами с Прованса в обмен на крупную сумму наличными и на неплохой пенсион до самой смерти. Король Людовик, памятуя о том, что старая графиня была и его тещей, помог своему брату, пообещав, что сам будет платить ей. Это соглашение ослабило строптивых аристократов, которые рассчитывали на финансовую поддержку графини. Марсельцы надеялись выскользнуть из-под власти Карла, заключив в 1256 г. союзы с королем Кастильским и с Пизой. Но Альфонс Кастильский был слишком занят своими притязаниями на империю, чтобы отправить им помощь, в то время как Пиза была втянута в неудачную войну с Флоренцией. *«Franciots»*, как называли провансальцы сторонников Карла, организовали переворот, и Карл прибыл лично, чтобы настоять на новом соглашении, согласно которому марсельцы сохраняли судебную и финансовую независимость, но отдавали всю политическую власть в руки графских наместников.[85]

После усмирения Прованса Карл расширил свою власть за пределами графства. В 1257 г. он приобрел права на несколько сеньорий в нижних Альпах, которые ему уступил Вьеннский дофин. Он также получил от Раймунда де Бо, графа Оранжского, права регента Арелатского королевства, пожалованные в свое время Фридрихом II отцу Раймунда. Эту передачу должен был подтвердить император, но в то время императорский трон пустовал. В 1258 г. граф Вентимильи, до того времени бывший вассалом Генуэзской республики, признал Карла своим сюзереном; и власть Карла простиралась теперь на побережье до Сан Ремо и в горы до перевала Тенда. В 1259 г., искусно сочетая взятки, обещания и военные угрозы, Карл заполучил сюзеренитет над Кунео, Альбой и Кераско в

южном Пьемонте, а на следующий год ему подчинились сеньоры Мондови, Чевы, Биандрате и Салуццо, что дало ему полный контроль над этой территорией. В начале 1262 г., когда Карл отправился на север осмотреть свои владения в Анжу и обсудить со своим братом вопрос о передаче сицилийского престола, вспыхнуло новое восстание в Провансе. Бонифаций де Кастеллан снова собрал недовольную знать, и марсельцы восстали против «*franciots*» и изгнали их. Генуя пообещала поддержку мятежникам, и сыновья короля Арагонского ждали в Монпелье, готовые вмешаться. Но Барраль де Бо остался верным Карлу, хотя его кузен Гуго примкнул к восставшим. Обладая весомым авторитетом в Провансе, Барраль сумел затормозить развитие мятежа. Карл сразу же поспешил на юг. Он подкупил генуэзцев, вернув им прибрежные земли, но сохранив за собой горные районы (Кастильони Бриг), подавил восстание аристократов и двинулся на Кастеллан, заставив Бонифация и Гуго де Бо бежать. Потом Карл подошел к Марселю. Но в это время он уже вел переговоры с Папой о сицилийском престоле и хотел избежать осложнений. Когда король Арагонский предложил быть посредником со стороны Марселя, Карл согласился. Марсельцы должны были снести свои крепостные укрепления и сложить оружие; город сохранял свои судебные и финансовые привилегии, а вожди восстания избегли наказания. Необычайное сочетание силы и великодушия, продемонстрированное Карлом, возымело должный эффект: у него больше не было проблем с Провансом до конца его жизни, напротив — провансальцы вскоре поняли, что они могут извлечь свою выгоду из его итальянского похода, и оказали ему полную поддержку.[86]

Дальновидный Папа мог бы испугаться, что такой энергичный и честолюбивый человек в конце концов окажется недостаточно покорным, чтобы быть хорошим защитником для Церкви. Но Папа Урбан не мог себе позволить заглядывать далеко вперед. Манфред представлял слишком серьезную угрозу. Юный Эдмунд Английский, зависимый от слабовольного отца, не подходил для того, чтобы сокрушить Манфреда, даже если бы англичане поддержали короля Генриха. Требовался человек опытный, и Урбан, как француз, предпочел, чтобы это был его соотечественник. Ему не приходило в голову, что, если германское господство в Италии, против которого так рьяно боролись его предшественники, заменить на французское, в дальнейшем это может стать угрозой для папства. Надо было избавить Италию от Манфреда, и Карл прекрасно подходил для этой задачи, особенно учитывая, что за ним были богатство Франции и поддержка короля Людовика, который обладал колоссальным моральным авторитетом в Европе того времени. Сам

Людовик никогда не одобрял полностью этот проект, но был согласен, что Манфред представляет угрозу для христианства, и, возможно, чувствовал некоторую вину за то, что любил Карла меньше, чем других братьев, и в прошлом помешал его амбициям во Фландрии. Все обдумав, Людовик оказал Карлу посильную поддержку.

Сам Карл не испытывал никаких сомнений, его не смущали даже непомерные требования папства. Он знал, что впоследствии сможет сделать так, чтобы они отвечали его нуждам.

Глава VI. ВТОРЖЕНИЕ КАРЛА АНЖУЙСКОГО

Вскоре Папе стало понятно, что за человека он выбрал своим защитником. Договор с Карлом был заключен в июне 1263 г. Рим перешел к партии гвельфов вначале правления Урбана, и хотя сам Урбан никогда там не жил, он назначил своих людей для управления городом, комиссию *добрых людей* (boni homines), которые должны были исполнять сенаторские функции. Но их власть была шаткой. В Риме все еще оставалась сильная партия гибеллинов, которая продолжала плести интриги против правительства. Манфред, узнав о договоре Карла с Папой, решил, что Рим — ключевой город. Сторонники Манфреда под предводительством некоего Пьетро Романи предложили его кандидатуру на пост сенатора. Зять Манфреда, Педро Арагонский, приготовился совершить паломничество в Рим, чтобы там ходатайствовать за него или предложить себя в качестве альтернативного кандидата. Их плану противостоял кардинал Риккардо Аннибальди, который в то время оказался в городе. Он убедил гвельфов в ответ на это выбрать сильного сенатора, преданного их интересам. Следуя совету Риккардо, гвельфы предложили сенаторство Карлу, и тот принял предложение. А ведь по договору с папством Карл не должен был занимать ни одной, даже самой скромной, должности ни в каком, даже самом незначительном, городе империи. Теперь же он предполагал занять ведущий государственный пост в столице империи.[87]

Папа Урбан был на распутье. Многие кардиналы считали, что ему следует прервать переговоры с Карлом. Но Урбан не хотел перечеркивать работу, проделанную кардиналом Аннибальди, рискуя оскорбить этим своих сторонников в Риме. Он не мог себе позволить поссориться с Карлом. Манфред, потерпев неудачу в Риме, двигался по восточным землям римских владений, чтобы заставить Лукку, последний город гвельфов, оставшийся в Тоскане, признать его сюзеренитет.[88] Таким образом, Урбан согласился на назначение Карла сенатором, но только на время.[89] Карл тактично ответил, что не примет должность без согласия Папы, но, понимая, что стоит на сильной позиции, настоял на пересмотре всего своего договора с папством. Переговоры продолжались всю осень 1263 г. Папа выдвинул новые предложения, которые Карл едва соизволил рассмотреть. К концу года казалось, что соглашение вообще будет расторгнуто, но в первые месяцы 1264г. влияние Манфреда в Центральной Италии усилилось. Лукка в конце концов подчинилась ему. Урбан понял,

что окружен. Если он вскоре не найдет помощь, признавался он своим близким друзьям, ему придется бежать во Францию. Урбан уступил требованиям Карла. В апреле Папа представил на рассмотрение кардиналам исправленные условия договора, которые собирался предложить Карлу. Многие кардиналы теперь были уже совершенно недовольны, что связались с графом Анжуйским, так что Урбан начал свое выступление фактически с извинений, указывая на то, что успех Манфреда сделал вмешательство Карла необходимым. Он предложил, чтобы Карл оставил римское сенаторство или в четко определенный срок, или как только завоюет Сицилийское королевство; Карл мог выбрать одно из двух. Остальные условия, оговоренные прежде с Карлом, должны оставаться в силе. Кардинал церкви Св. Цецилии, Симон де Бри, человек, которым, как было известно, восхищался Людовик Святой, был отправлен в Париж, где Карл в данный момент находился вместе со своим братом. Кардинал должен был передать Людовику, что, если Карл будет упорствовать в римском вопросе, его кандидатура на Сицилийский престол будет отозвана. Чтобы помочь Симону, Папа приказал отправиться в Париж кардиналу-епископу Сабины, Ги Фулькуа, который был послом в Англии и к которому Людовик хорошо относился.[90]

Карл тем временем выдвинул встречные предложения. Он знал, что Папа на его стороне. Теперь он требовал, чтобы ежегодная сумма выплат от завоеванного королевства в 10 000 унций золота была сокращена. Ему придется делать подарки своим сторонникам с доходов завоеванного королевства, и ему не хотелось бы истощать свою казну. Карл хотел, чтобы было узаконено право всех его потомков, как мужчин, так и женщин, наследовать сицилийский трон. Карл также требовал, чтобы к пункту, запрещающему ему самому или его наследникам владеть землями или занимать должности в Северной и Центральной Италии, было прибавлено слово «умышленно». Однако военная или иная необходимость могли вынудить его занять эти земли; впрочем, он обязался оставить их по первому требованию Папы. Если Карл или кто-то из его преемников станет императором, сицилийский престол должен перейти ближайшему наследнику, будь то мужчина или женщина. Раз уж Карл сам поведет армию на завоевание Сицилийского королевства, то сам же и будет определять численность армии. И наконец, Карл отказался принять пункт, согласно которому его подданные по каким бы то ни было причинам могли быть освобождены от вассальной клятвы ему.[91]

Эти предложения не могли понравиться Папе, но он был в отчаянном

положении. Урбан отправил кардиналу Симону письмо с дальнейшими указаниями. Кардинал должен был извлечь максимум из сделки по ежегодным выплатам Риму и не опускать сумму ниже 8000 унций. Пункт об отказе от вассальной зависимости можно было изменить таким образом, чтобы под его действие попадали только наследники Карла; если же этого будет мало, в отношении к ближайшему преемнику Карла это условие тоже должно было применяться. Если же Карл отвергнет и это условие, следовало потребовать какие-то встречные гарантии. В самом крайнем случае от этого пункта можно было отказаться вовсе. Что же касается остальных предложений, кардинал должен был действовать на свое усмотрение. То есть Урбан был готов уступить по всем пунктам, но не собирался сдаваться без борьбы. Кардинал Сабины должен был проследить, чтобы английский король не препятствовал выдвижению кандидатуры Карла, в то время как архиепископу Козенцы, который к тому времени уже был во Франции, надлежало проследить за тем, чтобы ненависть королевы Маргариты к Карлу не повлияла на ход переговоров. Возможно, нужно было как-то урегулировать вопрос с ее претензиями на Прованс. В том случае, если переговоры с Карлом завершаться успешно, посланцу Папы поручалось просить французское духовенство в течение трех лет отдавать десятину на войну с Манфредом.[92]

Пока кардинал вел переговоры в Париже, Манфред снова перешел в наступление. Один из его военачальников, Джордано Ланца, победивший в битве при Мон-таперти, вторгся в Анконскую марку, захватил папского наместника и установил связь с гибеллинами в Тоскане. Другой, Пьетро ди Вико, действовал в предместьях Рима. Город спасло лишь появление там провансальского отряда под предводительством Жака де Гантельма, которого Карл назначил своим наместником. Сам Манфред собрал большую армию в Кампании и был готов перейти границу при поддержке Пьетро. Папа Урбан видел, что окружен, он даже начал опасаться за свою жизнь. Ходили слухи, что Манфред готовит убийц, чтобы разделаться с ним. Письма Папы кардиналу Симону в Париж были почти истеричными. Следовало привести Карла в Италию любой ценой, и как можно скорее.[93]

В такой обстановке кардинал не мог добиться от Карла выгодных условий. Немного поборовшись, он был вынужден уступить. Карл решил отказаться от сенаторства в Риме, как только он получит королевство, и согласился с тем, чтобы ежегодная выплата папству составляла 8000 унций. Все остальные его предложения были приняты кардиналом. Тем временем, хотя королева Маргарита и не захотела отказываться от своих притязаний

на Прованс, она обещала не предпринимать ничего, что могло бы помешать сицилийской кампании ее деверя. В августе кардинал сообщил Папе, что переговоры завершились успешно. Как только новость дошла до Папы Урбана, он послал в ответ восторженные поздравления. Затем кардинал начал убеждать французских епископов пожертвовать десятину на военные нужды. К сентябрю все епископы дали свое согласие, хотя, похоже, весьма неохотно. Только духовенство Венессэна отказалось, сославшись на то, что их епархия не входит ни во Французское королевство, ни в графство Прованс, а значит, на них не распространяются легатские полномочия кардинала.[94]

Папа Урбан так и не узнал об окончательном успехе своего легата. Его опасения усиливались с каждым днем. Наконец, Папа заподозрил, что даже жители Орвьето, где он прожил большую часть своего понтификата, настроены против него. Он решил удалиться в Ассизи. 11 сентября Урбан прибыл в Тоди и там заболел, но настоял на продолжении путешествия. Когда несколькими днями позже Папа прибыл в Деруту в паланкине (поскольку уже не мог ехать на лошади), он уже был при смерти. Кардиналы из его свиты перевезли его в Перуджу. Там Урбан и умер 2 октября 1264 г.[95]

Карл был несколько обеспокоен известием о смерти Урбана. Его новый договор с папством еще не был утвержден, новый Папа мог и не признать его. Карл знал, что в Священной коллегии многие кардиналы были настроены против него, а два его главных друга, кардиналы церкви Св. Цецилии и Сабины, находились во Франции. Если Карл больше не будет признанным защитником Церкви, его враги приободрятся и вновь примутся за свои козни. Он переехал из Парижа в Прованс, чтобы подготовиться к вторжению в Италию. Там Карл решился на сознательное проявление жестокости, чтобы показать, что с ним нельзя шутить. Прошлым летом он взял в плен мятежного Гуго де Бо и арестовал многих других друзей Бонифация де Кастеллана и вдовствующей графини, включая нескольких богатых купцов и прежнего подесту Арля, на том основании, что они вели переговоры с королем Арагонским. В течение года их держали в заключении, но обращались хорошо, поскольку Карл придерживался политики мягкости по отношению к своим врагам. Теперь же совершенно неожиданно он приговорил своих пленников к смерти. Весь мир должен был увидеть, что его мягкость была продиктована лишь политическими соображениями, а не его слабостью. 24 октября мятежников обезглавили возле церкви Св. Михаила в Марселе, а их

владения были конфискованы. Показав, что никому не позволено с ним шутить (и, кстати, значительно увеличив свое состояние), Карл продолжил публично готовиться к итальянской кампании. Новый Папа, кто бы им ни стал, не должен был иметь никаких сомнений по поводу намерений Карла.[96]

Из двадцати одного члена коллегии восемнадцать собрались на конклаве в Перудже, чтобы избрать нового Папу. В отсутствие двух кардиналов, которые все еще были во Франции, и кардинала церкви Св. Мартина, который пытался восстановить папскую власть в Анконской марке и не мог оставить свой пост (а все трое были сторонниками политики покойного Папы), коллегия разделилась на два абсолютно равных по численности лагеря: те, кто благоволил Карлу, и те, кто был против него. У Манфреда появилась надежда на то, что будет избран Папа, с которым он сможет договориться. В отличие от Карла, воспользовавшегося вакантностью папского престола, чтобы осуществить выгодные для себя меры, не считаясь с папством, Манфред посчитал разумным прекратить военное наступление. Он не хотел пугать конклав и таким образом склонять его на сторону Карла, а праздная натура Манфреда радовалась отдыху от его недавней деятельности.

Конклав заседал четыре месяца, так и не придя ни к какому решению. Ничего не известно о ходе дискуссии до 5 февраля 1265 г., когда один из младших кардиналов предложил предоставить выбор двум представителям разных партий. Представители выбрали кардинала Сабины, и конклав согласился с их решением. Кардинал Сабины был уже на пути из Франции. Он прибыл в Перуджу и узнал, что избран Папой. 15 февраля он был возведен на папский престол под именем Климента IV.[97]

Исход выборов отнюдь не являлся компромиссом. Он показал, что Священная коллегия не хочет иметь никаких дел с Манфредом и решила, что вмешательство Карла неизбежно. Бездействие Манфреда было напрасным, а открытые угрожающие приготовления Карла произвели нужный эффект. Новый Папа был выдающимся человеком. Урожденный Ги Фулькуа, он был сыном юриста из Сен-Жиля в провинции Лангедок. В молодости Ги поступил на службу к графам Тулузским в качестве юриста. Он сделал свое состояние, когда брат короля Людовика Альфонс вступил во владение графством. Ги оказался самым усердным и толковым адвокатом новой династии и вскоре стал главным советником Альфонса. В 1247 г. жена Ги умерла, и он ушел в церковь. Он стал епископом Ле Пюи в 1252 г., архиепископом Нарбонны — в 1259 г. и кардиналом Сабины — в 1261 г. В

1262-1264 гг. он был легатом в Англии. Своим избранием Климент был обязан всем известными хорошими отношениями с Людовиком Святым и французской королевской семьей.[98]

С самого начала Папа Климент дал понять, что будет придерживаться политики своего предшественника. Он постоянно поддерживал связь с Карлом. Во время поездки в Перуджу он написал Карлу, чтобы дать совет о том, как вести себя с римлянами. Первое, что Климент сделал, став Папой, — повторил формальное отстранение кандидатуры Эдмунда Английского и уполномочил Карла принять сенаторство в Риме безо всяких условий. Он умолял Карла поспешить в Рим. Ситуация там складывалась опасная. Гантельм со своими провансальцами могли лишь удерживать город против Пьетро де Вико, который теперь контролировал всю Кампанию вплоть до городских стен Рима.[99] Карл воспользовался вакантностью папского престола, чтобы заключить союзы в Северной Италии. Он контролировал Южный Пьемонт и добился нейтралитета графа Савойского. Он уже заключил союз с маркграфом Монферратским. А январе 1265 г. он установил дружественные отношения с семьей Торриани, которые теперь контролировали Милан, Бергамо, Комо и Лоди, прислав им в помощь Барраля де Бо с конницей. Вскоре после этого правители Феррары из семьи Эсте предложили Карлу свободный проход через их земли в обмен на помощь в восстановлении власти гвельфов в Эмилии. Карл был в хороших отношениях с Генуей, с тех пор как уступил земли на побережье Вентимильи; их дружбе также поспособствовала ссора генуэзцев с Манфредом. Соблазненный агентами Манфреда, генуэзский подеста в Константинополе вступил в заговор с целью уничтожить Византийскую империю. Император Михаил раскрыл заговор и лишил генуэзцев тех привилегий, которыми они обладали в империи по Нимфийскому договору. Чтобы вернуть свои привилегии, генуэзцы должны были отказаться от дружеских контактов с Манфредом, поэтому они согласились не препятствовать вторжению Карла в Италию, хотя и не стали оказывать ему активную помощь и не позволили провансальским войскам проходить через их территорию. Путь через Пьемонт и Ломбардию перед армией Карла был открыт, но ему все еще были нужны деньги, прежде чем начать поход.[100]

Тем временем в ответ на отчаянную просьбу Папы Карл 10 мая в Марселе погрузил на корабли несколько сотен рыцарей и лучников и с осторожностью поплыл вдоль побережья в Остию. Погода была бурная, но благодаря этому сицилийская эскадра, патрулировавшая Лигурийское море,

не заметила их. Он высадился в Остии через десять дней и приготовился двинуться на Рим.[101]

Это побудило Манфреда к действию. 24 мая он написал письмо римлянам, воззвав к их гордости. В этом письме он откровенно заявил о своих притязаниях и честолюбивых замыслах стать императором, но, писал он, римляне сами должны выбрать себе императора. Они позволили папству отнять у них свою законную привилегию. Кроме лести в письме содержались также и угрозы. Манфред напоминал о том, как его прапрадед Фридрих Барбаросса ворвался в мятежный город и сам себя там короновал. Но это оригинальное письмо было написано слишком поздно. 23 мая Карл вошел в Рим под рукоплескания горожан. Он поселился в Латеранском дворце Папы, но когда Папа Климент упрекнул его за это, переехал в сенаторский дворец на Капитолийском холме.[102]

Узнав, что Карл уже в Риме, Манфред сделал вид, что он в восторге. «Птичка в клетке», — воскликнул он; потребуется лишь недолгая кампания, чтобы окружить его там и заставить сдаться.[103]

Но все вышло не так, как рассчитывал Манфред. Римляне обрадовались приезду Карла. 21 июня ему официально передали сенаторские знаки отличия. Чтобы доставить удовольствие Папе, он снова пообещал, что откажется от них, как только завоюет Сицилийское королевство. Через неделю, 28 июня, четверо кардиналов, специально уполномоченных Папой Климентом, торжественно вверили ему Сицилийское королевство. С тех пор Карл стал называть себя королем Сицилийским. Тот факт, что Карла хорошо приняли римляне, а также его личный авторитет вскоре привлекли на его сторону многих итальянцев. Пьетро ди Вико, главный союзник Манфреда в Кампании, раздумывал. Ему казалось, что перевес на стороне Карла. 10 июля после кратких переговоров он заключил мир с Церковью, пообещав отказаться от всех своих соглашений с Манфредом и принести клятву верности папству. Затем Пьетро поступил в подчинение Карлу и впоследствии оказался одним из самых деятельных его полководцев. Через несколько дней Пьетро Романи, бывший глава партии гибеллинов в Риме, последовал его примеру.[104]

Манфред понял, что одних слов недостаточно. Он повел армию из королевства через Абруцци и мимо озера Фучино в долину реки Аньо. Папа умолял Карла не рисковать и не ввязываться в решающую битву, имея более слабую армию, чем его противник. Но Карл выдвинулся на более выгодную позицию на возвышенности рядом с Тиволи. Манфред двинулся к Арсоли, расположенному милях в пятнадцати на другом берегу Аньо, но

шпионы доложили ему, что он не получит поддержку из Кампании, и Манфред не решился атаковать лагерь Карла. После небольшой стычки в долине он отступил. Затем он двинулся на север через Абруцци, будто бы собираясь атаковать Сполето, затем, совершенно внезапно, по неизвестной причине, он оставил вообще свою затею и вернулся к своей охоте в Апулии. Отступление стоило Манфреду потенциальных союзников. В течение месяца он потерял свою власть в Анконской марке, и его влияние в Тоскане ослабело.[105]

Карл выиграл первый раунд. Он спас Рим и восстановил позиции Церкви в Центральной Италии. Теперь он должен был взяться за свою основную задачу — атаковать Манфреда в его королевстве. Но на это требовались деньги. Большую армию нужно было снарядить и содержать. Весь конец лета Карл и Папа обсуждали финансовые детали. Французская церковь подтвердила свое согласие платить десятину на военные нужды, а непокорному графству Венессэн, а также Валь'Аоста было приказано оказать содействие. Но деньги поступали вяло, а временами не поступали вовсе. Климент согласился с тем, что личный вклад Карла в кампанию должен быть сокращен; и в самом деле, хоть графиня Беатриса и заложила свои драгоценности, Карл не мог собрать слишком большую сумму. Было необходимо получить помощь итальянских банков. Но папство уже много лет занимало деньги у тосканских банков, и банкиры знали, что долги им не вернут, пока папская политика не увенчается успехом, а потому не спешили давать займы. Король Франции и его брат Альфонс отказались давать деньги из своей казны, хотя последний в конце концов предложил краткосрочный заем в 4000 марок серебра и 5000 турских ливров. Папа надеялся, что все деньги из французской казны пойдут на помощь Карлу, но средства, собранные Людовиком, откладывались на новый крестовый поход против язычников. В самом Риме Карл смог собрать менее 50 000 прованских ливров, которых едва ли хватило бы, чтобы покрыть расходы на месяц. Папский двор одолжил Карлу 20 000 турских ливров, как только тот прибыл в Рим. В течение лета он получил, под папскую гарантию, около 16 000 турских ливров от различных флорентийских и сиенских банкирских домов, и еще 20 000 от них же до зимы 1265 г. В то же время Папа собрал еще 50 000, заложив церковное серебро и сокровища папской капеллы, а Карл получил от римских банкиров 62 000, заложив, с разрешения Папы, собственность нескольких римских церквей. К концу года была собрана сумма, достаточная для кампании. Но переговоры были тяжелыми, в особенности из-за того, что ни Карл, ни Папа не хотели афишировать то,

что они отчаянно нуждаются в деньгах.[106]

И снова Манфред упустил свою возможность. В надежде на то, что финансовые трудности его врагов окажутся неразрешимыми и что его союзники-гибеллины в Ломбардии, которым он прислал некоторое количество войск, остановят неприятельскую армию, он оставался в Апулии, наслаждаясь охотой. Карл же не стал дожидаться получения всех займов. Как только у него скопилось достаточно денег, чтобы заплатить войскам за несколько месяцев, Карл призвал их собраться в Лионе 1 октября 1265 г. Тем временем Папа послал своего агента, Жоффруа де Бомона, в звании легата в Ломбардию, чтобы, в соответствии с пожеланиями Карла, дипломатическим путем подготовить там проход для его армии. Клименту не нравилась политика, которую Карл проводил в Северной Италии. В частности, его раздражал союз с семьей Эсте, которые, несмотря на то что принадлежали к гвельфам, были в плохих отношениях с предшественниками Климента, а с Милана все еще не был снят интердикт. Климент предпочел бы сперва восстановить влияние гвельфов в Тоскане и провести армию через Лигурийские Альпы, избегая городов Ломбардии и Эмилии, чьим правителям он не доверял. Но у Карла был свой план, и он не собирался его менять — к тому же времени уже не было.[107]

Армия, выступившая из Лиона в начале октября, представляла собой грозную силу. Хронисты писали о шести тысячах рыцарей в полном вооружении, шести тысячах конных лучников и двадцати тысячах пехотинцев, половина из которых были арбалетчиками. Эти цифры, конечно, были сильно преувеличены — на самом деле, по-видимому, было чуть меньше конных солдат и значительно меньше пеших. Многие представители высшей французской знати присоединились к экспедиции. Там был граф Вандомский, наследники графств Фландрии и Суассона, Филипп де Монфор со своим кузеном Ги, сыном графа Лестера. Провансальская аристократия была в полном составе с сеньорами де Бо во главе. Командовал армией Ги де Мелло. В Альпах начал выпадать ранний снег, так что армия, чтобы найти открытый проход и держаться дружественной территории, двинулась через Прованс, затем — через ущелье Тенда в земли, которые контролировал Карл в Пьемонте, и далее, через Кунео, Альбу и Асти на территорию, принадлежавшую маркграфу Монфер-ратскому. Там начались первые препятствия. Уберто Паллавичини, все еще состоявший в союзе с Манфредом, контролировал Алессандрию, Тортону, Верчелли, Павию, Пьяченцу, Кремону и Брешию. Верчелли, расположенный на севере, был самым слабым звеном в цепи. Пока армия,

мерным шагом двигаясь на север, приближалась, верчеллийский епископ устроил переворот. Армию Карла радушно встретили в городе, и вскоре она двинулась дальше, оставив маленький французский гарнизон. После Верчелли до Милана дошли без проблем. Там глава семьи Торриани умер за несколько недель до того. Его племянник Наполеоне, ставший его преемником, сперва проявил по отношению к французским командирам некоторую холодность, но по прошествии каких-нибудь двух-трех дней они пришли к пониманию, и Наполеоне даже отправил городское ополчение сопровождать армию на следующем этапе путешествия.

Этот этап мог оказаться трудным, поскольку армии снова надо было прорываться через линию крепостей Паллавичини; а сам Паллавичини вместе с Бозо да Довара, правителем Кремоны, ждал с армией в Сончино, на реке Ольо. Но Паллавичини узнал, что армия графа Анжуйского с миланскими союзниками по численности значительно превосходит его собственную. Кроме того, он не был уверен в преданности Брешии, а Бозо, по слухам, получил от французов большую взятку за свое отступление, за что Данте поместил его в ад вечно скорбеть о французском золоте. Армия Карла Анжуйского смогла пересечь реку Ольо севернее и пройти прямо мимо Брешии в надежде на то, что там случится переворот. Гарнизон Паллавичини был в состоянии сохранить порядок в городе, но не мог противостоять захватчикам. Гибеллины совершили робкую попытку предотвратить проход армии через реку Кьезе в Монтикьяри. Миланское ополчение уже вернулось домой, но Жоффруа де Бомон смог послать войска гвельфов из Мантуи, чтобы атаковать Монтикьяри с тыла. Город вскоре был захвачен, армия Карла пересекла реку и попала на дружественную территорию Мантуи, находившуюся под контролем семьи Эсте и их союзников. К концу декабря она пересекла реку По и достигла Болоньи. Оттуда она быстро двинулась по Виа Эмилия в Анконскую марку, где Папа распорядился подготовить для нее запас провизии. Из Анконы войско пересекло Апеннины, пройдя через Сполето и Терни, и прибыло в Рим в районе 15 января 1266 г.[108]

Узнав о прибытии провансальской армии, Папа испытал большое облегчение. Он нервничал все время, что она продвигалась через Ломбардию. Узнав, что войско пересекло По, он написал Жоффруа де Бомону, чтобы поздравить его и похвалить за усердие, но при этом лишил его полномочий легата, объяснив это тем, что район был слишком неспокойным для того, чтобы держать там своего представителя. Папа не хотел компрометировать Церковь вмешательством в постыдные склоки местных правителей. Карл тоже чувствовал облегчение, хотя был уверен в

успехе. Он уже послал за своей женой, чтобы она морем добиралась к нему. Беатриса прибыла в конце декабря. Тогда Карл попросил Папу приехать в Рим и короновать их как короля и королеву Сицилии. Климент отказался покидать безопасную Перуджу, но прислал пятерых кардиналов, чтобы те устроили церемонию в соборе Св. Петра 6 января 1266 г. Графиня Беатриса теперь могла хвастаться тем, что не уступает рангом своим сестрам по званию.

Карл не позволил своей армии надолго оставаться в Риме. По финансовым соображениям ему надо было закончить кампанию как можно быстрее; кроме того, ему нравилась идея атаковать сразу же, неожиданно для Манфреда, а не ждать обычного открытия военного сезона весной. 20 января Карл выступил из Рима со всеми силами, оставив в городе только маленький гарнизон. Он прошел по старой Виа Латина через Ананьи и Фрозиноне к границам королевства возле Чепрано на реке Лири. Он нашел мост через реку неохраняемым и неразрушенным, и вся армия спокойно перешла его. Почему не было предпринято никакой попытки защитить переправу, до сих пор остается неизвестным. Ходили слухи о предательстве, которые Данте увековечил в «Аде».[110]

Весть о том, что армия Карла Анжуйского приближается к Риму, заставила Манфреда выйти из состояния апатии. Шпионы доложили ему, что Карл собирается атаковать немедленно. Манфред спешно собрал всю армию королевства и потребовал, чтобы его племянник, Конрад Антиохийский, привел войска, которыми тот командовал, в Абруцци и Марке. К тому моменту, когда Карл достиг реки Лири, Манфред расположился в капуанской крепости с армией примерно такой же численности, как у Карла. Похоже, он рассчитывал, что крепости, расположенные вдоль Лири и в горах северной Терра ди Лаворо, удержат Карла до тех пор, пока не прибудет Конрад Антиохийский с подкреплением. И даже если эти крепости падут, Капуа и крепости, расположенные вдоль реки Вольтурно, все еще будут защищать Неаполь. Манфреду надо было только добиться того, чтобы Карл занял позицию, из которой не будет выхода. Скорость Карла и его стратегия расстроили планы Манфреда. Армия графа Анжуйского неуклонно продвигалась вперед, взяв тридцать два замка, включая укрепленную двойным кольцом стен крепость Сан-Джермано на холме Кассино, которая сдалась 10 февраля. Маленькие гарнизоны, не получив никакой помощи от Манфреда, пали духом и почти не оказали сопротивления. Карл теперь знал, что силы Манфреда сконцентрированы в низовьях Вольтурно. Так что из Кассино он внезапно повернул в глубь страны к горам Самния, пересек Вольгурно в ее верховьях

и двинулся через Алифу и Телезу к Беневенту. Узнав, что его обошли с фланга, Манфред оставил Капуа и двинулся в глубь страны, чтобы первым достичь Беневента.[111]

Когда армия Карла Анжуйского 25 февраля прошла через горный перевал, ведущий к городу, перед ней предстало вражеское войско в полном составе, расположившееся вокруг города за разлившейся рекой Калоре. Захватчики были в замешательстве. Переход через горы в зимнюю погоду был тяжелым. Многие вьючные животные погибли, большинство повозок пришлось оставить на скользких перевалах, и еда заканчивалась. Казалось, что самоуверенное хвастливое заявление Манфреда о том, что птичка в клетке, теперь подтверждалось. Ему оставалось лишь дождаться на занятой им сильной позиции своего племянника Конрада с подкреплением и момента, когда голод вынудит армию графа Анжуйского либо отступить, либо сдаться. Но Манфред был нетерпелив. Он не был уверен в верности своих подданных, был потрясен готовностью столь многих своих гарнизонов сдаться на милость врага и подозревал, что многие местные бароны колеблются. У него не было уверенности в том, что Конрад вообще придет ему на помощь; Манфред только что получил подкрепление из 800 германских наемных всадников, и на тот момент он не мог ожидать большего. Видя, как жалко выглядят войска Карла, он решил атаковать сразу же. Карл, к своему крайнему облегчению, спустившись в долину, увидел, что армия Манфреда медленно пересекает реку, чтобы встретиться с ним.

На следующий день, в пятницу, 26 февраля 1266 г., две армии построились для битвы. Манфред расположил свои сарацинские войска — легковооруженных лучников — на переднем фланге; за ними — готовые атаковать после того, как стрелы посеют беспорядок во вражеских рядах, — лучшие войска Манфреда, германская конница на прекрасных лошадях, облаченная в новомодные пластинчатые доспехи, численностью в двенадцать сотен. Ими командовали Джордано Ланца, кузен Манфреда, и Гальвано Англонский. Немного позади них Манфред расположил наемную конницу, в основном из Ломбардии и Тосканы, насчитывающую около тысячи бойцов, под командованием дяди Манфреда Гальвано Ланца, князя Салерно. С ними было две или три сотни легких сарацинских всадников. Сам Манфред остался на позиции с резервными силами: рыцарями и оруженосцами королевства, числом значительно больше тысячи. Он не до конца им доверял и не хотел бросать их в бой, пока победа не будет гарантирована. С Манфредом были его зятья, Риккардо, граф Казерты, и Томмазо, граф Ачерры, которые уже подумывали об измене, его камергер,

Манфред Малетта, и его самый преданный друг, римлянин Тебальдо Аннибальди.

У Карла было небольшое преимущество на местности, которая имела легкий уклон к реке. Преимущество Карла заключалось также в том, что его армия была более однородной, чем войско Манфреда, и более надежной. Как и Манфред, он разделил своих людей на три группы всадников, а впереди поставил пехоту, среди которой было много арбалетчиков. Первая группа всадников — 900 провансальцев под командованием Гуго де Мирпуа, маршала Франции, и Филиппа де Монфора. Сам Карл встал во главе второй группы — около 1000 человек, приведенной из Центральной Франции и Лангедока. С ними было четыре сотни итальянских всадников под началом флорентийца Гвидо Гверры. С Карлом были епископ Оксеррский и граф Вандомский. Сзади, в резерве, находились рыцари из Северной Франции и фламандцы под началом Роберта Фландрского и коннетабля Жиля Ле Брена.

Битва началась с атаки сарацинской пехоты на французскую, произведенной прежде, чем Манфред был готов к схватке. Когда французская пехота, как показалось, начала отступать, отряд провансальских рыцарей вступил в рукопашный бой и разбил сарацин. Вслед за тем, снова без приказа Манфреда, вверх по холму ринулись тяжеловооруженные всадники на рослых лошадях, и атака провансальцев захлебнулась. Тогда Карл приказал своей второй шеренге идти в наступление. Они поскакали вниз в гущу битвы. Германцы оказались в меньшинстве, но еще не были разбиты. Их пластинчатые доспехи казались непробиваемыми, пока, наконец, один француз не заметил, что, когда те поднимали руки для удара, их подмышки оказывались незащищенными. Французы врезались в гущу германцев такой плотной массой, что длинные мечи германцев оказались бесполезными, а короткие острые кинжалы французов могли достичь цели.

Манфред все еще мог выиграть битву, поскольку вторая шеренга его конницы подоспела быстро. Но германцы атаковали слишком стремительно; Гальвано Ланца, чьи войска задержались, пересекая реку по одному узкому мосту, был слишком далеко позади. Возможно также, что он, как все полководцы Манфреда, слепо верил в непобедимость германцев и подумать даже не мог, что их разобьют. К тому времени, когда он приказал своим ломбардцам и тосканцам атаковать, было слишком поздно. Они налетели прямо на победоносных французов, а Карл тем временем отправил свою третью шеренгу атаковать их с фланга. Итальянцы не стали дожидаться этой атаки и, несмотря то что Гальвано пытался их удержать,

сломали строй и побежали. Многие были взяты в плен, еще больше народу было убито. Манфред со своим резервом был также слишком далеко позади, чтобы вовремя вмешаться, если что-то вообще могло еще спасти положение. Едва задержавшись, чтобы обменяться одеждой со своим другом Тебальдо Аннибальди, Манфред приказал своей последней шеренге атаковать. Но аристократы королевства посчитали его дело проигранным. Они покинули поле битвы во главе с зятьями Манфреда. Отступив, Манфред мог бы спастись, но рассудил по-другому: он ринулся в бой вместе со своими верными слугами и вскоре был убит, а рядом с ним и Тебальдо в королевском одеянии. Лишь немногие из солдат Манфреда уцелели. Мост через Калоре был заполнен беглецами, а человек в полном вооружении не мог рассчитывать на то, что ему удастся проложить себе путь через вздутые воды разлившейся реки. Кроме того, Карл поставил за своей конницей людей, чьей единственной обязанностью было добивать раненых. Говорят, что из 3600 всадников армии Манфреда спаслись лишь 600.

К вечеру поле битвы осталось за Карлом, и все королевство лежало перед ним беззащитным. Он проехал через мост в Беневент и оттуда написал Папе, чтобы подробно рассказать о своей победе. Среди его пленников, объявил он, были Джордано и Бартоломео Ланца. Гальвано Ланца был объявлен мертвым. Судьба Манфреда все еще оставалась неизвестной, но когда была найдена его лошадь, заключили, что он погиб.[112]

В воскресенье, 28 февраля, через лагерь прошел солдат, ведущий под уздцы осла, на которого было навьючено мертвое тело, выкрикивая: «Кто хочет купить Манфреда?» Его привели к Карлу, который велел графу Казерты и Джордано и Бартоломео Ланца посмотреть, действительно ли это тело Манфреда. Джордано закрыл лицо руками и заплакал: «Увы, увы, мой синьор», — они опознали его. Некоторые французские рыцари просили о том, чтобы такой доблестный воин был похоронен достойно. Карл ответил, что он бы с радостью согласился, если бы Манфред не умер отлученным от церкви. Но когда он на следующий день написал Папе, чтобы сообщить о смерти заклятого врага, тот приказал, чтобы тело похоронили достойно, хотя и не отпевая. Тело Манфреда положили в могилу у основания моста Беневента, и каждый солдат, проходя, бросал туда камень, пока не образовалась пирамида из камней. Позже говорили, что архиепископ Козенцы по приказу самого Папы выкопал тело и перезахоронил на берегах реки Лири, на границе королевства.[113]

Карл остался в Беневенте ровно на то время, которое требовалось для отдыха армии. Он не мог удержать солдат от разграбления города, несмотря на то что сюзереном города был Папа, а не сицилийская корона. Вызвав свою жену из Рима, он беспрепятственно дошел до Неаполя. 7 марта супруги торжественно въехали в город, король верхом на лошади, а королева в паланкине, завешенном синим бархатом.

Глава VII. КОНРАДИН

«Возлюбленный сын наш Карл, — писал Папа Климент 6 мая 1266 г. своему нунцию в Англии, — мирно владеет королевством, в его власти — разложившееся тело того мерзавца, его жена, дети и казна».[114] Так оно и было. После битвы при Беневенте завоевателю не было оказано никакого сопротивления. Один за другим города посылали ему уведомления о своей покорности, еще до прибытия его войск. Сарацины в Лучере, хоть и были преданы Манфреду, подчинились новому государю. Фридрих Ланца некоторое время думал о том, чтобы организовать сопротивление в Калабрии, но вскоре решил, что это дело безнадежное. Когда войска Карла Анжуйского прибыли в Сицилию под предводительством Филиппа де Монфора, жители острова не стали устраивать беспорядков — Манфред мало интересовался жизнью сицилийцев, и они ничуть не сожалели о его гибели. Флот Манфреда, оставшийся невредимым, вскоре сдался. Карл подготовил флотилию, укомплектованную марсельскими моряками, но ему не пришлось прибегнуть к ее услугам.[115]

Тело Манфреда все еще лежало захороненным у моста Беневента; его жена королева Елена со своей маленькой дочерью и тремя внебрачными сыновьями Манфреда была в Лучере, когда до нее дошла весть о злосчастной битве. Она поспешила с детьми в Трани в надежде найти какое-нибудь судно, которое перевезет ее к ее отцу в Эпир. Агенты Папы, посланные арестовать ее, были уже близко, и пока она ждала в замке, когда судно будет готово, те, запугав командира гарнизона, заставили его выдать им королеву. Елена с детьми были доставлены в Ночеру и заключены в Кастелло дель Парко. Там она и умерла в 1271 г., не дожив до тридцати лет. Ее дочь Беатриса была освобождена в 1284г. и в итоге вышла замуж за маркграфа Салуццо, но сыновья никогда не вышли из заточения. Один из них дожил до 1309 г. Казна Манфреда была сразу же передана победителю камергером, Манфредом Малеттой.[116]

Один за другим сторонники Манфреда подчинялись Карлу. Одержав полную победу, Карл дал понять, что у него нет намерения мстить. Даже члены семьи Ланца, после некоторых колебаний, принесли ему присягу, и им было позволено сохранить за собой большую часть их земель. Конрад Антиохийский, все еще не побежденный в Абруцци, попросил о перемирии. Других друзей Манфреда, которые либо уже бежали, либо собирались бежать из страны, пригласили вернуться, объявив всеобщую

амнистию. Среди тех, кто воспользовался предложенной амнистией, был выдающийся врач Джованни да Прочида, который лечил Фридриха II во время его последней болезни и недавно избавил кардинала Орсини от серьезного недуга. Сам Папа Климент рекомендовал его Карлу. Карлу еще доведется услышать о нем впоследствии.[117]

Карл действительно проявил необычайное великодушие. Он не смог удержать свою армию от разграбления Беневента, но больше ни один город не пострадал от алчности завоевателей. Карл хотел установить в королевстве мир и справедливость и не собирался платить своим французским и провансальским солдатам за счет своих новых подданных. Он не конфисковал ничьих земель, кроме тех случаев, когда были доказаны враждебность или измена их владельцев. Финансовые служащие Карла быстро разъехались по стране, устанавливая размер налогов и следя за тем, чтобы их исправно платили. Постановления, которые Карл издавал, были в основном связаны с контролем за тем, как эти чиновники выполняют свои должностные обязанности, чтобы избежать злоупотреблений властью. Карл издал указ о том, что три раза в год должна собираться ассамблея для выслушивания жалоб на сборщиков налогов и проверки их счетов. После довольно беспорядочного царствования Манфреда казалось, что страна теперь успокоится при аккуратном и благосклонном правлении.[118]

Но, невзирая на свою изначальную снисходительность, новый режим не был популярен. Новый король казался суровым и неприступным. В нем не было той приветливости, которой Гогенштауфены очаровывали своих итальянских подданных. Хоть Карл и любил провансальских трубадуров и проявлял интерес к наукам и искусствам, он производил впечатление человека холодного и жестокого. Соотечественники его, как ни пытался он их урезонить, были заносчивы и жадны. Кроме того, хотя налогами облагали справедливо, все же они были высоки, и трудно было уклониться от уплаты. Карлу нужно было отдавать долги, и ему были необходимы деньги. Южные итальянцы и сицилийцы предпочли бы более пассивную систему, пусть даже и более коррумпированную. Манфред потерял благосклонность своих подданных из-за своей абсолютной праздности и из-за своей ссоры с Церковью, но вскоре они вспоминали его с любовью, сравнивая с набожным и деятельным Карлом.[119]

В самом скором времени жалобы дошли до Папы. Он мог похваляться достижениями «возлюбленного» своего сына Карла, но на деле тот все чаще разочаровывал его. Папа рассчитывал контролировать королевство через благодарного и покорного вассала. Но хоть он и давал наставления

королю, его замечания оставались без внимания. Папа был потрясен разграблением Беневента. Он полагал, безо всяких оснований, что Карл был слишком жесток с покорившимися ему итальянцами и, с большими основаниями, что тот был скуп на вознаграждение своих преданных союзников из числа служителей Церкви. Методы налогообложения, используемые Карлом, чрезвычайно раздражали Папу. По мнению Климента, ему следовало бы созвать епископов, знать и выдающихся горожан королевства на ассамблею и изложить им свои потребности, позволив им самим определять размер своих пожертвований. В раздражении Папа начал критиковать самого Карла и его придворных: тот оказался заносчивым, своенравным и неблагодарным орудием в руках своих чиновников, окруженным своими необузданными придворными. В одном из своих горьких писем Папа писал, что Карл не позволял себя «ни видеть, ни слышать, был недружелюбен».[120]

Тем не менее Климент, как бы мало радости ему это ни приносило, все еще зависел от Карла. В мае Карл неохотно оставил пост сенатора в Риме — ему все же не хотелось нарушать свое обещание. Папа вскоре об этом пожалел, поскольку вследствие этого римляне избрали двух сенаторов на один пост: Коррадо Мональдески и Луку Савелли, причем последний за двадцать два года (в 1234г.) до того возглавлял восстание против папства. Их первым требованием было возвращение Папой и Карлом своих долгов римлянам. Папа в ответ объявил сенаторов ворами и разбойниками и стал подстрекать к заговору против них. Результат получился неожиданный. В начале 1267 г. народный мятеж передал город в руки известного гибеллина Анджело Капоччи. Разумнее было бы оставить власть над Римом в руках Карла. Но Капоччи был благоразумен, он не хотел спровоцировать нападение со стороны Карла или Климента, поэтому он не претендовал сам на пост сенатора, а предложил его одному из соратников Карла, инфанту Энрике Кастильскому.[121]

У короля Альфонса Кастильского было два брата, Федерико и Энрике. Оба были с ним в ссоре из-за того, что тот не захотел никак разделить с ними королевскую власть, и странствовали, ведя жизнь авантюристов. Инфант Федерико какое-то время служил у мусульманского эмира Туниса. Он прошел через всю Италию, чтобы присоединиться к Манфреду, рядом с которым он сражался в битве при Беневенте. Бежав с поля битвы, Федерико вернулся в Тунис. Инфант Энрике искал счастья во Франции. Там он подружился с Карлом, который был его кузеном, и одолжил Карлу огромную сумму на итальянскую кампанию. Энрике рассчитывал, что в

награду получит королевство Сардинию или Эпирское герцогство. Но Карл и долг ему не возвращал, и, похоже, не собирался потакать его амбициям. Генрих принял приглашение в Рим, затаив обиду в сердце (о чем Капоччи несомненно знал), и был официально введен в должность сенатора в июле 1267г.[122]

Опечаленный событиями в Риме, Климент предоставил Карлу свободу действий в Северной Италии. Гибель Манфреда означала крушение власти гибеллинов в Ломбардии. Не позднее конца марта 1266 г. был созван большой совет в Милане, где представители Карла встретились с представителями крупных городов реки По, от Верчелли на западе до Тревизо на востоке и из Реджо и Модены с юга этой реки. Теперь все они были гвельфами. Паллавичини все еще контролировал Кремону и Пьяченцу, но в июне он покорился Карлу, и его заставили удалиться в свои владения. Только Верона под руководством Скалигера и Павия сохранили независимость. Остальная Ломбардия теперь была во власти Карла и его союзников, миланских Торриани и феррарских Эсте. Власть Карла в Пьемонте укрепилась. Маркграф Монферратский, обеспокоенный ростом могущества Карла, предусмотрительно объявил нейтралитет, не отважившись на открытое столкновение с но-вым королем Сицилийским. Его место в системе союзов было занято маркграфом Салуццо. Сенешаль Карла в Провансе, Гильом Эстандар, был назначен сенешалем Пьемонта и Ломбардии. Однако Папа был не вполне доволен. Папство давно не доверяло Торриани и недолюбливало Эсте, а Карл загнал понтифика в угол не хуже, чем императоры из династии Гогенштауфенов. Но у Папы не было выбора.[123]

В Тоскане дела обстояли почти так же. Там гибеллинов еще не вытеснили. Флоренция, правда, попросила защиты у папства на тот случай, если Карлу вздумается напасть на нее, но больше ни один город не последовал ее примеру. Осенью 1266 г. лига гибеллинов была восстановлена на ассамблее в Сан-Миньято: глава флорентийских гибеллинов, Гвидо Новелло, вошел в город с триумфом. Его свергли через месяц, но установленное после этого народное правление включало не только гвельфов. В январе 1267 г. Папа решил просить Карла послать армию в Тоскану. Войска Карла двинулись на север в конце марта. 18 апреля они вошли во Флоренцию. Гибеллины отступили без боя и больше не возвращались. В Лукку отряды графа Анжуйского вошли вскоре после этого, и оба города избрали Карла своим подестой на семь лет. Пистойя и Прато последовали их примеру. 7 мая, несмотря на требование Папы

оставаться на юге, Карл лично появился в Тоскане и торжественно въехал во Флоренцию. Ему продолжали противостоять только Пиза и Сиена. Карл был полон решимости сокрушить и их, но Папа призвал его для беседы в Витербо, где взял с него обещание ограничить свое правление в Тоскане тремя годами. Карл вернулся в Тоскану в конце июня и взял в осаду крепость Поджибонси на сиенской дороге. Пять месяцев он стоял у крепости, которая яростно сопротивлялась. Только 30 ноября ее наконец удалось взять штурмом. Папа многократно просил Карла снять осаду и вернуться в свое королевство ввиду приближающихся опасностей, но тот отказался отклониться от намеченной цели или признать поражение.

Пока Карл осаждал Поджибонси, его жена, королева Беатриса, умерла в Ночере в июле 1267г. Она пробыла королевой чуть больше года.[125]

Опасность, так пугавшая Папу и заставившая его примириться с политикой Карла в Северной Италии и теперь жаждать его немедленного возвращения на юг, стала вполне реальной к концу лета 1267 г. Она пришла с севера. Папство, всецело поглощенное своей ненавистью к Манфреду, едва помнило, что в Германии остался еще один Гогенштауфен. Но итальянские гибеллины, хотя и засвидетельствовали свою верность Манфреду, не забыли о Конрадине. Ныне Конрадину исполнилось пятнадцать лет. Он вырос в Баварии под присмотром своей матери Елизаветы, вдовы короля Конрада, и ее второго мужа графа Майнарда, в то время как братья его матери, Людвиг и Генрих Баварские, блюли его политические интересы. От прежних владений его семьи теперь осталось мало. Германская часть герцогства Швабия признала власть его назначенцев. Бароны Святой Земли провозгласили Конрадина королем Иерусалимским, но если бы он когда-нибудь приехал в свое королевство, то обнаружил бы, что власть его там сильно ограничена. Но Конрадин был умным, не по годам развитым мальчиком, красивым и обаятельным, прекрасно осознающим свое происхождение. Мать пыталась сдерживать его амбиции. Она не хотела, чтобы ее сын рисковал жизнью в грандиозных авантюрах. Но ближайшим другом Конрадина был мальчик чуть старше, чем он сам, его дальний родственник, Фридрих Баденский (по линии своей матери, происходившей из династии Бабенбергов, законный наследник Австрийского герцогства, которое было присвоено королем Чехии, когда Фридрих Баденский был еще ребенком). Фридрих активно поддерживал все проекты Конрадина.[126]

Вопрос о правах Конрадина периодически поднимался. Папство время от времени вспоминало о нем, как о сопернике Манфреда. Людовик Святой

считал, что его притязания нельзя полностью игнорировать. В 1260 г. герцог Баварский послал двух доверенных агентов, Конрада Кроффа и Конрада Буссаруса, в Рим, где они, очевидно, должны были добиться, чтобы Папа Александр IX, который еще не начал переговоры с Карлом Анжуйским, остановил выбор на Конрадине. В Риме Буссарус был убит, а Крофф серьезно ранен — по-видимому, приверженцами Манфреда. После краха в битве при Монтаперти флорентийские гвельфы незамедлительно обратились за помощью к баварскому двору. Но гибеллины были верны Манфреду до самой его смерти в битве при Беневенте. Только после этой битвы они повернулись к Конрадину.[127]

В последние месяцы 1266 г. родные и друзья Манфреда, сомневаясь в великодушии победителя и мечтая о мести, начали один за другим пробираться через Италию на другую сторону Альп. Первым к баварскому двору летом 1266 г. прибыл ведущий юрист канцелярии Манфреда Пьетро ди Прецце. Он прославился своим искусством писать в так называемой сицилийской манере — высокопарной и напыщенной, но, как считалось в то время, замечательно подходящей для политических манифестов. Теперь его перо служило Конрадину. Следующими явились братья Капече: Коррадо, который был наместником Манфреда сперва в Анконской марке, а затем на Сицилии, и Марино. Третий брат, Джакомо, остался в качестве их агента на Сицилии. Вскоре за этим Конрад Антиохийский, сын Фридриха, внебрачного сына Фридриха II, сумел бежать из тюрьмы, куда его заточил Карл, вместе со своим товарищем по заключению Джованни ди Марери из семьи сеньоров Авеццано. Они тоже перешли Альпы и прибыли в Баварию. Следующими приехали дядья Манфреда, Гальвано и Фридрих Ланца, и бывший камергер Манфреда, Манфред Малетта.[128]

Прибытие этих единомышленников, жаждущих отомстить Карлу, не могло не пробудить боевой дух львенка или молодого орла, как называли Конрадина хронисты. Он уже начал рассылать письма в Италию, чтобы привлечь к себе сторонников. Теперь, когда так много людей находилось рядом с ним, он собрал совет в Аугсбурге в октябре. Там Конрадин объявил о своем намерении заявить притязания на Сицилию, которая принадлежала ему по праву рождения, и попросил поддержки у своих друзей и подданных. Но зная, что его ждут различные опасности, он завещал, чтобы в том случае, если он умрет, не оставив потомства, его баварские дядья унаследовали все, чем он владеет. Дядья Конрадина как могли пытались его отговорить, но безрезультатно. Совет, увлеченный его энтузиазмом, решил, что поход в Италию с целью возвести Конрадина на принадлежащий ему

по праву престол следует начать следующим летом.[129]

Папа Климент был хорошо осведомлен и о перемещении беженцев в Баварию, и об амбициях молодого принца Гогенштауфена. 18 сентября 1266 г. Папа объявил анафему любому, кто будет способствовать избранию Конрадина императором, и любому, кто будет сопровождать его в итальянском походе. Через два месяца вышла официальная булла, грозящая отлучением и конфискацией имущества любому, кто признает власть Конрадина или даже просто примет у себя его представителей. Папа узнал, что флорентийские гибеллины поддерживают связь с Конрадином. Он был так обеспокоен, что предоставил Карлу полную свободу действий в деле восстановления положения гвельфов в Северной и Центральной Италии. К лету 1267 г. казалось, что ситуация практически под контролем. Правда, еще назревали беспорядки и на Сицилии, поэтому Папа хотел, чтобы Карл оставил свои попытки уничтожить последние очаги сопротивления гибеллинов в Тоскане и вернулся в свое королевство. Но Климент не ждал никаких неприятностей из-за Альп. 15 сентября 1267 г. он написал Карлу, чтобы сообщить, что не верит теперь во вторжение Конрадина в Италию. А в это время армия Конрадина уже маршировала через Тирольские долины к перевалу Бреннер.[130]

Оптимизм Папы Климента был напрасным. 17 сентября он снова написал Карлу, что остров Сицилия полностью охвачен восстанием и туда прибыли войска из Туниса. По повелению Конрадина Коррадо Капече пустился в рискованное предприятие, имевшее целью поднять восстание на острове, где он когда-то был наместником Манфреда, против Карла Анжуйского. Сицилийцы не очень любили Манфреда, но повышенное внимание сборщиков налогов Карла не нравилось им еще больше. На Сицилии Капече нашел благодатную почву для своих интриг. Затем он связался с инфантом Федерико и его товарищами по изгнанию в Тунисе. Эмир Туниса дал им оружие, и они отплыли, чтобы поддержать восстание. Папу также беспокоили новости из Рима. Инфант Энрике, римский сенатор, уже вызвал неудовольствие Папы, заняв различные города в Кампании и атаковав несколько замков Карла на границе. Но хотя Карл и с подозрением относился к намерениям Энрике, Климент не хотел, чтобы Карл провоцировал его на открытую вражду. Он не в состоянии, сообщил он Карлу, организовать переворот в Риме; римляне боялись сенатора, и переворот будет стоить очень много денег. Папа мог только предложить Карлу, чтобы тот заключил мир с Энрике, вернув ему занятые в 1266 г. деньги. Подозрения Карла оправдались. В середине октября Энрике заявил

о себе. Он уже связался со своим братом на Сицилии. Теперь к нему прибыл Гальвано Ланца, который явился прямо от Конрадина с небольшим отрядом. Он быстро и незаметно прошел через Италию и прибыл в Рим 18 октября. Гальвано с отрядом вошел в город с гордо реющим знаменем Гогенштауфенов, на котором был изображен орел, и был торжественно принят сенатором, который разместил их в Латеранском дворце. Через несколько дней Гальвано покинул Рим с письмом от сенатора к Конрадину, содержащим — поскольку Энрике считал себя поэтом — приветствие в довольно посредственных стихах.[131]

Климент был в отчаянии. В тщетной надежде вновь склонить Рим на свою сторону, он ждал еще месяц, прежде чем полностью порвал с сенатором. Только в ноябре Папа формально отрешил сенатора от должности, и в следующем апреле он предал анафеме его и всех сторонников Конрадина в городе. Сицилия теперь была в руках мятежников. Только Палермо и Мессина все еще удерживались наместником Карла, а сарацины Лучеры присоединились к восстанию, которое теперь перекинулось в Калабрию. Но Карл настоял на том, что он останется в Тоскане. Даже когда замок Поджибонси все же пал в конце ноября, он продолжал блокировать Сиену, взяв Вольтерру, а затем, в январе 1268 г., двинулся на Пизу. Карл взял и разграбил Порто-Пизано, снес его стены и на время парализовал всю пизанскую морскую торговлю.

Наконец в мае Карл внял неистовым мольбам Папы и двинулся на юг из Флоренции. Он задержался в Витербо, чтобы повидаться с Папой, который официально назначил его на пост императорского наместника в Ломбардии. Вернувшись в королевство, Карл выступил против сарацинских мятежников в Лучере, решительно настроенный разбить их прежде, чем подоспеет Конрадин.[132]

Конрадин, следуя плану, о котором он объявил в Аугсбурге в прошлом году, покинул Баварию в середине сентября 1267 г. Армия у него была небольшая, она насчитывала, возможно, меньше четырех тысяч всадников, набранных из его родовых земель и из земель его родственников. Пехоты практически не было, и у него не хватило денег на наемников. Воины Конрадина были настроены решительно, но германские князья, на чью поддержку рассчитывал молодой король, все, за исключением Фридриха Баденского, пребывали в нерешительности и унынии. Они готовы были пойти с ним через Альпы, но не могли обещать, что будут сопровождать его в безрассудном походе на юг Италии. Дядья Конрадина до самого конца умоляли его остановиться. Мать, когда он прощался с ней в замке Гоген-

швангау, не могла скрыть своего страха. Но Конрадин был настроен решительно, и его веру в успех предприятия всецело подогревали присоединившиеся к нему итальянцы. Его личное окружение и канцелярия почти целиком состояли из итальянцев, многие в его свите были сицилийцами, представленными ему Пьетро ди Прецце.

Прежде чем покинуть Германию, Конрадин обнародовал манифест, написанный Пьетро ди Прецце в самых преувеличенных красках. В этом манифесте были заявлены права Конрадина как законного наследника Гогенштауфенов, притязания Папы резко осуждались, а Манфред был объявлен бессовестным узурпатором.[133]

Армия медленно двинулась через Тироль и Бреннер, остановившись в Больцано и Тренто. 21 октября 1267 г. она прибыла в Верону, крупный гибеллинский город на севере. Здесь Конрадин остался на три месяца. Причина его задержки неизвестна. Возможно, Конрадин хотел дать время гибеллинам со всей Италии присоединиться к нему. Возможно, он рассчитывал, что из-за восстания сицилийцев и сарацин в Лучере Карл будет вынужден уехать на юг и оставит Италию беззащитной. Или, быть может, он рассчитывал, что его союзник, инфант Энрике, двинется на север из Рима. Энри-ке в последние месяцы проявлял большую активность. Его агенты работали в Тоскане, где Пиза и Сиена все еще противостояли Карлу. 1 декабря гибеллины Тосканы заключили официальный договор с сенатором. Из трех его пунктов первый гласил, что тосканская лига гибеллинов избирает Энрике своим главнокомандующим на пять лет. Ему полагался ежегодный оклад в 10 000 пизанских ливров, а также деньги на содержание 200 испанских всадников. Взамен Энрике обязан был предоставить тосканским коммунам за их счет, когда бы они ни пожелали, войско в 2000 всадников. Но гибеллины не вполне доверяли Энрике: они добавили, что в случае разрыва Энрике с Конрадином этот пункт будет считаться недействительным. Второй пункт давал Энрике право занять все имперские земли в Тоскане, распоряжаться которыми тосканская лига на самом деле не имела права. И даже при этих условиях права и собственность тосканских городов, включая те, которые в настоящее время принадлежали гвельфам, были тщательно защищены. Карл Анжуйский был объявлен врагом народа, которого следует изгнать из Тосканы. Третий пункт отождествлял город Рим с его сенатором в данном договоре. Папа тщетно объявил договор недействительным. Конечно, пока Карл оставался в Тоскане, гибеллины мало что могли сделать. Но солдаты гибеллинов тем временем стекались в Рим, чтобы присоединиться к Энрике.[134]

Конрадин оставил Верону 17 января. Сицилийское восстание и мольбы Папы пока не убедили Карла уйти из Тосканы. На самом деле Карл подумывал о том, чтобы встретиться с Конрадином в Ломбардии, но ему не хотелось пересекать Апеннины, пока он не будет более уверен в тосканцах. Хотя маршрут Карла был пока неизвестен, Конрадин не мог позволить себе ждать. От веронцев, хоть и дружелюбно настроенных, нельзя было ожидать, что они позволят армии квартировать у них долго. Да и сами войска были в нетерпении. Герцог Баварский отказался идти дальше и вернулся домой. Его примеру последовали многие аристократы менее высокого ранга, включая наиболее честолюбивого из них, Рудольфа Габсбурга. Итальянские гибеллины начинали выказывать нетерпение. Конрадин уже попытался пройти через Ломбардию, но тогда армия гвельфов отбросила его назад. Теперь он мог передвигаться свободно. Миланский правитель из рода Торри-ани, хоть и собирался бросить ему вызов, при приближении армии укрылся за стенами города. После трехдневного марш-броска Конрадин пришел ко второму крупному городу гибеллинов в Северной Италии — Павии. Он задержался там на несколько недель, готовясь к следующему рывку — наступлению на Пизу. Как раз тогда Карл двинулся в Ломбардию. Сам Конрадин с несколькими спутниками покинул армию. Благодаря тому что маркграф Монферратский предпочел его не заметить и благодаря открытой дружбе маркграфа Кареттского, мужа одной из внебрачных дочерей Фридриха II, Конрадин смог пересечь Лигурийские Альпы и попасть в Савону, на побережье. Оттуда он отплыл на пизанском судне 29 марта. 7 апреля он прибыл в Пизу и был принят с королевскими почестями. 2 мая Конрадин встретил свою армию. Под искусным командованием Фридриха Баденского она пересекла Апеннины через перевал, расположенный западнее того места, в котором ожидалось, и не встретила никакого сопротивления.

Пиза стала для Конрадина постоянным источником гибеллинских солдат и золота. Взамен, действуя так, будто он уже почти вступил на императорский престол, молодой король раздавал привилегии своим верным союзникам. Пиза получала все права, какими когда-либо обладала в Сицилийском королевстве, так же как и города Трапани, Марсала и Салерно и острова Искья и Мальта. Из Пизы Конрадин предпринял попытку напасть на Лукку, но наместник Карла в Тоскане, Жан де Брезельв, преградил ему путь. Конрадин вышел из Пизы 15 июня и двинулся в Сиену. В замке Поджибон-си, где уже подняли восстание против гарнизона Карла Анжуйского и послали Конрадину ключи от ворот, ему был оказан теплый прием. 25 июня Конрадин прибыл в Сиену. В тот же самый день часть его

войск, проводившая рекогносцировку дальше на востоке, напала на Жана де Брезельва, когда его отряд переходил реку Арно через Понт-а-Валль, неподалеку от Ареццо. Французы были застигнуты врасплох, и Жан взят в плен. Конрадин оставался в Сиене около десяти дней. В награду за преданность он даровал городу право собирать пошлины и вершить правосудие во всем контадо.

Из Сиены армия двинулась по старой Виа Кассия в Рим. Их путь лежал их мимо Витербо, где жил Папа Климент. По легенде, Папа сидел у высокого окна в своем дворце и смотрел, как воины Конрадина проходят мимо; он сказал, что ягненка ведут на бойню.

Въезд Конрадина в Рим 24 июля был встречен проявлениями истеричного энтузиазма. Никогда еще папский город не оказывал такой шумный прием общепризнанному врагу святейшего престола. Толпы встречали его хвалебными гимнами и осыпали его путь цветами. Улицы были украшены шелковыми и атласными полотнищами. Все были в праздничных нарядах. На Марсовом поле были устроены игры и шествия с факелами ночью. К юному королю, с его красотой и обаянием, относились почти как к богу. А если даже знатные гвельфы и не пришли на торжество, осторожно наблюдая из-за стен своих замков в Кампании, никому до этого не было дела. Гибеллины набирали силу в Риме, их число росло с каждым днем, и сенатор Энрике охотно руководил торжествами, заверяя короля в своей непоколебимой преданности.[135]

Для Папы, находившегося в Витербо, новости, пришедшие из Рима, были мучительными. Ни он, ни его преемники спустя много лет так и не смогли до конца простить Вечный город. Более всего они винили в происшедшем Генриха. Больше никогда, поклялся Климент, иностранцу не будет позволено стать сенатором.[136]

Конрадин наслаждался своим триумфом в Риме ровно три недели. 14 августа, полный надежд, он повел свою армию завоевывать Сицилийское королевство. Она сильно увеличилась. Теперь под его командованием было около шести тысяч человек, причем все — опытные конные бойцы. Под развевающимися знаменами армия двинулась по Виз Валерия мимо Тиволи в Сабинские горы.

Услышав, что Конрадин в Риме, Карл снял осаду с Лучеры, где безуспешно пытался заставить сарацин сдаться, и быстро двинулся через горы в окрестности Авеццано, куда он прибыл 4 августа. Карл правильно рассчитал, что Конрадин отправится в Апулию через район возле озера Фучино, где были расположены главные поместья Ланца, поскольку

Конрадин, естественно, будет искать путь, где у него есть друзья, в то время как прямая дорога на Неаполь хорошо защищалась сторонниками Карла. 9 августа Карл был в Скурцоле, где дорога от Тальякоццо к Авеццано пересекает маленькую речку Сальто. Потом он переместился на несколько миль на северо-восток и встал лагерем на холме Овиндоли, который возвышался над единственной дорогой, соединяющей Авеццано и Апулию. Конрадин не мог пройти в Апулию незамеченным.[137]

Конрадин задержался в Викочаро, деревне, принадлежавшей гибеллинской ветви Орсини, потом — в замке Сарачинеско, где его принимала дочь Гальвано Ланца, жена Конрада Антиохийского. Оттуда Конрадин двинулся в Карсоли. Там Виз Валерия поворачивает на юго-восток через перевал Монк Бови в Тальякоццо. Конрадин теперь знал, что Карл недалеко, так что, не желая быть застигнутым в узкой долине, он повернул на север, проведя свою армию по горным тропам, которые привели ее в долину реки Сальто, как раз под Скурцоле. Таким образом, он избежал перевалов Тальякоццо, но Карл был все еще впереди него, преграждая ему путь. Единственное, что выиграл Конрадин от этого трудного прохода через горы, было то, что теперь его армия могла принять решающий бой в долине, где тяжелая германская конница будет более эффективна.

Конрадин разбил свой лагерь в Скурцоле 22 августа 1268 г. Через несколько часов подоспел Карл со своей армией и расположился на другом берегу реки Сальто. Узнав о том, что Конрадин прошел через горы, он свернул свой лагерь на Овиндоли и перевел свои войска в Авеццано, затем двинулся вперед по Виа Валерия к реке. Карл уже был знаком с равниной Скурцоле, поскольку стоял там лагерем двумя неделями раньше, и был готов биться в этом месте. Днем произошла стычка между двумя передовыми отрядами, но обе стороны хотели отдохнуть, чтобы подготовиться к завтрашней решающей битве.

В тот вечер Конрадин, возможно обеспокоенный слухами о шпионах в лагере, отдал приказ без промедления казнить своего пленника, Жана де Брезельва. Убийство врага, захваченного в плен на поле боя, противоречило обычаям того времени, и спутники Конрадина были шокированы.

Битва, известная истории как битва при Тальякоццо (хотя Тальякоццо находился в пяти милях за лагерем Конрадина), началась утром во вторник, 23 августа. Как и два года раньше, в битве при Беневенте, каждая армия была разделена на три группы. Передовой отряд войска Конрадина удерживал дорогу на западном берегу Сальто. Этим отрядом командовал инфант Энрике, и состоял он из испанской конницы и войск гибеллинов

Рима и Кампании. За ним располагалась вторая группа, состоявшая из гибеллинов Ломбардии и Тосканы и из беженцев из Сицилийского королевства, среди которых было немного германских всадников. Остальные германские войска были в резервной группе под руководством двух юных принцев — самого Конрадина и Фридриха Баденского. Армия Карла была чуть меньше, около пяти тысяч всадников против шести тысяч конных бойцов Конрадина, но она состояла из ветеранов, которые постоянно сражались в армии Карла последние два года; это были люди, которых Карл знал и которым он доверял. Его первая группа, состоявшая из итальянцев гвельфов и провансальцев, удерживала главную дорогу на восточной стороне реки. Имя командира этой группы неизвестно. Во вторую группу входила основная масса французских войск Карла под командованием маршала Анри де Кузанса. Карл хотел, чтобы этот отряд враг считал резервным, а поскольку обычно главнокомандующий армии оставался в запасной шеренге, он отдал Анри свою мантию, а его знаменосцу — королевское знамя. Сам Карл, с настоящим резервом, состоявшим из приблизительно тысячи лучших его рыцарей, встал примерно в миле позади своего правого фланга, спрятавшись от врага за изгибом холма. С Карлом был опытный военачальник, только что вернувшийся из крестового похода, французский камергер, Эрар де Сен-Валери. Между двумя армиями протекала маленькая речка Сальто. В разгар лета река была не слишком полноводной, но размытые берега и топкое дно делали затруднительным переход реки в местах, расположенных в непосредственной близости от моста, по которому дорога пересекала русло.

Ранним утром инфант Энрике со своей группой в полном боевом порядке двинулся к мосту. В тщетной попытке усыпить бдительность врага, он приказал своим служителям начать разбивать лагерь у реки, так будто он не собирался сражаться в тот день. Внезапно, около девяти часов, его воины вскочили в седло и ринулись к мосту. Первая шеренга Карла была уже там, а его вторая группа, под командованием Анри де Кузанса, встала позади, чтобы быть готовой вместе с первой группой форсировать мост, когда люди инфанта будут отброшены назад. В пылу битвы французы не заметили, что половина отряда инфанта отделилась и вместе с бойцами Гальвано Ланца передвинулась на юг вверх по реке. Приблизительно в полумиле вверх по течению от моста берега были ровные и вода растекалась в мелководную заводь, образуя хороший брод. Войска гибеллинов промчались через реку и обрушились на левый фланг армии Карла Анжуйского, расположенный ниже по течению. Их нападение было

неожиданным. Пока Гальвано атаковал Анри де Кузанса со стороны моста, итальянцы и провансальцы первой шеренги армии Карла Анжуйского отошли с моста, и инфант смог переправиться через реку. Казалось, что победа Конрадину гарантирована. Потери армии Карла были чудовищны. Анри де Кузанс, которого приняли за сицилийского короля, погиб, а королевское знамя захвачено. После гибели Анри остатки войск Карла бежали с поля. Когда Конрадин и его конница подъехали, чтобы нанести завершающий удар, в этом, казалось, уже не было нужды. Инфант Генрих был поглощен преследованием отступавших врагов. Некоторые солдаты Гальвано свернули, чтобы разграбить лагерь анжуйцев, где к ним присоединились многие из германцев Конрадина. Юный король остался на поле боя лишь с небольшим сопровождением.

Карл, скрывавшийся в засаде, был потрясен постигшим его несчастьем. Какое-то время он подумывал о том, чтобы атаковать и спасти своих людей, но Эрар де Сен-Валери отметил, что они слишком далеко: им не подоспеть вовремя, и, сделав так, они раскроют свою позицию. Если же немного подождать, торжествующий враг почти наверняка рассеется в поисках добычи. Так что Карл оставался на месте до тех пор, пока не увидел, что на поле битвы никого не осталось, кроме небольшой группы, собравшейся под знаменами Гогенштауфенов. Тогда он бросился впереди своих солдат из засады. Рыцари Конрадина и представить себе не могли, что всадники, скачущие к ним через долину, были непобежденным отрядом противника. Когда они поняли, что происходит, было уже поздно. Рыцари Конрадина были не готовы к схватке и численностью сильно уступали врагу. После ожесточенного боя друзья Конрадина убедили его бежать, пока есть возможность. Вместе с Фридрихом Баденским и своим личным телохранителем он галопом помчался по дороге в Рим. Знаменосец Конрадина был убит на поле боя, и знамя с изображением орла было захвачено. Большинство рыцарей Конрадина пали. Конрад Антиохийский, который пытался собрать их вновь под своим руководством, угодил в плен.

Увидев, что знамя их короля повержено, германцы и гибеллины, грабившие лагерь Карла Анжуйского, бежали. Но отряд инфанта Энрике и Гальвано разбит не был. Похоже, Энрике, поднявшийся, преследуя беглецов, из долины на дорогу в Апулию, оглянулся и понял, что произошло. Он развернул своих бойцов и повел их обратно в долину. Его люди все еще превосходили численностью отряд Карла, но и они, и их лошади устали после долгой битвы, а на летнем солнцепеке германцы в своих пластинчатых доспехах страдали больше, чем французы в кольчугах. К тому же им пришлось преодолеть довольно большое расстояние, прежде

чем они приблизились к врагу. У Карла хватило времени, чтобы позволить своим людям снять шлемы и немного отдохнуть, прежде чем вести их отражать атаку. И все же шеренги гибеллинов выглядели так грозно, что Эрар де Сен-Валери советовал организовать ложное отступление. С разрешения Карла он отвел отряд французской конницы назад, словно отступая в панике. Невзирая на предостережения Энрике, гибеллины поддались на уловку и сломали строй. Одни последовали за Эраром, а другие атаковали короля. На первый взгляд армия Карла Анжуйского казалась разбитой, но когда Эрар повернул назад и начался рукопашный бой, гибеллины дрогнули. Инфант пытался отвести их и собрать вновь для еще одной атаки. Но лошади были измучены, а люди устали настолько, что не могли занести руку для удара. Вскоре все, чьи лошади еще могли их держать, бежали с поля боя, бросив своих товарищей на растерзание. После неудачного начала Карл все же одержал бесспорную и окончательную победу.

В ту ночь Карл сел писать письмо Папе. В манере, неуместность которой вопиет сквозь века, он начал письмо словами Исава, взятыми из Писания: «Встань, отец мой, — писал он, — и поешь дичи сына твоего, чтобы благословила меня душа твоя». Потом он описал битву, умолчав о ее начале и преуменьшив свои тяжелые потери. Он торжественно закончил словами: «Мы убили такое множество врагов, что их поражение при Беневенте — ничто, в сравнении с этим. Мы пишем это письмо сразу по окончании битвы и пока не можем сказать, убиты ли Конрадин и сенатор Энрике, или они бежали. Но можно сказать с уверенностью, что лошадь сенатора была захвачена, когда он, пеший, обратился в бегство».[138]

На самом деле большинство главных врагов Карла уцелели в битве. Конрад Антиохийский был его пленником. Инфант Энрике, римский сенатор, нашел убежище в монастыре Св. Сальвадора на дороге в Риети. Там его опознали и схватили. Сам Конрадин направился в Рим, куда и прибыл с Фридрихом Баденским и примерно пятьюдесятью рыцарями 28 августа. Сенатор Энрике оставил в Риме своим заместителем предводителя гибеллинов в Урбино, Гвидо да Монтефельтро. Но Гвидо, чья последующая карьера доблестного кондотьера строилась на предусмотрительной неприязни к поверженным друзьям, уже прознал о битве. Он отказался принять Конрадина и захлопнул ворота Капитолия перед его носом. Мальчика предупредили, что ему лучше покинуть город, куда Гвидо уже впускал гвельфов. Конрадин и его спутники поехали назад по Виа Валерия, надеясь каким-нибудь образом бежать через горы и присоединиться к мятежникам в Апулии. В Сарачи-неско жена Конрада Антиохийского вновь

дала им приют, и там они встретились с ее отцом, Гальвано Ланца, который также нашел там убежище. В Сарачи-неско беглецы изменили свои планы: на востоке было слишком много агентов Карла, охранявших дорогу, поэтому они вместе с Гальвано отправились на юг через Кампанию в маленький морской порт Астуру, расположенный на болотистом берегу, где рассчитывали найти судно, которое довезет их в Геную. Местный сеньор, Джованни Франджипани, узнал о прибытии таинственных чужестранцев. Он приказал их арестовать и обнаружил, что у него в руках Конрадин, Фридрих Баденский, Гальвано Ланца и несколько аристократов из римских гибеллинов. Джованни заточил их в соседнем замке. Через несколько дней адмирал Карла, Роберт Лавенский, прибыл с Джордано, кардиналом Террачины, чтобы именем короля и Папы потребовать передачи пленников ему. Сперва пленников отвезли в Палестрину. Там Гальвано Ланца был казнен как изменник вместе с одним из своих сыновей и несколькими итальянскими гибеллинами. Конрадина и Фридриха Баденского перевели в Неаполь, на остров Кастелло-дель-Уово.[139]

Карл был беспощаден. Милосердие, которое он проявил после своей победы при Беневенте, себя не оправдало. Он не собирался больше проявлять слабость. Из всех своих пленников он отпустил только Конрада Антиохийского, но не потому, что считал его менее виновным или менее вероломным, чем остальных, а потому, что жена Конрада держала в своих подземельях в Сарачинеско несколько важных аристократов из гвельфов, родственников кардиналов, и угрожала, что предаст их смерти, если ей не вернут мужа. У инфанта Энрике были слишком большие связи, чтобы его можно было казнить. За него просили и французский двор, и английский. Но хотя Энрике и сохранили жизнь, двадцать три года он провел в тюрьме. Главной проблемой было, как поступить с Конрадином.[140]

По легенде, Папа Климент настаивал на смерти мальчика. Слова: «Жизнь Конрадина — смерть Карла, жизнь Карла — смерть Конрадина» («Vita Conradini, mors Caroli: vita Caroli, mors Conradini») — приписывают ему. Как бы то ни было, Карл решил, что Конрадин должен умереть, поскольку он не сможет в безопасности сидеть на сицилийском троне, пока принц Гогенштауфен жив; а юношеское обаяние Конрадина делало его тем более опасным. Но Карл был приверженцем законности. Если он и собирался грубо нарушить традиции своего времени и казнить пленного принца, решение следовало подкрепить законом. Юристам было приказано подготовить обвинение против Конрадина. Его вторжение в королевство было представлено как акт разбоя и государственная измена. Позже

апологеты Анжуйской династии обвинили Конрадина в военном преступлении за то, что тот казнил Жана де Брезельва, что действительно было нарушением традиций той эпохи: но во время суда об этом не упоминалось и едва ли этот поступок можно было рассматривать как простое убийство. Судьи Карла знали, чего от них ожидают. После короткого процесса они объявили Конрадина виновным, а вместе с ним и его друга Фридриха Баденского, чьим единственным преступлением была его преданность. Обоих приговорили к смерти через отсечение головы. Эшафот был воздвигнут на Кампо Моричино в Неаполе, на месте нынешней Пьяцца-дель-Меркато. Там 29 октября 1268 г. Конрадин и Фридрих были публично обезглавлены вместе с несколькими своими приверженцами. Это было единственное мимолетное появление красивого шестнадцатилетнего юноши перед неаполитанцами, чьим королем он мог бы стать, но они никогда его не забудут.

Суд над Конрадином и его казнь привели Европу в состояние шока. Для Данте, писавшего столетие спустя, Конрадин был невинной жертвой. Даже Папа, хоть и радовался пресечению рода гадюк, был глубоко потрясен. Гвельфский историк Виллани отчаянно стремился очистить память Климента от подозрений в соучастии. И поныне Карла обычно порицают даже французы, которые готовы многое простить одному из самых талантливых сынов Франции. Германцы всегда считали это величайшим преступлением в истории. Многие столетия спустя поэт Гейне писал об этом с горечью. Но Карл был реалистом и считал, что цель оправдывает средства. Он полагал, что только после смерти Конрадина сможет править спокойно.[141]

Глава VIII. КОРОЛЬ КАРЛ СИЦИЛИЙСКИЙ

Две крупные победы упрочили положение Карла в Сицилийском королевстве. Больше не осталось принцев из рода Гогенштауфенов, которые могли бы оспаривать его права. Трое молодых сыновей Манфреда были живы, но надежно заперты в неаполитанской тюрьме. В Германии молодой ландграф Тюрингский, Фридрих Мейсенский, внук Фридриха II по материнской линии, провозгласил себя наследником династии Гогенштауфенов и присвоил на время громкие титулы короля Сицилийского и Иерусалимского, но никто не принимал его всерьез. Король Кастильский время от времени хвалился тем, что в его жилах течет кровь Гогенштауфенов, но он был слишком занят другими делами для того, чтобы бросать вызов Карлу. К тому же его брат, инфант Энрике, был пленником Карла, и хотя король Альфонс не испытывал никакой симпатии к своему брату, семейная гордость Кастильской династии не позволяла ему рисковать жизнью инфанта. Несколько большую угрозу представляла дочь Манфреда Констанция, которая жила в Барселоне, будучи женой наследника короны Арагона, но в многочисленные честолюбивые планы ее старого тестя не входило завоевание Сицилии.

Король Карл мог спокойно властвовать над королевством и планировать дальнейшие завоевания. «Король Карл, — пел его трубадур, Пейре Кастельноу, — станет сеньором большей части мира — и он достоин этого».[142] Казнь Конрадина никоим образом не тревожила совесть Карла. Через несколько дней после того, как юноша был обезглавлен, город Трани украсили по случаю второй женитьбы короля. Новая королева Сицилийская, Маргарита Бургундская, была не такой богатой наследницей, как ее предшественница, Беатриса, но у нее были неплохие владения в Центральной Франции, включая города Оксер и Тоннер и несколько бароний. К сожалению, брак был бездетный, и после смерти королевы земли отошли обратно к ее родственникам. Расширив таким образом свои французские владения, король Карл приступил к восстановлению своего контроля над Италией.[143]

Папу Климента угрызения совести мучили сильнее, чем короля. Ровно через месяц после казни Конрадина он умер в Витербо, 29 ноября 1268 г. Гибеллины считали его смерть карой Господней, и судя по всему, его последние дни были омрачены страхами за будущее. Защитник Церкви слишком ясно дал понять, что не намерен быть ее слугой. Рим, в котором,

как постановило папство, никогда больше не будет сенатора-иностранца, вернулся под контроль Карла вскоре после битвы при Тальякоццо. 12 сентября 1268 г. Карл написал своему брату, французскому королю Людовику, чтобы объявить, что римляне единогласно избрали его пожизненным сенатором. Но Карл кое о чем умалчивал. Единогласие было достигнуто благодаря изгнанию или бегству гибеллинов, и позже, когда папство смогло себе позволить усомниться в сроке его сенаторства, он признал, что на самом деле срок был только на десять лет. Карл незамедлительно отправился в Рим и провел последние две недели сентября, реформируя управление. Хотя сенат римских аристократов и сохранил совещательную функцию, римляне были лишены самостоятельности. Карл прибрал к рукам городские финансы. Монеты чеканились от его имени, а городские доходы шли в городскую казну *(camera urbana)*, хранителя которой он назначил сам. Он создал городскую стражу, чтобы охранять правопорядок, и для нее построил башни, чтобы вселять страх в укрепленные дворцы аристократов, назначил королевских судей, ответственных за различные области права, и королевского верховного судью для рассмотрения жалоб. Ряд постановлений гарантировал должное обеспечение города провизией и разработку ресурсов Кампании. Карл даже подумывал об основании университета для римлян. Сам Карл впоследствии редко бывал в Риме, если не считать двух месяцев, проведенных там весной 1272 г., когда избрание нового Папы и изменение папской политики заставили его озаботится положением в городе. Он правил через наместника, которого назначал на должность сроком на один год и наделял его полномочиями вице-короля. Если не считать двух неаполитанцев, Карл регулярно назначал на этот пост французов. Его правление было слишком авторитарным, чтобы пользоваться популярностью, но римский обыватель, измученный интригами и мятежами, которые сотрясали город с момента смерти Папы Иннокентия III, умершего почти столетие тому назад, был признателен за восстановление порядка. Памятник Карлу, установленный на Капитолии приблизительно в 1270г., был как раз выражением этой признательности.[144]

Задача Карла в Риме, да и во всей Италии, упростилась со смертью Папы Климента. Хотя кардиналы незамедлительно собрались в Витербо для избрания преемника, они не могли прийти к согласию. Была проведена целая череда конклавов, но без всякого результата — приблизительно около трех лет папский престол пустовал. Папа Климент назначил в Священную коллегию ряд своих соотечественников, и эти французские кардиналы препятствовали избранию итальянца, в то время как итальянские

кардиналы были решительно настроены, принимая во внимание могущество Карла, не допустить избрания еще одного французского Папы. Пустующий папский престол был так удобен для Карла, что, без сомнения, он прилагал все усилия для того, чтобы продлить существующее положение вещей, оказывая влияние на французскую партию; но он официально держался в стороне от дебатов. Отсутствие Папы означало, что не было такой силы, которая могла бы ограничить власть Карла в Риме и его влияние в папском государстве в Центральной Италии.[145]

Такой же удачей был для Карла и вакантный императорский престол. Он пустовал после смерти Фридриха II в 1250 г. Его сын Конрад никогда не был коронован императорской короной, так же как и антикороль Вильгельм Голландский, и последующие кандидаты — Ричард Корнуэльский и Альфонс Кастильский. В отсутствие императора Папа заявил о своем праве назначать императорских наместников в Италии. Климент назначил Карла императорским наместником в Тоскане, а теперь не было ни Папы, ни императора, чтобы оспорить это назначение. Карл извлек из него все возможные выгоды. Некоторое время он был слишком занят в своем королевстве, чтобы самому поехать в Тоскану, но необходимости в его прямом вмешательстве и не было. Гибеллины были в замешательстве из-за поражения Конрадина. Они могли чувствовать себя в безопасности только в своих традиционных цитаделях — Сиене и Пизе. Другие тосканские города перешли обратно в руки гвельфов. Весной 1269 г. Карл назначил француза, Жана Брито, своим наместником в Тоскане, а 17 июня Жан Брито и флорентийские гвельфы одержали громкую победу над сиенцами в Колле. Сама Сиена продержалась против сил Карла еще год, но в августе 1270 г. покорилась. Гибеллины были изгнаны, а предводители гвельфов, много лет проведшие в изгнании во Флоренции, захватили власть в городе и подчинили его влиянию Флоренции. Это был конец могущества Сиены. Карл уже заставил Пизу принять свои условия. Союз с генуэзцами, которые всегда враждовали с пизанцами, позволил ему изолировать Пизу со стороны моря, а с падением Сиены Пиза потеряла своего единственного потенциального союзника на суше. Весной 1270 г. пизанцы попросили о мире. Им были предоставлены мягкие условия. Они не должны были приносить Карлу оммаж, они могли избирать своего собственного подеста, при условии что тот будет гвельфом и выходцем из гвельфского города, и было четко установлено, что действие договора закончится, как только будет коронован новый император, то есть когда наместничество Карла автоматически закончится. Договор был заключен от имени Карла его представителем, Ги де Монфором, сыном Симона, графа Лестера. После

смерти своего отца в 1265 г. он нашел убежище у Карла, которого сопровождал в Италию, и теперь был в числе его ближайших друзей.

К концу 1270 г. вся Тоскана была под контролем Карла. Ему покорились большинство городов, и власть его представителей в провинции была по большей части признана, хотя их полномочия варьировались в зависимости от места. Теперь, когда Конрадин был мертв, Карл мог себе позволить проявить мягкость в Тоскане. Пока он удерживал власть в Пьемонте и Ломбардии, ни один захватчик не мог проникнуть в Центральную Италию. Все, что ему было нужно, — следить за тем, чтобы гвельфы держали в руках бразды правления. Тосканцам доброжелательность Карла была на руку, поскольку это позволяло купцам вести дела в его королевстве на юге Италии. Тосканские купцы и банкиры из Флоренции и в меньшей степени из Лукки и Сиены, работая вместе, уже прибрали себе большую часть торговли, идущей на северо-запад Европы. Теперь они могли расширить поле деятельности на юге вплоть до Сицилии и захватить большую часть торговли с востока в ущерб приморским городам Италии, в частности Генуе, которая уже начала сожалеть о своем союзе с Карлом.[146]

В Пьемонте Карл не чувствовал себя в безопасности. Там, в отличие от остальной Италии, старые феодальные семьи сохранили свое положение. Самые выдающиеся из них, граф Савойский и маркграф Монферратский, были настроены недружелюбно по отношению к сицилийскому королю, но их позиция делала низшую знать, предпочитавшую удаленного сюзерена могущественному соседу, тем более готовой принять сюзеренитет Карла, и земли его вассалов теперь были расположены таким образом, что ему открывалась дорога в Прованс и Ломбардию.[147]

Ломбардия представляла более сложную задачу. Разгром Конрадина, конечно, укрепил влияние гвельфов в большинстве ломбардских городов, но гибеллины стойко удерживали Верону и Павию, тогда как гвельфы, которые не предпринимали серьезных попыток противостоять Конрадину, теперь, когда угроза со стороны германцев миновала, с неприязнью отнеслись к идее господства Карла Анжуйского. В Ломбардии того времени наблюдалась тенденция к вытеснению коммунальной организации города правлением феодального синьора, и новые господа, даже будучи гвельфами, еще меньше, чем коммуны, хотели признавать власть энергичного сюзерена. Карл, однако, намеревался установить свой сюзеренитет во всей Северной Италии.

Месяцы, последовавшие за разгромом Конрадина, были заполнены

мелкими войнами и интригами. Гибеллины Павии на какое-то время сдружились с гвельфами в Милане. Попытки Паллавичини вернуть Парму и Пьяченцу привели к ряду столкновений, в ходе одного из которых он и умер. Карл сначала был слишком занят на юге, чтобы вмешиваться. Но в мае 1269 г. он написал городским властям Пармы, предложив им возглавить кампанию против бывших сторонников Конрадина, и сопроводил это письмо письмом к местному приору доминиканцев с просьбой организовать союз верующих Ломбардии против врагов Церкви и против любых потомков Фридриха II. Возможно, Карл боялся, что Фридрих Тюрингский мог всерьез обдумывать вторжение в Италию. Приблизительно в то же время Карл объявил всем городам Ломбардии, что посылает к ним нового сенешаля, Готье де Ла Роша. Похоже, сенешаля приняли не очень хорошо. Несколько месяцев спустя, в октябре, Карл послал архиепископа Сан-Северино объединить поборников Церкви, и в том же месяце представители всей Ломбардии были вызваны для встречи с чиновниками Карла в Кремоне. Там от них напрямую потребовали признать Карла своим господином. Их реакция была далеко не единодушной. Города, расположенные на реке По, за исключением Болоньи, Алессандрии и Тортоны, согласились, а Милан и близлежащие города категорически отказались. Один или два отказавшихся города согласились принести клятву верности Карлу позже, в декабре, но было очевидно, что Ломбардия уже не подчинится господству анжуйца. Тем не менее Карл продолжал назначать сенешалей в Ломбардию — все они были французами, и никто из них не продержался на должности долго, — которые грозили любому городу, казавшемуся непокорным. В нескольких городах, таких как Иврея, сицилийский король назначал подеста; в других, таких как Пьяченца или Алессандрия, он составлял список лиц, среди которых жители могли выбирать своего подеста. Но на самом деле влияние Карла ослабевало, а назначение французских чиновников стоило ему симпатий итальянцев. Растущая ненависть к французам укрепила сопротивление оставшихся гибеллинских городов. В Павии нападали на ни в чем не повинных французских паломников только из-за их национальности, а доминиканский монастырь был разграблен потому, что несколько его монахов были французами.[148] Гибеллины, конечно, надеялись на помощь из-за границы. В августе 1269 г. Фридрих Тюрингский написал вождю гибеллинов, Убертино ди Андито, чтобы объявить, что он вскоре вторгнется в Италию, и в октябре он сообщил жителям Павии, что в поход с ним отправятся четыре тысячи рыцарей и много германских баронов. Тем же летом представитель Альфонса

Кастильского, действовавший с одобрения инфанта Педро Арагонского, зятя Манфреда, снесся с гибеллинами Ломбардии, которые ответили тем, что направили посла из Павии к кастильскому двору. Гибеллины с надеждой поддержали и Фридриха, и Альфонса, полагая, что первому нужно было только Сицилийское королевство, а второму — только империя и что их интересы, таким образом, не столкнутся. Это было справедливо в отношении Фридриха и Альфонса, но Педро примкнул к Альфонсу, безусловно имея в виду притязания своей жены на Сицилию. Как бы то ни было, вторжение не состоялось. В июле 1271 г. город Павия и маркграф Монферратский, который теперь открыто примкнул к гибеллинам, убедили троих итальянских кардиналов — наиболее активных противников французов в Священной коллегии — навестить Фридриха и спросить его о причинах задержки. В ответ тот назначил своего генерального наместника, представляющего его в Италии. Но назначенец Фридриха, граф фон Треффурт, доехал только до Вероны. Его приняли хорошо, но, пробыв там несколько недель в бездействии, он вернулся в Германию. Альфонс Кастильский проявил чуть большую активность, по крайней мере, на бумаге. Он предполагал прислать в Ломбардию две тысячи рыцарей и предложил ряд замысловатых союзов, направленных на то, чтобы окружить Карла. Альфонс даже зашел настолько далеко, что выдал свою дочь за Вильгельма Монферратского. Свадьба была устроена в Испании в октябре 1271 г., и маркграф вернулся в Италию в звании императорского наместника. К несчастью, мелкие войны против соседей-гвельфов, которые он вел с этих пор от имени своего тестя, были абсолютно безуспешными.[149]

Таким образом, у Карла не было серьезных причин для беспокойства по поводу ситуации в Ломбардии, несмотря на ослабление его влияния. Для Карла и его амбиций гораздо важнее было удерживать стабильную власть в Сицилийском королевстве и полноценно использовать его ресурсы. Победа при Тальякоццо не решила всех его проблем в королевстве. Сицилия все еще была охвачена восстанием, а сарацины в Лучере все еще сопротивлялись Карлу. Но мятежники не могли теперь рассчитывать на серьезную помощь из-за границы. Конечно, в некоторых городах Апулии, таких как Потенца, Галлиполи и Аверса, которые балансировали на грани мятежа, известие о победе Карла вдохновило жителей, преданных новому королю, вырезать всех известных там сторонников Конрадина. Те мятежники, которым удалось спастись, присоединились к сарацинам в Лучере. Огромная крепость несколько месяцев держалась против полководцев Карла. Только в апреле 1269г. Карл прибыл лично руководить осадой, и даже под его командованием солдаты ничего не могли поделать

со стенами. Но блокада была ужесточена. В конце концов в августе 1269 г. голод вынудил гарнизон сдаться. Жизнь сарацинам сохранили — их просто расселили вместе с семьями по королевским владениям и разоружили, но все христианские мятежники, захваченные в крепости, были казнены.[150]

Мятеж на Сицилии продолжался несколько дольше. Коррадо Капече, командовавший мятежниками, пытался убедить Фридриха Тюрингского прийти к нему на помощь, но безрезультатно. Зато его поддерживали жители острова, и полководец Карла, Тома де Куси, мог лишь удерживать Палермо и Мессину. Тогда Карл послал Филиппа и Ги де Монфоров с подкреплением. Они смогли взять, а после — разграбить мятежный город Аугусту, расположенный между Катанией и Сиракузами. Жители, избежавшие солдатских мечей, были подвергнуты пыткам и казнены. В августе 1259 г. Гильом Эстандар был назначен командовать операциями в Сицилии, и за год взял остров под свой контроль. Инфант Федерико и Фридрих Ланца были вынуждены сдаться в Агридженто, но им было позволено бежать в Тунисе. Главная армия мятежников была разбита в Сьячче, крепости, в которой размещалась ставка Коррадо Капече. Сам Капече бежал в замок Чентурипа, в центре острова, но был там захвачен весной 1270 г. Его вместе с братьями, Марино и Джакомо, доставили в Неаполь и там обезглавлили.[151]

Во всем королевстве мятежники понесли очень суровую кару, даже по меркам того времени. Карл велел своим чиновникам не щадить никого, кто взят с оружием. Те, кто сдавался, должны были по выбору предоставить решение своей судьбы королю, или, при желании, их дела могли быть рассмотрены в Верховном суде. Но судьба Конрадина наглядно показала, каким бывает приговор судей. В городах, где мятежники раньше были у власти, объявили амнистию тем горожанам, которые не поднимали оружие против короля, но все германцы, испанцы и пизанцы из их числа должны были немедленно покинуть страну. Вся собственность мятежников была конфискована. Поначалу их женам позволили сохранить за собой свои поместья и имущество, но потом Карл, похоже, заподозрил, что те посылают деньги своим изгнанным мужьям. На их собственность наложили арест, и каждой положили небольшое пособие. Но были сделаны некоторые исключения, а вскоре было решено вернуть имущество вдовам. Эти репрессивные меры были тем более невыносимыми для итальянцев, что они вынужденно оказались под пристальным надзором и потому, что королевские чиновники практически все были французами. Меры оказались исключительно эффективными. Порядок был вскоре

восстановлен по всему королевству, даже на Сицилии. Но эти меры посеяли семена черной ненависти на острове.

Административная политика Карла также не могла завоевать симпатии жителей острова. Сначала он продолжил политику Манфреда, не внося в нее существенных изменений. Но после вторжения Конрадина и восстаний он реорганизовал королевство по французскому образцу и проследил за тем, чтобы на все важные посты были назначены французы, которым он мог доверять. Своих сторонников Карл наделил фьефами. Это было проделано с демонстративным соблюдением законности. Карл отказался признать, что Манфред, Конрад или Фридрих II после его официального отрешения от должности Папой в 1245 г. были законными королями Сицилии. Таким образом, выходило, что все пожалованные ими дары были незаконны. Все землевладельцы должны были предъявить документы, подтверждающие их права на собственность, и доказать, что земли были им дарованы до 1245 г. Многие представители древних родов уже давно потеряли бумаги, подтверждающие их права, или никогда их не оформляли; имущество многих других семей была официально зарегистрировано или перерегистрировано при узурпаторах. Их земли были реквизированы, и таким образом, вместе с землями, конфискованными у мятежников, король получил в свое распоряжение много свободных земель, которые мог раздавать своим сторонникам. Приблизительно 700 французам и провансальцам были дарованы фьефы из освободившихся земель, но Карл проследил за тем, чтобы ни один из них не был слишком большим, и включил значительную часть земель в королевские владения. Чтобы удержать французских поселенцев в королевстве и не допустить отъезда итальянцев за границу с целью организации заговора, был принят закон, уполномочивающий короля конфисковать поместья любого держателя фьефа, отсутствующего в королевстве больше одного года. В то же время города, которые пользовались муниципальной автономией со времен Византии, вступили в феодальные отношения с короной либо непосредственно, либо через основных вассалов короля. Королевские бальи или феодальные коннетабли контролировали их основную деятельность. Только Неаполь и несколько больших городов на севере королевства сохранили коммуну с некоторой долей политической власти, но они вскоре научились использовать свою власть с осторожностью.[153]

Карл сохранил высшие государственные должности, существовавшие во времена его предшественников, — коннетабля во главе армии и адмирала во главе флота; верховного судью; логофета во главе королевской канцелярии; канцлера, который всегда был духовным лицом и главным

архивариусом; камергера — королевского казначея; и сенешаля, управляющего королевскими владениями. В 1272 г. Карл разделил обязанности логофета между несколькими людьми, а после 1272 г. должность канцлера осталась незанятой, и его функции взял на себя вице-канцлер. Карл добавил двух маршалов для помощи коннетаблю в военном руководстве. Каждая провинция была под контролем юстициария, который следил за деятельностью властей в королевских владениях и вассалов; он, в частности, отвечал за местное судопроизводство и сбор налогов. Карл гордился отлаженной системой правосудия, которую он обеспечил, и, если не считать тех случаев, когда на карту ставились политические интересы, его гордость была обоснована. Сохранилось множество постановлений, по которым можно судить, как сурово наказывались чиновники, виновные в притеснениях или взяточничестве, и насколько строгими были судебные уложения, направленные против убийств и разбоя и против любых попыток укрыть преступников. Гражданские суды тоже, по-видимому, были эффективными и беспристрастными. Верховный судья был обязан разъезжать по стране, рассматривая апелляции по приговорам провинциальных судов и жалобы на провинциальных юстициариев и подчиненных им судей.[154]

Для осуществления своих честолюбивых замыслов Карл был готов использовать все богатство королевства. Его налоги были высоки. Он жестко придерживался налоговой системы, созданной Фридрихом II, в которую входили косвенные налоги, таможенные и портовые сборы, пошлины на различное сырье и ремесленные товары, складские пошлины. Но основным источником дохода Фридриха была его *subventio generalis*, прямой налог на собственность, который изначально являлся феодальной «помощью», взимаемой в трудные времена для защиты королевства; но император превратил ее в регулярный ежегодный сбор, размеры которого варьировались в зависимости от его насущных потребностей. Его подданные были крайне возмущены этим налогом, и на своем смертном одре Фридрих упразднил его. Когда Папа, предлагая корону Карлу, поставил условие не притеснять королевство с финансовой стороны и вернуться к системе, существовавшей при короле Вильгельме Добром, он имел в виду, в частности, этот налог. Но Карл слишком нуждался в деньгах, чтобы соблюдать это условие договора. Сумма, которую следует собрать с каждой провинции, устанавливалась ежегодно. Взыскивать ее должен был юстициарий. После выплат и строгого отчета о проделанной работе он посылал оставшиеся деньги в государственную казну. В 1277 г. Карл выделил казначейство из ведомства камергера и разместил его в Кастелло-

дель-Уово в Неаполе. Карл, кроме того, увеличил количество феодальных поборов, взимаемых с вассалов, и увеличил свой доход, введя карательную систему, в которой штрафы и конфискации были самым распространенным наказанием.

Все эти налоги ложились тяжелым бременем на подданных Карла. Но король прекрасно понимал, что, пока он не увеличит их благосостояние, суммы, которые они смогут платить в казну, будут уменьшаться. Карл был убежден, что лучший метод — это строгий государственный контроль. Заводить частное дело не возбранялось, но оно регламентировалось различными предписаниями. Для ввоза и вывоза были необходимы лицензии. Инспекторы и сборщики налогов проверяли каждую деталь экономической и коммерческой жизни. Возможно, Карл, подобно многим завоевателям Южной Италии, полагал, что страна богаче, чем она была на самом деле, и недооценивал индивидуализм южан и их нежелание работать на чужака. Однако во многом деятельность Карла была благотворной. Он проследил за тем, чтобы торговые дела в суде рассматривались и направлялись по инстанциям справедливо, и защитил купцов от своих слишком усердных чиновников, пытался установить стандарты мер и весов и провести денежную реформу. Была создана программа общественных работ. Были отремонтированы дороги, в частности главная дорога из Неаполя через Сульмону и Абруцци в Перуджу и Флоренцию и дорога из Неаполя через Беневент в Фоджу и к Адриатическому морю. Были организованы ярмарки и рынки. Особое внимание уделялось ремонту и расширению морских портов. Было завершено строительство Манфредонии, начатое королем Манфредом. Были расширены Барлетта и Бриндизи, причем для последнего города Карл сам спроектировал новый маяк. Были предприняты усовершенствования в Неаполе. Общепризнанной целью этих работ в портах было привлечение иностранных торговых судов — из-за пошлин, которые те будут платить. Манфредония, в частности, считалась удобным местом для стоянки кораблей, чтобы переждать неблагоприятную погоду в Адриатическом море. Поощрялось горное дело. Серебряные рудники в королевских владениях, открытые в 1274 г., приносили казне несколько сотен фунтов серебра в слитках ежегодно, и в том же году было дано разрешение на добычу серебра неподалеку от Реджо частному объединению с условием, что треть его продукции будет передаваться короне. Карл интересовался и сельским хозяйством. Он ввез африканских овец в королевские владения, старался содержать коронные леса в хорошем состоянии, в основном потому, что нуждался в древесине для судостроения. В то же время Карл защитил крестьян: бальи и лесничие

королевских владений не могли посягать на их земли; сборщикам налогов запрещалось конфисковать у крестьян сельскохозяйственные орудия или вьючных животных в случае, если те не могли уплатить налоги.

У короля были другие коммерческие способы увеличить свой доход. Он построил большой флот и сдавал суда в аренду торговцам. Кроме того, Карл, к вящему недовольству южан, позволил потоку купцов и банкиров из-за границы, в частности из Тосканы, хлынуть в страну. Они хорошо платили ему за эту привилегию, а Карл находил их более предприимчивыми и энергичными, чем своих подданных, если не считать жителей Амальфи. Он, правда, не поощрял евреев.[155]

Во всей своей сложной администрации король сам принимал деятельнейшее участие. Сохранившиеся документы показывают, с каким вниманием он вникал во все детали и сам способствовал созданию бесчисленных предписаний, устанавливаемых его двором. Ни один другой средневековый правитель, даже брат Карла, Людовик Святой, не был так ежеминутно озабочен всеми действиями своего правительства. Карл вел беспокойную жизнь, постоянно разъезжая по королевству, и все его чиновники и секретари должны были сопровождать его, что делало его жизнь еще более сложной, поскольку ни один город не мог подолгу содержать такое количество чиновников. Только к концу своего правления Карл начал постепенно переводить правительство в Неаполь, превращая этот город в настоящую столицу. После 1269 г. он редко выезжал за пределы королевства, если не считать нескольких поездок в Рим, одной — в Тоскану и одной — с целью присоединиться к крестовому походу короля Людовика в Тунис, а в конце своей жизни он снова посетил Францию. Не считая поездки в Тунис, Карл никогда не останавливался на Сицилии.[156]

Правление Карла было искусным и эффективным. Оно обеспечило порядок, правосудие и некоторое процветание, но зато никогда не было популярным среди его подданных. По своей природной склонности они не любили власть, которая была такой дотошной, всепроникающей и авторитарной, но более всего потому, что она принадлежала иностранцам. Карл не доверял итальянцам, особенно после 1258 г., и старался по возможности не назначать их на ответственные должности. Все высокопоставленные чиновники были провансальцами или французами. Все высшие должности в государстве занимали французы или провансальцы, за исключением должности логофета, которая оставалась незанятой в 1269—1283 гг. Нам известны имена 125 провинциальных юстициариев на период с 1269 г. до конца правления Карла. Из них, похоже,

только 25 были итальянцами. После того как казначейство было выделено из ведомства камергера, один из двух казначеев должен был быть итальянцем, и, разумеется, итальянцы были представлены в королевском секретариате и на невысоких юридических должностях. Это было необходимо по языковым соображениям. Но король все же настоял на том, чтобы французский был языком правительства. Поскольку он сам и его главные министры были французами, это было естественно; но при этом не бралось в расчет, что это может не понравиться итальянцам и сицилийцам. Им также не нравилось, что Карл раздает так много фьефов французам и внедряет непритязательных французских и провансальских поселенцев в их среду — примером тому может служить община, которую он поселил в Лучере на месте разогнанных сарацин.[157]

Возможно, Карл и замечал недовольство, которое вызывало его правление, но не снисходил до того, чтобы придавать этому какое-то значение. Карл знал, что он прекрасный руководитель, и, похоже, считал, что его подданные будут благодарны за порядок, который он им обеспечил, и, если они открыто проявят свое недовольство, его стража и суды смогут с ними разобраться. Карл не простил Сицилии продолжительное восстание, и острову досталась лишь малая толика преимуществ его правления. Ни одной из сицилийских гаваней не уделялось столько внимания, сколько уделялось гаваням на материке, и различным ремесленным отраслям оказывалось мало поддержки. За королевскими поместьями на острове следили хорошо, и крестьяне там были так же защищены, как и повсюду в королевстве, но остальным жителям острова дали почувствовать, даже сильнее, чем при Гогенштауфенах, что они живут в простой провинции, чьи интересы не имеют никакого значения, в сравнении с интересами материка. Со стороны Карла было неразумно недооценивать сицилийцев и их злопамятность.[158]

Если бы Карл зависел материально только от своего королевства, то был бы предусмотрительнее, но он черпал дополнительную силу и уверенность в своих владениях за пределами Италии. Во Франции у него был большой апанаж в Анжу и Мэне. Эти две провинции образовывали административную единицу с центром в Анжере. Управлял ими бальи, которого назначал Карл, а после него — сборщик налогов, стоявший во главе центрального финансового ведомства. Большую часть владений составляли личные поместья Карла, которыми ведали прево и кастеляны, которые отвечали за местное правосудие и порядок. Вассальные сеньоры в этих двух графствах пользовались обычными во Франции того времени

феодальными правами, но представители Карла внимательно следили за ними, и каждому из них рекомендовалось проводить как минимум сорок дней в году в Анжере, под присмотром бальи. Карл был в хороших отношениях с французской Церковью, но никогда не позволял ей посягать на его графские полномочия. Карл сам был почтительным и верным вассалом своего брата, короля Людовика, и постоянно держал в Париже доверенного человека, представлявшего его интересы. Хотя Карл так никогда и не приезжал больше в свое графство, он был в курсе всех творившихся там дел. Кроме нескольких назначений, никакие серьезные решения не принимались без его ведома, и постоянный поток курьеров курсировал между Анжером, Парижем и двором Карла в Италии. Вторая женитьба принесла Карлу треть графств Невера, Оксера и Тоннера, вместе с четырьмя небольшими баро-ниями, разбросанными по Северной Франции, — Монмирай, Аллюе, Ториньи и Брюньи. Всеми этими землями Карл управлял, так же строго наблюдая за положением дел из Италии; впрочем, после смерти Карла вдовствующая королева Маргарита вернулась во Францию и взяла управление этими владениями в свои руки.

Для Карла ценность этих французских земель заключалась в доходе, который они ему приносили. Было подсчитано, что ежегодные поступления с этих земель достигали суммы, которая составляла не меньше одной пятой от общего дохода со всего Сицилийского королевства, а чистая выручка Карла достигала среднегодовой суммы более 6000 унций золота.[159]

Еще более важным для Карла было графство Прованс. С 1257г. у Карла не было никаких сложностей с провансальцами. Теперь они были его любимыми подданными, которым он отдал лучшие должности в своих владениях, и они ощутили на себе все преимущества его правления. После отъезда в Италию Карл оставил управление графством в руках своего верного друга, Адама де Люзарша, который впоследствии стал епископом Систерона. Адаму помогал сенешаль, который был главным чином и возглавлял совет (его подбирал и часто реорганизовывал сам Карл), верховный судья, казначей, а позже — финансовый советник (вместе с младшими чинами, *matres-rationaux).* Столица располагалась в Экс-ан-Прованс. Графство было разделено на несколько районов, так называемых бальяжей, под управлением бальи. Карл сохранил должности бальи, но урезал их полномочия, исключив правосудие из их компетенции и назначив судью, который также контролировал доходы каждого бальяжа. Все города были лишены своей прежней муниципальной независимости и подчинены прево, или вигье, которым, как и бальи, помогали судьи. Карл, подобно тому как он избегал назначать на ответственные должности в королевстве

итальянцев, назначал людей из Анжу или Мэна и иногда неаполитанцев на ведущие исполнительные должности в Провансе. Когда в 1277г. Адам де Люзарш умер, Карл объединил в одно ведомство администрации Прованса и Сицилийского королевства; и с тех пор Прованс рассматривался как провинция королевства, но со своими собственными ведомствами. Это не вызвало открытого негодования провансальцев — несомненно потому, что управление королевством осуществляли их соотечественники, а Карл с особым вниманием следил за благосостоянием графства. У него была для этого веская причина, поскольку графство было основным источником его дохода, принося ему, как было подсчитано, чистый годовой доход в 20 000 ливров золотом. Строго говоря, Прованс был частью империи, но пустующее место императора весьма удачно избавляло Карла от необходимости почитать какого бы то ни было сюзерена.[160]

Именно Прованс обеспечил Карлу средства, которые тот собирался использовать для удовлетворения своих амбиций. С пресечением династии Гогенштауфенов и искусной реорганизацией его собственных владений, пришло время для Карла, короля Сицилийского, верховного сеньора большей части Северной Италии, сенатора Рима и графа Анжу, Мэна и Прованса, использовать накопленный им капитал для создания Средиземноморской империи.

Глава IX. СРЕДИЗЕМНОМОРСКАЯ ИМПЕРИЯ

Короли Сицилии уже давно стремились создать империю на землях восточного Средиземноморья. Еще Роберт Гвискард пытался обустроиться на востоке Адриатики. Члены его семьи участвовали в Первом крестовом походе, имея виды на сирийские колонии. Король Рожер подумывал о завоевании Греции. Император Генрих VI, король Сицилии по наследному праву своей жены, строил планы присоединить к своим владениям всю Византийскую империю. Фридрих II, хотя и не предпринимал попыток увеличить свои земли за счет греческих территорий, пытался доказать законность своих притязаний на титул короля Иерусалимского и сюзерена Кипра. Манфред вернулся к политике Гвис-карда и преуспел в завоевании плацдарма на Корфу и на побережье материка напротив острова. Тем временем весь этот вопрос слился с вопросом крестового похода. Четвертый крестовый поход, во время которого был взят и разграблен Константинополь, шокировал даже Папу. Но когда была образована Латинская империя, греки утратили симпатии Западной Европы, категорически отказавшись признать власть и веру завоевателей. С тех пор казалось допустимым считать любую войну против таких схизматиков крестовым походом. Сам Людовик Святой, несмотря на то что был убежден, с искренностью, редкой для того времени, что главной целью крестового похода должно оставаться освобождение Святой Земли от язычников, был готов согласиться с тем, что укрепление Латинской империи и подавление греческой схизмы весьма поможет главному делу. Падение Латинской империи и отвоевание Константинополя греками усилило это чувство. На самом деле Манфред, когда предложил полную поддержку латинскому императору в изгнании, надеялся таким образом показать миру, что он — убежденный крестоносец, и смягчить враждебность папства. Этим ему удалось на время привести Папу в замешательство. Если бы не уверенность в том, что рано или поздно на него в его же собственном королевстве нападет папский ставленник, Манфред, возможно, возглавил бы поход на Константинополь, чтобы восстановить Балдуина II на троне Латинской империи.[161]

Карл перенял политику Манфреда, одним из первых начинаний которого был поход с целью взятия Корфу и крепостей на материке, являвшихся приданым королевы Елены. Манфред доверил управление своему адмиралу Филиппо Чинардо. Получив известие о гибели Манфреда

при Беневенте, Чинардо продолжил правление уже от своего имени. Деспот Михаил Эпирский, возможно, и захотел бы вернуть свои земли теперь, когда его дочь была пленницей в Италии, но он не был уверен, что сможет свергнуть Чинардо. Вместо этого он сохранил лицо, предложив Чинардо руку своей свояченицы, немолодой вдовы, объявив, что приданое теперь принадлежит ей. Этот удачный семейный договор не помешал деспоту активно плести интриги против своего свояка, а потом и организовать его убийство, так что, когда в конце 1266 г. прибыли войска Карла, им не было оказано серьезного сопротивления. Карл заявил, что раз королева Елена была его пленницей, то ее приданое автоматически переходит к нему; он назначил другого члена семьи Чинардо — Гаццо, своим наместником.[162]

Но честолюбивый Карл не удовольствовался несколькими островами и городами, расположенными вдоль побережья Албании. Его целью был Константинополь. Бывшему императору Балдуину, всецело полагавшемуся на Манфреда, при французском дворе был оказан прохладный прием, поскольку вторжение Карла в Италию шло полным ходом. В мае 1267 г. он был у Папы в Витербо. Климент устроил примирение между Балдуином и Карлом, который прервал свою тосканскую кампанию, чтобы встретиться с латинским императором. Балдуину пришлось дорого заплатить за поддержку нового короля, но он был не в том положении, чтобы оспаривать предложенные ему условия. А условия были таковы: он должен был подтвердить право Карла на приданое королевы Елены; передать Карлу сюзеренитет над Ахейским княжеством и предоставить ему полный суверенитет на всех островах Эгейского моря, за исключением тех, что принадлежали Венеции, а также Лесбоса, Хиоса, Самоса и Аморгоса, которые Балдуину было позволено оставить за собой; отдать Карлу в награду треть любой территории, кроме собственно Константинополя, которую Карл завоюет для него. В дополнение к этому его сын и наследник Филипп должен был жениться на дочери Карла Беатрисе, с тем условием, что, если Филипп умрет бездетным, его права на империю перейдут к самому Карлу. Взамен Карл пообещал собрать и содержать в течение одного года армию из двух тысяч рыцарей, предназначенную для завоевания Константинополя.[163]

Карл уже связался с князем Гильомом Ахейским, с которым обменялся послами в феврале 1267 г. Князь был рад приветствовать в качестве своего нового сюзерена и покровителя сильного и деятельного короля вместо бедствующего изгнанника, на чье содержание он должен был делать щедрые пожертвования. Хотя его жена и была сестрой несчастной

королевы Елены, все сестринские чувства, какие она могла испытывать, не принимались во внимание. Карл, как только подписал договор с Балдуином, послал сенешаля представлять свои интересы сюзерена при ахейском дворе. Гильом, обеспокоенный возрождением Византии, охотно пообещал свою помощь любой кампании против Византийского императора.[164]

Паутина дипломатического заговора на этом не обрывалась. В том же году Карл отправил посольство ко двору Абага, монгольского ильхана, правителя Персии. Монголы были побеждены египетскими мамлюками за семь лет до того в решающей битве при Айн-Джалуде, но они все еще контролировали северную Сирию и восточную Анатолию, а также Персию и Ирак. Карл боялся, что византийцы могут объединиться с турками, и надеялся, что монголы смогут держать их под контролем. Его послы были благосклонно приняты, но не достигли своей цели. Ильхан Абага, который недавно пришел на смену своему отцу Хулагу, не испытывал особой симпатии к франкам. Кроме того, он был женат на византийской принцессе, Марии Палеолог, известной монголам как Деспина-хатун и глубоко ими всеми почитаемой.[165] Карл больше преуспел в поисках союзника в Европе. Венгерское королевство теперь простиралось от предместий Вены до Балканского полуострова. Оно включало в себя Словению и Трансильванию, большую часть Хорватии и Далматию. Престарелый король Венгрии Бела IV время от времени вторгался в Сербию и Болгарию. Король Боснии был его вассалом и зятем. Бела сам предложил несколько лет назад возглавить крестовый поход против греков-схизматиков. Он также был бы полезным союзником в Центральной Европе, где его сосед, король Чехии, похоже, предъявил претензии на императорскую корону. Едва получив известие о смерти своей супруги, Беатрисы Прованской, Карл написал Беле, чтобы попросить руки его младшей дочери, Маргариты. Но принцесса дала монашеский обет, и ее родители с пониманием отнеслись к ее желанию. Ходили слухи, что она изуродовала себя, чтобы избежать нежеланного брака. Тогда Карл сделал другое предложение. У наследного принца Венгрии, будущего Стефана V, был сын Владислав и дочь Мария. Владислав должен был жениться на дочери Карла Изабелле, а старший сын Карла, будущий Карл II, носивший в то время титул князя Салерно, должен был жениться на Марии. Король Бела дал свое согласие, и состоялась двойная свадьба. Благодаря этому браку впоследствии Анжуйская династия взошла на венгерский престол.[166]

Эти первые приготовления к походу на Константинополь были

прерваны вторжением Конрадина в Италию. Пока захватчик не был уничтожен, восточная кампания была невозможна. Князь Ахейский лично пришел с 400 рыцарями помочь Карлу против Конрадина и сражался при Тальякоццо.

После этой победы проект был возобновлен, а союз между Карлом и Гильомом Ахейским упрочен, причем путем, который последнему пришелся не совсем по вкусу. У Гильома не было сыновей, но зато было две дочери, старшую из которых, Изабеллу, он объявил своей наследницей. Византийский император Михаил Палеолог просил руки Изабеллы для своего старшего сына Андроника; и если бы франки допустили это мирное воссоединение Ахеи с империей, вся история Греции могла бы сложиться по-другому. Но Карл рассудил по-другому. Карл теперь потребовал Изабеллу в жены своему второму сыну Филиппу и настоял на таком же соглашении, какое заключил с бывшим императором Балдуином: если новобрачный умрет бездетным, его наследником станет сам Карл. В случае с сыном Балдуина это условие было, возможно, оправданным, поскольку у бывшего императора Константинополя не было другого прямого наследника.[167] Но в данном случае это означало лишить наследства законную наследницу в обход всей феодальной иерархии. Гильому пришлось согласиться скрепя сердце; на смертном одре, уже после смерти своего зятя Филиппа, он составил тайное завещание в пользу своей младшей дочери Маргариты.[168]

Карл планировал начать поход на Константинополь летом 1270 г. Всю весну его корабли стягивались в порты Адриатики. Брачный договор между Филиппом и Изабеллой был подписан 17 июня, когда были урегулированы последние договоренности с ахейскими франками. Император Михаил Палеолог в Константинополе не на шутку встревожился. Он починил городские стены и реформировал флот, который был хоть и маленьким, но хорошо оснащенным. Но Михаил знал, что, услыхав о походе, соседи сообща нападут на него. Его единственным союзником на западе была Генуя, но теперь в этом городе всем заправляли гвельфы, которые симпатизировали Карлу. Агенты Михаила прилагали все усилия, чтобы возродить партию гибеллинов в Генуе и генуэзских колониях на востоке, но пока безуспешно. Когда Михаилу угрожал Манфред, он искал дружбы с Папой, используя единственную наживку, какую мог себе позволить, — обещание сделать все возможное, чтобы достичь воссоединения Константинопольской Церкви с Римской Церковью. Папа Урбан IV, трепетавший перед Манфредом, выказал Михаилу некоторое одобрение.

Но Папа Климент оказался менее сговорчивым; когда Манфред был убит, он не видел никаких причин иметь дело с императором-схизматиком.

Но поскольку недоверие Папы к победоносному Карлу росло, он не стал окончательно отвергать предложения Михаила. Папа был чрезвычайно доволен, когда патриарх Константинопольский написал ему в дружеском и уважительном тоне и когда Михаил, чтобы продемонстрировать свою искренность, предложил принять участие в следующем крестовом походе против язычников. Папа почувствовал, что теперь может диктовать свои условия. В своем ответе на предложения императора, отправленном 17 мая 1267 г., он настаивал на том, что прежде, чем начать какие бы то ни было политические или церковные переговоры, Греческая Церковь должна безоговорочно признать его власть. Возможно, Папа знал, что Михаил не сможет принять его условия. Это стоило бы Михаилу короны, поскольку византийцев, с их гордостью и горькими воспоминаниями о гонениях, учиненных католиками, было необходимо как следует задобрить, прежде чем они задумаются о воссоединении. Через десять дней после отправки письма, еще прежде, чем оно могло достичь адресата, Климент примирял Карла и императора Балдуина в Витербо.[169]

Вторжение Конрадина спасло императора Михаила в 1268 г., но вскоре после провала затеи Гогенштауфена Папа Климент умер, а вакантность папского престола лишила Михаила возможности обратиться к лицу, наделенному высшей властью. Но Михаил был хорошо осведомлен о положении на западе, он знал о набожности и авторитете короля Людовика Святого. Два византийских посольства одно за другим отправились в 1269 г. в Париж с расплывчатыми предложениями о церковной унии; им нужно было показать, насколько добровольный союз выгоднее союза, навязанного насильно. Это был разумный ход. Людовик, не испытывая симпатии к схизматикам, просто направил предложение императора в коллегию кардиналов, а те ответили императору, просто повторив условия покойного Папы.[170] Но Людовик обратил внимание на срочность этого вопроса. Его целью было организовать еще один крестовый поход против язычников, и сделать это быстро, поскольку его здоровье начало ослабевать. Людовика мучили воспоминания о неудаче, которая постигла его в предыдущем походе. Теперь наконец внутриполитическая обстановка позволяла ему покинуть страну — но он хотел помощи от брата. Если Карл в этих условиях начал бы поход на Константинополь, пусть даже в интересах Церкви, это стало бы препятствием для его собственного, более праведного крестового похода. Король Франции отправил послание Карлу, где изложил

свои соображения.[171]

Карл оказался в затруднительном положении. Он искренне восхищался братом и уважал его, он также хорошо осознавал силу общественного мнения, на которое влиял Людовик. Король Сицилии не мог не присоединиться к своему брату, королю Франции, в крестовом походе. Но ему не хотелось отказываться от своего восточного похода. В тщетной надежде, что Людовик отложит свой поход, Карл продолжил свои военные и дипломатические приготовления против Константинополя. Но в то же время король Сицилии решил, что если присоединится к крестовому походу против мусульман, то этот поход стоит предпринять против тех мусульман, от войны с которыми он получит прямую выгоду.

Прямо за морем напротив Сицилии лежали владения Аль-Мустансира, эмира Туниса. Карл уже давно был им недоволен. Со времен короля Рожера II Тунис согласился платить ежегодную дань в 34 000 безантов✧AA⊙ сицилийскому королю. Аль-Мустансир воспользовался падением Манфреда и сменой правящей династии как предлогом, чтобы прекратить выплату дани. Кроме того, он предоставил убежище сосланным сторонникам Манфреда и Конрадина и даже оказывал поддержку мятежникам на Сицилии. Но Аль-Мустансир не был фанатичным мусульманином: христианским беженцам при его дворе, так же как и заезжим купцам-христианам, была предоставлена полная свобода вероисповедания. Он позволил открыть доминиканский монастырь в своей столице. Ходили слухи о том, что его можно обратить в христианскую веру. Карл искусно привлек внимание короля Людовика к Тунису. Он указал на то, какое большое значение имеет контроль над Тунисом при походе на Египет и исламский Восток, и на то, что Аль-Мустансир готов принять христианство, но боится противодействия со стороны своих военачальников и имамов. Малейшая демонстрация силы позволит ему, не считаясь с их мнением, принять решение самостоятельно. Остается неясным, действительно ли Карл верил в возможность обращения туниского эмира, но его устроило бы послушание правителя Туниса, а еще больше — завоевание этой страны и присоединение ее к своей империи. Это обеспечило бы Карлу полный контроль над проливами Средиземного моря и застраховало от дальнейших проблем на Сицилии.[172]

Король Людовик позволил своему брату убедить себя. Возможность обратить целое государство и его короля в истинную веру пробудила в нем энтузиазм, а стратегические доводы показались ему вескими. Многие советники Людовика были настроены менее оптимистично. Мало кто из

них хотел, чтобы король отлучался из страны в крестовый поход, но если уж идти в поход, лучше было бы отправиться прямо на Восток, рыцари Святой Земли отчаянно нуждались в помощи. Несколько самых верных друзей Людовика, как, например, его биограф Жан де Жуанвиль, отказались присоединиться к крестоносцам. Однако армия, с которой Людовик выступил из Эг-Морта 1 июля 1270 г., была огромной. С ним в поход отправились трое оставшихся в живых его сыновей, жена его старшего сына, его зять, король Тибо Наваррский, и многие родовитые французские аристократы. Генуэзцы предоставили корабли для транспортировки большей части войск.

Хотя в тунисском походе были свои преимущества, Карл до последней минуты надеялся, что Людовик может вообще отменить крестовый поход, Карл знал, что многие королевские советники были против похода. Только после того, как французская армия уже выступила, он оставил свои приготовления к походу на Константинополь и приказал своим кораблям следовать под его командованием в Тунис. Требовалось время, чтобы провести корабли из портов Адриатики и собрать их у берегов Сицилии. Сам Карл отбыл из Неаполя, где провел начало лета, 8 июля. 13 июля он был в Палермо, где оставался еще месяц, ожидая свои корабли. 20 августа он был в Трапани, на крайнем западе острова. Вечером 24 августа Карл выступил во главе своего флота и на следующий день бросил якорь у берегов Туниса, где был встречен сообщением о том, что утром король Людовик умер.

Французская армия высадилась в Тунисе 17 июля. Высадка прошла беспрепятственно, но эмир Аль-Мустансир не спешил заявить о своем переходе в христианскую веру. Вместо этого он отступил в столицу и укрепил окружавшие город крепостные стены. Король Людовик разбил лагерь посреди развалин древнего Карфагена. Принимая во внимание враждебность Аль-Мустансира, казалось, что благоразумнее будет не нападать сразу на Тунис, пока не прибудет король Карл со своими войсками. А тем временем тунисские стрелки постоянно устраивали набеги на лагерь. Но значительно эффективнее, чем они, действовало африканское лето. В знойной духоте, имея мало представления о правилах гигиены в тропических условиях, французы заболевали дизентерией и брюшным тифом. Вскоре половина армии хворала, причем болезнь косила военачальников и простых солдат. 3 августа второй сын короля, Жан-Тристран, родившийся в Дамьетте двадцать лет назад, когда его отец был в плену у египтян, умер, а через четыре дня за ним последовал папский легат. К тому времени сам король Людовик и его старший сын Филипп были уже

больны. Филипп выздоровел, а король Людовик, после трех недель болезни, умер 25 августа.

Прибытие Карла спасло французскую армию: его войска были полны сил и лучше знали, как вести себя в тропическом климате. Карл поспешил атаковать город Тунис. Когда тунисская армия была разбита в двух небольших битвах и пришло известие о том, что приближается еще один отряд крестоносцев под предводительством принца Эдуарда Английского, Аль-Мустансир попросил о мире. Договор был составлен 30 октября и подписан эмиром, Карлом и его племянником, королем Франции, 1 ноября. В этом договоре Аль-Мустансир согласился оплатить все военные расходы (причем одна треть этой суммы отходила Карлу), освободить всех христиан, удерживаемых им в плену, платить Карлу дань, чуть большей той, что Аль-Мустансир прежде платил нормандским королям, позволить купцам Карла торговать в Тунисе, предоставив им возможность беспрепятственно проходить в город и покидать его и свободу вероисповедания. И в заключение все политические изгои должны были быть высланы из Туниса. Договор действовал десять лет. Он был возобновлен в 1280 г.[173]

Карл оказался в таком выигрыше после заключения мира, что крестоносцы стали подозревать его в нечестной игре. Христианская армия могла бы захватить Тунис, думали они, но в этом случае Карлу пришлось бы разделить добычу с королем Франции, с королем Наваррским, с принцем Английским, который вот-вот должен был подоспеть, с Папой, с генуэзцами и прочими сеньорами. Неудивительно, что Карл предпочел мир, заключенный в результате переговоров, позволивший ему снять все сливки. Принц Эдуард, прибывший вместе со своим кузеном Генрихом Корнуэльским в начале ноября, был разочарован, обнаружив, что война закончилась. Он отправился дальше — в Святую Землю, дав указание Генриху Корнуэльскому возвращаться вместе с французской армией, чтобы возглавить правительство в Гаскони.[174]

Несмотря на выгодный мирный договор, неудачи все еще преследовали крестовый поход, в том числе и Карла. Болезнь в лагере продолжалась и унесла еще больше жизней. Король Наваррский уже заболел и умер в Трапани. Когда французская армия проходила через Калабрию, молодая королева Франции, Изабелла Арагонская, упала с лошади и умерла от ран в Козенце. Болезнь свирепствовала и в армии Карла, и еще большее бедствие постигло короля Сицилии от руки Господа. Когда флот крестоносцев плыл на север от Туниса, чудовищный шторм

настиг его у западного побережья Сицилии. Восемнадцать кораблей утонули, включая несколько лучших галер Карла. Еще многие суда были серьезно повреждены. На восполнение потерь, достаточное для похода на Константинополь, потребовались бы многие месяцы.[175]

Смерть короля Людовика была для Карла серьезной утратой. Ему не всегда нравилась политика Людовика, в частности, он был в ярости от рокового решения французского короля отправиться в крестовый поход. Но Людовик был верным и любящим братом, на которого Карл мог положиться. Новый король Франции был более слабовольным человеком. Филипп III восхищался своим дядей и, когда они находились рядом, был подвержен его влиянию. Но Филипп был также предан своей матери, а королева Маргарита никогда бы не простила Карла за то, что тот забрал все ее прованское наследство. Еще в 1263 г. король Людовик узнал, что она добилась от Филиппа клятвы никогда не помогать Карлу. Людовик был в ярости и заставил Филиппа взять назад свою клятву. Но после смерти Людовика и молодой жены Филиппа, когда новый король вернулся во Францию, не осталось никого, кто мог бы нейтрализовать влияние на него его матери. Карл больше не мог рассчитывать на поддержку французского двора.[176]

Французская армия медленно двигалась домой через Италию. Карл проводил своего племянника до Витербо. При жизни Людовика Святого сильно расстраивала неспособность кардиналов избрать нового Папу, и король Филипп стремился выполнить волю покойного отца и покончить с церковным скандалом. И снова Карлу пришлось пожалеть о набожности своих родственников, поскольку отсутствие Папы очень его устраивало. Но было очевидно, что рано или поздно Папу изберут, и ему не хотелось показывать свое нежелание помочь. Два короля оставались в Витербо большую часть марта 1271 г. Их старания за это время ни к чему не привели, но им, похоже, удалось убедить кардиналов из обеих партий в коллегии, что компромисс необходим. После многомесячных споров они назначили подкомиссию, которая в конце концов пришла к согласию в отношении кандидата, Тебальдо Висконти, архидьякона Льежа. Он был избран 1 сентября 1271 г.[177]

Визит королей в Витербо был омрачен трагедией. Вместе с французской армией ехал Генрих Корнуэльский, которого англичане называли «Германским», сын Ричарда, Римского короля, подающий надежды молодой человек, в котором многие видели возможного наследника отцовских притязаний на Священную Римскую империю. В

свите Карла находились Ги и Симон де Монфоры, сыновья Симона, графа Лестера, который погиб, подняв восстание против английской короны. Принц Эдуард велел Генриху попробовать договориться с Карлом об освобождении инфанта Энрике, своего родственника, и попытаться помирить Монфоров с английской королевской семьей. Монфоры не захотели забыть о вражде с Плантагенетами, и однажды, когда Генрих молился в церкви Сан-Сильвестро, Ги подкрался к нему сзади и заколол. Генриха любили, и кощунственные обстоятельства его убийства потрясли общественное мнение. Несмотря на то что Ги был одним из его наиболее деятельных и успешных военачальников, Карл был вынужден отказаться от его службы и лишить его должностей и поместий.[178]

Завершение крестового похода позволило Карлу вернуться к своим восточноевропейским проектам. Крупномасштабный поход на Константинополь пришлось отложить, но оставалось еще множество других дел. Деспот Михаил Эпирский умер в начале 1271 г., и перед его законным сыном Никифором I стояла трудная задача: защитить свое наследство от своего сводного брата, Иоанна (незаконнорожденного сына Михаила), который уже был владыкой или «дукой» Навпатраса и правителем гористых территорий между Фессалией и Коринфским заливом. Карл воспользовался войнами между ними, чтобы расширить свои владения в северных провинциях деспотии. В феврале его войска заняли Дураццо, а в начале лета они проникли глубоко на территорию Албании. В феврале следующего года Карл провозгласил себя королем Албании и назначил Гаццо Чинардо своим главным наместником, дав ему в помощь судью и управляющего финансами. Королевство простиралось вдоль побережья от Акрокераунского мыса до Алессио, у подножия Черногорского хребта; власть короля, хоть и несколько призрачная, распространялась на население внутренних районов страны. Корфу и земли на континенте, находящиеся напротив острова, кажется, управлялись отдельно. Исключая стратегический интерес, Карл мало что получал от своих балканских владений. Доходы от них едва покрывали расходы на содержание администрации. Попытка насильно обратить жителей в католичество послужила причиной постоянных беспорядков, и хотя архиепископом Дураццо был назначен католик, он постоянно ссорился с главным наместником. В соответствии со своей обычной политикой — никогда не назначать местных жителей на руководящие посты, Карл вознаградил преданных ему неаполитанцев назначениями в Албании и на Корфу. Но они плохо служили ему, и сарацины из Лучеры, многих из которых он использовал, чтобы укомплектовать гарнизоны нового

королевства, проявляли больше симпатии к албанцам, чем к правительству.[179]

Тем не менее Карл теперь оказывал серьезное влияние на балканскую политику. Он быстро нашел друзей среди соседних монархов, которые мечтали уничтожить империю Михаила Палеолога. В Сербии, расположенной непосредственно на востоке от нового королевства Карла, правил Стефан Урош I, чья жена Елена была дочерью бывшего императора Балдуина и ярой поборницей католичества. К востоку от Сербии располагалась Болгария, чей царь, Константин Асень, был женат на сестре мальчика-императора Иоанна IV, которого Михаил Палеолог лишил трона и ослепил. Хотя интересы их стран и не совпадали, обе королевы вдохновляли своих мужей предпринять что-либо, что могло бы унизить ненавистного греческого императора в Константинополе. Посланников Карла хорошо приняли при обоих дворах. Пелопоннес теперь попал под сильное влияние Карла. Брак наследницы Пелопоннеса и сына Карла, Филиппа, был заключен в мае 1271 г. и обещал Карлу еще большее влияние в будущем. А пока князь Гильом был ему послушным вассалом. Другой важный сеньор франкской Греции, герцог Афинский, признал Гильома своим непосредственным сюзереном и охотно поддержал его, хотя подагра не позволяла ему проявлять большую активность. Даже греческий дука Навпатраса, хотя он и оказывался неистовым защитником Православной церкви всякий раз, когда Михаил Палеолог начинал заигрывать с Римом, был в хороших отношениях со своими соседями-католиками. Одна из дочерей дуки была замужем за Гильомом Афинским, братом и наследником дуки Иоанна, другая — за наследником Стефана Уроша и его жены-католички. Кроме того, он был заинтересован в торговле в Коринфском заливе, для чего желательна была дружба сицилийского короля. Карлу было бы нетрудно создать большую коалицию против Константинополя, но ему следовало действовать осторожно — он не знал, как поведет себя новый Папа.[180]

Глава X. ПАПА ГРИГОРИЙ X

Осторожность Карла была оправданной. С новым Папой следовало считаться. Тебальдо Висконти был лучшей кандидатурой, на которой смогли остановить свой выбор кардиналы. Он был итальянцем, рожденным в Пьяченце, но большую часть своей церковной жизни он провел на севере от Альп во Фландрии и не был замешан в последних политических разногласиях. В момент своего избрания он пребывал в Святой Земле. Тебальдо отправился туда во главе отряда фламандских крестоносцев, выступивших в поход вместе с принцем Эдуардом Английским. Его избрание было для него полнейшей неожиданностью, и Тебальдо не хотелось покидать Палестину. Первое, что он сделал, став Папой, — разослал энциклики, призывающие оказать активную помощь крестоносцам в Сирии, а его последняя проповедь, прочитанная им в Акре прямо перед отплытием в Италию, сводилась к словам: «Если я забуду тебя, о Иерусалим, пусть отсохнет моя правая рука». На протяжении всего понтификата, его страстным желанием оставался крестовый поход в Святую Землю.

Новый Папа высадился в Южной Италии в январе 1272 г. Король Карл встретил его, когда тот проезжал через его королевство, и, несомненно, пытался обсудить с ним политические вопросы. Тебальдо проследовал в Витербо и прибыл туда 10 февраля. Но он хотел, чтобы его восшествие на папский престол проходило в Риме. Карл, как сенатор Рима, поспешил принять его. Тебальд был возведен на папский престол 27 марта под именем Григория X.[181]

У Григория было достаточно времени, чтобы обдумать свою политику. Через четыре дня после восшествия на престол он издал буллу, призывающую Вселенский церковный собор собраться через два года, 1 мая 1274 г. На соборе должны были обсуждаться три основных вопроса: церковная реформа, объединение Константинопольской церкви с Римской и крестовый поход в Святую Землю. Карл был не очень доволен. Вопрос о церковной реформе мало его касался, разве только это могло ослабить его влияние на Церковь в Сицилийском королевстве, а единственным крестовым походом, к которому он стремился, был поход на Константинополь. Переговоры о добровольном объединении церквей вынудили бы Карла отказаться от своих планов. Но ему было трудно протестовать против столь богоугодного дела. Кроме того, ему нужна была

поддержка Папы в Италии. Карл был назначен на пост имперского наместника последним Папой в тот момент, когда императорский трон пустовал, и хотел сохранить за собой этот пост. Содействие Папы было необходимо Карлу, если он хотел сохранить свое влияние на гвельфов по всей Италии. В том случае, если Папа собирался заняться поисками нового императора, а это вскоре показалось вполне вероятным, Карл должен был находиться рядом, чтобы соблюсти свои интересы. Кроме того, он только что ввязался в ссору с Генуей и хотел добиться от Папы помощи.

Отношения Карла с Генуей никогда не были особенно хорошими. Они поссорились очень давно из-за лигурийского побережья, и, хотя генуэзцы получили землю, на которую претендовали, а взамен не оказывали активного сопротивления войскам Карла, двигавшимся через Италию, они ничего не сделали, чтобы ему помочь. Правительство Генуи номинально было гвельф-ским, но гибеллины не были изгнаны из города; к тому же Генуя не вступала в союзы с другими гвельфскими городами. Генуэзцы были возмущены соглашением Карла с бывшим императором Балдуином, поскольку пользовались поддержкой византийцев и боялись ее потерять, особенно когда договор, подписанный в Ви-тербо, давал гарантии только их ненавистным соперникам — венецианцам. Генуя не оказывала поддержки Конрадину, но ведущие генуэзские гибеллины демонстративно вышли приветствовать его, когда он на день остановился в Портофино. В августе 1269 г. правительство Генуи, обеспокоенное укреплением власти Карла в Тоскане и беспокоясь о своих торговых привилегиях в Сицилийском королевстве, в конце концов заключило договор с Карлом и изгнало гибеллинов. Взамен генуэзские купцы получили свое представительство, жилье и таможенные льготы в портах владений Карла.

Договор оказался эфемерным. Генуэзское правительство проявило добрую волю по отношению к французам, предоставив королю Людовику корабли, в которых тот нуждался для Тунисского крестового похода. Когда до Генуи дошла весть о болезнях и невзгодах, постигших крестоносцев, в числе которых были генуэзские моряки, общественное мнение обернулось против правительства. Было невозможно изгнать всех гибеллинов, они были слишком многочисленны, и у их предводителей, семей Спинола и Дориа, было много друзей в городе. 28 октября 1270 г., в день Свв. Симеона и Иуды, начался внезапный мятеж, правительство было свергнуто, и гибеллины вернулись. Уберто Спинола и Уберто Дориа стали капитанами города, опираясь на старейшин коммуны и народа.

Новое правительство гибеллинов не хотело портить отношения с Карлом. Оно предусмотрительно держалось в стороне от гибеллинов

Тосканы и Ломбардии. Генуя выиграла от договора Карла с Тунисом, поскольку многие генуэзцы, которых долго удерживали в плену, были освобождены. Но во время шторма, настигшего флот крестоносцев на обратном пути из Туниса, несколько генуэзских кораблей утонули, а еще больше были повреждены. Неблагодарный Карл предъявил свои права на поврежденные корабли и груз, выброшенные штормом на сицилийское побережье, и Генуя тщетно протестовала. Несколько месяцев спустя, когда Карл был в Риме на рукоположении Папы в сан, кардинал Оттобоно деи Фиески, поддерживавший близкие отношения с гвельфами Генуи, организовал там встречу Карла с главными изгнанниками-гвельфами. Карл пообещал им свою помощь, а они предложили ему стать капитаном Генуи, когда смогут вернуться в город. Известие об этом договоре укрепило народную поддержку правительства гибеллинов в Генуе, но вызвало тревогу. Капитаны города решили обратиться к Папе.[182]

Папа Григорий ни от кого не зависел в своих действиях. Он был честным и непредвзятым человеком, чьей единственной целью было процветание христианства. До Карла ему, похоже, не было дела, но он был готов его поддержать, если только это могло послужить на пользу Церкви. Любимый племянник Григория, Видомино деи Видомини, занимал должность судьи в Провансе при Карле, и Карл назначил его архиепископом Экс-ан-Праванса. Папа был предан Видомино и сделал его кардиналом в 1273 г. Григорий охотно возвышал провансальцев, несомненно по рекомендации Видомино, таких как Фульк де Пюирикар, один из самых верных чиновников Карла, назначенный правителем Анконской марки. Папа не пытался ущемить полномочия сицилийского короля. Карл остался сенатором Рима и наместником императора в Тоскане. Он подтвердил отлучение от церкви упорствующих гибеллинов Вероны, Павии, Пизы и Сиены, провозглашенное Климентом IV. В западной Ломбардии Видомино в качестве папского легата сопровождал войска Карла во время его войны против Вильгельма Монферратского, который совершил роковую ошибку, изувечив троих посланников Карла, присланных для обсуждения перемирия.[183]

Но Григорий и мысли не допускал, чтобы папство оказалось хоть в чем-то зависимо от Карла, и отчаянно стремился прекратить давнюю вражду между гвельфами и гибеллинами, раздиравшую почти каждый город Италии. Он был неприятно удивлен, узнав, что Видомино считают орудием в руках Карла. Легата отозвали обратно к папскому двору и оставили там, даровав в утешение шапку кардинала. В мае 1273 г. Григорий

пытался выступить третейским судьей между гвельфами и гибеллинами во Флоренции на конференции, проходившей в высохшем русле реки Арно. Он договорился о том, что гибеллины передадут крепость, которую они все еще удерживали в пригороде, правительству гвельфов, а взамен будут беспрепятственно допущены обратно в город. Когда гвельфы нарушили договор, сразу же передав крепость наместнику Карла и продолжив гонения на гибеллинов, Григорий предал город анафеме, продемонстрировав свою поддержку гибеллинам. Но главным его решением стал выбор императора. Дело было не только в том, что в Германии теперь царила такая анархия, что какое-то проявление центральной власти было просто необходимо — и ради церкви, и ради государства; но Григорию также казалось, что, если в Италии появится император, правящий в сердечном согласии с Папой, сама причина для раскола между гвельфами и гибеллинами должна исчезнуть. Сложность состояла в том, чтобы найти такого императора.[184]

Ричард Корнуэльский, Римский король, умер в Англии 2 апреля 1272 г. Он так и не оправился от потрясения после убийства сына. Смерть Ричарда облегчила задачу Папы: несмотря на то что уже давно было ясно, что Ричард не станет императором, папство признало его Римским королем, что закрывало дорогу любому другому кандидату. Его давний соперник Альфонс Кастильский все еще называл себя Римским королем и, судя по всему, всерьез намеревался вновь присвоить этот титул. Но его политика заключалась в союзе с наиболее непримиримыми гибеллинами Италии, что делало для Папы невозможным рассматривать его притязания. Кроме того, Альфонса теперь никто не поддерживал в Германии, а Григорий хотел, чтобы новый император, кто бы им ни стал, был человеком, который сможет навести порядок в Германии. Узнав о смерти Ричарда, Альфонс написал высокомерное послание Папе с требованием признать его титул и начать готовиться к его императорской коронации. Взамен он, похоже, был готов отказаться от своей дружбы с гибеллинами и пообещать наместничество в Северной Италии королю Карлу. Григорий ответил вежливым отказом. Немецкие князья-электоры должны были решать, кому быть Римским королем.[185]

Тем временем Папа поторопил выборщиков собраться и выполнить свой долг. Было трудно подобрать подходящую кандидатуру. Григорий хотел найти человека сильного, но относящегося к Папе с должным почтением. Германские князья хотели слабого государя, который не будет наводить порядок за их счет. У соседних монархов были свои взгляды на

этот счет. Наиболее ярким кандидатом был Отакар II, король Чехии. Короли Чехии, как наследственные кравчие императора, входили в число князей-электоров, хотя некоторые юристы были против на том основании, что те не были германцами. Но теперь во владении Отакара находились довольно обширные германские земли, отчасти завоеванные, а отчасти полученные в наследство от рода Бабенбергов в Австрии и Штирии в результате женитьбы Отакара на женщине вдвое старше его. Он также благодаря удачным крестовым походам, проведенным совместно с тевтонскими рыцарями против прусских язычников, получил большую часть Силезии и ее северных пограничных марок, так что его владения простирались почти от Балтийского моря до Адриатического. Отакар был в общем в хороших отношениях с Церковью, а его семья всегда испытывала неприязнь к Гогенштауфенам. Недавно, имея виды на империю, Отакар провозгласил себя врагом гвельфов и устроил помолвку своей дочери с Фридрихом Тюрингским. Затем он снова изменил политический курс и подружился с королем Карлом и папством. Отакар попросил Григория отменить помолвку его дочери, с тем чтобы она могла выйти замуж за старшего внука Карла. Григорий согласился, и некоторое время казалось, что он собирается поддержать кандидатуру Отакара.[186] Карл, однако, придерживался другого мнения. Он хотел союза с Отакаром, но тот, став императором и опираясь на свои владения в Штирии и на севере Адриатики, приобрел бы слишком большое влияние в Северной Италии. Карл написал своему племяннику, королю Филиппу Французскому, с тем чтобы тот выставил свою кандидатуру на пост императора. Карл писал, что он сможет убедить Папу поддержать Филиппа и что шесть могущественных королей, с которыми Филипп был связан родственными узами, окажут ему поддержку. Это был умный ход. Филипп, став императором, несомненно, оставил бы власть над Италией своему любимому дяде; чувство благодарности Филиппа к Карлу должно было быть настолько сильным, что он наверняка избавился бы от вредного влияния своей матери. Но оптимизм Карла граничил с безумием — он полностью ошибался на счет Григория и не мог всерьез рассчитывать на то, что короли Кастильский и Арагонский действительно поддержали бы кандидатуру своего французского кузена. Филипп же прельстился этим проектом. В июле 1273 г. он отправил посольство к Папе, чтобы попросить его о поддержке. Ответ Григория был вежливым, но уклончивым. Он сказал послам, что желает их господину только добра, но вопрос требует дальнейшего рассмотрения, и напомнил им, что у короля Кастильского все

еще есть шансы.[187]

На самом деле Григорий не собирался позволять иностранному королю становиться императором. Он даже предусмотрительно отказался от кандидатуры Отакара Чешского, поскольку германские электоры все равно бы его не избрали. Среди германцев наиболее вероятным кандидатом был Генрих Баварский, дядя и наследник Конрадина. Но хоть он и разделил семейное наследство со своим братом Людвигом, который стал пфальцграфом, Генрих все равно был слишком могущественным. К тому же он и не стремился занять императорский престол. Его брат, граф Людвиг, предложил свою кандидатуру. Как пфальцграф, он входил в число князей-электоров, но единственный голос, на который он мог рассчитывать, был его собственный. Следующей кандидатурой являлся граф Отто Ангальтский, но он был совершенным ничтожеством. Наконец, Фридрих, бургграф Нюрнберга, родоначальник династии Гогенцоллернов, предложил кандидатуру Рудольфа Габсбургского, ландграфа Эльзаского.

Рудольф был хорошим кандидатом. Он был человеком, известным своим опытом и набожностью, высокого роста, с довольно суровой наружностью и спокойным и учтивым нравом, пятидесяти пяти лет от роду. Его семья была традиционно предана Гогенштауфенам, и сам Рудольф неоднократно подвергался анафеме за услуги, оказываемые этой династии; в последний раз его отлучили от церкви, когда он сопровождал Конрадина до Вероны. Он был только графом империи, а не князем, но зато он был богат. Владения семьи Рудольфа располагались в Северо-Западной Швейцарии, где в его собственности находилась большая часть страны, расположенная между Рейном, Аарау и озером Люцерн, к тому же он недавно унаследовал богатое графство Кибург, которое находилось приблизительно на территории современного Цюрихского кантона; еще Рудольф владел большей частью Верхнего Эльзаса. Таким образом, он пользовался уважением, был богат, но не слишком могущественен. К лету 1273 г. он оказался наиболее подходящим кандидатом для германцев. Но электоры не спешили принять решение. Вольные города империи уже объявили, что примут только того, кто пройдет единогласное голосование выборщиков — в отличие от князей, они больше не хотели неопределенности и анархии. В августе Григорий написал суровое письмо выборщикам, где говорилось, что, если они не завершат свое дело в установленные сроки, он сам назначит Римского короля. Одновременно Рудольф получил поддержку в Германии, пообещав, что в случае его избрания он не будет отчуждать никакие земли, принадлежащие короне, без разрешения князей.

Ландтаг был в итоге назначен на 29 сентября 1273 г. 11 сентября три электора от духовенства, архиепископы Кельнский, Майнцский и Триерский, совместно с пфальцграфом выпустили манифест, в котором говорилось, что они примут любого, кого другие князья согласятся назвать. Похоже, они были уверены, что герцог Иоганн Саксонский и маркграф Бранденбургский решили поддержать Рудольфа. Отакар Чешский все еще надеялся на свое избрание и отказался голосовать за кого-либо другого.

Отакар сам не явился на заседание, но прислал епископа Бамбергского в качестве своего представителя, дав ему указания чинить как можно больше препятствий процедуре выборов. Остальные князья ответили на это заявлением, что король Чехии не имеет права участвовать в выборах и что статус седьмого электора должен принадлежать герцогу Баварскому. Таким образом, они получили возможность единогласно поддержать Рудольфа. Он был провозглашен Римским королем во Франкфурте 1 октября и коронован в Ахене 24 октября.[188]

Григорий, возможно, предпочел бы, чтобы выбрали Отакара, но, несмотря на гневный протест короля Чехии, выраженный в письме, Папа принял выбор электоров, выказав всяческое великодушие и сердечность.[189] Прошло несколько месяцев, прежде чем Папа формально признал выборы состоявшимися, и только к следующему сентябрю он пригласил Рудольфа, Римского короля, приехать в Рим, чтобы короновать его императорским венцом. Но до тех пор Папа давал понять, что рассматривает Рудольфа как законного короля, и тепло встречал его представителей на Лионском соборе.[190]

Избрание Рудольфа вернуло Германии надежду. Не все ожидания сбылись, но его мудрое и осторожное правление смогло восстановить порядок в стране и заложить основы ее процветания в следующем столетии; а его победоносная война с Отакаром принесла Рудольфу и его потомкам контроль над Австрийской и Штирийской провинциями, которые послужили впоследствии основой могущества Габсбургской династии. Для Карла избрание Рудольфа было дипломатическим поражением. Появление действующего избранного императора неизбежно подрывало его авторитет в Северной Италии и воодушевляло его врагов. Главным недругом Карла на тот момент была Генуя. В ноябре 1272 г. он спровоцировал войну, арестовав все товары и всех граждан Генуи, которые находились в пределах его владений, за исключением гвельфов. Генуэзское правительство обратилось к Папе, который осудил Карла, но рекомендовал генуэзцам восстановить гвельфов у власти в своем городе. Но в то же время, стремясь организовать

крестовый поход, Папа пытался помирить Геную и Венецию, между которыми последние десять лет происходили более или менее серьезные столкновения в восточных водах. Венецианцы были готовы прийти к некоторому соглашению. В своем искреннем обращении к Генуе они указывали на то, что у них у обоих есть опасный сосед, который оставит их в покое, только если они объединятся. Но хотя власти обоих городов, возможно, и рады были бы примирению, вражда между их купцами на Востоке была слишком серьезной. Переговоры ни к чему не привели.[191]

Открытая вражда между Карлом и генуэзцами вспыхнула в конце 1272 г. Генуэзцы сохранили свои позиции. Единственным достижением Карла был захват их порта Аяччо на Корсике. Но осенью 1273 г. Карл предпринял более активные действия и атаковал со стороны Тосканы и Пьемонта. До того момента генуэзцы не вступали в союзы с другими гибеллинскими городами в надежде снискать благосклонность Папы. Но Григорий ничего для них не сделал, так что в конце октября они заключили союз с Павией и Асти, пообещав свою поддержку Альфонсу Кастильскому, который собирался вторгнуться в Ломбардию в запоздалой надежде заявить свои права в качестве избранного императора прежде, чем выборы в Германии вообще состоятся. Альфонс оказался бесполезным союзником, но Генуя уже оказалась втянутой во всеобщий мятеж северных гибеллинов против Карла Анжуйского.[192]

Война с Генуей стоила дорого, а Карлу и так пришлось потратиться на восстановление своего флота после Тунисского крестового похода. Он не мог планировать новый поход на Константинополь, пока Папа Григорий не сообщит о своих пожеланиях касательно церковной унии. Григорий хорошо знал Восток и понимал то, чего не понимал никто со времен его великого предшественника Урбана II: для успешного крестового похода необходимо добровольное сотрудничество восточных христиан. Бессмысленно было полагать, что возрождение Латинской империи поможет в этом деле. Предыдущий опыт доказал обратное. Но если бы Византийская империя добровольно покорилась Риму, она могла бы стать бесценным союзником. Григорий выбрал правильный момент, поскольку окруженный врагами со всех сторон император Михаил Палеолог очень боялся нападения из Италии. Если покорение Риму было единственным способом нейтрализовать Карла, тогда в Константинополе следовало серьезно задуматься о политике церковного подчинения. Михаил был осторожным дипломатом. Он понимал важность союза с папством, но до сих пор его попытки угодить Риму оканчивались неудачей. Когда новый Папа прислал

Михаилу написанное в дружественном тоне приглашение присутствовать на Соборе, посвященном объединению церквей, византийский император незамедлительно ответил, хотя церковная уния означала бы принижение его собственной церкви. Михаил видел в этом единственный способ сохранить за собой трон и ошибочно надеялся, что его народ поймет, что политическая независимость стоит этой жертвы.[193]

Григорий X был достаточно проницателен: он понимал, что для Константинополя главным аргументом в пользу объединения церквей служит опасное положение, в котором оказалась Византийская империя. Поэтому он не собирался улаживать политические трудности императора Михаила, пока не получит от него четкое заявление в пользу церковного подчинения Риму. Это заявление следовало сделать даже раньше, чем делегаты из Константинополя успеют прибыть на Вселенский Собор для обсуждения подробностей унии. Тем временем Григорий слегка надавил на императора, запретив любому западноевропейскому государству, например Венеции, желавшему вступить в договор с Михаилом, заключать с византийцем долгосрочные соглашения. Папа также намекнул, что не сможет все время сдерживать Карла, но пока что сицилийскому королю было запрещено предпринимать какие-либо враждебные действия. Напротив — его обязали предоставить гарантии безопасности любому византийскому послу, который проезжал через его владения на своем пути в Рим. Церковные переговоры продолжались весь 1273 г.

К концу года Михаил убедил Папу в своей искренности, но открыто признался, что идея унии непопулярна в Константинополе. В основном благодаря убедительной тактичности Иоанна Парастрона, францисканца греческого происхождения, которому доверяли и Папа, и император (своим мягким и благочестивым нравом он снискал уважение греков), а также благодаря энергии Хартофилакса, Иоанна Векка, который стал ревностным сторонником унии, удалось убедить Синод, несмотря на сопротивление патриарха Иосифа, подписать декларацию, признающую примат римского престола, право апелляции в Риме и необходимость упоминать имя Папы во время литургии. Богословский вопрос о *filioque*[194] в «Символе Веры» не был упомянут, но его предполагалось обсудить на Соборе. На тот момент это устраивало Папу, и греческая делегация была официально приглашена на Собор.[195]

Все эти переговоры приводили Карла в ярость. Он вынужден был приостановить свои действия против Константинополя — его война с Генуей сопровождалась все возрастающими трудностями в Северной

Италии, и он не мог себе позволить разрыв с папством. Карл все еще надеялся, что из объединения церквей ничего не выйдет. 15 октября 1273г. он наконец отпраздновал свадьбу своей дочери Беатрисы и Филиппа де Куртенэ, сына бывшего императора Константинополя Балдуина, о которой договорились в Витербо за четыре года до этого. Через несколько дней после свадьбы Балдуин умер, и Филипп заявил свои права на императорский титул. Григорий, когда писал к Филиппу в ноябре с просьбой не чинить препятствий византийским послам, обращался к нему как к латинскому императору Константинополя, а о Михаиле говорил как о греческом императоре, но это была простая учтивость, не дававшая Филиппу большой надежды.[196]

В то время как Карл пребывал в вынужденном бездействии, Михаил развил бурную дипломатическую деятельность. Болгарский царь овдовел. В 1272 г. Михаил убедил его жениться на одной из своих племянниц, Марии Кантакузине, дочери его любимой сестры Евлогии. С тех пор напряжение в отношениях с Болгарией спало, хотя и имел место спор из-за приданого невесты. Михаил сначала пообещал морской порт Ме-семврию, а после отказался отдавать его на том основании, что город населен греками и их нельзя передавать против их воли. Болгары ответили на это вторжением в империю в 1272 г., а когда это не возымело успеха, в 1273 г, отправили посольство к Карлу, но и это ни к чему не привело. В Сербии попытка Михаила заключить брачный союз сорвалась из-за противодействия королевы-католички. Но Михаил обезопасил себя от проблем на Балканах двумя дипломатическими победами. Задунайские черноморские степи находились под властью татарского правителя Ногая, за которого в 1266 г. Михаил отдал одну из своих внебрачных дочерей Ефросинью, и теперь союз с Ногаем был укреплен и возобновлен. Болгарское вторжение в 1272 г. было остановлено благодаря помощи от Ногая, и болгары получили хороший урок. Чтобы влиять на Сербию, Михаил вступил в союз с Венгрией. Друг Карла, король Бела IV, умер в 1270 г. Стефан V, его сын и наследник, был женат на женщине из племени куманов, или половцев, кочевников-язычников, нашедших в Венгрии убежище от татар; а королева, хоть и была христианкой, похоже, предпочитала восточную церковь западной. Ее сын и старшая дочь состояли в браке с двумя из детей Карла, а еще одна дочь была замужем за наследником сербского престола, сыном ярой католички — королевы Елены. Но две другие ее дочери были обручены, очевидно по желанию матери, с православными князьями из Рутении. Тогда младшую дочь предложили в жены сыну и наследнику Михаила, Андронику, и брак был

скреплен договором. Король Стефан умер в 1272 г., но его сын Владислав находился под влиянием своей матери более, чем под влиянием своей жены из Анжуйской династии, и, кроме того, боялся Отакара Чешского, чьи территориальные претензии сопровождались настойчивыми делегациями католиков. Союз с Византией был установлен.[197]

Относительно Балкан Михаил мог быть спокоен, но успехи его дипломатии в самой Греции были куда более скромными. Преемник Михаила Ангела Эпирский деспот Никифор был женат на племяннице императора Михаила, сестре болгарской царицы; но если жена деспота Анна была женщиной энергичной и неразборчивой в средствах, то ее муж был слаб и бездеятелен. Его сводный брат Иоанн, дука Навпатраса, был более серьезной фигурой. Император Михаил пытался контролировать его, женив одного из своих племянников, Андроника Тарханиота, на дочери Иоанна и наделив дуку титулом севастократора. Но неблагодарный племянник спелся со своим тестем, который вовсе не считался с Константинополем. Михаил надеялся организовать союз греков против католиков в Греции. Единственное, чего он добился, — незначительная война на острове Эвбее, для которой он задействовал молодого местного авантюриста, уроженца Виченцы Ликарио. Ликарио оказался блестящим полководцем и постепенно завоевал этот остров для императора.[198]

В Западной Европе Михаил вступил в тесный контакт с генуэзцами, а через них он к концу 1273 г. связался с Альфонсом Кастильским. Византийские деньги, похоже, уже ушли на поддержку гибеллинов в Северной Италии.[199]

Карл был в ярости оттого, что Папа связал ему руки и он мало что мог противопоставить действиям императора. Король мог только надеяться, что задуманная церковная уния провалится. Согласно его договору с бывшим императором Балдуином, он должен был вторгнуться в Византийскую империю к лету 1274 г. Теперь Папа запретил Карлу исполнять это условие, но дал ему разрешение продлить срок договора на год. К 1275г. должно было выясниться, действительно ли Михаил приведет византийскую паству в лоно Римской церкви. Кроме того, греки к тому времени должны были понять, что произойдет с ними, если они не присоединятся.[200]

Весной 1273 г. Григорий решил созвать Собор в Лионе. Он не очень хотел уезжать из Италии, но те силы, которые он хотел заинтересовать в крестовом походе, находились на севере от Альп, и он предпочитал, чтобы Собор проходил в районе, где Карл не сможет оказывать никакого давления на делегатов. Папа был недоволен Карлом. Он считал, что Карл виноват в

его проблемах с Генуей. Осенью 1272 г. к Папе приезжал его старый друг, Эдуард Английский, который возвращался из Святой Земли, чтобы принять отцовскую корону. Эдуард был в ярости, узнав, что убийца его кузена, Ги де Монфор, не был должным образом наказан и все еще находится на свободе под защитой своего тестя, Гильдебранда Альдобрандески, вождя гвельфов Южной Тосканы. Эдуард подозревал, что он все еще пользуется покровительством Карла. В июне 1273 г. Григорий оставил Орвьето, где он жил, и отправился в Лион. Именно тогда он, проезжая через Флоренцию, попытался примирить там гвельфов и гибеллинов — но его усилия были сведены к нулю после его отъезда гвельфами при поддержке Карла. Но Папа не хотел разрывать отношения с Карлом, поскольку хотел вознаградить его за то, что тот не пошел войной на Константинополь, и заинтересовать его в крестовом походе в Святую Землю.[201]

Григорий въехал в Лион в сопровождении пышной свиты в ноябре. Следующие месяцы он провел в подготовке к Собору, писал письма всем высокопоставленным священнослужителям, созывая их на предварительные встречи, где можно было обсудить проблему крестового похода. Он уже получил ряд докладов от специалистов с предложениями касательно того, как снова сделать это движение популярным. Григорий созвал богословов для помощи в диспутах, которые возникнут с греками. Среди них был Фома Аквинский, написавший трактат об заблуждениях Православной церкви. Фома в то время жил в Неаполе и был в не очень хороших отношениях с королем Карлом. Когда он заболел в замке Мардженца, расположенном неподалеку от Неаполя и принадлежавшем его племяннице, люди тут же заподозрили, что его отравили агенты Карла. Фома продолжил свое путешествие, будучи очень больным, и умер в Фоссануова, неподалеку от Аквино, 7 марта 1274 г. Данте был убежден в виновности Карла, но хотя у сицилийского короля и были основания бояться, что Фома пожалуется на него Папе, нет никаких сведений, позволяющих предположить, что великий теолог умер не своей смертью.[202]

После трехдневного поста четырнадцатый Вселенский Собор был открыт в Лионе лично Папой Григорием в понедельник, 7 мая 1274г. Папа пригласил на Собор тринадцать королей: французского, английского, шотландского, норвежского, шведского, венгерского, чешского, кастильского, арагонского, наваррского и армянского, и вдобавок — Карла, короля Сицилийского, который, как он знал, не прибудет, и Римского короля, которого он еще не признал официально, но которому не возбранялось прислать послов. К сожалению, за одним исключением,

короли отказались от приглашения. Григорий и не ожидал ничего другого от тех, кто жил в отдаленных королевствах, но король Франции, который встретил его на подъезде к Лиону и сопровождал его в город, отказался вернуться, чтобы присутствовать на Соборе. Эдуард Английский, на которого Папа особенно рассчитывал, оскорбил его, назначив свою коронацию на время заседания Собора, таким образом не позволив английским епископам приехать на Собор. Альфонс Кастильский пытался добиться встречи с Григорием не его пути в Лион, но сам не собирался приезжать в город. Из присутствовавших царственных особ двое были неудачливыми претендентами на трон: законный латинский император Филипп и княгиня Мария Антиохийская, притязавшая на иерусалимский престол. Единственным коронованным монархом из присутствовавших был Хайме Арагонский, неотесанный солдафон, который был искренне заинтересован в крестовом походе, но вскоре он нашел проекты Папы любительскими и невыполнимыми; ему было мало дела до аскетичной атмосферы, в которой собрались священнослужители. Вскоре Хайме вернулся в объятия своей любовницы, Беренгарии, ничего не пообещав; он умер через два года, отлученный от церкви Григорием за то, что соблазнил жену одного из своих вассалов.

Сначала на Соборе обсуждались различные вопросы церковной реформы. Большинство из них касались ссор между различными священнослужителями и монастырями. Некоторые имели отношение к законам об отлучении от церкви. Было принято одно важное постановление, предотвращающее дальнейшее междувластие в папском правлении. После смерти Папы кардиналы должны были ждать отсутствующих коллег не более десяти дней. Затем они должны были собраться на конклав, отрезанные от внешнего мира до тех пор, пока не сделают свой выбор. Чем дольше они будут медлить, тем более суровыми будут становиться условия их жизни, и они не будут получать содержание, пока папский престол будет пустовать. Затем на Соборе обсуждался крестовый поход. В отсутствие королей не было принято никаких практических решений, а после отъезда Хайме Арагонского воцарилась атмосфера уныния. Посол французского короля, Эрар де Сен-Валери, уже объявил, к негодованию Хайме, что считает сам крестовый поход пустой затеей, и его замечание было встречено не протестами, а молчанием. Все, что мог сделать Папа, — издать новые указы, согласно которым церковная десятина должна была идти на нужды крестового похода, и эта мера сделала идею крестового похода еще менее популярной как среди европейских монархов, так и среди их подданных. Григорий также

запретил итальянским приморским городам продавать оружие или сырье сарацинам и приказал, чтобы ни одно христианское торговое судно не заходило в мусульманские порты в течение шести лет. Обеспечить выполнение этих указов было невозможно.

Григорий добился чуть большего успеха в дипломатических мероприятиях. Он стремился восстановить мир и порядок в Европе, чтобы подготовиться к крестовому походу. Его приказ всем монархам Европы — прекратить войны — был выполнен лишь отчасти; правда, фактически некоторые из наиболее воинственных государей, таких как испанские короли и Отакар Чешский, на некоторое время обуздали себя. Подав пример остальным, Папа добился общего признания Рудольфа Габсбурга Королем Римлян.[203] Но величайшим триумфом его дипломатии было подчинение греческой Церкви.

Несмотря на растущее негодование в Константинополе, император Михаил решил принять условия Папы. Патриарх Константинополя Иосиф все еще отказывался одобрить даже приемлемую доктрину, выработанную Иоанном Парастроном. В январе 1274г. Иосифу было приказано удалиться в монастырь. Ему было сказано, что, если уния не будет принята, он сможет снова стать патриархом, с условием что не будет предпринимать никаких карательных мер в отношении сторонников унии. Если же уния будет реализована, он может либо принять ее, либо оставить свой пост и остаться в монастыре. Тем временем Михаил заверил византийское духовенство в том, что не будет никаких перемен в церковных ритуалах и что в Константинополь не ступит нога ни одного папского легата или представителя. Папа решил, что для империи и духовенства, собрав-шегося в Констангинополе, будет достаточно объявить о своем присоединении к Римской церкви до отправки специальных легатов из Рима. Михаил понял, что это может привести к восстанию в Константинополе, и предпочел в качестве альтернативы послать полномочную делегацию в Лион.

Делегация отправилась в начале марта на двух галерах. На первой были представители духовенства, бывший патриарх Герман и Феофан, митрополит Ни-кейский, и личный посол императора логофет Георгий Акрополит. На второй — еще два важных придворных сановника и несколько секретарей и священнослужителей, а также подарки, предназначенные византийским императором для Папы. Огибая мыс Малея, корабли попали в шторм, и вторая галера разбилась о скалы. Все пассажиры, команда и груз погибли, за исключением одного матроса. Так что посольство, прибывшее в Лион 24 июня, оказалось менее блестящим, чем предполагалось, да и его личный состав был не очень-то

впечатляющим. Георгий Акрополит был известным политическим деятелем и ученым, но что касается входивших в посольство священнослужителей, митрополит Никейский не был особо выдающейся личностью, а Герман хотя и занимал патриарший престол в Константинополе в 1266 г., но был лишен сана через несколько месяцев за некомпетентность и неосторожное поведение. Примечательно, что Михаил не смог найти более уважаемых священнослужителей для этой миссии.

Папа и кардиналы торжественно приветствовали посольство. Послы передали секретарю Папы три письма: одно от императора, одно от его старшего сына Андроника и одно от нескольких ведущих греческих иерархов. Через пять дней, в день святых Петра и Павла, послы присутствовали на праздничном богослужении, проходившем частично на греческом языке. Во время богослужения греческие церковники присоединились к греческим епископам-униатам из Калабрии, и спели «Символ Веры», включая *filioque*, повторив его трижды. Однако заметили, что митрополит Никейский прекратил петь, как только дошло до этих слов.[204] Официальная церемония объединения состоялась в пятницу, 6 июля. Папа, выразив свою радость по поводу добровольного возвращения греков в лоно Римской церкви, сначала прочитал вслух три полученных им письма в переводе на латинский язык. Император Михаил в своем письме заверял в своей приверженности принятому в Риме варианту «Символа Веры» и признавал примат Римской церкви, которой он себя вверял. Затем император просил о том, чтобы Греческой церкви было позволено придерживаться того варианта «Символа Веры», какого она придерживалась до раскола, и существующего ритуала, поскольку он не противоречит заповедям Божьим, Священному Писанию, Соборным постановлениям и Святым отцам. Письмо сына императора было написано в тех же выражениях, а епископы в своем послании, после ссылок на искреннее стремление императора к церковной унии, заявляли о своей готовности воздать должное Папе, как это делали их предшественники до раскола. Это письмо было сформулировано довольно туманно: оно не налагало слишком больших обязательств на подписавших его прелатов. Затем логофет, как личный представитель императора, поклялся от имени своего господина отказаться от Схизмы, принять «Символ Веры» и догматы Римской церкви как единственно истинной и признать ее главенство и повиноваться ей. Папа не отказался бы получить письменную и заверенную копию этой присяги, но таковой не оказалось. Возможно, она погибла в кораблекрушении. Когда логофет повторил присягу, Папа торжественно пропел *«Te Deum»* и сам прочел проповедь, процитировав

слова Христа из Евангелия от Луки: «Очень желал Я есть с вами сию пасху». После чего пропели «Символ Веры» на латинском и греческом языках, и слова *«Qui ex Patre Filioque processit»* (От Отца и Сына исходит) повторялись дважды. Раскол официально закончился.[205]

В следующий понедельник Папа принял посольство, которое обрадовало его почти так же, как греческое. Монгольский ильхан прислал шестнадцать послов, которые прибыли 4 июля, чтобы договориться о союзе с христианскими народами против мусульман-мамлюков. Григорий принял посланцев необычайно благосклонно и был крайне доволен, когда один из них вместе с двумя людьми из своей свиты добровольно принял крещение, но Папа не мог предложить ильхану ничего определенного, кроме благих обещаний.

Григорий X был доволен итогами Собора. Конечно, не было принято никакого определенного решения в отношении крестового похода. Но он был уверен, что церковная уния ценна не просто самим фактом объединения, но и тем, что облегчит организацию любого крестового похода, вновь открыв дорогу через Анатолию. Кроме того, короли чувствовали некоторое раскаяние из-за того, что не оказали ему никакой поддержки. Филипп Французский на следующий год дал обет отправиться в крестовый поход, и король Рудольф почти одновременно сделал то же — правда, в обмен на обещание, что его коронуют императорским венцом. Папа тем временем продолжал работать над мирным урегулированием. Он встретился с Альфонсом Кастильским в мае 1275 г. в Бокере на границе Прованса и убедил его отказаться и от титула Римского короля, и, соответственно, от своих притязаний на то, чтобы стать лидером гибеллинов в Италии. Через несколько месяцев, в сентябре, Папа приехал в Лозанну для встречи с Рудольфом, которого теперь официально признал и для которого добился договора о дружбе с Карлом Анжуйским. Договор должен был быть скреплен браком старшего внука Карла, Карла Мартела, и дочери Рудольфа, Клеменции. Рудольф заплатил за свое признание фактическим отказом от всех императорских прав на Романью и Анконскую марке.

Карл уже знал, что уния состоялась.[206] 28 июля 1274 г. Папа отправил письма Карлу и законному латинскому императору Филиппу с просьбой продлить перемирие с Константинополем, которое те обязались соблюдать, а Михаилу Палеологу — с указанием договориться о перемирии с Карлом. Вести переговоры было поручено Бернарду, аббату Монте-Кассино. Он побывал в Неаполе и в Константинополе и убедил и Карла, и Михаила

заключить перемирие на год начиная с 1 мая 1275 г. Перемирие было не вполне справедливым по отношению к Карлу: воспользовавшись тем, что ему запретили нападать на Константинополь, византийцы принялись отвоевывать Балканский полуостров и Албанию. Правда, Карл предпочитал пока избегать открытого столкновения, рассчитывая на то, что ему достанется вся Византийская империя, как только он захватит Константинополь.[207]

Впрочем, на тот момент для Карла согласие на перемирие не было такой уж большой жертвой. Его война с Генуей как раз переросла в войну против возрожденной лиги гибеллинов и стоила ему больше, чем он мог себе позволить. Григорий проявил понимание: когда он узнал, что Карл готов продать свои драгоценности, чтобы заплатить дань папству, то разрешил ему отложить выплату. Он также отлучил от церкви Геную и ее союзников-гибеллинов — Асти и маркграфа Монферратского. Но Папа дал ясно понять — теперь Рудольфу Габсбургу, а не Карлу надлежит восстанавливать порядок в Северной Италии. Он написал сицилийскому королю, что прекрасно понимает, что Карлу не понравится его политика: но, поразмыслив, Карл поймет, что это — разумный и правильный шаг. Когда Карл попросил Папу убедить Рудольфа пожаловать ему Пьемонт, Папа передал его просьбу, но от себя добавил, что делает это только по настоянию Карла и сам он считает, что для Габсбурга было бы большой ошибкой отдать провинцию такой стратегической важности. Папа также отреагировал не так активно, как хотелось бы Карлу, когда давняя противница сицилийского короля, французская королева Маргарита, вновь стала чинить ему помехи. Едва узнав о том, что Рудольф признан Римским королем, Маргарита написала ему (с согласия своей сестры, английской королевы-матери) о своем недовольстве тем, что ее обманом лишили Прованского наследства. Поскольку официально император все еще являлся сюзереном Прованса, она обращалась к нему с просьбой возместить ей ущерб. Рудольф был, вне всякого сомнения, чрезвычайно рад признанию своей власти в Провансе и, похоже, пошел даже на то, что пообещал передать ей это графство. Попытки Григория примирить Карла и Рудольфа удержали Габсбурга от воплощения своего плана в жизнь, но Папа ни словом не упрекнул мстительную вдову.[208]

Война с Генуей шла плохо. В октябре 1274 г. ситуация в Пьемонте сложилась настолько неудачно для Карла, что он назначил своего племянника Роберта д'Артуа наместником этой провинции; но Роберт не добился успеха. В январе 1275 г. Генуя, Асти и Мон-феррат вместе с

Новарой, Павией, Мантуей и Вероной присягнули на верность Альфонсу Кастильскому. Его выход из войны в мае не положил конец их победам. Они уже вынудили вассальные Карлу города Верчелли и Алессандрию присоединиться к лиге гибеллинов. В течение лета они добились того же от Салуццо и Ревелло, и пока их войска свободно продвигались через владения Карла в Пьемонте, генуэзский флот разграбил Трапани на Сицилии и мальтийский остров Гоцо и провел демонстрацию сил в самом Неаполитанском заливе. Папа отчаянно боялся, что война распространится на Ломбардию, где крупный город Милан начинал проявлять беспокойство. Но Папа понимал, что избранный император был единственным человеком, который теперь мог примирить гвельфов и гибеллинов; он написал миланцам, чтобы поздравить их с тем, что они отправили посольство к Рудольфу, и советовал другим городам Ломбардии поступить так же. Неудивительно, что Папа искренне рекомендовал Рудольфу не отдавать Карлу Пьемонт.[209]

Осенью 1275 г. Асти, как главный город местной лиги гибеллинов, предложил сицилийскому королю заключить мир — при условии, что гибеллины сохранят за собой все свои завоевания. Карл с презрением отверг это предложение. Несколько дней спустя его сенешаль, Филипп Лагонесс, потерпел сокрушительное поражение и был вынужден отступить вместе с разбитой армией через Альпы в Прованс. К лету 1276 г. от владений Карла в Пьемонте остались лишь три изолированных города — Кунео, Кераско и Савильяно — и несколько не представляющих никакой важности деревень.[210]

Во всех своих делах с королями Европы Григорий руководствовался одним принципом: устроить крестовый поход в Святую Землю. Если он и проявил безразличие к неудачам Карла в Северной Италии и крушению его честолюбивых планов в Греции, то только потому, что надеялся, что Карл теперь будет действовать в том самом направлении, где военные действия пойдут во благо Церкви. Григорий приложил все усилия, чтобы заинтересовать Карла крестовым походом. Одна из немногих царственных особ, присутствовавших в Лионе, княгиня Мария Антиохийская, прибыла туда в поисках поддержки своих притязаний на иерусалимский престол как наследница Конрадина. Хотя ее мать была младшей сводной сестрой прабабушки Конрадина, королевы Марии Иерусалимской, она считала себя более близкой его родственницей, чем успешный претендент на трон, король Гуго III Кипрский, который был внуком старшей сводной сестры королевы Марии. Мария Антиохийская объявила о своих притязаниях на

заседании Высшей курии✧AB⊙ в Акре, как только пришла весть о смерти Конрадина. Но юристы Святой Земли решили в пользу короля Гуго. Марию Антиохийскую поддержали только тамплиеры. Для всех остальных деятельный молодой король Гуго представлялся очевидно лучшим кандидатом, чем пожилая дева, каковы бы ни были ее законные права.

Еще в бытность свою на Востоке Григорий, вероятно, выразил некоторое сочувствие по отношению к обиженной княгине, так что ей казалось, что приезд на Лионский Собор имеет смысл. Ее надежда оправдалась. На Соборе ее дело не обсуждалось, но Григорий выразил ей свое одобрение и убедил, что будет разумнее продать Карлу Анжуйскому свое право на иерусалимский престол. Идти против судебного приговора курии Святой Земли и пожеланий, высказанных иерусалимлянами, было настоящим произволом со стороны Папы, к тому же это было очевидно незаконно, поскольку права на престол нельзя было продавать и покупать. Но у Григория, похоже, уже сложилось нелестное мнение о короле Гуго, который и в самом деле проявит полную неспособность навести в Иерусалимском королевстве порядок и в 1276 г. от полной безысходности уедет в свое более спокойное Кипрское государство. Но этот план особенно привлекал Папу тем, что компенсировал Карлу его неудачи, и льстил его самолюбию: в результате этого Карл был бы лично заинтересован в процветании Святой Земли. В то же время у Иерусалимского королевства появился бы правитель, чьи достоинства были несомненны. Мария, понимавшая, что вряд ли ей доведется спокойно сидеть на иерусалимском троне, приняла совет Папы. Переговоры заняли некоторое время. У Карла было мало свободных денег, княгиня не собиралась продавать свои права слишком дешево. В итоге ее потребность в деньгах оказалась сильнее амбиций Карла. 18 марта 1277 г. договор был подписан. В обмен на тысячу ливров золота и на ежегодную ренту в четыре тысячи фунтов турских ливров Мария передавала все свои наследные права Карлу, который тут же принял титул короля Иерусалимского.[211] К тому времени Папа Григорий уже умер. После встречи с королем Рудольфом в Лозанне в октябре

1275 г. он медленно двинулся через Альпы в Милан, а оттуда — на юг через Болонью во Флоренцию. Пока он ехал, папские секретари усердно писали и рассылали письма с призывами начать крестовый поход. Королям, одному за другим, сообщалось, что они могут собирать церковную десятину, предназначенную на нужды Церкви, если только они употребят ее на священную войну, легатам было приказано подстегивать угасающий религиозный пыл. Несмотря на все разочарования, Григорий верил, что его

мечта о великом крестовом походе все еще может сбыться. Но, задержавшись во Флоренции на Рождество, он серьезно заболел. 1 января 1276 г. Григорий срочно написал Карлу, желая повидаться с ним, пока у него еще оставалось время. Затем его отнесли в паланкине в Ареццо, где он умер 10 января. [212]

Карл был в Риме, когда узнал о смерти Папы. Вряд ли он сильно горевал по этому поводу.

Глава XI. ВЗЛЕТ КАРЛА АНЖУЙСКОГО

Неуклонное стремление покойного Папы установить мир в Европе и устроить крестовый поход против язычников смешало королю Карлу все планы завоеваний. Карл был согласен на мир в Европе только на своих условиях, он также, хотя и был рад принять Иерусалимское королевство, не хотел отправляться в рискованный крестовый поход. Григорий X запретил ему нападать на Константинополь, и теперь византийцы перешли в наступление на его владения и его союзников в Греции. Самонадеянность толкнула Карла на войну с Генуей, и теперь ему пришлось защищать свои позиции в Северной Италии, а Григорий пригласил Рудольфа, Римского короля, навести порядок в провинции и, таким образом, лишил Карла своей поддержки. Карл твердо решил не допустить избрания еще одного неудобного для него Папы.

Когда Григорий умер в Ареццо, Карл находился в Риме. Следуя процедуре, установленной на Лионском Соборе, кардиналы собрались в Ареццо, дав отсутствующим членам Священной коллегии десять дней на то, чтобы те могли к ним присоединиться. Они, конечно, помнили, что Карл находился рядом. Их дебаты заняли меньше двадцати четырех часов. 21 января 1276 г. они избрали человека, пользовавшегося благосклонностью Карла, Петра де Тарантеза, доминиканца, родом из Савойи. Прежде он был архиепископом Лиона, а на момент избрания находился в должности кардинала-епископа Остии. Он принял имя Иннокентия V и сразу же отправился в Рим, где был возведен на папский престол 22 февраля. Карл сопровождал его в Рим из Витербо и присутствовал на церемонии; следующие пять месяцев Папа и король оставались в Риме и постоянно виделись.[213]

У Карла имелись основания быть довольным новым Папой. Иннокентий сразу же утвердил его в должности римского сенатора и имперского наместника в Тоскане. Пока Григорий был жив, король Рудольф не протестовал против наместничества Карла, но он считал, что новый Папа не имеет права распоряжаться имперскими должностями теперь, когда есть законно избранный император. В знак протеста Рудольф послал чиновников добиться присяги на верность от жителей Романьи, несмотря на то что дал покойному Папе обещание рассматривать Романью как часть папской вотчины. Ответ Иннокентия был резким. Рудольфу было запрещено появляться в Италии до тех пор, пока присяга, которой он

добился, не будет отменена. Рудольф, который стремился в Рим, чтобы быть коронованным императорским венцом, понял, что ему необходимо прийти к соглашению с Карлом и с Папой. Он послал для переговоров с ними обоими епископа Базеля.[214]

Иннокентий добился мира между Карлом и генуэзцами. Для Карла это было бесславное мирное соглашение — гибеллины остались у власти в Генуе. Карл вынужден был вернуть им привилегии, которыми пользовался этот город в его владениях, и отказался от своих собственных весьма скромных завоеваний. Взамен генуэзцы признавали его сюзеренитет над Вентимильей. Но король был волен пытаться — тщетно — спасти свои владения в Пьемонте и укрепить свою власть в Тоскане, единственном месте, где его войска недавно одержали победу над пизанцами. Мир был заключен 22 июня 1276 г. Четыре дня спустя Папа Иннокентий умер в Риме.[215]

Карла вполне устраивало, что следующие выборы Папы должны были пройти в Риме. Как и полагалось, кардиналы собрались через десять дней в Латеранском дворце, где умер Иннокентий. Карл, как сенатор, смог окружить дворец стражей, которая позволяла кардиналам из его партии свободно общаться с внешним миром и получать посылки с продовольствием, в то время как враждебная партия содержалась взаперти и была подвержена все возрастающим строгостям, предусмотренным решением Лионского Собора. Эта политика возымела успех. Чуть больше чем через неделю, 11 июля, кардиналы избрали одного из самых преданных друзей Карла, генуэзского кардинала Оттобоне деи Фиески, который был пылким гвельфом и племянником Иннокентия IV. Он собирался принять имя Адриана V. Но он был всего лишь кардиналом-диаконом. Не успев принять более высокий сан в качестве подготовки к возведению на папский престол, он серьезно заболел и умер в Витербо 18 августа.[216]

Карл сопровождал избранника в Витербо и жил неподалеку, в замке Ветралла. Но у него не было возможности оказать такое давление на конклав, собравшийся для избрания нового Папы, как в прошлый раз в Риме. Старейший кардинал, Джованни Гаэтано Орси-ни, стоявший во главе антифранцузской партии, господствовал на собрании, но тактично предложил единственного кардинала, который не был ни итальянцем, ни французом, португальца Джованни Пьетро Юлиани. К его предложению прислушались. Кардинал Юлиани был избран в начале сентября и возведен на папский престол 20 сентября в Витербо под именем Иоанна XXI. Король Карл прибыл на церемонию в Витербо и принес ему присягу за

Сицилийское королевство.[217]

Папа Иоанн был лично расположен к Карлу и позволил ему сохранить за собой сенаторство в Риме и наместничество в Тоскане. Он любезно отлучил от церкви врагов Карла, гибеллинов, в Пьемонте, но в то же время отправил туда послов, чтобы договориться о перемирии для сицилийского короля. Иоанн запретил королю Рудольфу появляться в Италии до тех пор, пока чиновники Римского короля не прекратят принуждать города Романьи признать его своим сюзереном. Он лично одобрил договор, подписанный 18 марта следующего года, согласно которому Мария Антиохийская продавала Карлу свои права на иерусалимский престол.[218] Но больше Иоанн ничего не сделал. Карл надеялся возродить свою власть в Северной Италии. Победы его войск над пизанцами в сентябре 1275 г. и в июне 1276 г. укрепили его власть в Тоскане. За Апеннинами гвельфские города к югу от реки По, такие как Парма, публично объявили о своей преданности Церкви и королю Карлу[219], а по другую сторону реки в 1277 г. был свержен своими же подданными тиран Наполеоне делла Торриани. Его семья правила Миланом тридцать шесть лет, но он сам, пытаясь снискать расположение Рудольфа, отказался от традиционной политики своей семьи, поддерживавшей дружбу с Карлом. Вместо него миланцы передали бразды правления своему архиепископу, Отто Висконти.[220] Рудольф же пока не собирался вторгаться в Италию. Не только потому, что Папа запретил ему появляться в Италии, но и потому, что в июне 1276 г. он начал войну с Отакаром Чешским. Он победил, мирный договор, который должен был быть скреплен двумя свадьбами его детей с детьми Отакара, был подписан в октябре 1276 г. Согласно договору Отакар уступал герцогства Австрию, Штирию, Каринтию и Карниолу и признавал Рудольфа своим сюзереном в Чехии и Моравии. Это могло серьезно усилить влияние Рудольфа, но он был полностью поглощен установлением порядка в своих новых провинций, а вскоре стало ясно, что Отакар не собирается соблюдать договор.[221]

Для Карла это был благоприятный момент. Но Папа не стал ему помогать. Напротив, архиепископ Милана и другие гвельфские руководители в Северной Ломбардии признали свою вассальную зависимость от Рудольфа. Папство хотело, чтобы дверь в Италию была открыта для германского короля, а Карл не смог снова стать слишком могущественным.[222]

Не слишком помог Карлу Папа и с его планами относительно Константинополя. Церковную унию, столь обрадовавшую Папу Григория

X, оказалось не так легко осуществить, как мнилось прелатам, участвовавшим в Лионском Соборе. Император Михаил искренне стремился выполнить свои обязательства. В отличие от большинства византийских императоров, он не слишком интересовался богословием и считал, что политические преимущества унии полностью оправдывают любые унижения, которые может претерпеть его Церковь. Лишь немногие его подданные были с ним согласны. Иосиф, патриарх Константинополя, отказался иметь дело со сторонниками унии. Синод, составленный из сторонников императора, сместил патриарха и назначил на его место выдающегося теолога Иоанна Векка, который был искренне убежден в правомерности унии. Но у Векка не было никаких последователей, кроме епископов, избравших его по приказу императора. Сын Михаила Андроник был вынужден поддержать своего отца, но, как показало время, его теологические изыскания склонили его против Римской церкви. Дворцовую оппозицию возглавила сестра императора, Евлогия, могущественная вдова и до недавнего времени ближайший советник Михаила. Одна ее дочь была болгарской царицей, другая — женой Эпирского деспота, и обе они разделяли взгляды своей матери. Монастыри, младшее духовенство и подавляющее большинство мирян по всей империи были глубоко шокированы самой идеей унии. После разграбления Константинополя католиками прошло только два поколения. Еще были живы многие мужчины и женщины, помнившие, как жестоко обошлись латинские завоеватели с Православной церковью. До них все еще доходили истории о гонениях в Латинской Греции и на Кипре. Нельзя было ожидать от них признания примата Рима. Сторонний наблюдатель мог бы справедливо усомниться в том, что политика унии, проводимая императором Михаилом, останется неизменной. [223]

Об этом было известно при папском дворе. Ведь Михаил сам намекнул Папе о своих проблемах. Византийское посольство, прибывшее в Италию прямо перед смертью Григория X, умоляло его немедленно начать крестовый поход против язычников, а тем временем отлучить от церкви врагов императора. Чтобы принять унию, было необходимо незамедлительно привести какой-то реальный довод в ее пользу. Иннокентий V ответил, что крестовый поход действительно неизбежен, но отложил в долгий ящик вопрос об отлучении, поскольку это означало бы нанесение оскорбления королю Карлу и католическим правителям в Греции. Ведь под давлением Карла Иннокентий слегка изменил свою позицию по отношению к Константинополю. Иоанн XXI вернулся к политике Григория. Он отправил делегацию из двух епископов и двух

доминиканцев в Константинополь с письмом для императора, где требовал лично засвидетельствовать свою преданность Римской церкви; письмом для сына императора; и общим письмом для патриарха и духовенства с требованием подчинения и заверениями в его дружеском участии. Михаил в ответ прислал копию своей присяги в пользу унии, которую он принес публично. Андроник написал о своем стремлении к унии, а патриарх Иоанн Векк и его епископы подписали документ, подтверждающий их веру в превосходство папского престола и добавление *filioque* к «Символу Веры». Но формулировка была не такой четкой, как, возможно, хотелось бы римлянам, и ходили слухи о том, что некоторые византийские епископы отказались подписать документ и их подписи были фальсифицированы императорским нотарием. Однако Папа Иоанн был удовлетворен и запретил Карлу предпринимать что-либо против Константинополя.[224]

Требование Папы о заключении перемирия между Карлом и императором не предотвратило их столкновения в Греции и Албании. Императору Михаилу было необходимо подкрепить свою религиозную политику военными успехами и расширением империи, чтобы вынудить принять ее свой непокорный народ. Зная, что Карлу запрещено нападать на Константинополь, он решил атаковать войска Карла в Греции. Летом 1274 г., прежде чем его посланники вернулись с Лионского Собора, Михаил направил армию в Албанию, где она захватила крепость Берат и морской порт Бутринто. В октябре византийцы взяли в осаду Авлону и Дураццо, где жил главнокомандующий армии Карла, Наржо де Туси. Казалось, албанское королевство вот-вот рухнет. Подкрепление прибыло из Италии, и оба города на тот момент были спасены.[225]

Весной 1275 г. Михаил, воодушевленный собственным успехом, отправил армию и флот под предводительством своего брата, кесаря Иоанна, победителя в битве при Пелагонии, в Центральную Грецию, чтобы сокрушить незаконнорожденного эпирского правителя, Иоанна Навпатраского, и его латинских союзников. Поход против Иоанна закончился провалом. Византийская армия почти полностью состояла из куманских и турецких наемников, которые оскорбили местное население и своих греческих союзников, разграбив монастыри; к тому же греческие солдаты сами не хотели сражаться против греков, состоявших в армии князя. Кесарь дошел до самого Навпатраса, где обнаружил, что к врагу присоединился Иоанн, герцог Афинский, с тремя сотнями лучших рыцарей из франкской Греции. В последовавшей битве императорская армия, хоть и значительно превосходила противника численностью, рассеялась при

первой же атаке латинян. Кесарь был вынужден бежать вместе со своим флотом.

Несколько дней спустя византийский флот под командованием Алексея Филантропеноса столкнулся с латинским флотом у берегов Деметрии в заливе Воло. Вражеские корабли принадлежали частично венецианцам, частично — латинским правителям Эвбеи, которые почти все были родом из Ломбардии. Корабли были снабжены деревянными башнями, что делало их похожими на плавучие крепости, и экипаж каждого корабля был необычайно многочислен. Сперва они успешно атаковали. Филантропенос был серьезно ранен и переправлен на берег, его флагманский корабль был захвачен врагами, а другие суда византийцев, понесшие серьезные потери, были отброшены к берегу. В этот момент кесарь Иоанн подоспел с теми, кто уцелел в битве на суше. Они спешно укомплектовали корабли и вышли обратно в море сражаться с латинским флотом. Застав латинян врасплох, византийцы легко победили. Все латинские корабли, кроме двух, были ими захвачены. Но кесарь чувствовал себя недостаточно сильным, чтобы закрепить свою победу. Он вернулся со своими войсками в Константинополь, где оставил государственную деятельность, стыдясь, как он объяснил, своего поражения при Навпатрасе, но также, возможно, и потому, что не одобрял религиозную политику своего брата.[226]

Битва при Деметрии оставила контроль над Эгейским морем за византийцами. Когда пришло это известие, венецианские послы, находившиеся в Константинополе для обсуждения нового договора с императором, поспешили подписать договор на два года. На следующий год, в 1276 г., Михаил решил предпринять еще одну попытку против Центральной Греции. И снова его войска были разбиты Иоанном Навпатраским. И снова византийский флот одержал победу на море. Михаил назначил своим адмиралом итальянского авантюриста из Виченцы по имени Ликарио. Ликарио приехал на Эвбею молодым честолюбивым наемником и вскоре завоевал блестящую репутацию. Но он оскорбил местных правителей из Ломбардии тем, что хотел жениться на хорошенькой вдове, занимавшей гораздо более высокое положение в обществе, чем он сам. Изгнанный с Эвбеи, он захватил городок Каристос и превратил его в пиратское логово. Затем приехал в Константинополь и произвел сильное впечатление на императора своим умом. Михаил предложил ему командование частью византийских войск и кораблей и пообещал, что отдаст ему всю Эвбею в качестве феода, когда тот завоюет ее. Латиняне еще не оправились после поражения, которое потерпел их

флот при Деметрии, они не могли ни воспрепятствовать переговорам Ликарио с Константинополем, ни помешать ему захватить Спорады. На самой Эвбее он брал крепость за крепостью. Ему оказал сопротивление только городок Негропонт (или Чалкис), столица острова, а поражение византийцев при Фарсалосе лишило его необходимого сухопутного подкрепления. Но во время сражения у стен города Ликарио смог захватить в плен самого герцога Афинского и многих других латинских сеньоров. Он торжественно передал их в руки императора, который в награду женил его на богатой гречанке и пожаловал звание адмирала. Следующие несколько лет Ликарио властвовал на всей Эвбее, за исключением Негропонта, и регулярно совершал набеги на своих латинских соседей, прерываясь только для того, чтобы помочь императору в походе против турок. Когда венецианцы продлили договор с императором в 1277 г., они попросили у него защиты от Ликарио.[227]

Южнее, на Пелопоннесе, византийские войска в 1275 г. одержали маленькую победу, разбив объединенные войска князя Гильома и Карла Анжуйского. Их командир, Жоффруа де Брюйер, один из немногих франков, пользовавшийся уважением также и у греков, умер от дизентерии прямо перед битвой. Эта победа позволила императору укрепить свое влияние в Лаконии, на юго-востоке полуострова.[228]

Таким образом, к 1277 г. владения Карла и его влияние на востоке Адриатики становились все более уязвимыми. Он, как никогда, хотел отомстить за поражения императору, устроив большой поход на Константинополь. Возможность вступить во владение Иерусалимским королевством служила слабым утешением. 7 июня 1277 г. Рожер де Сан Северино, граф Марсико, прибыл в Акру с шестью галерами и представил местным властям письма, подписанные Карлом, Марией Антиохийской и Папой Иоанном XXI, с требованиями передать ему, как представителю Карла, город и королевство. Законный король Иерусалима, король Гуго Кипрский, покинул Акру в сильном раздражении за семь месяцев до того. Он так и не смог прекратить стычки между знатью королевства и купцами Акры, между двумя крупными рыцарскими орденами — тамплиерами и госпитальерами, и между венецианскими и генуэзскими колониями. Когда тамплиеры публично посмеялись над его властью, Гуго уплыл на Кипр, назначив своего кузена Бальяна д'Ибелена своим бальи (королевским наместником). Бальян не знал, что делать. Высшая курия королевства не признала притязания Марии на трон; но даже если бы и признала, то не позволила бы ей распоряжаться королевскими правами, не

посоветовавшись с аристократией. Но никто из баронов не был готов с оружием в руках защищать права короля, бежавшего из страны. Орден тамплиеров, который давно враждовал с Гуго, приветствовал посланника Карла, тем более что магистр ордена, Гиль-ом де Боже, был кузеном сицилийского короля. Это настроило госпитальеров против него, но они, как и члены Высшей курии, не были готовы сражаться за бежавшего монарха. Патриарх Иерусалима Фома да Лентино не любил тамплиеров, но не мог действовать вопреки распоряжениям Папы. Венецианцы, на время вытеснившие генуэзцев из Акры, видели в Карле потенциального союзника в борьбе против Константинополя и знали, что он враждует с генуэзцами, поэтому они взяли его сторону. В результате Бальян уступил цитадель Акры Рожеру де Сан-Северино, выразив, однако, свой протест. Рожер водрузил знамя Карла на башне и объявил его королем Иерусалимским, затем он приказал баронам принести феодальную присягу посланцу своего короля. Они медлили, настаивая на том, что сначала кипрский король должен освободить их от принесенной ему клятвы верности, но когда они отправили Гуго письмо с просьбой о совете, тот не ответил. Наконец, Рожер, потеряв терпение, объявил, что конфискует земли у любого, кто откажется принести присягу. Тогда бароны подчинились. Карл получил новое королевство, избежав кровопролития. Но это было бесполезное приобретение. От государства, основанного первыми крестоносцами, осталась прибрежная полоска сто миль в длину и не больше десяти миль в ширину, протянувшаяся от горы Кармил до реки Дог к северу от Бейрута. Чуть севернее было еще одно государство крестоносцев — менее протяженное в длину, но несколько больше в ширину — графство Триполи. Но граф Триполи, бывший князь Боэмонд VII Анти-охийский, хотя и признал Карла королем Иерусалимским, отказался признавать его своим сюзереном. Королевство, конечно, приносило некоторый доход от торговли с внутренними районами материка, при условии поддержания мира, но большая часть прибыли уходила к итальянским купцам или к рыцарским орденам, чьи замки контролировали приграничные таможни. Король даже не владел ни одной крепостью в королевстве, кроме самой Акры. Единственное, что Карл получил, — это необходимость держать войска на Востоке без всякой пользы для своей казны. Эта его удача не принесла ему ничего, кроме престижа.[229]

Папство также не получило никакой выгоды от этой сделки. Карл не собирался подвергать опасности свои новые владения и начинать крестовый поход против язычников. Главной державой Ближнего Востока в то время был мамлюкский султанат в Египте. Мамлюки добились

господства в мусульманском мире, одержав решающую победу над монголами при Айн-Джалуде в 1260 г. Грозный султан Бейбарс, получивший трон вскоре после этой битвы, за последние пятнадцать лет завоевал все владения в глубине материка, оставшиеся под властью крестоносцев, и разгромил Антиохийское княжество, с давних пор принадлежавшее латинянам. Остатки королевства оказались в его власти. Но монголы все еще были сильны, несмотря на то что битва при Айн-Джалуде помешала их наступлению на Палестину и Египет. Монгольский ильхан, правивший Персией (подчиняясь при этом сюзеренитете Великому хану Монголов), контролировал всю территорию между Афганистаном, Кавказом и Сирийской пустыней. Было известно, что монголы сочувствуют христианам и готовы присоединиться к любому союзу против мамлюков, что подтвердило их посольство на Лионском Соборе. Многим христианам, в том числе и Папам, пришедшим на смену Григорию, такой союз казался спасением. Но Карл думал иначе. Союз с монголами поддерживали генуэзцы, которые практически

владели монополией на торговлю с ними в Черном море и в Северной Сирии. Соответственно, против этого союза выступали венецианцы и Карл, который тоже не хотел обогащения Генуи. Кроме того, тамплиеры, на которых опирался Карл, всегда склонялись к союзу с мамлюками. Тамплиеры на тот момент были главными банкирами на Востоке, и многие мусульманские правители входили в число их клиентов. Они считали, что мамлюки, если их не провоцировать, не станут нарушать сложившееся положение дел, представлявшее для них финансовую выгоду. Так что Карл дал своим чиновникам в Акре указания сохранять мир с Бейбарсом и демонстрировать ему всяческое дружелюбие. Карл очень хотел, чтобы мамлюки поняли, что смена режима в Акре не принесет им никакого вреда. Им двигало не только желание сохранить обретенную власть. Эмир Туниса поддерживал связь с Каиром. Узнав, что Карл состоит в дружественных отношениях с султаном Бейбарсом, он продолжил бы регулярно платить дань Неаполю, а Карл нуждался в деньгах.[230]

Единственным правителем в Юго-Восточном Средиземноморье, к кому Карл испытывал неприязнь, был король Гуго III Кипрский. Папы — преемники Григория вынуждены были напомнить Карлу, что он не имеет права нападать на Кипр, к крайнему его разочарованию, поскольку это была бы богатая и выгодная добыча.[231]

Папская политика мешала Карлу, но он был человеком упорным. Он не без оснований надеялся, что рано или поздно церковная уния прекратит

существование. Карл полагал, что у короля Рудольфа слишком много проблем в Германии с такими врагами, как, например, чешский король Отакар, чтобы всерьез заняться Италией, и папство вскоре поймет, что Карл его самый драгоценный союзник. Он все еще надеялся на Папу Иоанна XXI, когда узнал о его внезапной смерти. Папа приказал пристроить новое крыло к своему дворцу в Витербо. Приказ был выполнен небрежно. 12 мая 1277 г. на Иоанна обрушился потолок, когда он спал в своей новой спальне. Он получил ужасные ранения и умер восемь дней спустя.

Когда Папа умер, Карл лежал больной в Южной Апулии. Он не мог поспешить на север, но надеялся, что выборы нового Папы будут отложены. Среди немногочисленных деяний Папы Иоанна была отмена принятых на Лионском Соборе постановлений о содержании кардиналов на конклаве взаперти с ужесточением условий жизни до тех пор, пока не будет избран новый Папа. На момент смерти Папы только восемь из одиннадцати кардиналов находились в достаточной близости от Витербо, чтобы принять участие в выборах. Четверо из них были итальянцами и четверо — французами. Они не могли прийти к соглашению. Кардиналы пререкались в течение шести месяцев, пока разгневанные жители Витербо не заперли их в папском дворце, дав понять к тому же, что хотели бы избрания итальянца. Французские кардиналы сдались. 25 ноября 1277 г. кардинал Джованни Гаэтано Орсини был избран Папой и взял имя Николай III.[232]

Новый Папа уже давно был старейшим кардиналом среди своих собратьев. Он получил кардинальский сан от Иннокентия IV в 1244 г. В коллегии он возглавлял умеренную гвельфскую антифранцузскую партию. Николай принадлежал к одной из родовитейших римских семей и сильнее, чем Риму, он был предан только своей семье. Позднее писатели жестоко критиковали его за непотизм✧AI⊙ в сочетании с алчностью. Данте поместил его в Ад, в яму для симонитов✧AT!⊙, где Николай раскаивался в том, что способствовал продвижению и обогащению «медвежат» — наследников дома Орсини, эмблемой которого был медведь. Историк Джованни Виллани полагал, что вся политика нового Папы строилась на затаенной им злобе против Карла Анжуйского. Якобы когда Папа предложил одну из своих племянниц в жены одному из сыновей или племянников сицилийского короля, Карл ответил, что Орсини недостойны породниться с королевским домом Капетингов. Эта история ничем не подтверждается. Но достоверно известно, что, когда Николай назначал новых кардиналов через несколько месяцев после своего вступления в

должность, он отдал одну кардинальскую шапку своему брату Иордану, а другую — своему племяннику Латино Малабранка, а лучшие посты в своем окружении — другим членам своей семьи. Возможно, родственники были единственными его друзьями, которым он мог доверять. Современники считали Николая человеком безупречных моральных качеств и широких политических взглядов.[233]

Тем не менее Николай был не тем Папой, какой мог бы угодить Карлу. Сицилийский король оправлялся от болезни, что дало ему повод не спешить с принесением присяги новому Папе за свое королевство. Папа же написал Карлу сочувственное письмо, в котором он осведомлялся о здоровье Карла. Каждый мог, сохраняя учтивость, подождать и посмотреть, как поведет себя другой.[234] Карл испытывал определенную неуверенность в отношении Николая. Не позже чем в первые две недели своего правления Папа написал в доброжелательном, но настойчивом тоне письмо королю Рудольфу, в котором просил его отозвать своих чиновников из папской вотчины в Романье. Письма предыдущих Пап не дали никаких результатов. Но в этот раз Рудольф, который был втянут в войну с Отакаром Чешским, выполнил требование Папы. Николай обратился к Карлу и потребовал, чтобы тот отказался от поста римского сенатора. Он напомнил Карлу, что его назначили на этот пост в 1268 г. сроком только на десять лет. Карл также должен был отказаться от поста имперского наместника в Тоскане. Дела Карла в Пьемонте все еще шли неважно. Он не мог себе позволить ссориться с Папой, который к тому же прочно обосновался в Риме среди друзей. Когда Николай подтвердил отлучение от церкви врагов Карла в Италии, тот согласился принести присягу Папе. Их встреча состоялась в Риме 24 мая 1278 г. После церемонии Карл пообещал отказаться от сенаторства и наместничества в течение четырех месяцев. Чтобы вознаградить его, Николай отказался принять посольство гибеллинов из Ломбардии, сказав, что он слишком занят.[235]

Упрочив таким образом свое влияние на Карла и Рудольфа, Николай постарался примирить их, чтобы установить мир в Европе. Больше всего проблем создавала французская королева-мать Маргарита. Рудольф обещал ей графство Прованс, и, хотя ее сын, король Филипп, больше не поддерживал свою мать, она нашла общий язык с племянником, королем Эдуардом Английским. Летом 1278 г. послы Маргариты договорились с Рудольфом о том, что его старший сын Гартманн женится на дочери короля Эдуарда Иоанне. Затем Гартманн должен быть признан наследником своего отца и, если возможно, возведен на престол Римского короля, как только

Рудольф станет императором. Если же право наследования Гартманном императорского титула окажется под сомнением, то ему и Жанне должно быть пожаловано Арелатское и Вьеннское королевство, включая Прованс, в качестве наследственного владения. И Эдуард и Рудольф были необычайно довольны этим соглашением. В августе Рудольф наконец разбил Отакара в Моравии при Дюрнкруте. Отакар был убит в бою. Месяц спустя все чешские аристократы подчинились Рудольфу и признали его опекуном молодого сына Отакара, Вацлава, который был зятем Габсбурга. Теперь у Рудольфа появилась возможность вторгнуться в Италию или в Прованс.[236]

Папа был на стороне Карла. Осенью и зимой 1278 г. он поддерживал связь с Карлом и с Рудольфом, поощряя первого и увещевая второго. Рудольф все еще надеялся на императорский престол, который был для него важнее, чем Арелатское королевство. Но он не хотел отказываться от своих прав, не получив должных гарантий. Николай столкнулся с определенными трудностями в поисках условий, которые принял бы Рудольф. Карл оказался более сговорчивым, но он дорожил Провансом и не собирался его терять. У Николая было много проектов. Его заветной мечтой было передать германский престол в наследственное владение Рудольфу, ограничить влияние Карла Южной Италией, полностью передать Арелатское королевство младшему внуку Карла, Карлу Мартелу, когда тот женится на дочери Рудольфа Клеменции, сделать Северную Италию королевством и пожаловать ее династии Орсини. К сожалению, ни ломбардцы, ни тосканцы не проявляли никакого желания оказаться под управлением Орсини, и нельзя было ожидать от будущего императора, кто бы им ни стал, что тот добровольно откажется от контроля над исторически принадлежавшими империи землями к югу от Альп.[237]

Но стороны все-таки пришли к соглашению летом 1279 г. Права империи в Италии были признаны и Рудольфу пообещали императорскую корону. Но он не должен был вмешиваться в дела Романьи, и Папа, похоже, собирался взять на себя функции имперского наместника в Тоскане. Рудольф признал Карла графом Прованса, но тот должен был принести ему феодальную присягу. Арелатское королевство следовало восстановить, разумеется исключая Прованс, и передать старшему сыну сицилийского короля, князю Салернскому, который должен был сохранить Прованс для Карла Мартела и Клеменции, к которым графство должно было перейти, когда они достигнут подходящего возраста.

Надо было уладить несколько вопросов. Важно было не обидеть Эдуарда Английского. К счастью для миротворцев, смерть сына Рудольфа,

Гартманна, сняла вопрос о его помолвке с английской принцессой, в то время как Эдуард был занят разрешением ряда проблем в Британии. Но Эдуард был недоволен и, похоже, винил во всем французский двор. Успокоить королеву Маргариту оказалось еще труднее. И Папа, и король Рудольф написали ей весной 1280 г., чтобы заверить, что переговоры не несут ущерба ее притязаниям на Прованс. Не получив поддержки от своего сына, короля Филиппа, она лишилась возможности протестовать далее. Тем не менее она собиралась помешать образованию Арелатского королевства для сына Карла Анжуйского.[238]

Договор между Карлом и Рудольфом был подписан только к маю 1280 г. после серии писем, которыми обменялись договаривающиеся стороны. Карл между тем выказывал необычайное повиновение по отношению к Папе. 30 августа 1278 г. он написал своим представителям в Риме, чтобы те передали римлянам крепости и тюрьмы, находившиеся под их контролем, и формально отказался от должности сенатора в пользу Папы. Папа тут же добился назначения для своего брата, Маттео Орсини. В то же время Карл отказался от наместничества в Тоскане. На его место Николай назначил своего племянника, кардинала Малабранка, до тех пор, пока не прибудет император, который может назвать другого наместника. Потом Николай обратился к Карлу, чтобы тот помог ему восстановить порядок в Романье. Чиновники короля Рудольфа оставили провинцию, но усмирить гибеллинов было не так просто. У племянника Папы, Бертольдо Орсини, который был направлен туда в качестве наместника, было мало войск. Карл, обрадованный возможностью сразиться с гибеллинами прикрываясь интересами папства, послал ему на помощь одного из своих лучших военачальников, Гильома Эстандара, с тремя сотнями всадников. С его помощью Папа восстановил контроль над землями на юге от реки По, несмотря на то что у мятежников была поддержка нескольких ломбардских городов, в том числе — Милана, чей архиепископ перешел на сторону гибеллинов.[239] Карлу было необходимо таким образом восстановить свой престиж, поскольку он потерял свои последние владения в Пьемонте. В Тоскане, где Папа вынудил Карла отказаться от своих полномочий, кардинал Малабранка изменил политику и вернулся к политике, проводимой Григорием X. Флоренция назначила Папу своим синьором и подтвердила изгнание гибеллинов. Еще несколько городов присоединились к всеобщему миру. Король Рудольф в качестве избранного императора направил в Тоскану своего наместника, которому было дозволено собирать определенные пошлины, но у которого не было никаких политических

полномочий. [240]

Причиной проявленного Карлом почтения была отнюдь не любовь к Папе. Ни он, ни Николай не питали особого доверия друг к другу. Им обоим просто было удобно работать вместе, а политика Папы не так уж и ослабила Карла. Он сохранил за собой Прованс, и у него была возможность в перспективе получить Арелатское королевство для своих потомков. Поскольку он стал меньше занят в Северной Италии, он значительно поправил свое финансовое положение. В 1280 г. он был богаче, чем пять лет назад. Карл снова мог себе позволить планировать поход на Константинополь.[241]

Папа все еще запрещал этот поход, но церковная уния продвигалась не слишком успешно. Папа начинал общаться с императором Михаилом в более суровом тоне. По некоторым признакам можно было предположить, что дело идет к разрыву, и тогда Карл сможет вернуться к своему проекту.

Посланники, отправленные Михаилом в Италию с грамотами о подчинении Римской церкви от него и от его духовенства, прибыв на место, узнали, что Папа Иоанн XXI умер. Посланники отдали документы на хранение кардиналам и вернулись домой. Когда Папа Николай ознакомился с текстом, то счел его неполным. До него дошли вести из латинской колонии в Галате, расположенной за бухтой Золотой Рог, о том, что в церквях Константинополя не читается римская версия «Символа Веры» и церковные обряды совершенно не изменены. В октябре 1278г. Папа решил отправить посольство к императору, чтобы настоять на более строгом подчинении. Он очень аккуратно составил инструкции для своих нунциев. Им следовало сердечно приветствовать императора, затем жестко напомнить ему, что уния не допускает расхождений. Императору приказывали выполнить десять пунктов: император и его сын должны переписать свои грамоты о подчинении Римской церкви, употребляя точные формулировки о «Символе Веры», как было установлено на Лионском Соборе; Михаил должен заставить Патриарха и всех прелатов своей церкви твердо придерживаться того же «Символа Веры»; Filioque следовало включить в «Символ Веры» во всех церковных службах; ни один из греческих церковных обрядов не мог быть сохранен, пока папский престол не сочтет, что он не идет вразрез с истинной верой; нунции должны посетить все главные учреждения в империи, чтобы убедиться, что эти указания соблюдаются; все греки должны попросить у нунциев отпущение за свои заблуждения; нунции должны принять исповедь, минуя греческое духовенство, у любого, кто захочет исповедаться; император

должен пригласить постоянного кардинала-легата в империю; всех противников унии следовало отлучить от церкви; патриарх и все епископы должны были обратиться к Папе за подтверждением своих полномочий.[242]

Все эти требования настолько не совпадали с условиями, принятыми на Лионском Соборе, что казалось, будто Николай сознательно пытался помешать унии. Нунции, во главе с Бартоломео, епископом Гроссето, прибыли в Константинополь весной 1279 г. Михаил пришел в глубокое замешательство, когда ему изложили новые условия. Но он искренне полагал, что реализация унии — верный политический шаг, и приложил все усилия, чтобы повиноваться желанию Папы. Теперь уже почти вся Византия была против него. Поняв, что убеждать подданных бесполезно, Михаил попробовал более суровые меры для уничтожения оппозиции. Бывшему патриарху Иосифу прежде было позволено мирно жить в своем монастыре в Константинополе, он был в дружеских отношениях с новым патриархом, Иоанном Векком, но по-прежнему отказывался принять унию. Тогда Иосиф был сослан на одинокий остров в Черном море. Его тут же стали считать мучеником, и число его сторонников возросло. Михаил уже оскорбил византийское духовенство в 1266 г., когда сместил патриарха Арсения за то, что тот отказался отпустить ему грех ослепления маленького императора Иоанна Ватаца. Теперь партия сторонников Арсения объединилась с партией Иосифа. Церковные и политические деятели, выступавшие против унии, были смещены со своих постов. Многих из них заключили в тюрьму, другие бежали в изгнание, уверенные, что их с радостью примут при болгарском дворе сестра императора Евлогия и ее дочь, болгарская царица. В Эпире другой зять Евлогии, деспот Никифор, отказался признать унию и воспользовался ее непопулярностью, чтобы вытеснить войска Михаила из Бутринто. Южнее дука Иоанн Навпатраский, обязанный своей независимостью союзам со своими латинскими соседями, выступил как поборник православия. Он созвал синод из всего духовенства в Греции в 1277 г., этот синод предал анафеме императора, патриарха и Папу. За этим последовал открытый мятеж против императора в Македонии, и когда Михаил отправил войска для подавления мятежников, армия проявила такое очевидное сочувствие их делу, что Император поспешил отозвать солдат обратно в Константинополь.

Последовал ряд арестов в столице. Были арестованы даже члены императорской семьи, включая племянников императора — Андроника Палеолога, сына его брата, и сына Евлогии, Иоанна. Были приняты более жесткие меры в отношении епископов, подозреваемых в неискреннем принятии унии. Принятые императором меры только дали его противникам

мучеников и ожесточили их сопротивление. Патриарх Иоанн Векк умолял Михаила обуздать свою жестокость. Михаил пришел в ярость и приказал Иоанну оставить патриарший престол. Но поскольку в Константинополе ждали папских легатов, о его отставке не было объявлено публично, чтобы избежать недоразумений.

Легаты прибыли в Константинополь поздней весной 1279 г. после встречи с императором в Адрианополе, куда он приехал, чтобы восстановить порядок в своей мятежной армии. Император заверил легатов в личной преданности унии и вместе со своим сыном подписал новую грамоту о подчинении Римской церкви, в которую был включен «Символ Веры», принятый на Лионском Соборе. Он доказал свою искренность, показав легатам тюрьмы, где они могли сами увидеть, насколько строго были наказаны враги унии, пусть даже имеющие знатное происхождение. Вскоре легаты узнали, что император рассорился с Векком, и благоразумно настояли на том, чтобы патриарху вернули расположение. Но императору не удалось убедить легатов в том, что уния действительно принята его подданными. До встречи духовенства империи с легатами Михаил устроил тайное собрание, на котором открыто говорил со своими епископами. Он рассказал им о новых требованиях Папы, некоторые из которых, как, например, приглашение постоянного кардинала-легата, противоречили обещаниям, данным Григорием X. Император заверил их, что им самим не надо изменять свой «Символ Веры», он не станет на этом настаивать, даже если это приведет к войне со всеми итальянцами. Но, сказал он, некоторые уступки необходимы при сложившемся кризисе. Когда бушует шторм, мудрый капитан, не колеблясь, выбрасывает за борт часть груза. Следует проявить такт; на охоте не поднимают шума, чтобы не спугнуть зверя. Метафоры императора возымели успех. Когда легаты изложили свои требования перед церковным собранием, их выслушали учтиво и спокойно. Затем епископы стали составлять заявление о «Символе Веры», в котором об исхождении Святого Духа говорилось невероятно длинно и со всеми нюансами богословских формулировок, которыми изобиловал греческий язык и которые было совершенно невозможно перевести на латынь. Заявление подписали все присутство-вавшие епископы, хотя говорили, что некоторые подписи были подделаны императором. О других требованиях Папы не упоминалось. Легатов отправили обратно в Рим с этим документом и с личной грамотой императора и его сына, а также с рядом устных обещаний касательно того, что пожелания Папы будут выполнены. В залог своей добросовестности император настоял на том, чтобы легатов сопровождали двое греческих епископов, Игнатий и Мелетий,

возглавлявшие оппозицию. Император просил Папу наказать их по своему разумению.[243]

Папа Николай был недоволен отчетом легатов, но не стал предпринимать враждебных действий против императора. Он проявил достойное восхищения благоразумие, отправив Игнатия и Мелетия обратно в Константинополь, сказав, что они произвели не него впечатление искренних и добродетельных людей, которых осудили ошибочно. Папа хотел показать, что не испытывает личного предубеждения или неприязни по отношению к грекам. Он продолжал запрещать Карлу нападать на Византийскую империю. Этот запрет, возможно, был следствием полученных им щедрых денежных подношений от Михаила. Алчность Николая III была известна, и всюду ходили слухи о том, что во время его понтификата византийское золото, переданное ему представителями императора, было основной причиной запретов для Карла.[244]

Но Карлу не пришлось долго терпеть эти ограничения. 22 августа 1280 г. Николай III умер от внезапного сердечного приступа в своем особняке в Сориано, неподалеку от Витербо. Кардиналы сразу же собрались в Витербо, чтобы избрать преемника. И снова итальянская и французская партии в коллегии оказались в равном соотношении. Итальянцы, однако, разделились, поскольку многие из них были возмущены концентрацией власти в руках семьи Орсини. Сам Карл предусмотрительно остался в Апулии, но его агенты в Риме и в Витербо раздували враждебные настроения против родственников покойного Папы. Конклав тянулся шесть месяцев. В начале нового года потерявшее терпение население Витербо взбунтовалось против кардиналов. Карл использовал беспорядки как повод для того, чтобы ввести в город войска, и с согласия жителей города заключил кардиналов во дворце до тех пор, пока те не примут решение. Кардиналы испугались. 22 февраля 1281 г. они избрали француза, Симона де Бри, кардинала церкви Св. Цецилии, который принял имя Мартина IV и был возведен на папский престол 23 марта в Орвьето.[245]

Новый Папа был давним другом французской королевской семьи. В юности он служил при дворе Людовика Святого. Урбан IV вручил ему кардинальскую шапку и назначил легатом во Францию, где тот активно участвовал в выборе кандидатуры Карла на сицилийский престол. Последнее время он возглавлял французскую фракцию в коллегии кардиналов, и все знали, что он поддерживает теплые отношения с Карлом. Мартин был страстным патриотом. Из семерых кардиналов, назначенных им в первый же месяц после восшествия на папский престол, четверо были

французами, один англичанином и только двое итальянцами. Карл мог рассчитывать на радикальные перемены в политике папства. Преисполненный надежд, он в апреле отправился на север поприветствовать своего нового сюзерена в Орвьето.[246]

Карл не был разочарован. Папа Мартин был готов сделать все возможное, чтобы угодить своему соотечественнику. Он не считал, что папство должно играть роль третейского судьи для правителей христианского мира; не любил германцев — и короля Рудольфа в частности; не доверял итальянцам и не собирался позволять им править самостоятельно. Христиане Востока не значили для него ничего, кроме разве что возможности возобновить французскую империалистическую экспансию. Первым итогом встречи Папы с Карлом было восстановление короля на посту сенатора Рима. Семья Орсини впала в немилость. На место родственников покойного Папы Карл назначил троих провансальцев: Филиппа де Лаверна, Гильома Эстандара и Жоффруа де Драгона. Карлу было также предложено прислать войска и чиновников в другие области папского государства. Это было необходимо, поскольку изменение политического курса папства побудило гибеллинов к действию — под предводительством Гвидо да Монтефельтро они организовали восстание в городе Форли. Папа направил против них войска Карла Анжуйского под предводительством папского наместника, провансальского канониста Гильома Дюрана, и с одним из самых искусных военачальников Карла, Жаном д'Эппом. Они осадили Форли и, хотя не добились особого успеха, все же смогли держать восстание под контролем.[247]

В Тоскане был смещен кардинал Малабранка, племянник покойного Папы, и мир между гвельфами и гибеллинами, которого ему удалось добиться, рухнул. Король Рудольф поспешил назначить нового императорского наместника, и его приезд вдохновил гибеллинов на мятеж. Пиза, Сан-Миниато, Сан Джиминьяно и Брешия принесли ему присягу, но попытка организовать восстание гибеллинов в Сиене в июле 1281 г. провалилась.[248] Императорского наместника не пустили ни в один гвельфский город. При содействии Папы в начале следующего года вновь была сформирована Тосканская лига гвельфов. Но больше Мартин не позволял себе очевидного вмешательства в дела Тосканы. Севернее он мало чем мог помочь Карлу. Маленькая армия сицилийского короля, вторгшаяся в Пьемонт в мае 1281 г., была решительно разбита маркграфом Салуццо в Борго Сан-Далмаццо. После этого у Карла там остались лишь земли, расположенные в верховьях реки Стура, под перевалом Маддалены. Но

Карла больше не интересовал Пьемонт. Он решил, что эта область больше не представляет особой ценности для его империи. Если бы он все еще рассчитывал сохранить власть над Ломбардией, контроль над пьемонтскими перевалами был бы ему необходим. Там Карл также потерпел неудачу. Когда два ведущих члена семьи Торриани, прежде правивших Миланом, Гастоне, синьор Лоди, и Раймондо, патриарх Равенны, были разбиты Висконти в Ваприо 25 мая 1281 г., Ломбардия перешла на сторону к гибеллинам, подчинившись — пусть номинально — королю Рудольфу.[249]

Хоть Карл и Папа не слишком любили Рудольфа, они не хотели с ним ссориться, поскольку их планы относительно возрождения Арелатского королевства и передачи его семье Карла зависели от сотрудничества с Габсбургом. 24 мая 1281 г. Мартин издал буллу, в которой были зафиксированы все договоренности, заключенные его предшественником. Маленькая принцесса Клеменция Габсбург должна была прибыть в Италию, чтобы выйти замуж за внука Карла, Карла Мартела, а после свадьбы этих двоих детей должно было быть создано Арелатское королевство, и отец жениха, Карл, князь Салерно, должен был править им. В верховьях Роны было множество сеньоров, которым перспектива предстоящего господства Анжуйской династии была не по душе. Их негодование подогревала неутомимая противница Карла, королева-мать Маргарита. Осенью 1281 г. она организовала ассамблею в Труа. На ассамблее присутствовали ее зять, герцог Роберт Бургундский, Отто, граф Бургундии, со своим отчимом, старым графом Савойским, Жан де Белем, архиепископ Лиона, граф Шампани и несколько менее высокопоставленных сеньоров. Они планировали вместе собрать армию и встретиться в Лионе в мае следующего года, когда анжуйцы прибудут, чтобы вступить во владение Арелатским королевством. Но им требовалась помощь со стороны. Королева Маргарита ничего не могла добиться от своего сына короля Филиппа, который находился под влиянием своей второй жены, Марии Брабантской, и ее кузена, Роберта д'Артуа, восхищавшимися королем Карлом. Он также был раздосадован на свою мать за то, что она обожала своего английского племянника, короля Эдуарда. Но и Эдуард не собирался помогать тете. Он сочувствовал Маргарите, но не отважился бы ввязаться в войну с Францией. Король Рудольф, в чьем одобрении как сюзерена Арелатского королевства Маргарита нуждалась для осуществления своих планов, отказался нарушать свой договор с Карлом. Рудольфа устраивало решение, которое давало его дочери королевство, а ему самому, как он надеялся, свободу

действий в Северной Италии. К началу весны 1281 г. стало ясно, что сеньоры, которые были так преисполнены энтузиазма на встрече в Труа, неспособны к действию. Зато флот Карла Анжуйского собирался в Марселе, готовый отправиться вверх по Роне и взять власть в новом королевстве.[250]

Снова заполучив Рим, Карл упрочил свои позиции в Центральной Италии. Он рассчитывал на богатое королевство в долине Роны в дополнение к своим владениям в Провансе. Он был королем Иерусалимским и признанным лидером Латинского Востока. За время относительного спокойствия он поправил свое финансовое положение. Папа был готов сделать все, что Карл пожелает. Наконец, пришло время для крупномасштабного похода на Константинополь.

Под давлением Карла Папа Мартин без колебаний прекратил переговоры о церковной унии с императором Михаилом. У него были для этого некоторые основания. Из доклада легатов, отправленных еще Папой Николаем, стало ясно, что сами греки были решительно против унии, как бы искренне ни поддерживал ее их император. Затем пришли вести о горячих спорах и беспорядках в Константинополе. Условия, поставленные Папой Николаем, не были выполнены. Сам Михаил Палеолог все еще надеялся сохранить хорошие отношения с папством. Узнав об избрании Мартина, он отправил в Италию двух епископов — сторонников унии, митрополитов Гераклеи и Никеи, с тем чтобы они передали Мартину поздравления от Михаила и заверения в его преданности папскому престолу.[251]

Послы, прибывшие в Орвьето в ноябре 1281 г., были приняты холодно и пренебрежительно. Они застали там не только Папу, но и Карла. Четырьмя месяцами раньше, 3 июля 1281 г., Карл и его зять, законный латинский император Филипп, встретились в Орвьето с представителями Венецианской республики и, с благословения Папы, подписали договор о «Возрождении Римской империи, узурпированной Палеологом». Совместный поход был назначен на апрель 1282 г. По слухам, Карл должен был предоставить двадцать хорошо снаряженных военных кораблей, сто малых галер и транспорт для десяти тысяч всадников и их лошадей и для еще большего количества пехотинцев. Венеция предоставляла примерно такое же количество галер и военных кораблей. К походу также должны были присоединиться войска франкского княжества Ахейи. Пизанцам Папа велел предоставить корабли, и те с неохотой согласились прислать несколько. Только Генуя отказалась вступить в союз.[252] Когда наконец

византийские епископы получили аудиенцию, Папа обрушил на них гневные упреки в адрес их императора и всего его народа и отпустил их, вручив им копию буллы, подписанной им 18 ноября. В этой булле Папа объявлял Михаила еретиком и распространителем ереси, запретил всем христианским правителям поддерживать с Михаилом какую бы то ни было связь; к этому он добавил, что если Михаил не подчинится и не передаст свою империю Папе до 1 мая следующего года, то будет низложен и объявлен преступником.[253]

Уверенные в расположении Папы, Карл и его союзники не скрывали свои приготовления. Михаил уже был обеспокоен, но не ожидал такой полной перемены папской политики. Узнав о своем отлучении, он приказал исключить упоминание имени Папы из Божественной литургии и приостановил все меры, принятые им для того, чтобы навязать унию своим подданным. Но, несмотря на все свои недостатки, Михаил был искренним человеком. Он считал, что обязан придерживаться политики унии до конца своих дней, все еще надеясь, что когда-нибудь Папа может проявить больше понимания. А пока он приготовился к надвигающейся грозе.[254]

Она уже разразилась в Албании. Там в 1280 г. Карл захватил Бутринто у деспота Эпирского и отправил войска во главе с одним из самых доверенных своих полководцев, Гуго де Сюлли, по прозвищу Рыжий, в глубь страны. В течение осени 1280 г. эта армия отбросила византийцев в Берат. Осада Берата началась в конце сентября. Правитель Берата, Михаил Ангел, был родным братом незаконнорожденного Иоанна Навпат-раского, но в то же время он был зятем императора Михаила и был ему предан. Он попросил помощи у Константинополя. В ответ император послал такое большое войско, какое только смог, под командованием своего племянника и главнокомандующего, Михаила Тарханиота, но это войско добралось до Албании только к февралю. Тем временем Карл послал Сюлли подкрепление, включая осадные орудия, и приказал ему взять город штурмом. Гигантская скала, на которой расположен Берат, делала штурм затруднительным. Сюлли предпочел занять предместья и заставить гарнизон сдаться, заморив его голодом. Но он не смог преградить путь византийским вспомогательным войскам. Они прибыли в марте 1281 г. и встали лагерем на хорошей оборонительной позиции за рекой у подножия крепости. Оттуда они могли переправлять провизию и оружие на плоту через реку, а искусные скалолазы доставляли все в цитадель. В конце марта небольшой отряд Карла Анжуйского под предводительством маршала Албании, Полизи, был застигнут врасплох и уничтожен византийцами.

Несколько дней спустя, 3 апреля, Сюлли сам отправился на разведку к греческому лагерю. Солдаты Тарханиота сделали вид, что отступают, и заманили его в засаду. Во время боя Сюлли, человек крупный и тяжелый, легко узнаваемый по огненно рыжим волосам, упал с лошади и был взят в плен. Часть войска Карла Анжуйского поспешила через реку на помощь своему предводителю, но когда солдаты карабкались на берег, византийцы обрушились на них сверху, и те в панике бежали. Вскоре вся армия сицилийского короля обратилась в отчаянное бегство в сторону моря. Эта победа не только освободила Берат, но и дала императору контроль над всей внутренней частью Албании и северным Эпиром на юг до Янины. Но Карл сохранил контроль над прибрежными городами от Дураццо до Бутринто и Химары.[255]

Плененного рыжеволосого гиганта провели в цепях по улицам Константинополя; Михаил так обрадовался своей победе, что велел изобразить ее на фреске у себя во дворце.[256] Помимо этой победы у Михаила было мало поводов для радости, если не считать незначительные успехи на Пелопоннесе. Князь Гильом Ахейский умер в 1278 г. По условиям его договора с Карлом, княжество перешло к дочери Гильома Изабелле и ее мужу, сыну Карла Филиппу, и Карл начал править от их имени. Он направил в качестве своего бальи и генерального наместника француза Галерана д'Иври. Галеран в течение последних шести лет был сенешалем на Сицилии, где успел снискать всеобщую неприязнь. Не большего успеха он добился и на Пелопоннесе. Местная франкская знать была оскорблена его высокомерием. Он заполнил администрацию своими друзьями. Его войска безнаказанно разграбляли греческие деревни по всему княжеству. Его единственный поход на византийские земли на юго-востоке потерпел серьезную неудачу в ущельях Скорты в горах Тайгет. В 1280 г. делегация ахейских аристократов отправилась в Неаполь, чтобы настоять на отзыве Галерана. Следующим генеральным наместником стал Филипп де Лагонесс, который проявил себя как не очень удачливый военачальник в Пьемонте. Он повел себя более тактично по отношению к местным аристократам, но у него возникли некоторые трудности с тем, чтобы убедить их предоставить войска для большого похода на Константинополь. Византийские же земли на полуострове были пока оставлены в покое.[257]

Командующий флотом Карла в Эгейском море, Марко II Санудо, герцог Наксоса, служил Карлу не лучше. Он использовал корабли Карла, чтобы пиратствовать, причем с гораздо большим успехом грабил не

греческие, а латинские суда, поскольку те не ожидали, что он на них нападет. Тем не менее он был готов участвовать в походе на Константинополь.[258]

Новые дипломатические проблемы перевесили успехи политики Михаила в Греции. В Болгарии его племянница, царица Мария, которая была яростной противницей его религиозной политики, в 1279 г. отошла от дел. В 1277 г. с ее мужем, Константином Асенем, произошел несчастный случай во время верховой езды, и он серьезно пострадал. Тогда она убила своего пасынка, наследника Константина, чтобы обеспечить наследование своему собственному сыну, Михаилу. Но еще до конца года увечный царь был свержен и убит во время народного восстания под предводительством крестьянина Ивайло. Мария, после некоторых колебаний, вышла замуж за Ивайло, возвела его на трон и вскоре подчинила своему влиянию. Император Михаил послал армию, чтобы вместо Ивайло посадить на трон внука Константина Асеня, Ивана, бежавшего в Константинополь. Войска императора были разбиты, тогда он обратился за помощью к Ногаю, предводителю татар в русских степях, который был женат на внебрачной дочери Михаила. Ногай вторгся в Болгарию. Ивайло был пленен в начале 1279 г., а несколько месяцев спустя Мария и ее сын, Михаил Асень, сдались и были отправлены к императору. Иван Асень был возведен на престол, и ему в жены отдали дочь Михаила, Ирину. В Болгарии, однако, продолжались беспорядки, организованные аристократом Георгием Тертерием Раковским. По совету Византийского императора новый царь предложил свою сестру в жены Георгию, который согласился на брак, но сразу же начал интриговать против своего шурина. В то же время Ивайло вернулся в надежде вернуть себе трон при поддержке татарской армии. Царь Иван бежал с женой в Константинополь, чтобы попросить помощи у своего тестя; но Михаил Палеолог, потрясенный трусостью своего зятя, отказался его принять. Тогда Иван отправился к татарскому двору в надежде, что жена Ногая, его свояченица, поможет ему. Там он обнаружил Ивайло, который понял, что один он не сможет справиться с Георгием. Ногай вел переговоры с обоими просителями, а затем решил избавиться от обоих. Ивайло был убит, но Ивана Асеня предупредила свояченица. Он вернулся в Константинополь, где император сменил ревность на милость и пожаловал ему пост в имперской государственной иерархии. Тем временем Георгий Раковский, прекрасно понимавший сложившуюся дипломатическую ситуацию, отправил посольство в Италию, сообщив Карлу Анжуйскому, что он готов вступить с ним в союз, а также намекнув,

что он может подчинить болгарскую церковь Риму.[259]

Все усилия Михаила привели лишь к тому, что Болгария присоединилась к его врагам. Сербия же никогда не была в числе дружественных ему государств. Стефана Уроша I в 1276 г. свергнул его старший сын, Стефан Урош II Драгутин, при поддержке короля Венгрии, его шурина, и, возможно, с молчаливого согласия императора Михаила. Но Драгутин был слабовольным человеком. Однажды отрекшись от престола в пользу своего младшего брата и затем вернувшись на трон, он снова отрекся в 1281 г., получив от венгерского короля в качестве компенсации герцогство Боснию, где и провел остаток своих дней в тщетных гонениях на богомилов✧АТ⊙.

Его брат, Стефан Урош III Милутин, ставший его преемником, находился под влиянием своей матери Елены, дочери бывшего латинского императора Балдуина. Он вернулся к антивизантийской политике своего отца. В правление Драгутина Сербия придерживалась нейтралитета, но Милутин начал свое царствование с похода на Византийскую империю и осенью 1281 г. взял македонскую крепость Скопью, создав, таким образом, угрозу сообщению между эпирскими владениями императора Михаила и Константинополем. Милутин с радостью пообещал поддержку своему дяде, законному латинскому императору Филиппу, и королю Карлу.[260]

Деспот Эпира, которому не нравились ни Карл Анжуйский, ни Михаил Палеолог, старался соблюдать нейтралитет. Но его сводный брат, Иоанн Ангел Навпатраский, с легкостью позабыв о своей роли защитника православия, в 1279 г. предложил католиком помочь им устроить крестовый поход на Константинополь.

Вдобавок ко всем неприятностям императора Михаила на азиатской границе его государства начались военные действия. Большую часть его правления анатолийские турки по ту сторону границы вели себя спокойно. Михаил поддерживал союз со своим зятем, монгольским ильханом Абагой. Монголы всегда были готовы оказать давление на сельджукских султанов Анатолии. Но набеги монголов привели к ослаблению влияния сельджуков, особенно на западе Малой Азии, где возник ряд мелких турецких эмиратов, и их силы пополнялись за счет турок, бежавших на запад после первых монгольских набегов. Из-за возросшей силы мамлюков, а в особенности после взятия Антиохии султаном Бейбарсом в 1268г., ильхану стало не так просто удерживать контроль над Анатолией. В 1277 г. Бейбарс сам вторгся в Анатолию и отступил только при приближении большой монгольской армии. Перед ильханом стояла задача силой возвратить господство в

Северной Сирии у мамлюков. Его последняя серьезная попытка отбросить мамлюкских воинов потерпела крах в битве при Хомсе осенью 1281 г. Тем временем Михаил Палеолог захватил Константинополь, и византийцы сосредоточили свое внимание на Европе. Азиатская граница, заботливо укрепленная никейскими императорами, была заброшена. Крестьянские военные поселения, построенные никейцами по старому византийскому образцу, уступили место феодальным поместьям. Втянувшись в европейскую политику, Палеолог резко повысил налоги. Когда турки начали просачиваться через границу, они не встретили серьезного сопротивления. Зимой 1280 г. объединившиеся турецкие эмиры вторглись в долину реки Меандр и взяли в осаду город Трал (современный Айдын), который контролировал долину в нижнем течении Меандра. Михаил направил против них своего сына Андроника, но не мог дать ему большое войско, поскольку основная часть византийской армии двигалась на освобождение Берата, далеко в Албании. Андроник не смог спасти Трал. В течение всего 1281 г. он пытался создать надежную границу на севере Меандра, чтобы защитить Смирну. Было ясно, что часть византийской армии должна будет остаться в этом районе и таким образом ослабить силы, которые могли бы защищать столицу.[262]

К концу 1280 г. перед императором Михаилом открывались мрачные перспективы. Он был втянут в войну в Азии. Со стороны Европы ему угрожал мощный союз вражеских сил во главе с непреклонным королем Сицилии. Религиозная политика Михаила, за которую он поплатился любовью своих подданных, обернулась полным крахом, и папство, на чью защиту он рассчитывал, лишь поторапливало его врагов. Если бы огромная армия, которую готовил король Карл, обрушилась на Константинополь, у империи Палеологов не было бы шансов выстоять. Но Михаил еще не исчерпал все свои ресурсы. Византийская дипломатия все еще оставалась лучшей в мире.

Хотя византийскую столицу окружали враги, чуть дальше за границей еще оставались друзья, которые могли помочь. Михаил с трепетом, но не в полном отчаянии, ожидал весны 1282 г., когда армада Карла Анжуйского должна была покинуть итальянские гавани.

Глава XII. ВЕЛИКИЙ ЗАГОВОР

В начале 1282 г. Карл, король Сицилии, Иерусалима и Албании, граф Прованса, Форкалькье, Анжу и Мэна, регент Ахейского княжества, сюзерен Туниса и сенатор Рима, был, несомненно, величайшим монархом в Европе. Через несколько недель его корабли должны были поплыть вверх по Роне, чтобы его внук получил Арелатское королевство, через несколько недель еще более многочисленная армия должна была отправиться в поход на Византию, чтобы сделать его повелителем всего Средиземноморья и правителем империи, не имеющей равных со времен Юстиниана Великого. Люди вспоминали древнее пророчество о некоем Карле, потомке Карла Великого, отпрыске французского королевского дома, который станет правителем всего мира и реформирует всю христианскую Церковь. Все было готово для величайшего триумфа Карла Анжуйского.[263]

Но Карл был ослеплен высокомерием. Уверенный в своей силе и поддержке папства, он забыл, что у него еще остались враги в Европе, чьи силы пока не были испытаны. Он забыл, что, несмотря на его искусное правление, многие подданные ненавидели его и надменных французских чиновников, выполнявших его волю. Он забыл об изгнанниках из Сицилийского королевства, которые поклялись его уничтожить.

Эти изгнанники нашли убежище за морем в Барселоне, столице Арагонского королевства. Двадцатью годами раньше, в 1262 г., король Манфред выдал свою дочь Констанцию за инфанта Педро, старшего сына короля Арагонского Хайме I. Будто предвидя будущее, Папа Урбан и король Людовик IX Французский противились этому браку. Но Манфред еще прочно сидел на своем троне, его дружба представляла ценность для Арагона. Когда Манфред был убит, Конрадин обезглавлен, а внебрачные сыновья Манфреда попали в плен, инфанта Констанция стала наследницей Гогенштауфенов в Италии. Муж был ей предан и гордился ее происхождением. При его дворе Констанция получила титул королевы еще за несколько лет до того, как он взошел на трон своего отца.[264]

Пока свекр был жив, Констанция немногое могла сделать для того, чтобы реально претендовать на свой титул. Король Хайме I был выдающимся государем, отважным, тщеславным и эксцентричным. Он унаследовал трон в 1213 г. в возрасте пяти лет. В юные годы, благодаря собственной энергии и инициативе, он отвоевал у мавров Балеарские острова и богатый эмират Валенсию. Когда Хайме было почти шестьдесят,

он встал во главе армии, присоединившей эмират Мурсию к его королевству. Он был связан с Францией, поскольку графства Руссильон и Сердань входили в состав его королевства, а в наследство от матери он получил Монпелье. Графы Прованские были младшей ветвью его семьи, и он считал, что с ним должны были посоветоваться по поводу того, как распорядиться графством после смерти его кузена, Раймунда Беренгария IV. Хайме признал Карла графом только тогда, когда Людовик IX Святой предложил ему, чтобы Франция взамен отказалась от своих сюзеренных прав на Руссильон и Сердань. С возрастом Хайме предпочитал развлекаться со своими любовницами. Он так никогда и не простил Карлу того, что тот завладел Провансом, и все еще видел себя великим королем-крестоносцем. Хайме был единственным монархом, принявшим приглашение Григория X на Лионский Собор, где поразил и возмутил собравшихся церковных отцов сочетанием здравомыслия и чрезмерной напыщенности. Но что бы он ни говорил, Хайме был слишком рассудителен и слишком устал, чтобы теперь ввязываться в войну. Тем не менее он не препятствовал честолюбивым устремлениям своего сына и своей невестки.[265]

После поражения Конрадина первые высокопоставленные беженцы прибыли ко двору инфанты в Барселоне. Их предводителем был Руджеро ди Лауриа, у которого с инфантой была общая приемная мать. В числе беженцев были также чиновники, которые служили деду Констанции Фридриху II, например, Риккардо Филанджиери. Вскоре за ними последовали юрист Энрико д'Изерниа и хитроумный интриган, доктор Джованни да Прочида.[266]

Джованни да Прочида родился в Салерно около 1210 г. Он изучал медицину в знаменитом университете своего родного города и получил там место профессора. Его таланты поразили Фридриха II, оказывавшего особое покровительство университету в Салерно, и Джованни вскоре стал личным врачом императора. В награду за свою службу он получил в дар различные земли возле Неаполя, в том числе остров Прочида. Он лечил Фридриха во время его последней болезни. После смерти императора он вернулся к общей медицинской практике; среди его пациентов были кардинал Джованни Орсини (будущий Папа Николай III) и король Конрад. Он поступил на службу к Манфреду, когда тот взял власть в королевстве в свои руки. Манфред был так потрясен талантом Джованни, что сделал его канцлером королевства. После смерти Манфреда он отошел от дел. Папа Климент написал Карлу, рекомендуя ему Джованни как искусного медика,

и тому было позволено сохранить за собой поместья по объявленной Карлом после Беневента амнистии. Но он остался верен Гогенштауфенам. В 1266г. он получил разреше-ние поехать в Витербо, чтобы устроить помолвку своей дочери с неаполитанским гвельфом, Бартоломео Караччиоло, который был с визитом при папском дворе. Как только стало известно о высадке Конрадина в Италии, Джованни ускользнул из Витербо и присоединился к армии Гогенштауфенов. После разгрома при Тальякоццо он бежал с поля боя вместе Манфердом Малетта и нашел временное убежище в Венеции. Карл конфисковал его поместья, и ходили слухи, что жена Джованни подверглась жестокому обращению и оскорблениям, одна из его дочерей была изнасилована, а один из его сыновей был убит заносчивым французским рыцарем, пришедшим выселять их из дома. 1269 и 1270 гг. Джованни провел в Германии вместе со своим другом Энрико д'Изерниа, пытаясь убедить внука Фридриха II, Фридриха Тюрингского, вторгнуться в Италию и восстановить власть Гогенштауфенов. Но Фридрих был неподходящим кандидатом на эту роль, поскольку в разговорах он проявлял больше активности, чем на деле. Джованни, похоже, задержался на некоторое время в Южной Германии и в гибеллинс-ких городах Северной Италии. Его брат Адриано и оставшиеся в живых сыновья были с ним. Он добился для Адриано места при дворе маркграфа Монферратского. Незадолго до 1275 г. Джованни переехал со своими сыновьями, Франческо и Томмазо, в Барселону. Он решил, что Констанция Арагонская захочет отомстить за семью своего отца. Тотчас же удостившись доверия Констанции и ее мужа, Джованни принялся подогревать их амбиции.[267]

Король Хайме Арагонский умер в июле 1276 г. после блистательного шестидесятитрехлетнего правления. Он оставался деятельным до самого конца и был мало озабочен тем, что Папа отлучил его от церкви за последнюю любовную интрижку. Новые король и королева, Педро и Констанция, были вольны проводить свою политику. Вначале они действовали не торопясь.

Король Хайме оставил Балеарские острова и Руссильон своему младшему сыну, инфанту Хайме, который принял титул короля Майорки и в течение трех лет отказывался признавать брата своим сюзереном. Угроза братоубийственной войны миновала только тогда, когда Хайме Майоркский подчинился и присягнул на верность своему брату в январе 1279 г. У Педро также возникли осложнения с маврами в Андалузии; они предприняли серьезную попытку отвоевать Мурсию. Порядок на южной границе восстановился лишь к концу 1279 г. Педро был всерьез настроен сначала добиться такого же порядка на западной границе, в Кастилии, а потом уже

начинать какое бы то ни было новое предприятие. Удача благоволила ему. Инфант Фердинанд де Ла-Серда, старший сын короля Альфонса X, умер в 1275 г., оставив вдову, Бланку Французскую, сестру короля Филиппа III, и двоих маленьких сыновей. После его смерти Альфонс решил сделать своим наследником своего второго сына Санчо, чтобы избежать риска, связанного с пребыванием на престоле несовершеннолетнего правителя. Французский король Филипп III приготовился выступить в поход на Кастилию, чтобы защитить права своих племянников, а вдовствующая инфанта, боясь, что Санчо задумал что-то против ее сыновей, бежала вместе с детьми в Арагон. Король Педро оказал им теплый прием, но отказался выпустить из-под своей опеки. Оставив их в своей власти, он получал заложников, которых мог использовать против короля Филиппа, а также против короля Альфонса, вскоре раскаявшегося в своем решении, и против Санчо, которому так не терпелось получить свое наследство, что он открыто восстал против отца в 1281 г. К 1280 г. Педро Арагонский мог рассчитывать, что у него не будет больше проблем в Испании, и сосредоточить все свое внимание на Италии.[268]

Легенда сделала из Джованни да Прочида великого заговорщика, который переодетым разъезжал от одно-го европейского двора к другому в поисках сторонников для своих господина и госпожи. Рассказы о приключениях Джованни ходили еще при его жизни. Они сохранились в народных хрониках Сицилии и отражены в работах Виллани, Петрарки и Боккаччо. На самом деле роль, которую сыграл Джованни, не была ни такой рискованной, ни такой яркой, как воображали его поклонники и враги, но это не делает ее менее важной. Он был в центре огромного политического заговора.[269]

Вскоре после своего восшествия на престол король Педро назначил Джованни да Прочида канцлером Арагона, в официальном документе о назначении похвалив его за ученость и общеизвестную преданность дому Гогенштауфенов.[270] Это назначение давало Джованни возможность руководить внешней политикой Арагона, и он воспользовался этим, с полного одобрения Педро, чтобы спланировать крах Анжуйской династии. До 1279 г. Прочида мог лишь поддерживать связи с потенциальными врагами Карла: с французской королевой-матерью Маргаритой, с Рудольфом Габсбургом, с Альфонсом Кастильским и, прежде всего, с итальянскими гибеллинами. Только когда Педро упрочил свое положение в Испании, можно было переходить к более активным действиям. Джованни был реалистом — он понимал, что таким союзникам, как король Рудольф и

король Альфонс Кастильский, нельзя доверять, поскольку у них были слишком разные интересы. Он мог полностью положиться только на две иностранные державы. Император Михаил в Константинополе, перед лицом постоянной угрозы вторжения Карла Анжуйского, зашел так далеко, что покорился Риму в попытке отвести эту угрозу, но и это не принесло никаких результатов. Михаил был бы рад союзнику, задавшемуся целью уничтожить Карла. Он не мог предоставить ни флот, ни войска для вторжения на земли сицилийского короля, поскольку ему самому нужны были его солдаты и корабли для защиты своих владений. Но византийская казна все еще была полна, и Михаил мог позволить себе быть щедрым ради такого дела. С Константинополем была связана союзом республика Генуя. Генуэзцы пользовались особыми торговыми привилегиями в Византийской империи. Они уже давно были в плохих отношениях с Карлом Анжуйским. Если бы Карл в союзе с венецианцами вторгся в Византию, это было бы концом торгового господства генуэзцев в Черном море. Генуэзцы были богаты, и у них был огромный флот.

Заговорщики начали серьезную работу в 1279 г. Согласно сицилийской легенде, именно в том году Джованни да Прочида тайно приехал в Константинополь. Двое сицилийских беженцев, живших в Константинополе, сообщили императору о его прибытии. Михаил дал Джованни личную аудиенцию и был восхищен им. Джованни остался на три месяца при императорском дворе, а при отъезде ему были вручены письма от Палеолога королю Арагона и сицилийскому народу, а также крупная сумма денег. Джованни да Прочида отправился на Сицилию, переодетый францисканским монахом. Там он встретился с некоторыми ведущими сицилийскими аристократами во главе с Пальмьери Абате, Аламо да Лентино и Гвалтьери ди Калатаджирона. Они разделяли его недовольство правлением Карла Анжуйского и признались, что уже потеряли надежду на то, что оно когда-нибудь закончится. Джованни подбодрил их, передал адресованное им письмо Михаила и предложил им написать королю Арагона, мужу их законной королевы, с просьбой прийти к ним на помощь. Получив этот документ, Джованни двинулся дальше, все еще переодетый францисканцем, к Папе Николаю III в Витербо. Их разговор состоялся в замке Сориано, расположенном неподалеку от города. Джованни когда-то вылечил еще молодого Николая от серьезной болезни и мог разговаривать с ним как со старым доверенным другом. Его доводы апеллировали в первую очередь к жадности Папы, поскольку были подкреплены византийским золотом. Джованни напомнил Николаю про обиды, нанесенные Карлом Папе, в особенности что сицилийский король

не посчитал возможным сочетать браком племянницу Папы и принца французской королевской династии. Папа позволил своему старому доктору убедить себя и по просьбе Джованни написал письмо королю Педро, уполномочивающее его освободить Сицилию от власти Карла Анжуйского. Затем Джованни вернулся в Барселону, чтобы доложить королю Педро о своих действиях. Сперва Педро сомневался, но, увидев письма от византийского императора, сицилийских аристократов и Папы, горячо поздравил Джованни и велел ему продолжать начатое дело.[271]

Весной 1280 г. Джованни снова отправился в путь. Сперва он приехал к Папе в Витербо и там получил от Николая четкие полномочия убедить сицилийцев вверить свою судьбу королю Педро. Из Витербо Джованни добрался до побережья, где нашел пизанское судно, на котором приплыл на Сицилию, в Трапани. Его друзья из числа сицилийской знати встретили его там. Джованни рассказал им о том, что успел сделать, и договорился с ними о новой встрече после его возвращения из Константинополя. Венецианское судно довезло его, все еще переодетого, в Негропонте, где он пересел на греческое судно, направлявшееся в столицу. Император Михаил снова дал ему тайную аудиенцию и был очень обрадован новостями. Император предложил тридцать тысяч унций золота, чтобы ускорить организацию заговора. Через несколько дней Джованни покинул Константинополь на генуэзской галере в сопровождении византийского посла, Латино Алларди, ломбардца на императорской службе. Они плыли в Трапани, но по пути встретили пизанское судно, и его команда сообщила Джованни, что Папа Николай только что умер. Джованни удалось сохранить эту новость в секрете. Его сицилийские друзья ждали его в Трапани. Он убедил их отправиться с ним и Алларди на Мальту, где, вероятно, у людей Карла было меньше шансов застать их врасплох. Их совещание началось хорошо, пока сицилийцы не узнали о смерти Папы. Аламо да Лентино предложил вообще отменить все предприятие. Джованни на это ответил резко, что уже поздно. Новый Папа мог отнестись так же благосклонно к их делу, как Николай; а если он окажется одним из людей Карла, что ж — сицилийцам случалось противостоять и более сильным противникам, чем Карл. Собравшихся убедили его слова и блеск византийского золота, и они согласились сотрудничать, если король Педро по-прежнему поддерживает заговор. Джованни и посол продолжили свой путь в Барселону. Педро принял посла с почестями, с благодарностью получил от него золото и одобрил действия Джованни. Было решено, что поход на Сицилию следует начать, как только будут закончены приготовления, возможно, весной 1282

г.[272]

Сложно сказать, какова доля правды в этой легендарной истории. В период с 1279 по 1280 гг., когда Джованни предположительно совершал свои путешествия, связанные с заговором, его подпись, в качестве канцлера, регулярно появляется на документах, подписанных в Арагоне. Представляется невероятным, чтобы он дал себе труд организовать подделку собственной подписи с целью сохранить свое отсутствие в тайне. Джованни был старым человеком — вот-вот ему должно было исполниться семьдесят лет. Маловероятно, чтобы он, переодевшись, бродил по Европе. Роль, отведенная в этой истории Папе Николаю, не очень убедительна. Очевидно, что он не очень любил Карла и был жаден и оценил бы золото, принесенное ему в дар от императора Михаила. Но он стремился к установлению мира, независимости папских владений и обогащению семьи Орсини. Ни в одном из сохранившихся папских документов того времени нет ни намека на то, что он намеревался сместить Карла с сицилийского престола и посадить на его место Педро Арагонского. Не в его характере было развязывать широкомасштабную войну, которая, несомненно, повлекла бы за собой серьезные расходы. Его позиция по отношению к Византии была жестче, чем у его предшественников. Византийское золото могло бы убедить Николая не прекращать переговоры с Михаилом Палеологом и не давать Карлу разрешения нападать на империю. Возможно также, что он оказал теплый прием эмиссару своего старого доктора, Джованни да Прочиды, а арагонцы раздули значение этого приема, чтобы оправдать свою политику. Благодаря подобным инцидентам возник слух о причастности Папы к заговору, и Данте мог упрекнуть его за «деньги грешные... с которыми на Карла шел так смело».[273]

Легенда ошибается в отношении действий Джованни и соучастия Папы. Но многие ее детали выглядят убедительно. Джованни мог оставаться дома, а кто-то разъезжал от его имени. Маршруты и корабли, на которых эти путешествия совершались, описаны слишком подробно, чтобы быть абсолютно вымышленными. Сицилийский текст того времени связывает имя Джованни с теми тремя сицилийскими аристократами, которых легенда называет его сообщниками. К 1280 г. были несомненно установлены дипломатические связи между византийским и арагонским дворами, а в свое время, как показали последующие события, император Михаил начал переговоры с заговорщиками на Сицилии. Возможно, один из сыновей Джованни предпринял эти путешествия, которые впоследствии были приписаны его знаменитому отцу. Мы знаем, что брат Джованни,

Адриано, состоявший на службе у маркграфа Монферратского, осуществлял связь между Арагоном и гибеллинами Северной Италии. Его сын Франческо также смог отправиться в эти дальние путешествия. Едва ли можно усомниться в том, что они действительно имели место, хотя теперь уже не установить, кто был доверенным посланцем Джованни да Прочида.[274]

К концу 1280 г. король Педро уже так далеко зашел в подготовке к нападению на Сицилию, что едва ли беспокоился о том, чтобы скрыть свои намерения. В письме, которое он написал в октябре миланскому правительству, выражая сожаление по поводу поражений, которые потерпел его союзник маркграф Монферратский, говорилось, что уже близок «тот день» — «dies illa», — когда они все возрадуются. В декабре Педро вместе со своим братом, королем Майорки, отправился в Тулузу, чтобы обсудить с королем Филиппом Французским кастильский вопрос и судьбу инфантов Ла-Серды. Филиппа сопровождал его кузен, Карл, князь Салерно, старший сын короля Карла. Педро в общении с князем выказывал такое холодное презрение, что французы были глубоко потрясены, и Хайме Майоркский почувствовал себя обязанным проявить особую сердечность по отношению к юноше, чтобы избежать открытой ссоры.

Избрание француза, Мартина IV, на папский престол в 1281 г. не смутило Педро. На протяжении всего того года, когда Карл Анжуйский готовил в Италии свою армаду для атаки на Константинополь, арагонцы в Барселоне готовили практически такой же мощный флот. Поход Карла был официально объявлен крестовым против язычников, и на этом основании Папа позволил ему собирать церковную десятину на Сардинии, острове, который был предметом спора между Карлом и пизанцами, а Педро объявил своим владением. Но сам Карл не скрывал, что его основной целью была столица Византии. Заключив в июне с разрешения Папы союз с законным латинским императором Филиппом и с венецианцами, открыто заявил о своих требованиях.[276] Педро вел себя немного осторожнее. Он тоже объявил свою экспедицию крестовым походом и мог предоставить тому хорошее доказательство. Двумя годами ранее, в 1279 г., он воспользовался спором о наследовании тунисского престола, возникшим после смерти эмира Аль-Мустансира, давнего врага Людовика Святого, чтобы посадить на трон своего кандидата, Ибрагима Абу Исхака. Войска под предводительством Коррадо Ланца возвели на престол эмира Ибрагима, который, в свою очередь, пообещал Педро выплачивать крупную ежегодную дань и предоставить ему право открыть консульские

представительства в Тунисе и Бужи. В то же время Педро взял под свою опеку правителя Константины, Ибн Хасана. В 1281 г. Ибн Хасан поссорился с Тунисским эмиром, и тот приготовился пойти на него походом. Ибн Хасан обратился за помощью к королю Педро, намекнув, что примет христианство, если ему окажут поддержку. Таким образом, это был долг Педро — спасти потенциального неофита и его территорию от тунисских язычников. У него был готов не вызывающий возражений ответ, когда король Филипп Французский, беспокоясь за своего дядю Карла, отправил послов расспросить Педро об армии и флоте, которые тот собирал.[277]

Со своими союзниками Педро был более откровенным. В конце 1281 г. знаменитый генуэзский капитан Бенито Заккария прибыл к его двору. Брат Бенито, Мартин, был другом византийского императора Михаила, которому когда-то одолжил деньги, за что был вознагражден, получив во владение Фокию с ее богатыми месторождениями квасцов. Бенито навещал брата и оттуда поехал в Константинополь, где Михаил назначил его своим послом в Генуе и Арагоне. Он привез королю Педро заверения в том, что и император, и генуэзцы стремятся ему помочь. Эти заверения были подкреплены денежными подношениями.[278]

Приблизительно в то же время Джованни да Прочида написал Альфонсу Кастильскому и его сыновьям, зная об их неприязни к анжуйцам, чтобы сообщить им, что к союзу его господина и маркграфа Монферратского, зятя Альфонса, присоединился предводитель флорентийских гибеллинов, Гвидо Новелло. Его письма были доставлены к кастильскому двору Адриано да Прочида, прибывшим из Северной Италии с посланниками гибеллинов. Джованни открыто заявил о плане возвращения Сицилийского королевства его наследному и законному владельцу и предлагал кастильцам присоединиться к союзу. Разногласия между королем Альфонсом и его сыном Санчо не позволили им принять предложение.[279]

Эта дипломатическая деятельность укрепила власть короля Педро. Но главной целью заговора было раздуть беспорядки во владениях короля Карла. Здесь проявился дипломатический гений Джованни да Прочиды. Он сам родился в континентальной части Италии и знал, что жители континента не испытывали недовольства правлением Карла. Карл был искусным и честным правителем. Большую часть своего времени он проводил в Неаполе, его окрестностях или в Апулии. Здесь он мог наблюдать за управлением и следить, чтобы его чиновников не

злоупотребляли своей властью. Неаполитанцы и апулийцы могли возмущаться высокими налогами и безжалостной эффективностью, с которой эти налоги собирались, могли возмущаться той незначительной ролью, которую им было позволено играть в управлении страной, но Карл благоустраивал их гавани и дороги, поддерживал их рынок. К тому же послушные Карлу итальянцы могли получить удобные должности в других его владениях — в Провансе, Албании или Палестине. Сицилия же находилась в совсем ином положении. Карл не доверял сицилийцам, в особенности после всеобщего восстания во время вторжения Конрадина. Он практически ничего не делал, чтобы поддержать их экономику, никогда не приезжал на остров, кроме того случая, когда был на пути в Тунисский крестовый поход, и никогда лично не контролировал управление островом. Управление осуществлялось французскими юстициариями и находившимися у них в подчинении итальянцами с континента. Вне всякого сомнения, эти управленцы были высокомерны, суровы, алчны и почти наверняка продажны. Налоги высоки, и только друзья чиновников были ограждены от вымогательства с их стороны. Сицилийцы даже при Фридрихе II и Манфреде возмущались правительством, заседавшим в Неаполе. К неприязни по отношению к пришельцам с континента прибавлялась еще и ненависть к французам, которые не утруждали себя выучить язык сицилийцев и уважать их традиции. Сицилийцы видели, что ими правят, чтобы помочь иноземному тирану в его завоеваниях, от которых они не получат никакой выгоды. На острове было много греческого населения: сицилийские греки все еще помнили о своем родстве с византийскими. Их совсем не привлекала перспектива служить во флоте Карла и завоевывать Константинополь.[280]

Карл ошибся, решив, что сицилийцы и Джованни да Прочида не станут искать поддержки. Из всех народов Европы сицилийцы — самые опытные заговорщики. В наши дни их верность мафии может сравниться разве что с их верностью чести семьи. Они послужили для Джованни и его соратников благодатной почвой. Недовольство сицилийцев правлением Карла Анжуйского было очень сильно, можно было не сомневаться, что они обрадуются освободителю. Но хороший заговорщик работает тихо. Не считая легендарных рассказов о путешествиях Джованни, не существует никаких записей о том, каким образом был организован заговор на Сицилии. Все делалось тайно. Несомненно, агенты Арагона работали на острове. Несомненно, было тайно доставлено оружие. И также несомненно, что заговорщики поддерживали тесную связь с Константинополем, откуда они получали деньги и обещания еще больших

сумм, если все пойдет по плану.

Весной 1282 г. все Средиземноморье знало, что кризис близок. Король Карл собирал огромный флот. В середине марта неаполитанская и провансальская эскадры встали на якорь в гавани Мессины, готовые отчалить, как только будет отдан приказ. Другие эскадры ждали в портах, когда к ним присоединятся венецианские корабли. Сам король Карл был в Неаполе, отдавая последние распоряжения, связанные с походом. По-видимому, он планировал поспешить в Апулию и сесть там на корабль, когда придет время.[281] Медлить было нельзя. Уже трижды планы Карла касательно похода нарушались: когда французский король Людовик обязал его присоединиться к своему крестовому походу; когда шторм уничтожил его флот на обратном пути из этого крестового похода; и когда Папа запретил поход во время затянувшихся переговоров о церковной унии. Теперь ничто не могло остановить Карла. Венецианцы и греческие католики были готовы присоединиться к нему. Славянские монархи на Балканах и греческие правители Эпира и Фессалии были рады возможности принять участие в уничтожении Византийской империи. Император Михаил был близок к отчаянию. Если великая армада Карла Анжуйского достигла бы берегов Византии, только чудо могло спасти его, и только чудо могло не дать армаде отплыть из Италии. Но у Михаила были друзья.

Карл был слишком самоуверен и не придавал значения этим друзьям своего врага. Итальянские агенты предупреждали Карла, что Джованни да Прочида убедил всех гибеллинов поддержать Арагон. Племянник Карла, французский король, говорил ему об огромном арагонском флоте, собравшемся в устье реки Эбро. Этот флот официально направлялся на борьбу с язычниками в Африку, но король Филипп знал, что у него другие цели. Карл пренебрег слухами — он был слишком силен, никто бы не осмелился напасть на него. Карл так и не понял, где поджидала главная для него опасность.[282]

Судьба будущего решалась на Сицилии. Недовольные сицилийцы, взбудораженные агентами Арагона и субсидированные из Константинополя, тайно готовили восстание. Их подбадривал император Михаил. Педро Арагонский запросто мог подождать, пока Карл не будет полностью втянут в войну на востоке, прежде чем начать вторжение в земли сицилийского короля. Михаил не мог позволить себе ждать так долго. Флот Карла Анжуйского должен был отчалить в первую неделю апреля. До этого времени было необходимо что-то предпринять.

Глава XIII. ВЕЧЕРНЯ

В 1282 г. Пасха наступила рано, 29 марта. На Страстной неделе остров Сицилия внешне выглядел спокойным. Огромная армада Карла Анжуйского стояла на якоре в гавани Мессины. Королевские агенты объезжали остров и, невзирая на угрюмое недовольство крестьян, забирали все запасы зерна, какие могли найти, сгоняли крупный рогатый скот и свиней, чтобы обеспечить армию продовольствием, и лошадей для рыцарей. Королевский наместник, Герберт Орлеанский, губернатор острова, был в своей резиденции в Мессине, в замке, построенном столетие назад Ричардом Львиное Сердце. В Палермо юстициарий Жан де Сен-Реми пировал во дворце нормандских королей. Никто из французских чиновников и никто из военных гарнизонов, размещенных в сорока двух замках, откуда контролировалась сельская местность, не заметил со стороны подчиненного народа проявлений особой враждебности. Но в среде сицилийцев, праздновавших Воскресение Христа с их традиционными песнями и плясками на улицах, атмосфера была напряженной и взрывоопасной.[283]

Церковь Святого Духа расположена примерно в миле на юго-восток от старой городской стены Палермо, на краю небольшой теснины реки Оретто. Это постройка, выдержанная в строгом стиле снаружи и внутри, ее первый камень был заложен в 1177г. в зловещий день солнечного затмения Вальтером Офамилом, архиепископом Палермо, англичанином по происхождению. В этой церкви традиционно устраивали празднество на Пасху, и в тот пасхальный понедельник народ, как обычно, стекался из города и окрестных деревень на вечерню службу.[284]

На площади разговаривали и пели в ожидании начала богослужения. Внезапно появилась группа французских чиновников, которые захотели принять участие в празднике. Их встретили холодными враждебными взглядами, но они все равно настойчиво пытались присоединиться к толпе. Французы были пьяны, а потому беспечны; вскоре они позволили себе фамильярное обращение с молодой женщиной, и это взбесило сицилийцев. Среди чиновников был королевский сержант по имени Друэ, он выволок из толпы молодую замужнюю женщину и донимал ее своими ухаживаниями. Этого ее муж не мог стерпеть — он выхватил нож, набросился на Друэ и заколол его. Французы ринулись отомстить за своего товарища и неожиданно оказались окруженными толпой разъяренных сицилийцев,

вооруженных кинжалами и мечами. Ни один француз не уцелел. В этот момент колокол церкви Святого Духа и колокола всех остальных церквей зазвонили к вечерне.[285]

Со звуком колоколов глашатаи побежали по городу, призывая жителей Палермо подняться против угнетателей. Улицы тут же наполнились обозленными вооруженными людьми, выкрикивающими «Смерть французам» на своем сицилийском диалекте.[286] Они убивали каждого француза, попадавшегося им на пути. Сицилийцы врывались на постоялые дворы, посещаемые французами, и жилища французов, не щадя ни мужчин, ни женщин, ни детей. Сицилийские женщины, бывшие замужем за французами, погибли вместе со своими мужьями. Мятежники врывались в доминиканские и францисканские монастыри, они выволакивали всех иностранных монахов и велели каждому произносить слово «Ciciri», непроизносимое для француза. Любого, кто не прошел проверку, убивали. Юстициарий Жан де Сен-Реми заперся в древнем королевском дворце, но большая часть его гарнизона была в отпуске в городе. Те немногие, кто остались, не могли отстоять дворец. Юстициарий был ранен в лицо во время схватки на входе, но после успел выпрыгнуть в окно и бежать через конюшню вместе с двумя слугами. Беглецы нашли лошадей и на полной скорости поскакали в замок Викари, расположенный на дороге, ведущей внутрь острова. К ним присоединились другие французы, избежавшие резни.[287]

К следующему утру около двух тысяч французских мужчин и женщин были мертвы, а повстанцы полностью контролировали Палермо. Ярость улеглась, и они задумались о будущем. Представители от каждого района и от каждого цеха собрались вместе и провозгласили свой город коммуной, избрав своим капитаном знаменитого рыцаря Руджеро Мастранджело, ему назначили трех заместителей: Энрико Баверио, Николо д'Ортолева и Никколо д'Эбдемониа, а также пять советников им в помощь. Флаг Карла Анжуйского был сорван и повсюду заменен имперским орлом, которого Фридрих II сделал эмблемой города своего детства. К Папе были отправлены послы с письмом, в котором они просили его взять коммуну под свое покровительство.[288]

Весть о восстании уже разносилась по всему острову. Гонцы поспешили в кровавую ночь с понедельника на вторник из Палермо, чтобы велеть всем городам и селам немедленно нанести удар, прежде чем угнетатель сможет ударить в ответ. Во вторник мужчины Палермо сами двинулись на штурм замка Викари, где прятались юстициарий и его друзья.

Гарнизон замка был слишком малочислен, чтобы оказывать долгое сопротивление, и юстициарий предложил сдаться с условием, что ему будет позволено отправиться к побережью и уп-лыть на корабле в родной Прованс. Когда начинались переговоры, один из осаждающих замок выпустил стрелу и убил юстициария. Это послужило сигналом к началу резни, в которой были убиты все, кто был внутри замка.[289]

В течение недели пришли вести о дальнейших мятежах против французов. Первым примеру Палермо последовал город Корлеоне, расположенный в двадцати милях к югу. После убийства французов корлеонцы тоже провозгласили свой город коммуной. 3 апреля капитан Корлеоне, Бонифацио, отправил в Палермо троих посланников с тем, чтобы предложить действовать сообща. Две коммуны решили направить войска в трех направлениях — на запад, к Трапани; на юг, к Кальтаниссетте; и на восток, к Мессине, — чтобы поднять весь остров и объединить усилия. По мере приближения повстанцев к каждому из пунктов назначения французы либо бежали, либо были убиты. Их пощадили только в двух городах. Вице-юстициарий западной Сицилии, Гильом Порселе, живший в Калата-фими, снискал любовь сицилийцев благодаря своей доброжелательности и справедливости. Он и его семья были с почестями препровождены в Палермо, откуда им разрешили отплыть в Прованс. Город Сперлинга, расположенный в центре острова, гордился независимостью своих взглядов. Французскому гарнизону в этом городе не причинили никакого вреда и позволили благополучно отступить в Мессину.[290]

В Мессине восстания не было. У наместника, Герберта Орлеанского, был сильный гарнизон. Огромный флот Карла Анжуйского стоял в гавани. Мессина была единственным городом на острове, к которому французское правительство выказывало какое-то расположение, и самая влиятельная семья в городе, Ризо, поддерживала правящий режим. 13 апреля, две недели спустя после Вечерни, когда западная и центральная часть острова были в руках мятежников, коммуна Палермо прислала письмо к жителям Мессины, призывая их присоединиться к восстанию. Но мессинцы были осторожны. Учитывая, что власть в городе по-прежнему принадлежала Герберту, опиравшемуся на гарнизон в мессинской цитадели, а у причала стояли корабли короля, они предпочитали не компрометировать себя. Вместо этого 15 апреля мессинская армия под командованием местного рыцаря, Гульельмо Чириоло, двинулась на юг в соседний город Таормину, чтобы защитить его от разъяренных мятежников. В это же время Герберт послал мессинского аристократа, Риккардо Ризо, во главе семи местных

галер блокировать гавань Палермо и, по возможности, атаковать палермские укрепления. Палермцы поспешили вывесить на стенах рядом со своим знаменем знамя Мессины с крестом, чтобы показать, что считают мессинцев своими братьями, и моряки Риккардо отказались сражаться против них. Галеры остались поблизости от гавани, вяло и неэффективно блокируя ее.[291]

Общественное мнение Мессины склонялось в пользу восстания. В Мессине было много палермцев, переехавших туда, когда Мессина стала административным центром острова. Их симпатии были на стороне родного города. Герберт начал терять уверенность в своих силах. Он решил подстраховаться в Таормине и отправил туда французское войско на замену мессинскому гарнизону. Гульельмо Чириоло и его люди были оскорблены недоверием. Они напали на французов и всех их взяли в плен. Два или три дня спустя, 28 апреля, в Мессине разразилось восстание. Большинство французов к тому времени уже укрылись в цитадели, и жертв резни было меньше, чем в Палермо. Герберт заперся в цитадели, но флот остался в руках мятежников, которые его сожгли. Мессинцы объявили свой город коммуной под покровительством Святой Церкви. Они избрали своим капитаном Бартоломео Манискалчо, сыгравшего ведущую роль в организации восстания.

В тот же день трое выдающихся мессинцев вернулись из Неаполя, где находились при дворе короля Карла. Это были Балдуин Мюссоне, бывший судья, и Бальдо и Маттео Ризо. Мюссоне тут же примкнул к коммуне, и Манискалчо на следующее утро отказался от поста капитана в его пользу. Один из младших Ризо, доктор Парменьо, пытался убедить своих дядьев Бальдо и Маттео присоединиться к восстанию, но и они, и вся семья сохранили верность Карлу. Вместе с Гербертом они нашли убежище в цитадели, но вскоре поняли, что Герберт готов сдаться. После предупредительной атаки мессинцев на замок он вступил в переговоры с Мюссоне и добился гарантии безопасности для себя и своих людей. В их распоряжение были предоставлены две галеры на том условии, что они поплывут прямо в Эг-Морт, во Францию, и пообещают никогда не возвращаться на Сицилию. Герберт дал слово, но, едва удалившись от гавани, он направил галеры в Катону, расположенную прямо за проливом. Там он разыскал Пьетро Руффо, графа Катандзаро, который был богатейшим аристократом Калабрии, верным Карлу. Они собрали войска и приготовились напасть на Мессину.

Кастеляну мессинской цитадели, Тибо де Месси, и семидесяти французским сержантам с женами и детьми были предложены те же

условия. Всем им предоставили другой корабль и приказали плыть в Эг-Морт. Законопослушные члены семьи Ризо стали пленниками коммуны в цитадели, где к ним присоединились Микелетто Гатта и его французы, которых привезли под конвоем из Таормины. Уже были отправлены гонцы в Палермо, чтобы рассказать о событиях в Мессине и о создании братской коммуны, а мессинским кораблям, ожидавшим в нерешительности у входа в палермскую гавань, было приказано вернуться домой. Их предводитель, Риккардо Ризо, сумел ускользнуть в Калабрию. Его заместитель, Никколо Панча, на пути к гавани встретил корабль с Тибо Месси и его командой. Панча уже слышал о том, что Герберт Орлеанский нарушил свое обещание вернуться во Францию, и заподозрил, что Месси собирается последовать его примеру. Корабль был задержан и всех, кто был на борту сбросили в море.[292]

Когда порядок в Мессине был восстановлен, коммуна избрала четверых канцлеров в помощь капитану. Все они были местными судьями: Рейнальдо да Лимоджа, Никколо Сапорито, Пьетро Ансалано и Бартоломео да Неокастро, впоследствии написавший историю этих великих событий.[293] Затем было твердо решено сообщить в Константинополь императору Михаилу, что его главный враг потерпел неудачу. Несомненно, он мог из благодарности прислать островитянам еще золота. Было трудно найти посланника для этого опасного путешествия, но генуэзский купец Алафранко Кассано сам предложил свои услуги, поскольку его подданство должно было защитить его, если его задержит один из кораблей Карла. Алафранко достиг Константинополя через несколько недель и тут же получил аудиенцию у императора. Михаил, услышав новость, возблагодарил Бога и поспешил добавить в свои мемуары, которые писал для сына, многозначительные слова: «Если бы я осмелился заявить, что был орудием Господа в деле освобождения сицилийцев, то не погрешил бы против истины». Его агенты и его золото и в самом деле сыграли свою роль в подготовке восстания, а оно не только освободило Сицилию, оно также спасло Византийскую империю. Великий поход Карла на Константинополь пришлось отложить, теперь уже навсегда.[294]

Карл был в Неаполе, когда в начале апреля посланник архиепископа Монреальского сообщил ему о резне в Палермо. Карл пришел в ярость, поскольку это означало, что придется отложить поход на Константинополь на некоторое время, но поначалу он не воспринял восстание всерьез. Карл решил, что это локальные волнения, с которыми его наместник, Герберт Орлеанский, вполне может справиться. Карл лишь приказал вице-адмиралу

Маттео Салернскому взять четыре галеры и атаковать Палермо. Этот приказ был отдан 8 апреля, но, добравшись до Палермо, Маттео обнаружил на подходе к гавани мессинскую эскадру и не решился напасть на нее. Когда Мессина присоединилась к восстанию, мессинские корабли атаковали Маттео и захватили две его галеры. С оставшимися кораблями он отступил в Неаполь.[295]

Мятеж в Мессине и разгром его флота привели Карла к осознанию серьезности восстания. «Господь Всемогущий! — воскликнул он. — Если Тебе угодно низвергнуть меня, позволь мне хотя бы спускаться вниз мелкими шагами». И Карл стал принимать меры для того, чтобы шаги оказались мелкими. Поход на Константинополь был отменен. Вместо этого корабли и солдаты, собравшиеся в портах Италии, были стянуты к Мессинскому проливу, и сам Карл выступил во главе армии, которая должна была подавить мятеж на острове.[296]

Папа полностью поддерживал Карла. Когда в апреле в Орвьето прибыл посланник из Палермо, чтобы просить Святейший Престол взять под свое покровительство новую коммуну, Папа Мартин отказался дать ему аудиенцию. На острове все же надеялись, что Мартин еще смягчится. В начале мая Мессина вместе с Палермо и другими городами отправили троих послов к папскому двору. Они торжественно вошли в его приемную и предстали перед всей консисторией, трижды пропев слова: «Агнец Божий, искупивший все грехи мира, смилуйся над нами». Но Папа ответил с горечью, трижды повторив слова Евангелия: «Радуйся, Царь Иудейский! — и били Его». Другого ответа посольство от Папы не получило.[297] Вместо этого 7 мая, на Вознесение, Папа издал буллу об отлучении мятежных сицилийцев и всех, кто поддержит их. Второй буллой он отлучил Михаила Палеолога, «называющего себя греческим императором», а третьей — Гвидо да Монте-фельтро и гибеллинов Северной Италии.[298]

У Карла был еще один друг — его племянник, французский король Филипп. В апреле Карл написал ко французскому двору, сообщая Филиппу, что, возможно, понадобятся активные действия, чтобы предотвратить серьезные последствия мятежа. Когда Мессина восстала, Карл снова написал, прося помощи против бунтарей. В ответ двое его племянников — Филипп и его брат Пьер, граф Алансонский — и Роберт д'Артуа решили во главе отряда французских дворян отправиться в Италию. Сын Карла, Карл Салернский, находившийся в то время в Провансе, был направлен в Париж с тем, чтобы организовать дальнейшее сотрудничество с французским двором.[299] Король Филипп считал, что главная опасность исходит от

Арагона. Он уже предупреждал Карла, чтобы тот остерегался короля Арагонского, но Карл не послушал его. Филипп был убежден, что огромный арагонский флот, собравшийся в гавани в устье реки Эбро, готовится к атаке на Сицилию, несмотря на все заверения короля Педро в том, что он собирается в крестовый поход в Африку. Еще не зная, что Мессина потеряна для Карла, Филипп отправил посольство к королю Педро, который уже присоединился к своему флоту. Послы достигли устья Эбро 20 мая и передали Педро письмо, в котором Филипп требовал гарантий того, что флот Педро не нападет против Карла. Если же это все-таки случится, Филипп предупреждал, что будет расценивать это как враждебный акт и двинет свою армию против Арагона.[300]

Предупреждение Филиппа не возымело никакого действия. Педро, как всегда, ответил, что он готовится к походу в Африку. На самом деле мятеж на Сицилии застал Педро врасплох. Его агенты планировали это восстание, но он рассчитывал выждать до того времени, когда Карл пойдет войной на Константинополь. Когда из Сицилийского королевства уедут лучшие воины Карла, там и должны были поднять восстание; в этот момент Педро намеревался вмешаться. Сицилийцы, получившие стимул от византийского императора, опередили его. Получив известие о резне в Палермо, Педро не предпринял ничего. Лишь после восстания в Мессине и уничтожения кораблей Карла он решил действовать. И даже тогда он соблюдал осторожность. Он действительно решил отправиться в Африку сражаться с маврами, ожидая дальнейшего развития событий на Сицилии. 3 июня Педро вышел в море во главе огромной флотилии военных и транспортных кораблей, направляясь к алжирскому побережью.[301]

Чтобы подтвердить свою легенду, Педро отправил специального посла к Папе с просьбой благословить его крестовый поход и даровать обычные в таких случаях индульгенции. Но Мартина он не обманул. Тот довольно резко ответил послу. Швейцарский рыцарь Отто де Грансон, бывший агентом Эдуарда Английского в Орвьето, 11 июня доложил своему патрону, что все при папском дворе ожидают вторжения короля Арагонского на Сицилию.[302] Но Педро не торопился. Его флот зашел в Порт Магон на острове Менорка, который все же был мусульманским эмиратом, хоть и подчиненным арагонской короне. Эмир поспешил обеспечить флот щедрыми запасами провизии, но отправил тайного посланника в Тунис, чтобы предупредить Тунисского эмира о походе. Когда флот прибыл в Колло, расположенный на алжирском побережье, Педро узнал, что его союзник, правитель Константины, ради чьей независимости от тунисского

эмирата и его обращения в христианскую веру и затевался крестовый поход, был внезапно атакован тунисцами, предупрежденными посланником с Менорки, и убит. Его смерть лишила поход основной цели. Но Педро остался с солдатами в Колло, в достаточной близости от Сицилии, чтобы следить за тем, как будут развиваться события.[303]

Сицилийцы тем временем готовились отразить нападение короля Карла. Карл же не спешил. Он хотел нанести удар наверняка. Его корабли и воины, предназначавшиеся для похода в Константинополь, были собраны в Катоне на калабрийском побережье пролива. Пьер д'Алансон и Роберт д'Артуа вместе со своими французскими рыцарями вскоре должны были присоединиться к армии Карла Анжуйского. Численность войска была увеличена за счет солдат из Прованса — из той армии, которая должна была отправиться вверх по Роне, чтобы возродить Арелатское королевство. Гвельфы Флоренции прислали отряд под предводительством графа Гвидо да Баттиффолья со знаменем города и пятьюдесятью молодыми флорентинцами, которых король Карл обещал посвятить в рыцари. Взамен кораблей, уничтоженных мессинцами, были наняты корабли из Венеции, Пизы и Генуи. Это была грозная армия, которую 6 июня возглавил сам король Карл. Девятнадцать дней спустя он вместе с армией переправился через пролив и встал лагерем среди виноградников прямо к северу от Мессины.[304]

Папа Мартин надеялся, что сицилийцы испугаются и подчинятся без боя. Они же продолжали утверждать, что их коммуны находятся под покровительством Папы. 5 июня Папа назначил одного из своих самых искусных советников, кардинала Герарда Пармского, легатом на остров с указаниями добиться от сицилийцев безоговорочной капитуляции.[305] Пять дней спустя король Карл в поддержку усилий Папы издал большой эдикт, реформирующий управление островом. Королевским чиновникам впредь запрещалось вымогательство в какой бы то ни было форме; запрещалось конфисковать товары, скот или корабли безвозмездно; принуждать города и деревни преподносить им дары; заключать сицилийцев в тюрьму на недостаточных основаниях; присваивать их земли. В этом эдикте Карл, таким образом, признавал, что в дни, предшествовавшие восстанию, эти злоупотребления имели место.[306] Но обещание этих реформ оставило сицилийцев равнодушными. Они слишком много претерпели от правления Кар-ла Анжуйского, и их гордость пробудилась: они были готовы бороться. 2 июня мессинцы уже расстроили попытку анжуйской армии высадиться в Милаццо, на северо-восточном побережье острова. Их дух не был сломлен,

когда три недели спустя один из отрядов Карла Анжуйского все же осуществил там высадку и разбил, нанеся тяжелые потери, пытавшееся его отбросить мессинское ополчение. Единственным следствием разгрома мессинцев стало то, что они ворвались в цитадель, где содержали в заточении членов семьи Ризо, и убили их; они также сняли судью Балдуина Мюссоне с поста капитана, посчитав его некомпетентным и бездеятельным. На его место избрали Аламо да Лентино, одного из тех троих сицилийских аристократов, которые играли главную роль в заговоре Джованни да Прочиды. Он оказался более энергичным лидером, чьим единственным недостатком была его зависимость от жены, Махальды да Скалетта, женщины скромного происхождения и огромных амбиций.[307] В тот момент супруга была не с ним — она отправилась со своими вассалами в Катанию, где хитростью заставила перепуганных солдат французского гарнизона сдаться на ее милость и всех их приказала перебить, взяв власть в городе в свои руки.[308]

Аламо приложил все усилия, чтобы привести в полный порядок оборонительные сооружения Мессины. Ему на подмогу прибыли иностранные добровольцы. Среди них были несколько генуэзских галер с командами, невзирая на то, что кое-кто из их соотечественников был нанят королем Карлом; прибыли двенадцать галер из Анконы и — совершенно неожиданно — двенадцать галер из Венеции, укомплектованные людьми, недовольными королем Карлом и его политикой. Сицилийцам была обещана помощь из Пизы, но пизанцы начали войну с Генуей и отозвали галеры, которые собирались прислать. Единственными пизанцами, принявшими участие в сицилийской войне, были команды четырех галер, нанятых королем Карлом. К началу августа к защитникам присоединились пятьдесят арагонских аристократов со своими слугами, оставившие армию своего короля в Африке и приплывшие в качестве добровольцев на помощь сицилийцам.[309]

Карл начал первую серьезную атаку на Мессину 6 августа, пытаясь взять штурмом ту часть города, которая была расположена на оконечности полуострова и защищала гавань. Приступ отбили с незначительными потерями со стороны защитников. Два дня спустя люди Карла попытались взять приступом укрепленные высоты Капперрины, расположенной в северо-западной части города, наиболее удаленной от моря. После неудачной атаки днем люди Карла повторили попытку после наступления темноты, но были обнаружены и разбиты, благодаря своевременным действиям двух местных жительниц, чьи имена, Дина и Кларенца, были

вписаны в хроники. Эти успехи воодушевили сицилийцев. Месяц выдался необычайно дождливый, и слякоть мешала нападшим куда больше, чем защитникам Мессины. Жители города, женщины наравне с мужчинами, посменно дежурили на укреплениях. Они посылали шпионов во вражеский лагерь. Особенно среди них был известен францисканский монах Бартоломео де Пьяц-ца, который собрал исчерпывающую информацию об армии Карла Анжуйского еще до того, как она пересекла пролив. Еще более город был воодушевлен рассказами о Пресвятой Деве, явившейся, чтобы благословить оборону. Но Карл выжидал. Его армия была многочисленной и сильной, а его флот количеством значительно превосходил сицилийский, и обе стороны ожидали подкрепления. Карл покрепче сомкнул блокаду Мессины, ожидая подходящего момента для решающей атаки.

Во время затишья, наступившего после первых атак, Карл послал в город папского легата, кардинала Герарда. Мессинцы с почестями встретили представителя понтифика, которого объявили своим сюзереном. Капитан города, Аламо, официально предложил передать Мессину в его руки, если Папа объявит себя покровителем коммуны. Кардинал ответил на это, что Церковь передаст город своему верному сыну Карлу, которому по закону принадлежит весь остров. Аламо отдернул руку, которой протягивал ключи от города Герарду, и заявил во всеуслышанье, что лучше умереть в бою, чем сознательно подчиниться заклятому врагу. Кардинал был отослан обратно в королевский лагерь.

После неудачи легата Карл поспешил вновь атаковать. 15 августа была предпринята еще одна попытка взять штурмом стену у Капперрины, но и она провалилась. Блокада становилась все более суровой. Жители города были готовы пострадать за свое дело; от голода их спасли небывалый урожай фруктов и овощей, выращенных на участках, отведенных под посевы внутри города, и исключительно большие уловы рыбы в гавани. Штурм северной стены, проведенный 2 сентября, также потерпел неудачу. 14 сентября Карл объявил общий штурм. Бой в тот день был яростнее, чем все предыдущие. Но вновь штурмующие ничуть не продвинулись, и, после того как двое аристократов, стоявших рядом с Карлом, были убиты камнем, брошенным со стены, Карл прекратил атаку и отступил в свой лагерь. Там он написал Аламо письмо, в котором обещал ему, что если тот сдастся и восстановит в городе власть Карла, то получит в награду наследные владения, где только пожелает, и деньги в возмещение военных расходов. Все, о чем просил Карл, — шестеро граждан Мессины по его выбору должны быть переданы ему для наказания. Все остальные жители Мессины

будут прощены.

Аламо с презрением отверг предложение. Он и его правительство осознавали опасность своего положения, но надеялись найти избавителя. Когда Папа через своего легата отверг их проект превратить Сицилию в группу коммун под властью Святейшего Престола, они поняли, что для будущего Сицилии надо искать другое решение. И одно такое решение было под рукой.[310]

Король Педро Арагонский, отправляя посольство к Папе Мартину, чтобы испросить благословения для своего крестового похода, не очень рассчитывал на доброжелательный ответ. Его главный посол, каталонец Гильом де Кастельно, получил указание задержаться на обратном пути в Палермо и связаться там с лидерами восстания. К тому времени палермцы уже знали: ничто не заставит Папу отречься от короля Карла. Сперва сицилийцы не хотели менять одного иноземного монарха на другого. Но в одиночку им было не выстоять. Королева Констанция Арагонская была, в конце концов, представительницей дома Гогенштауфе-нов и последней наследницей великой династии сицилийских королей. Ее муж находился недалеко от сицилийской прекрасной армии. Дальновидность, а также разумность такого решения побудили сицилийцев признать Педро и Констанцию своими королем и королевой. Гильом де Кастельно уплыл к своему господину в Колло, везя с собой троих сицилийских посланников. Один из них был мессинским дворянином по имени Гульельмо, жившим в то время в Палермо, двое других были палермскими судьями, чьи имена неизвестны.

Сицилийская делегация предстала перед королем Педро в его лагере в Колло и, выразив ему свое почтение, рассказала о положении, в котором оказался их осиротевший остров. Они сказали, что Констанция — их законная королева, которой следует передать корону, а после нее — ее сыновьям, инфантам Арагонским. Они умоляли Педро прийти им на помощь и позаботиться о том, чтобы королева вступила в свои права. Педро принял посланников с уважением, но пока не решался брать на себя ответственность. Четыре дня спустя прибыл корабль с двумя рыцарями и двумя горожанами из Мессины, которые проскользнули сквозь блокаду Карла Анжуйского. В то же время трое других жителей Мессины добрались до Палермо, чтобы заявить, что они присоединяются к просьбе, обращенной к королю Педро. Педро продолжал делать вид, что колеблется. Но он уже посоветовался со своими полководцами и выяснил, что те охотно последуют за ним на Сицилию. После должных проявлений скромности Педро великодушно объявил, что отвечает согласием на просьбу

сицилийцев: он поплывет на Сицилию и возведет свогю жену на трон ее предков. Педро пообещал сицилийцам, что их вольности будут соблюдены и то все будет так же, как было при короле Вильгельме Добром. Затем он снова отправил Гильома Кастельно к папскому двору с подробным и смиренным объяснением своих мотивов.[311]

К концу августа арагонский лагерь в Колло свернули. Три дня военачальники руководили загрузкой солдат, оружия и провизии на ожидавшие их галеры и транспортные суда. Сицилийский корабль поспешил домой, чтобы объявить, что его команда видела, как король Педро готовится к отплытию. Какие-то два дня спустя, 30 августа 1282 г., огромное арагонское войско с королем во главе высадилось в Трапани. Восстание на Сицилии теперь переросло в европейскую войну. [312]

Глава XIV. ПОЕДИНОК КОРОЛЕЙ

Резня в Палермо и доблестная оборона Мессины были заслугой одних лишь сицилийцев. Но их восстание было результатом большого заговора. Возможно, они получали оружие из Генуи и Арагона; золото они, несомненно, получали из Византии – но сражались сицилийцы в одиночку. Страстная ненависть к угнетателю пока питала их силы. Но будущее оставалось туманным. В Мессине Карла удалось остановить, но не сокрушить – он еще мог рассчитывать на подкрепление. Ожидались еще корабли из Венеции. Французские рыцари под предводительством графа Алансонского вот-вот должны были отправиться в Италию. Папа отказался поддерживать восстание. Чтобы предотвратить повторное завоевание Сицилии Карлом, была необходима помощь из-за границы, и король Арагонский, чья жена могла заявить свои наследные права, а армия находилась неподалеку, был как раз тем человеком, который мог помочь мятежникам. Но король Педро был почти так же амбициозен, как король Карл. Каждый из них выстроил свою систему военных союзов, и, когда они столкнулись, война приняла слишком широкие масштабы, чтобы кто-то из участников долго помнил об интересах одной лишь Сицилии.

Высадившись в Трапани, король Педро и его армия двинулись в Палермо, а флот последовал за ними вдоль побережья. Педро прибыл в Палермо 2 сентября. Он хотел, чтобы его короновали как короля Сицилии сразу же. Но архиепископ Палермский умер, а архиепископ Монреальский бежал, будучи сторонником французов. Таким образом, Педро был лишь провозглашен королем в присутствии коммуны 4 сентября. В ответ он торжественно пообещал соблюдать права и свободы сицилийцев, как было при короле Вильгельме Добром. Затем Педро призвал всех здоровых мужчин Палермо и Западной Сицилии вступить в его армию и пойти вместе с ним освобождать Мессину. Несколько дней спустя он не спеша двинулся на восток через Никозию и Троину к центру острова, а флот неотступно следовал за ним вдоль северного побережья. Педро уже отправил двоих послов, Педро де Керальта и Родриго де Луна, к королю Карлу — потребовать, чтобы тот покинул остров.[313]

Карл узнал о высадке Педро лишь через несколько дней. Двое кармелитов видели арагонских послов в Никозии, на островной дороге из Палермо в Мессину, и узнали об их миссии. Монахи поспешили обратно к Карлу с этим известием. Жители Мессины пока ничего не знали, и общий

штурм, назначенный Карлом на 14 сентября, было попыткой подчинить город, пока горожане не узнали, что союзник уже на подходе. Условия заключения мира, предложенные Карлом Аламо сразу же после неудачного штурма, были также попыткой решить дело до того, как станет известно о вторжении арагонских войск.[314]

Послы Педро предстали перед королем Карлом 16 сентября. Карл принял их не очень учтиво и ответил им не сразу. Послам было велено вернуться на другой день. Они воспользовались освободившимся временем, чтобы подойти как можно ближе к стенам Мессины и крикнуть, что их король Педро — уже в Палермо. Их приняли за провокаторов, и никто им не поверил, кроме низложенного капитана, Балдуина Мюссоне. Он пробрался наружу через линию вражеской осады, чтобы присоединиться к Педро Арагонскому и снискать королевское расположение раньше, чем это удастся его сопернику, Аламо. Мюссоне был остановлен какими-то крестьянами, которые и привели его обратно в город. Горожане были в ярости. Его хотели растерзать как дезертира, и Аламо пришлось взять Мюссоне под стражу, чтобы спасти ему жизнь. Мюссоне был заключен в темницу вместе с неким Федерико Фальконио, который вел пораженческие речи. Судье Энрико да Паризи и трем его друзьям повезло меньше. Их заподозрили в предательских переговорах с врагом и спешно казнили.[315]

Карл, прежде чем дать ответ посольству, выслушал мнение своих советников. Он узнал, что войско Педро огромно, в особенности — его флот. Карл же не мог полностью положиться на свою эскадру: наемные команды были ненадежны, а генуэзцы даже открыто братались с сицилийцами. Он не хотел попасться в ловушку в Мессине, что непременно случилось бы, если бы путь к отступлению через пролив перекрыли бы арагонские корабли. Не хотел он также вступать в решающий бой, пока не подоспели его французские союзники. Среди всех советников Карла самым инициативным оказался Томмазо д'Ачерра. Он был сыном одной из внебрачных дочерей Фридриха II, а потому был на подозрении у короля; но теперь Карл был готов ему поверить. Томмазо заявил, что было бы лучше дожидаться подкрепления на сильной позиции на другом берегу пролива, в материковой Италии; сицилийцы вскоре устанут от арагонцев — тогда можно будет снова нанести удар по острову, предпочтительно — в более слабой точке, чем Мессина.[316]

Когда Карл снова встретился с арагонскими послами 17 сентября, он дал им расплывчатый ответ, сообщив, что не признает притязаний Педро на

Сицилию, но при этом упомянул о том, что готовится уводить свои войска с острова, хотя не обещает, что не вернется однажды без предупреждения. Неделю спустя, обнаружив, что его двусмысленный ответ не помешал Педро неспешно продвигаться к Мессине, Карл начал переправлять свою армию и осадные орудия через пролив в Калабрию. К тому времени мессинцы узнали об арагонском вторжении. Генуэзский купец, своими глазами видевший короля Педро на острове, добрался до Мессины и сообщил новость Аламо. Горожане возликовали и, увидев, что неприятельская армия готовится свернуть лагерь и погрузиться на корабли, начали делать вылазки. Не вся армия успела эвакуироваться до подхода арагонского авангарда. В панике военачальники Карла Анжуйского смогли погрузить большую часть своих солдат на транспортные корабли, но некоторые остались и были убиты; было также брошено огромное количество вооружения и других трофеев.[317]

Король Педро совершил триумфальный въезд в Мессину 2 октября. Он не спешил на пути из Палермо. Как и король Карл, он не хотел вступать в решительное сражение, а, напротив, стремился дать анжуйской армии время переправиться в Калабрию, чтобы без боя заполучить весь остров. Педро не был уверен, что настроения сицилийцев останутся неизменными, но прекрасно понимал, что его основное преимущество в глазах жителей острова — это его армия и его флот. Король Педро пока не был готов рискнуть ни тем, ни другим, поскольку уже имел неутешительный опыт. Во время остановки в Милаццо к нему ночью явился старик в лохмотьях, представившийся как Виталис деи Джудичи из Мессины. В свое время он был преданным другом короля Манфреда, после гибели которого потерял все и с тех пор жил как нищий, в отличие от большинства сицилийских сеньоров. Против их непостоянства старик как раз настоятельно и предупреждал короля. Он сказал Педро, чтобы тот в особенности остерегался Аламо да Лентино, отважного капитана Мессины, который уже предал сначала короля Манфреда, а затем короля Карла. А еще хуже, чем Аламо, была его жена Махальда и ее отец Джакомо да Скалетта. Король Педро ответил весьма резонно, что его цель — завести друзей на Сицилии, а не оскорблять сицилийцев подозрительностью и обвинениями в прошлых преступлениях. Предостережение мстительного старика лишь подвигло его на следующее утро объявить амнистию всем политическим преступникам.

На следующий вечер король наверняка вспомнил того старика. Педро собирался провести ночь в деревне Санта-Лючия, расположенной в двух милях от Милаццо, и обнаружил, что там его поджидает та самая синьора Махальда. Он уже встречался с ней двумя днями раньше в Рандаццо на

северных склонах Этны, когда остановился, чтобы поприветствовать делегацию, прибывшую из Мессины с известием о том, что король Карл покинул остров; а Махальда прибыла туда из Катании и привезла с собой ключи от города. Она решила, что ей вполне подойдет место королевской любовницы, и теперь пыталась реализовать свой план. Король Педро провел вечер, чувствуя себя весьма неловко. Он спасся только подробным рассказом о своей преданности королеве Констанции. Это был не тот аргумент, который мог понравиться Махальде. С этих пор она не скрывала своей ревности к королеве и стала использовать свое влияние на собственного мужа, Аламо, чтобы втянуть его в интриги против арагонской династии. [318]

На тот момент Аламо был непреклонен. Он приветствовал Педро в Мессине и передал городское ополчение под командование короля. Сицилийцы и арагонцы отнеслись друг к другу по-братски и, полные воодушевления, отправились грабить калабрийское побережье. Отступление Карла было таким поспешным, что у него не хватило времени на ремонт кораблей. Карл встал лагерем в Реджо, пытаясь восстановить свое войско в ожидании союзников из Франции. Он не успел атаковать арагонцев до того, как последние корабли их эскадры прибыли наконец в Мессинскую гавань 9 октября. Два дня спустя несколько кораблей анжуйца пытались выскользнуть из порта Реджо, чтобы плыть в Неаполь. Арагонцы отправились в погоню, и тогда Карл приказал своему основному флоту атаковать. Однако его эскадра была оттеснена обратно в гавань Реджо с тяжелыми потерями, в числе которых были и две галеры, нанятые в Пизе. 14 октября состоялся второй морской бой, у Никотеры, где-то в тридцати милях к северу от пролива. Арагонцы, несмотря на то что численностью уступали противнику, сумели захватить двадцать одну груженную вооружением галеру, плывшую из Неаполя.[319]

Короля Педро эти успехи вдохновили, и он задумал высадить свои войска на материк. Он полностью контролировал Сицилию и — по крайней мере, на тот момент — господствовал на море. В конце октября солдаты Педро сошли на берег возле Никастро, на самом узком участке Центральной Калабрии, и заняли перешеек между Тирренским морем и заливом Таранто, таким образом отрезав Реджо и армию короля Карла от остального материка. Правда, это была не очень эффективная блокада. Карл Хромой, князь Салернский, с шестью сотнями рыцарей из Франции сумел войти в Реджо в начале ноября, и графы Алансона и Артуа последовали за ним месяц спустя. Карл доверил защиту области двоим своим лучшим

французским военачальникам, Бертрану Артю и Понсу де Бланкефору, вместе с влиятельным итальянским магнатом, Пьетро Руффо, графом Катандзаро. Талантливые полководцы, они хорошо выполнили возложенную на них задачу и с помощью подкреплений, полученных из Франции, не дали арагонцам упрочить свои позиции.[320]

К ранней зиме война, казалось, зашла в тупик, и единственным выходом из него могло быть только вмешательство новых сил. Король Педро очень хотел избежать подобного поворота событий. Он выиграл первый раунд с помощью сицилийцев и мог рассчитывать на поддержку гибеллинов Северной и Центральной Италии. Действительно, после известия о Вечерне гибеллины в Перудже устроили переворот, и большая часть Умбрии теперь была под контролем гибеллинов. В деревнях сжигали изображения ненавистного Папы-француза Мартина IV. Первого мая Гвидо да Монтефельтро с отрядом тосканских и эмилианских гибеллинов устроил засаду в Форли папскому наместнику Романьи, французу Жану д'Эппу, и перебил большую часть его отряда. Знатное семейство Орсини подняло мятеж в Риме, но было вынуждено укрыться в своих замках в провинции. Конрад Антиохийский, внук Фридриха II, появился с армией в горах возле Тиволи.[321] Но хотя гибеллины могли помешать врагам Педро и отвлечь их, они не могли оказать арагонскому королю реальную помощь. Среди других его друзей Генуя разделяла его враждебность к королю Карлу, хотя и готова была сдавать внаем галеры для армии анжуйца. Но Генуя была слишком занята своим соперничеством с Венецией из-за торговли на Востоке, а также войной с Пизой.[322] У Педро был потенциальный союзник в лице императора Михаила Палеолога в Константинополе. Но теперь, когда исчезла угроза похода короля Карла на Константинополь, византийцы могли себе позволить игнорировать Запад. Им было чем заняться на Балканском полуострове и в Анатолии. Сам Михаил был болен, и конец его был близок. Он умер 11 декабря 1282 г., довольный делом своей жизни: он возродил Византийскую империю и предотвратил нападение из Западной Европы. Сын и наследник Михаила, Андроник, был миролюбивым и не очень способным правителем, чьим главным интересом было богословие. Правда, его дипломаты внимательно следили за делами в Италии, и он зашел настолько далеко, что его второй женой стала дочь могущественного североитальянского князя, маркграфа Вильгельма Монферратского. Но даже если бы король Педро захотел этого, византийцы не стали бы вмешиваться в западноевропейскую войну.[323] Итак, у Педро были ненадежные союзники. В кастильском королевстве, на которое у него было

некоторое влияние благодаря тому, что Педро удерживал у себя инфантов де Ла-Серда, шла гражданская война между королем Альфонсом и его сыном королем Санчо. Рудольф Германский разочаровал гибеллинов: он не хотел ссориться с Папой, поскольку все еще надеялся на императорскую коронацию и считал себя связанным договором с королем Карлом, чей старший внук был мужем его дочери. Король Эдуард Английский был дружелюбно настроен по отношению к Педро и был в прохладных отношениях с французским двором — но у него было достаточно своих забот. Он придерживался строго нейтральной позиции, готовый с радостью сделать что угодно для сохранения мира в Европе.[324]

У короля Карла были более надежные союзники. Правда, итальянские гвельфы были едва ли более полезны ему, чем гибеллины — его противнику, и Венеция, хотя и изъявившая готовность присоединиться к Карлу в его походах на Константинополь, даже меньше, чем Генуя, хотела быть вовлеченной в итальянскую войну. Но французский король рассматривал восстание на Сицилии как личное оскорбление, нанесенное французам. Он полностью поддерживал своего дядю. Когда князь Салернский поспешил из Прованса в Париж, чтобы сообщить королю Филиппу о Вечерне, его приняли очень тепло. Филипп не только разрешил своим кузенам графу Алансона и Артуа присоединиться к анжуйской армии, но также предложил заем в размере 15 000 турских ливров на военные расходы. Карл также просил сына, чтобы тот попытался добиться примирения с королевой-матерью Маргаритой, великодушно предложив ей новое урегулирование ее претензий на Прованс. Возможно, благодаря посредничеству Филиппа вдовствующая королева согласилась не предпринимать активных действий против Карла на данный момент.[325]

Благосклонность французского двора была очень важна для Карла. Но пока война шла в Италии, французы могли разве что присылать ему наемников и одалживать деньги. Карл, несмотря на предупреждение короля Филиппа, сделанное им королю Педро до Вечерни, не был уверен, что французы захотят объявить войну Арагону. Однако в этом их мог бы убедить Папа — а Мартин IV был самым преданным союзником Карла. Мартин без колебаний отождествлял дело Карла со своим. Победы гибеллинов на папских землях лишь укрепили его в этом мнении. Папа отлучил от Церкви своих и Карла врагов: короля Педро, императора Михаила, Гвидо да Монтефельтро и гибеллинские города — Перуджу, Сполето и Ассизи. С практической же стороны — он одолжил Карлу деньги с церковных доходов, но взамен вынужден был попросить Карла о

военной помощи, чтобы защитить свои владения. Для Мартина IV моральный и военный вопросы были взаимосвязанными: его авторитет был попран Педро Арагонским и мятежными сицилийцами; обязанность всех добрых христиан состояла в том, чтобы сплотиться и сокрушить обидчиков.[326]

Если Карл в чем-то и не разделял точку зрения Папы, то виной тому был финансовый вопрос. Война становилась дорогим удовольствием. Ни один король больше не мог рассчитывать на то, что феодальное ополчение явится во всеоружии по его приказу. Большинство бойцов теперь ожидали, что им будут платить и снабжать их оружием. Вооружение стоило дорого, так же как и корабли, вне зависимости, построены ли они для военно-морских нужд, или взяты в аренду. Кроме того, войны обычно мешали торговле и таким образом сокращали пошлины и таможенные сборы, которые составляли большую часть государственных доходов. Ни Педро, ни Карл не хотели издержек долгой войны. Педро был довольно беден. Арагон не был богатой страной, и его аристократия пользовалась конституционными привилегиями, которые ограничивали размер налогов, взимаемых королем. В его владениях находились такие процветающие купеческие города, как Барселона и Нарбонн, но у купцов тоже были свои права, и они не слишком стремились оказать финансовую поддержку королю ради войны, которая неизвестно как скажется на международной торговле. Педро поднял все налоги, какие мог, и увеличил свою прибыль за счет дани, которую платили мусульманские правители Южной Испании или Африки. Он боялся расходов долгой и широкомасштабной войны. Карл же мог рассчитывать на значительные доходы. Он установил строгий финансовый контроль над своими владениями и облагал их тяжелыми налогами. Но было ясно, что слишком высокие налоги могут спровоцировать беспорядки. Потеряв Сицилию, Карл больше не мог рассчитывать на дань, которую до сих пор присылал ему эмир Туниса. Претенциозная внешняя политика Карла всегда стоила ему немалых денег и в значительной степени оплачивалась за счет займов. Король задолжал огромные суммы своим кредиторам. Деньги, предназначенные для его похода на Константинополь, были истрачены. Первые итоги строительства его империи были неутешительны с финансовой точки зрения: Ахейское княжество было достаточно богатым для того, чтобы обеспечивать свое существование, но не имело свободных денег, особенно сейчас, когда сама власть Карла, казалось, пошатнулась; то, что осталось от его Албанского и Иерусалимского королевств, не приносило ничего, кроме расходов, — их доходы были мизерны, а он должен был снабжать их не только

гарнизонами и оружием, но даже продовольствием. Карл жаждал вернуть Сицилию, но это стоило бы ему недешево.[327]

Возможно, что, именно опасаясь военных расходов, Карл сделал любопытное предложение в надежде избежать затяжных боевых действий. Ближе к концу 1282 г., когда Карл был все еще в Реджо, а Педро находился по другую сторону пролива в Мессине, анжуец послал доминиканского монаха, Симона да Лентино, в лагерь арагонцев с предложением: решить судьбу Сицилии с помощью поединка между двумя королями. Педро согласился, при условии что война будет продолжаться до самого начала схватки. После переговоров было решено, что силы для поединка слишком не равны, поскольку Карлу было уже пятьдесят пять лет и по средневековым меркам он был стариком, тогда как Педро был на пятнадцать лет моложе. Было решено, что на стороне каждого короля будут сражаться по сотне рыцарей по их выбору. Встреча должна была состояться 1 июня 1283 г. в Бордо, столице французских владений короля Эдуарда Английского.[328]

Теперь уже никто не скажет, насколько искренними были Карл и Педро, планируя свой поединок. Человеку свойственно стремление обращаться к некоему суду, чей моральный авторитет общепризнан, даже если сам истец не собирается подчиняться неблагоприятному для него решению. Современный человек обращается в международную ассамблею. В средние века взывали к более праведному суду — суду Божьему. К XIII в. обращение к суду Божьему посредством битвы уже редко встречалось в судебной практике, но люди все еще верили, что это способ проверить справедливость чьего-либо дела: если будут обеспечены равные условия, Бог отдаст победу правому. Возможно, и Карлу, и Педро показалось, что подобное предложение дает возможность решить сицилийский вопрос, избегнув трудностей и трат, неизбежных в случае широкомасштабной войны. Каждый понимал, как ценно с точки зрения пропаганды показать свое желание подчиниться приговору суда Божьего. Для Педро, у которого в случае начала войны были гораздо более мрачные перспективы, чем у Карла, поединок был вполне привлекательной идеей. Педро был в расцвете сил, воспитан он был при дворе с галантными и рыцарскими традициями, среди товарищей, которые одобрили бы такую авантюру. Карл, подвергался большому риску, но, несмотря на свой суровый нрав и амбиции, он был набожным человеком. Вполне вероятно, что он искренне верил в то, что его право владеть Сицилией, дарованное ему Святой Церковью, будет поддержано Господом. По зрелом размышлении каждый король мог бы

усомниться в разумности этой затеи, но, однажды дав свое согласие, ни один из них не мог решиться запятнать свою репутацию отказом.

Их сомнения могли лишь усилиться, когда они узнали, как восприняли новость европейские монархи. Папа Мартин был откровенно напуган. Если им нужен суд Божий, то вот же он, представитель воли Господней на земле. Выказав немного доверия к Божьему суду, он написал Карлу, спрашивая, разумно ли биться на равных условиях с врагом, который настолько слабее его. Только вполне понятное чувство раздражения, считал Папа, могло побудить Карла принять столь безрассудное решение. Он запретил Карлу вступать в поединок, а королю Английскому — разрешать проводить встречу в своих владениях. Сам король Эдуард Английский считал поединок проявлением легкомыслия.[329] Сицилийцы, столкнувшись с риском оказаться вновь под властью Карла Анжуйского вследствие схватки, на исход которой они сами никак не могли повлиять, должно быть, разделяли его взгляды. Но король Карл не стал открыто менять свое решение. Возможно, он все равно собирался нанести визит к французскому двору и в свои владения во Франции и был рад, что во время его отсутствия в королевстве его сын, Карл Салернский, на свой страх и риск сможет успокоить волнения. Король Педро был также рад возможности на время вернуться в Арагон, хотя он не собирался уезжать с Сицилии, не упрочив свое военное присутствие в Калабрии.[330]

12 января 1283 г. Карл издал указ, наделявший его сына, Карла Салернского, полной властью в королевстве до того момента, как он не вернется из-за границы. Пять дней спустя король уехал из Реджо и медленно двинулся на север через все свое государство, задержавшись в начале февраля в Неаполе и достигнув Рима в конце месяца. Карл остановился в Витербо у Папы Мартина 9 марта, вверив своего сына, регента королевства, его заботам, и продолжил путь, проехав через Флоренцию 14 марта, к Виареджо, где провансальские галеры встретили его и доставили в Марсель. В апреле Карл направился в Париж, где его племянник, король Филипп, оказал ему теплый прием.[331]

Король Педро не так спешил, он хотел закрепить свои военные успехи. В начале января, до того, как король Карл покинул Реджо, отряд арагонских солдат совершил набег на морской порт Катону и ворвался в дом, где остановился граф Алансонский, который погиб в схватке. Морской арсенал был уничтожен. Такие налеты подрывали моральный дух анжуйской армии, военачальники которой старались по возможности заменять местные войска солдатами из Франции и Прованса. А король Педро,

напротив, сделал красивый жест, отпустив две тысячи итальянцев, взятых им в плен.[332]

13 февраля 1283 г. князь Салернский вывел армию из Реджо и отступил на удобную оборонительную позицию в долину Сан Мартино, примерно на тридцать миль к северу. На следующий день король Педро пересек пролив и вошел в Реджо, не встретив сопротивления. Он издал манифест, предлагающий вознаграждение любому калабрийцу, который присоединится к нему. Это предложение нашло отклик, но его войска не смогли вытеснить анжуйскую армию с ее позиции в Сан Мартино и не смогли оказать поддержку мятежникам на севере от линии фронта. В ответ Карл Салерн-ский созвал в своем лагере в Сан Мартино парламент и провозгласил с его согласия ряд указов, направленных на то, чтобы упорядочить и претворить в жизнь реформы, которые его отец обещал провести в июне прошлого года. Кардинал Герард Пармский, папский легат на Сицилии, был рядом с ним, как представитель его сюзерена и покровителя Папы. Он проследил за тем, чтобы в принятых статьях упоминалось о независимости духовенства от королевской власти. Следующая группа статей продемонстрировала, как Анжуйская династия заботилась о своих вассалах. Главные держатели короны получали: право заключать браки, какие они хотели; больше власти над их собственными вассалами; привилегию представать перед судом равных; и обещание, что от них никогда не потребуют службы, несовместимой с их положением. Дальше следовала целая мешанина из реформ, одни из которых гарантировали права на имущество и свободу женщинам, чьи мужья или родственники были преступниками и предателями; другие ограничивали ответственность деревенских общин в случае, если один из их членов совершит преступление. Один пункт упразднял налоги, взимаемые на починку кораблей, другой — сокращал налоги, взимаемые местными властями на содержание замков; другие статьи запрещали королевским служащим приобретать вьючных животных по номинальной цене, а за продукты, поставляемые в королевский дворец, надлежало платить хорошую цену. Было реорганизовано управление лесным хозяйством и рынками и денежная система. Как обычно, королевским подданным были обещаны вольности, которыми они пользовались во времена короля Вильгельма Доброго.[334]

Раз уж была необходимость в таком множестве реформ, значит, управление королевством переживало плохие времена из-за дорогостоящей и амбициозной политики Карла, которая так и не принесла никакой выгоды.

Неясно, какие из этих реформ были осуществлены в реальности. Некоторые юристы королевства зашли так далеко, что даже запросили Папу Мартина, в чем именно заключались эти пресловутые вольности, которыми пользовалось население во времена короля Вильгельма Доброго. Папа в сердцах ответил, что не знает, поскольку не жил в ту эпоху. Но с точки зрения пропаганды указы Сан Мартино мало что дали. Итальянские подданные короля Карла были, как и прежде, готовы изменить ему, как только представится благоприятный момент. Анжуйцы скорее могли бы извлечь больше пользы от похолодания, наступающего в отношениях между сицилийцами и их арагонскими спасителями.[335]

Ранней весной 1283 г. король Педро послал за своей супругой. Он мог быть доволен собой. Были разосланы письма его союзникам-гибеллинам на севере — Гвидо да Монтефельтро, Конраду Антиохийскому и Гвидо Новелло — с сообщениями о том, что неприятельская армия в Калабрии умирает от голода. Он даже написал в Венецию, чтобы убедить дожа примкнуть к его триумфу. Педро вернулся в Мессину 4 апреля. Королева Констанция прибыла туда 16 апреля и привезла с собой двоих младших сыновей, инфантов Хайме и Федерико, и дочь инфанту Виоланту, а также своего доверенного советника, Джованни да Прочида.[336] 19 апреля в Мессине был созван парламент, на котором было объявлено, что после смерти короля Педро инфант Хайме наследует сицилийский престол, а его старший брат Альфонс станет государем Арагона. Королева Констанция тем временем была объявлена регентшей, Аламо да Лентино — главным юстициарием, Джованни да Прочида — канцлером, а Руджеро ди Лауриа — великим адмиралом. На следующий день Педро покинул Мессину и неспешно направился через остров к Трапа-ни. Оттуда он отплыл 6 мая в Валенсию. Две недели спустя он покинул Валенсию и направился к месту встречи в Бордо.[337]

В действительности ни он, ни Карл уже не собирались вступать в поединок, но комедию следовало доиграть до конца. Король Эдуард, послушный воле Папы, отказался принимать личное участие в их деле. Он остался в Англии и не дал участникам гарантии неприкосновенности на своих французских землях. Но он позволил своему сенешалю в Гиени, Жану де Гральи, сделать необходимые приготовления для встречи гостей и оборудовать ристалище. Король Карл прибыл в Бордо с большой помпой, в сопровождении короля Франции и великолепного эскорта французских рыцарей, из которых он мог выбрать свою сотню бойцов. Мир должен был видеть, что он все еще великий король. Педро выбрал другую тактику. Он

прибыл скромно со своими рыцарями, тщательно стараясь не рисоваться, словно показывая, что полагается только на Бога.

Битва была назначена на 1 июня, но, к сожалению, никто не назвал точное время. Рано утром король Педро и его бойцы выехали на арену и обнаружили, что они там одни. Герольды Арагона официально объявили о прибытии своего государя на бой. Затем Педро вернулся к себе, объявив, что его противник не явился на место встречи и, таким образом, победа должна быть признана за ним. Несколько часов спустя король Карл прибыл на место встречи во всеоружии и проделал точно такую же процедуру. Он также объявил себя победителем. Враждующие короли уехали из Бордо несколько дней спустя, причем каждый из них называл другого трусом, не осмелившимся предстать перед судом Божьим.[338]

Настоящая схватка состоялась на более просторной арене. Король Педро и король Карл, возможно, и хотели бы ограничить войну итальянскими землями. Но Папа Мартин IV хотел совсем другого. Он уже объявил о начале крестового похода на Арагон и, поступая таким образом, рыл могилу средневековому папству.

Глава XV. СМЕРТЬ КОРОЛЯ КАРЛА

Трагедия папства заключалась в том, что на тот исторический момент его судьбу вершил французский патриот. С самого начала Папа Мартин воспринял восстание на Сицилии как бунт, направленный против него лично. Более рассудительный Папа понял бы его причины и то, что сицилийцы искренне желают вверить себя покровительству понтифика. Мартин же помнил лишь о том, что именно папство возвело французского принца Карла на сицилийский престол, и было бы предательством по отношению к Церкви и Франции выказывать сочувствие восставшим. Непримиримость Папы толкнула Сицилию в руки Арагона. В ответ на это Папа использовал все могущество Церкви против Арагона.

Педро Арагонский был отлучен от Церкви в ноябре 1282 г. А 13 января 1283 г. Мартин объявил, что война против Педро, сицилийцев и всех, кто окажет им помощь, приравнивается к крестовому походу и все участники получат привилегии, которые полагаются тем, кто сражался с язычниками в Святой Земле. Но этого было недостаточно. По пути в Бордо Карл встретился с Папой в Витербо, король уже знал, что не будет участвовать в поединке, и запланировал более серьезные шаги, осуществить которые надеялся с помощью короля Франции. 21 марта, несколько дней спустя после отъезда Карла, Мартин IV объявил, что король Педро будет лишен всех своих владений, и они будут переданы в руки добрых католиков, избранных Святейшим Престолом. Нейтральным правителям было наказано не иметь ничего общего с отлученным королем. Эдуарду Английскому, чья дочь была обручена со старшим сыном Педро, Альфонсом, было велено расторгнуть помолвку, правда, безрезультатно. Венецианского дожа, которого подозревали в сочувствии королю Педро и который отказался предоставлять впредь наемные галеры армии Карла Анжуйского, папский легат предупредил, торжественно объявив на площади Святого Марка о приговоре, вынесенном Педро и его союзникам.[339]

Тем временем в Париже и в Бордо король Карл вместе со своим племянником королем Филиппом обсудили, как следует провести крестовый поход на Арагон. Карл хотел как можно сильнее увлечь этой затеей французский двор. Скорее всего, именно по его предложению в августе 1283 г. Папа послал легата, Жан Шоле, кардинала церкви Св. Цецилии, в Париж предложить арагонский престол младшему сыну короля

Филиппа — Карлу, графу Валуа. Филипп к тому времени, в ожидании такого предложения, уже заручился поддержкой Хайме, короля Майорки, отчаянно завидовавшего своему брату Педро и тяготившегося своей вассальной зависимостью от него. Королю Хайме, похоже, была предложена полная независимость после того, как французский принц взойдет на арагонский престол. Кардинал-легат даже пообещал, что французское духовенство будет три года выплачивать Карлу Валуа церковную десятину. Многие французы не одобрили подобный план. Так, последние из оставшихся в живых советников Людовика Святого не раздумывая указали на то, что их покойный господин никогда не одобрял нападок Папы на светских правителей. Наследник престола, будущий Филипп IV Красивый, чья мать была арагонской принцессой, симпатизировал своему дяде Педро.

Король Филипп воспользовался всеми этими колебаниями, чтобы добиться от Папы обещания выплачивать церковную десятину в течение большого срока. Понтифик был раздражен настолько, что сделал официальное заявление о том, что планируемый Францией поход на Арагон действительно будет крестовым. Наконец, 2 февраля 1284 г. король Филипп публично объявил, что принимает королевства Арагон и Валенсию для своего сына Карла Валуа.[340]

Тем временем война в Италии продолжалась. Гибеллинов Центральной Италии удалось остановить. Энергичный папский легат Бернард, кардинал Порто, ездил по стране, ободряя гвельфов. Война между Генуей и Пизой не позволяла ни той, ни другой оказывать поддержку делу гибеллинам. Жан д'Эпп, папский наместник Романьи, получил свежие подкрепления и деньги, благодаря которым купил лояльность некоторых городов Романьи и Анконской марке, а другие взял штурмом, начиная с Форли, чьи стены он сровнял с землей. Но города Умбрии остались в руках гибеллинов; и Гвидо да Монтефельтро в своем апеннинском замке Мендола и Конрад Антиохийский в Сарачинеско в Абруцци остались непобежденными, несмотря на то что их противники получили все привилегии крестоносцев.[341]

В Южной Италии дела шли не так хорошо, у Папы было меньше поводов для оптимизма. Карлу Салернскому отчаянно не хватало денег. В течение февраля 1282 г. папство снабдило его 90 000 унциями золота. На Соборе в Мельфи папский легат, кардинал Герард, предложил принцу воспользоваться в своих интересах церковными доходами королевства. И все равно Карлу Салернскому пришлось занимать деньги у королей

Франции и Англии, у банкиров Лукки и Флоренции, у эмира Туниса и у вольных городов королевства.[342] Благодаря всем этим усилиям он смог снарядить провансальский флот и перебросить его в Неаполь. Там флот, объединившись с местной эскадрой, двинулся в Никотеру, в Калабрию, куда принц перевел свой лагерь к концу апреля. Арагонская армия тем временем продвинулась ненамного дальше Реджо, но часть флота под предводительством Манфреда Ланца блокировала Мальту, где анжуйский гарнизон оказался в сложном положении. Принц Карл послал свой новый флот на освобождение острова, что было необходимо, если он хотел поддерживать связи с Тунисом и Востоком. Корабли Карла под командованием провансальского адмирала Бартоломе Бонвэна проскользнули через пролив, но Руджеро ди Лауриа во главе основного арагонского флота отправился за ними в погоню и догнал у побережья Мальты. Благодаря искусному маневрированию он легко получил преимущество над анжуйцами и уничтожил почти все их суда. Затем Руджеро, вернувшись с триумфом, устроил демонстрацию сил у побережья Неаполя и окрестностей и занял острова Капри и Искию.[343] После такого унизительного поражения тот факт, что регентше вражеской стороны, королеве Констанции, тоже не хватало денег, служил слабым утешением для принца Карла. Сама королева и ее министры-итальянцы заботились о правах ее новых подданных. Но арагонские аристократы и солдаты были бедны и алчны, и обуздать их было непросто. Труднее всего было контролировать альмогаваров[illegible], наемников, чьей партизанской тактике король Педро был в большой степени обязан своим успехом; но, как все хорошие наемники, они проявляли мало уважения к чужой собственности. Сицилия была не богатым островом, и многие сицилийцы задавались вопросом: на пользу ли им пойдет смена господина? Перед отъездом короля Педро с острова поползли тревожные слухи об известном аристократе Гвалтьери да Кальтаджироне — один из бывших заговорщиков, с которыми, как говорили, Джованни да Прочида и сплел заговор. К концу мая Аламо да Лентино предоставил инфанту Хайме доказательство переговоров Гвалтьери да Кальтаджироне с Анжуйской династией. Хайме как представитель своего отца приговорил Гвалтьери к смерти.[344]

Ясно было, что, пока арагонцы не могли предложить Сицилии ничего, кроме финансового гнета, островитяне продолжат плести заговоры. Победа Руджеро ди Лауриа всех воодушевила. Король Педро прислал поздравительные письма из Арагона, но не прислал денег для моряков.

Когда Джованни да Прочида написал Педро, жалуясь на неповиновение арагонских наемников, Педро ответил, что тот мешает арагонским властям на острове исполнять свои обязанности. Педро также не дал разрешения сицилийскому духовенству отобрать у светских властей полномочия, данные им в переломный момент восстания. Когда королева Констанция поняла, что ее муж не собирается присылать ей помощь из Арагона, где ему требовалось беречь силы ввиду возможного вторжения из Франции, она решила, по совету Джованни да Прочиды, обратиться за финансовой помощью к Константинополю: византийский император финансировал заговор, приведший к Вечерне, — он, конечно же, не откажется дать денег на продолжение войны. В 1281 г. император Михаил предложил Педро, чтобы тот отдал инфанту Виоланту в жены своему овдовевшему сыну Андронику. Арагонский двор тогда ушел от ответа. Но теперь Андроник стал императором, и его помощь была неоценима. Констанция непредусмотрительно решила посоветоваться со своим мужем, прежде чем отправить посольство в Константинополь. Педро пришел в ярость и написал Джованни да Прочида, что запрещает этот проект. Он писал о том, что византийцы будут настаивать на браке, прежде чем дадут деньги, а для его семьи будет позором, если он позволит своей дочери выйти замуж за правителя-схизматика. Он также написал, что был оскорблен, узнав, что королева придерживается иного мнения.[345]

Такая похвальная щепетильность со стороны короля, который уже был отлучен от Церкви, не произвела впечатления на Папу и не принесла сицилийскому правительству денег, в которых оно нуждалось. Война в Италии продолжалась только потому, что рейды Руд-жеро ди Лауриа приносили достаточно трофеев, чтобы удовлетворить аппетиты его матросов. На суше дела не двигались с мертвой точки. К счастью для Педро, вторжение в Арагон было не так легко подготовить. Король Эдуард узнал от своих агентов в тот момент, когда французский король согласился принять арагонский престол, что активные действия начнутся не раньше чем через год. Французам не хватало энтузиазма, в папской канцелярии тянули время. Только в мае 1284 г. вышла булла о передаче Арагона и Валенсии Карлу Валуа, и только в мае 1285 г. армия крестоносцев выступила в поход. Но до этого времени Педро не решался оставить свои испанские владения. Сицилийские интересы отошли на второй план.[346]

Карл Анжуйский знал о затруднениях Педро. Он решил набрать новую армию и флот в Провансе и велел своему сыну в Неаполе созывать под свои знамена все войска, какие можно собрать в Италии, но

придерживаться строго оборонительной позиции до его прибытия. Карл Салернский послушно собрал армию из феодального ополчения, сарацин из Лучеры и гвельфских бойцов из Тосканы и отправил ее под командованием графа Артуа к границам Калабрии. Подчиненным ему местным властям было приказано проследить за обороной прибрежных городов и замков и вести наступательные действия только против таких мест, как Скалеа, где противник располагал опорными пунктами. Были спешно построены новые корабли на верфях Неаполя, чтобы быть готовыми к крупномаштабному походу короля Карла, который начнется с его возвращением из Франции.[347]

Сицилия была спасена благодаря таланту адмирала Руджеро ди Лауриа. На тот момент он господствовал на море и извлек максимум из своего положения. Аль-могаварские партизанские десанты высаживались то здесь, то там на побережьях Калабрии и Базиликате, всегда исчезая прежде, чем войска графа Артуа могли их настичь. В мае Руджеро привел свой основной флот в Неаполитанский залив. Анжуйцы не смогли отбить острова Капри и Искию. Руджеро использовал эти острова как базу для своих рейдов в заливе. Он занял маленький островок Низиду, неподалеку от мыса Позиллипо, и поставил эскадру на якорь под его прикрытием, что позволило ему блокировать гавань. Любое неаполитанское судно, вошедшее в залив, тут же захватывали или топили. Блокада разъярила неаполитанцев. Они потребовали, чтобы правительство приняло меры, а когда власти ответили промедлением, заговорили о перевороте. Карл Салернский не знал, что делать. Его отец, перед которым он благоговел, запретил ему атаковать врага. Папский легат, кардинал Герард, по-прежнему находившийся рядом с Карлом Салернским, повторял совет его отца. Сам же Карл был неуверенным в себе молодым человеком: в результате несчастного случая в детстве он остался хромым и жил с сознанием собственной ущербности. Карла глубоко беспокоили последствия блокады. Он не знал, когда прибудет отец. Возможно также, что он стремился доказать всему миру, что, несмотря на хромоту, может сражаться отважно.

Король Карл отплыл из Прованса во главе своего флота в конце мая 1284 г., но его сын об этом не знал. В начале июня, несмотря на неодобрение папского легата, Карл Салернский снарядил галеры, которые только что построили на его верфях. В понедельник, 5 июня, он и множество рыцарей поднялись на борт и вышли из гавани. Похоже, Карл считал, что основной флот Руджеро ди Лауриа совершает рейды вдоль побережья и что он сможет уничтожить эскадру, стоявшую на якоре возле

Низиды. Но Руджеро, знавший о приближении короля Карла, собрал свои силы, чтобы быть готовым к встрече. Карл Салернский вел свои корабли на неприятельский флот, намного превосходивший его численностью и вооружением. Бой был решительный и короткий. Принц и его соратники сражались так храбро, что на какой-то момент, в самом начале своей атаки, они добились некоторого успеха. Но их быстро окружили. Одна или две анжуйские галеры были потоплены, большинство же — захвачены вместе со своими командами, в том числе и сам принц.

Когда известие о поражении принца достигло Неаполя, там вспыхнули бунты. Французов, обнаруженных на улице, убивали, а их дома были разграблены и сожжены. Легат и члены правительства, не захваченные в плен вместе с принцем, нашли убежище в крепости. Другие города на побережье последовали примеру Неаполя. Руджеро ди Лауриа, зная, что королева Констанция стремится освободить свою сводную сестру Беатрису — дочь Манфреда от жены-гречанки, — отправил послание княгине Салернской с сообщением о том, что не отвечает за жизнь принца, пока ему не передадут Беатрису. Княгиня была вынуждена уступить, и Беатрисе даровали свободу, которой она была лишена на протяжении восемнадцати лет заключения. Адмирал, переправив своих главных пленников на флагманский корабль, на следующий день встал на рейде в Сорренто, где к нему явилась делегация горожан с цветами и, что более существенно, с деньгами. Взойдя на борт флагмана, горожане приняли пленного принца за Руджеро. «О, если бы только Господу было угодно, чтобы ты победил отца, как победил сына», — воскликнули они и объявили, что первыми перешли на его сторону. Принц Карл, рассмеявшись, повернулся к адмиралу. «Святой Боже! — сказал он. — И это добрые верноподданные моего господина и короля». Затем арагонский флот поплыл вместе со своими высокопоставленными пленниками в Мессину.[348]

Король Карл прибыл со своим флотом в Гаэту, самый северный порт королевства, 6 июня, на следующий день после неаполитанской катастрофы. Он вскоре узнал новости, и его первой реакцией был гнев на собственного сына. «Кто теряет дурака — не теряет ничего, — сказал Карл и добавил с горечью: — Почему он не погиб, раз ослушался нас?» Король Карл поспешил в Неаполь. Легат к тому времени сумел подавить бунты с помощью местных аристократов. Приезд Карла довершил восстановление порядка. Карл приказал повесить сто пятьдесят зачинщиков мятежа. Все остальные были помилованы. 9 июня он написал Папе, чтобы дать полный отчет о случившемся. Это письмо было преисполнено чувства собственного достоинства и свидетельствовало о том, что произошедшая

катастрофа никоим образом не повлияла на честолюбивые устремления Карла. Он писал, что скорбит в связи с потерей сына, но зато у него есть множество внуков. И в самом деле — хотя Карл Салернский и был единственным оставшимся в живых сыном короля Карла и ни один из братьев Карла Салернского не оставил потомства, у него самого было тринадцать детей, из них — восемь сыновей. Затем король сообщал Папе, что у него все еще большое войско. Он перечислил тридцать четыре хорошо оснащенных галеры и четыре галиона, приведенные им из Прованса. Еще одна эскадра из тридцати трех кораблей, большую часть из которых построили недавно, располагалась в неаполитанской гавани. Еще более многочисленное войско ожидало его приказаний в Бриндизи. У Карла было столько солдат и матросов, сколько требовалось. Он писал, что мог бы преуспеть и в более трудном предприятии, чем планируемая им кампания. [349]

У короля Карла были корабли и солдаты. Но хоть его корабли и были хороши, солдаты оставляли желать лучшего. Воины, набранные в королевстве, устали от боевых действий, в которых иноземные король и аристократы заставляли их участвовать. Солдаты из Франции и Прованса были прекрасными бойцами, но они презирали итальянцев и доставляли своим командирам постоянные хлопоты, грабя и насилуя в тех областях, чье дружеское расположение было сейчас так необходимо. Большую часть армии составляли наемники, профессиональные солдаты, которые сражались хорошо, если им вовремя платили. Карл похвалялся перед Папой своей мощью, но вынужден был попросить у него финансовой поддержки. Чтобы начать поход, нужно было собрать заем в 50 000 эскудо у банкиров Рима и Тосканы. В королевской казне не хватало денег на долгую кампанию.[350]

Тем не менее армия, вышедшая из Неаполя 24 июня, была впечатляющей. Король двинулся с ней по прибрежной дороге. Это было многочисленное войско: проникнутые благоговейным трепетом хронисты, как всегда, склонные к преувеличению, писали о десяти тысячах всадников и сорока тысячах пехотинцев, желая тем самым лишь засвидетельствовать, что армия была необычайно большой. Флот вместе с прибывшей на подмогу пизанской эскадрой следовал за армией вдоль берега. Они продвигались медленно, Карл был намерен не оставить у себя за спиной ни одного неприятельского отряда. В конце июля армия дошла до «носка сапога» в Калабрии и взяла Реджо в осаду с моря и с суши. Город держался, но Карл, укрепившийся в Катоне неподалеку, получив подкрепление в виде

флота из Бриндизи, попытался высадиться на самой Сицилии. Его нападение отбили, и он решил, что время для этого еще не пришло. А пока Карл воспользовался численным перевесом своего флота, чтобы запереть Руджеро ди Лауриа и сицилийско-арагонский флот в Мессинской гавани.

И снова Руджеро проявил себя как более искусный моряк, чем флотоводцы Карла Анжуйского. Он дождался, когда шторм разметает вражеский флот, затем выскользнул из гавани и принялся опустошать побережья в тылу Карла. Король не хотел снимать блокаду с Реджо, особенно когда арагонская эскадра из четырнадцати галер под предводительством барселонца Раймунда Маркетта прибыла в пролив и начала грабить торговые суда. Карл не мог себе позволить послать достаточно кораблей против Руджеро, и тот либо уходил от них, ведя более искусную морскую тактику, либо топил.[351]

Король Карл стоял у стен Реджо меньше двух недель. Он подбадривал солдат, убеждая их, что они вот-вот переправятся через пролив и окажутся на Сицилии, но его неудача в попытке быстро взять Реджо пошатнула моральный дух армии. Когда Руджеро начал высаживать партизанские силы в тылу Карла, тот понял, что должен отступить. Он оставил Катону вместе со своей армией 3 августа. Из-за успешных налетов Руджеро на тирренское побережье Карл выбрал дорогу, идущую вдоль восточного побережья Калабрии. 17-21 августа он был в Кротоне, а неделю спустя — в Бриндизи. Его войско покинуло Калабрию и было размещено на линии, проходящей через южную часть Ба-зиликате и соединяющей залив Поликастро с заливом Таранто.[352]

Друзьям Карл объявил, что откладывает свой поход до следующей весны, когда его можно будет предпринять одновременно с французским вторжением в Арагон. Но даже теперь Карл, должно быть, начал терять уверенность. В его армии росло дезертирство, и угрозы наказания никого не останавливали. Красивые обещания торговых привилегий для купцов Акры, которые одолжат ему корабли или деньги, мало к чему привели. Были предложены новые реформы, и Папа даже велел своему легату разузнать, наконец, какими именно вольностями пользовались подданные короля Вильгельма Доброго.[353] Население сохраняло угрюмое безразличие. Арагонские и сицилийские солдаты все еще совершали вылазки с Капри и Искии, чтобы перерезать сообщение в Неаполитанском заливе. На северной границе Конрад Антиохийский совершал набеги через Абруцци из своего замка в Сарачинеско. Сын и наследник короля Карла находился в заключении на Сицилии, и многие сицилийцы требовали его смерти как

справедливого возмездия за смерть Конрадина, казненного его отцом. Королеве Констанции, чья природная доброта подкреплялась к тому же пониманием того, что живой принц представляет большую ценность, чем мертвый, было весьма непросто защитить его от разгневанных толп в Мессине. Она перевела Карла Салернского в замок в Чефалу для его же безопасности. Сам король Карл мог бы хладнокровно перенести смерть сына, которого он презирал. Но удар по его престижу был бы невыносимым.[354]

Однако Карла могли утешить вести о событиях, происходящих на Сицилии. До сих пор главной опорой арагонского правления на Сицилии был Аламо да Лентино. Он был одним из троих заговорщиков, упоминавшихся в легенде как сообщники Джованни да Прочиды: он был капитаном Мессины и руководил ее героической обороной. Теперь Аламо стал главным юстициарием королевства. И вдруг он попал под подозрение. Молва обвиняла его жену, синьору Махальду. Она не смогла простить короля Педро за то, что тот отверг ее домогательства. Махальда отчаянно завидовала королеве Констанции. Королева обычно путешествовала верхом, но когда однажды из-за недомогания ей пришлось по пути к усыпальнице в Монреале въехать в Палермо в паланкине, Махальда, которая чувствовала себя превосходно, тут же прошествовала по улицам Палермо в более пышном, завешенном алой тканью паланкине, покоившемся на плечах недовольно ворчавших слуг ее мужа, которым пришлось нести ее всю дорогу до Никозии. Когда молодой инфант Хайме совершал королевскую поездку по острову, Махальда настояла на том, чтобы поехать с ним, потребовав обращаться с ней как с членом королевской семьи. Затем она оскорбила королеву, отменив под очевидно неблаговидным предлогом предложение Аламо, чтобы Констанция стала крестной их младшего ребенка. Все были уверены, что Махальда намеревается сама стать королевой Сицилии.

Возможно, она повлияла на Аламо; но также вероятно, что он и сам уже сомневался относительно того, насколько выгодным станет для острова правление арагонской династии. Великий заговор, в котором Аламо принял участие, должен был освободить остров, но сбросившие ярмо сицилийцы сначала попытались вверить себя покровительству Папы, а не Арагона. Когда Аламо получил власть в Мессине, то отправил послания не в Барселону, а в Константинополь. Обстоятельства вынудили его смириться с арагонским вторжением. Но король Арагона и его жадные солдаты мало делали для блага острова. Возможно также, что Аламо завидовал своим соратникам — Джованни да Прочида и Руджеро ди Лауриа были

итальянцами с материка, не островными жителями. Они хранили верность не Сицилии, а королеве Констанции, дочери старого покровителя Джованни и молочной сестре Руджеро. Им было важно процветание Сицилии, но только если у власти будет королева Констанция и ее дети.

Как бы вызывающе Махальда себя ни вела, предательство Аламо зашло не слишком далеко. Возможно, он лишь критиковал необузданную жадность альмога-варских войск и обсуждал со своими близкими друзьями, можно ли образовать лучшее правительство, свободное от власти арагонцев. Но королева и ее советни-ки не хотели рисковать. Аламо был вызван на Совет под председательством инфанта Хайме, который заявил, что Аламо стоит нанести визит королю Педро в Барселоне. Аламо не мог отказаться. Он покинул остров в ноябре 1284 г. Король Педро тепло его принял, но держал его под строгим надзором. Отъезд Аламо послужил причиной некоторых волнений на Сицилии, которые позволили правительству выявить своих врагов. Вскоре после этого Махальда и несколько ее друзей были арестованы. Сам Аламо в начале следующего года был уличен при содействии его сицилийского адвоката, магистра Гарсии из Никозии, в переписке с королем Франции. Племянники Аламо убили Гарсию, пытаясь утаить доказательства, но это ни к чему не привело. Аламо остаток своих дней провел в каталонской тюрьме.[355]

Из трех основных сицилийских лидеров Гвалтьери да Кальтаджироне теперь был казнен, Аламо — до самой смерти оставался в темнице, а третий, Палмьери Аббате, канул в безвестность, подвергнувшись опале. Дела на Сицилии были плохи. Имелось, однако, достаточно денег на тот момент, чтобы оплатить вооруженные силы, поскольку Руджеро ди Лауриа воспользовался отступлением короля Карла и рассредоточением его флота, чтобы совершить рейд на африканский остров Джерба. Это оказалось очень выгодным предприятием. Было взято огромное количество трофеев, и при попытке бежать в Тунис в плен попал эмир. Эмир, Маграм ибн Зебир, был заключен в мессинской цитадели, где ему вскоре составила компанию синьора Махальда. Она шокировала своих тюремщиков, выйдя сыграть с ним в шахматы в весьма легкомысленном и нескромном наряде.[356]

Известия о таких волнениях на Сицилии и приготовления к крестовому походу на Арагон воодушевили короля Карла, и он стал энергично готовиться к весенней кампании. Зиму он решил провести в Апулии. Это была богатая провинция, пока не затронутая войной. В отличие от Неаполя, который был блокирован вражескими гарнизонами, расположившимися на Капри и Искии, огромный порт Бриндизи был

открыт, и через него Карл мог поддерживать связь со своими заморскими владениями на Востоке. Правда, от них мало что осталось. Ахейское княжество было в то время верно Карлу, поскольку он назначил местных магнатов своими наместниками, но они не посылали ему в помощь ни солдат, ни деньги из княжества. Далее на север Карл все еще контролировал Корфу и одну или две крепости на материке напротив острова, но содержать их стоило дорого. В его албанском королевстве только город Дураццо остался за Карлом, и там тоже нужно было разместить сильный гарнизон. В иерусалимском королевстве его власть ограничивалась городом Акра. Вскоре после Вечерни он вызвал своего бальи, Руджеро да Сан Северино, обратно в Италию со всеми войсками, которые тот мог собрать. Теперешний бальи, Эд де Пуалешьен, был настолько неуверен в своих силах, что, заключив перемирие с мамлюкским султаном Калауном в 1283 г., не осмелился подписать его сам, и перемирие подписала община Акры и тамплиеры. Средиземноморская империя Анжуйской династии превратилась в тень.[357]

Карл не отчаивался. В месяцы, проведенные им в Бриндизи, из его канцелярии вышла целая вереница указов. Были приняты меры по укреплению власти. Юстициариям было велено договориться о взимании субсидии со всего населения; доход от этого налога должен был пойти на войну, задуманную на следующий год. Если наедине с собой Карл и сравнивал провал своей последней кампании со славными временами Беневента и Тальякоццо, то на людях он оставался все тем же деятельным и суровым правителем, что и раньше.[358]

В декабре Карл переехал в Мельфи, чтобы встретить там Рождество, и 30 декабря двинулся дальше, в Фоджу. Здоровье его ухудшалось, но он пока держался. Карл был потрясен, узнав, что некоторые его чиновники отчуждали свое имущество в пользу Церкви, чтобы избежать налогообложения. 2 января он издал строгий указ, запрещающий такую практику. Это был последний публичный акт Карла.[359]

17 января в Мессину прибыла делегация из города Галлиполи, расположенного в заливе Таранто у кромки Апулии. Члены делегации заявили, что их сограждане хотят отдать себя под покровительство сицилийского правительства. Они также объявили, что король Карл мертв и его тело отвезено в Неаполь для похорон. Вскоре последовали делегации из других городов Апулии с теми же просьбами о покровительстве и с той же новостью.[360]

Карл умер десятью днями раньше. 6 января он понял, что угасает, и

написал завещание. В том случае, если его сына Карла Салернского не освободят из плена, его королевство и французские графства должны будут перейти старшему внуку короля Карла — Карлу Мартелу. До совершеннолетия мальчика или до возвращения Карла Салернского из плена регентство должен осуществлять Роберт, граф Артуа, а общее военное руководство — камергер и друг короля Карла, Жан де Монфор. Карл распорядился, чтобы 10 000 унций золота было распределено Робертом д'Артуа между слугами короля при условии, что те поклянутся в верности его наследникам. Карл просил Папу утвердить все его распоряжения и оказать властям королевства свое покровительство.

Карл прожил эту ночь, поддерживаемый церковными обрядами и уверенный в своем спасении. Рассказывали, что умирая он шептал молитву губами: «Господи, ибо я верю, что Ты воистину мой Спаситель, я молю Тебя, помилуй мою душу. Ты знаешь, что я захватил Сицилийское королевство во имя Святой Церкви, а не для собственной выгоды. Так что Ты простишь мои грехи». На следующее утро в субботу, 7 января 1285 г., Карл умер в возрасте пятидесяти восьми лет. Его тело было перевезено из Фоджи в Неаполь и похоронено в мраморной гробнице.[361]

Двадцать лет Карл Анжуйский господствовал в Средиземноморье. Он вошел в историю как один из великих политиков своего времени. Казалось даже, что он создаст большую и прочную империю. Но Карл умер, потерпев неудачу. Его личные достижения были многочисленны. Он был отважен, решителен и хладнокровен, деятелен и требователен к себе, способен планировать грандиозные проекты и не упускать мельчайшие подробности. Он был опытным военачальником и правителем. Его благочестие было искренним. Карл был воспитан при дворе таких выдающихся государей, как королева Бланка и Людовик Святой, и он воочию видел, как должен править хороший король. Но всего этого было недостаточно для той роли, которую он для себя выбрал. Неудачу потерпел не король, а человек: в натуре Карла не было ни доброты, ни жалости, ни даже мнимого сочувствия, его личные устремления были слишком грубы и прямолинейны, и его набожность помогала претворить их в жизнь, поскольку он считал себя орудием в руках Господа и защитником Его Святой Церкви. Карл не был беспринципным авантюристом того типа, каким будет восхищаться Макиавелли. Он был человеком чести в соответствии со своими убеждениями — но это были убеждения ограниченные и эгоистичные. Люди могли восхищаться им, его придворные и чиновники были искренне преданны ему и восхваляли его деяния. Но лишь немногие из них любили Карла. Не мог он пробудить

любовь и среди своих подданных. Его погубило отсутствие человеческого такта. Карл выстраивал свои планы аккуратно и четко, но они рухнули из-за протеста, который вызывали в людских сердцах. Казнив Конрадина, Карл поступил в соответствии с хорошо обдуманным политическим расчетом, но, сам не ведая жалости, он не понимал, что казнь заставит мир содрогнуться от ужаса и страдания. Его человеческими слабостями были тщеславие, которое заставило его стремиться к таким бессмысленным титулам, как король Иерусалимский, и определенный избыток самоуверенности, из-за чего с течением лет он стал недооценивать своих врагов. Несмотря на предостережения, Карлу не могло прийти в голову, что обнищавший арагонский двор осмелится бросить ему вызов. Он не мог поверить, что напуганный византийский император сплетет хитроумную интригу прямо в его собственных владениях. И последняя и роковая ошибка: то, что сицилийцы будут так печься о своей свободе, что восстанут против самого могущественного правителя своего времени, было выше его понимания. Карл привык к французам: французская знать причиняла беспокойство короне, но простые люди приветствовали королевскую власть. Ни его опыт, ни его воображение не позволяли ему представить целый народ, борющийся за свою свободу.

Как бы это ни задумывалось и подготавливалось, но именно один мартовский вечер Вечерни в Палермо пошатнул империю короля Карла. Но Карл молил Бога, чтобы тот лишь позволил ему спускаться короткими шагами, и его молитва была услышана. Власть Карла рушилась медленно, а вскоре после его смерти разрушение прекратилось вовсе, и Анжуйская династия пошла по новым путям развития. Сицилийцы, приведшие короля Карла к пропасти, мало от этого выиграли. Их запутанная и несчастливая история на протяжении нескольких последующих десятилетий была жалким вознаграждением за их храбрость.

Глава XVI. ВЕЧЕРНЯ И СУДЬБА СИЦИЛИИ

В месяцы, последовавшие после смерти короля Карла, казалось, ничто не могло спасти королевство. Новый король был пленником в руках врага. Калабрия была потеряна, один за другим апулийские города переходили врагу. В самом Неаполе кипело восстание. Папа Мартин тоже не упростил ситуацию, отказавшись полностью принять последнюю волю короля. Он не признавал королем пленного Карла Салернского, называя его лишь сыном покойного короля. Только несколько дней спустя он признал Роберта д'Артуа регентом, а затем назначил своего легата, кардинала Герарда, на такой же пост — оба были регентами папского престола, а не пленного монарха или мальчика-принца. Мартин дал понять, что в королевстве наступило междуцарствие и что Папа, как сюзерен, по праву берет руководство в свои руки. Его подход был не лишен смысла, поскольку уменьшал значимость пленного Карла Салернского и его ценность в качестве заложника и источника выкупа, которые арагонцы могли за него потребовать. Но такой подход требовал некоторого количества опытных администраторов при папском дворе и преданных служителей папства, которые могли бы работать в королевстве.[362]

Французский двор, занятый подготовкой к крестовому походу на Арагон, был потрясен известиями из Италии. Теперь, когда Карл был мертв, а в его королевстве воцарился хаос, Сицилии не угрожало нападение, и король Педро мог сосредоточить все свои силы для защиты Арагона. Но огромную армию, собранную королем Филиппом, нельзя было отправить домой ни с чем. В конце мая 1285 г. король Майорки Хайме открыл военную кампанию для своих французских союзников, высадив войска в Руссильоне и разграбив Эльн на дороге из Перпиньяна в Пиренеи. Когда путь таким образом был расчищен, король Филипп повел свою армию, насчитывавшую, по оценкам охваченных благоговейным страхом современников, более 100 000 солдат, через перевалы Пиренеев. 25 июня он взял в осаду Жерону. Арагонская армия безнадежно уступала противнику в численности, а король Педро получил мало помощи от своей знати, многие представители которой поддерживали связи с французским королем и королем Майорки. Педро использовал традиционную испанскую тактику партизанской войны, причинив столько беспокойства медленно продвигавшейся французской армии, что Филипп не решился рассредоточивать свою армию. Жерона храбро оборонялась и

продержалась до 5 сентября. Лето было жаркое, и в осаждавшей Жерону армии свирепствовала малярия. К моменту взятия крепости половина армии была больна, а старые солдаты начали вспоминать ужасы Тунисского крестового похода, в котором участвовали 15 лет назад. Потом пришло известие о том, что французский флот, продвигавшийся вдоль побережья Каталонии, был разбит 4 сентября у островов Лас Формигас, возле Паламоса. Руджеро ди Лаурия был вызван из сицилийских вод и легко справился с французским адмиралом. Одержав победу, Руджеро высадил войска в заливе Розас, где прибрежная дорога граничила с Пиренеями, отрезав таким образом основное снабжение армии короля Филиппа. В середине сентября Филипп приказал армии отступать. Он сам страдал от лихорадки, многие его солдаты были выведены из строя, и всем им не терпелось поскорее закончить этот злосчастный поход. Поскольку альмогавары наносили удары со всех сторон, отступление вскоре превратилось в паническое бегство. Весь крестовый поход обернулся позорным фиаско.[363]

События на других фронтах также были неутешительны. У регентского совета в Неаполе хватило ума назначить правителем в Ахейю, где можно было ожидать беспорядков, самого богатого и талантливого из окрестных аристократов Гильома, герцога Афинского. До самой своей смерти в 1287 г. он обладал безраздельной властью над княжеством, выказывая разве что номинальное уважение к своим сюзеренам.[364] Бальи Акры, Эд де Пуалешьен, храбро цеплялся за свою тающую власть, даже не имея четкого представления о том, кто тот господин, чьим наместником он является. Когда законный король Иерусалимский, Генрих Лузиньян, государь Кипра высадился в Акре в июне 1286 г., даже верному Эду стало ясно, что правление Анжуйской династии в Святой Земле закончилось. Празднества, ознаменовавшие коронацию молодого короля и отъезд Эда и его людей, показали, насколько непопулярным было правление Карла. Но на самом деле веселье было неуместным. Всего пять лет спустя Акра была захвачена мамлюкским султаном Египта, и титул короля Иерусалимского стал таким же бесполезным украшением для династии Лузиньянов, каким он был для Анжуйской династии.[365]

Дело анжуйцев было спасено благодаря ряду своевременных для них смертей. 1285 г. оказался роковым для многих правителей. В январе умер сам Карл. За ним 29 марта сошел в могилу Мартин IV, Папа, которого Карл возвел на престол. Понтификат Мартина оказался роковым как для Карла, так и для Церкви. По своим убеждениям он был человеком безупречной

морали и честности. Но одновременно он являлся человеком ограниченным, мстительным и нечутким. Истовый французский патриотизм и преданность династии Капетингов заставили Мартина закрыть глаза на вселенский масштаб его сана. Его предшественник, Николай III — человек гораздо менее достойный, — понимал, какую роль должен играть Святой Престол; в меру своих способностей Николай был миротворцем и третейским судьей для правителей. Но Мартин был фанатиком, который пытался навязать Церкви политику, идущую вразрез с законными желаниями ее верных прихожан. В большой степени из-за его же упрямства эта политика провалилась и затянула самого Мартина, его друзей и Святую Церковь в трясину дурной славы.[366]

5 октября Филипп III, король Франции, умер в Пер-пиньяне, «спасая бегством лилии от позора», как презрительно отметил Данте; и с его смертью армия крестоносцев растаяла. Филипп был слабовольным и глуповатым человеком. Во время последней болезни, когда паланкин уносил его на север от Пиренеев, у него было время поразмыслить над тем позором, к которому его привело благоговение перед своим дядей Карлом.[367]

Пять недель спустя, 10 ноября, пришел черед Педро Арагонского, который умер на пике своего триумфа. Несмотря на его достижения, его личность не так очевидно выделяется на фоне истории. Педро был великодушным и обаятельным человеком. Он произвел хорошее впечатление на сицилийцев, но не был ни глубоким политиком, ни умелым руководителем. Покинув Сицилию, чтобы вернуться на Арагон, Педро вскоре забыл о ее нуждах и был недоволен, когда его жена и ее советники напомнили ему о них. В нем было что-то легкомысленное, но он становился все опытнее, и авторитет его рос. Смерть Педро была ударом для его народа.[368]

Появившиеся на сцене новые действующие лица сильно отличались от своих предшественников. Карл Салернский — Карл Хромой, как его прозвали за физический недостаток, — обладал чертами, характерными для сына нелюбящего и деспотичного отца: он был неуверен в себе, и его сомнения усугублялись осознанием собственной глупости, приведшей его в плен, и унизительностью его положения; он был скрытен и терпелив; и он обладал чувствительностью, которой его отец был начисто лишен; он был добр, как и подобало любящему отцу тринадцати детей. В конечном счете Карл Салернский проявил себя как справедливый и разумный правитель и проницательный дипломат. Но в то время, спрятанный от мира в

комфортабельной тюрьме в Каталонии, он мало что мог сделать.[369]

Новый Папа, Гонорий IV, был римлянином, членом семьи Савелли и состоял в родстве с великой династией Орсини.[370] Он был человеком не большой набожности, но зато он был дальновидным политиком и стремился принести в Италию мир. Как бы мало одобрения ни вызывала у Гонория политика его предшественника, он решил, что авторитет папства пострадает сильнее, если он полностью изменит политику, чем если продолжит ее в более мягкой форме. Гонорий был полон решимости сохранить целое и неделимое Сицилийское королевство для Анжуйской династии — папство слишком далеко зашло, чтобы оставить остров арагонцам. Но Гонорий также был полон решимости провести реформу управления в королевстве. В сентябре 1285 г. на правах сюзерена он издал две буллы, которые приводили в исполнение реформы, обещанные Карлом I в 1282 г., а на следующий год — Карлом Салернским в Сан Мартино. Кроме того, Гонорий истолковал вольности, которыми пользовались сицилийцы при короле Вильгельме Добром, как свободу от излишне высоких налогов. Во вступительном слове в буллах подробно излагалась история королевства со времен Фридриха II и откровенно рассказывалось о злоупотреблениях, имевших место при короле Карле. «Помощь» — налог, который Карл требовал при каждом удобном случае и который был установлен в размере 107 892 унций золота в 1283 г., был сокращен до 50 000 унций и мог взиматься только в четырех случаях, обычно допускаемых феодальной традицией. Гоно-рий проследил за тем, чтобы многие другие налоги и пошлины были отменены и были обеспечены личные свободы, значительно большие, чем даже разрешенные парламентом в Сан Мартино. Все управление было реорганизовано. Это был важный указ, который, будь он приведен в исполнение, дал бы подданным королевства такую свободу, какая не существовала нигде в то время. Вне всякого сомнения, Гонорий полагал, что, признав ошибки правительства и гарантировав лучшее будущее, он лишал сицилийцев и калабрийцев единственного повода для продолжения восстания.[371] Тем временем Гонорий заключил мир, где это было возможно, с итальянцами северных и центральных областей, с которыми рассорился Мартин. Гвидо да Монте-фельтро подчинился на выгодных для него условиях. С Болоньей, с которой Мартин был в плохих отношениях, Гонорий помирился. Венецианцев, подумывавших о союзе с Арагоном, он лестью склонил к более дружелюбной позиции. Папа даже предложил освободить Энрике Кастильского из тюрьмы, где тот томился со времен разгрома Конрадина.[372]

Сицилийцев, однако, реформы Папы оставили равнодушными: они не собирались подчиняться Анжуйской династии, даже если Папа гарантировал реорганизовать управление. К тому же на самом деле часть реформ оказалась невыполнимой, а другими было легко пренебречь. Не лишила сицилийцев мужества и смерть Педро Арагонского. Как он и обещал, Сицилия перешла его второму сыну, Хайме, а Альфонс, старший сын, стал королем Арагона. Новому королю Арагона исполнился двадцать один год. Умный и храбрый юноша, преданный своей матери и братьям, Альфонс уже был помолвлен с дочерью короля Эдуарда Английского, который был о нем весьма высокого мнения. Король Сицилии был на два года младше. Хайме тоже был способным юношей, но менее открытым и более склонным к внутренним поискам. На тот момент он находился под сильным влиянием своей матери, королевы Констанции, и ее опытного советника, Джованни да Прочида.[373]

Новый король Франции был самым талантливым из всех правителей, пришедших к власти в 1285 г. Филиппу IV по прозвищу Красивый было всего семнадцать лет, но он уже проявил независимый характер. Его матерью была сестра Педро Арагонского, и Филипп IV осуждал угодничество своего отца по отношению к Карлу Анжуйскому, возможно, из-за того, что этому способствовала нелюбимая им мачеха. Он пытался возражать против крестового похода на Арагон. Но, став королем, Филипп IV изменил свое мнение. Возможно, он не чувствовал к своим арагонским кузенам того уважения, какое питал к их отцу, королю Педро, к тому же теперь он заботился о процветании Франции и своей династии. Он был готов посадить своего брата, Карла Валуа, на арагонский трон. Но на данный момент, после разгрома крестового похода, это было невыполнимо. С одобрения Папы Филипп IV попросил короля Эдуарда Английского быть посредником между ним и Альфонсом Арагонским и договориться о перемирии.[374]

Папа Гонорий был готов отказаться от крестового похода на Арагон, тем более что новый король Альфонс не претендовал на титул короля Сицилии. Папа не мог допустить отделения Сицилии. Король Хайме был коронован в Палермо в феврале 1286 г. и воспользовался случаем, чтобы пообещать своим подданным те же вольности, которые Гонорий недавно предлагал жителям материка. Говорили, что Папа послал двух доминиканских монахов, чтобы те попытались поднять мятеж на Сицилии с помощью местного священника. Хайме раскрыл их замысел и вежливо выпроводил обратно в Италию невредимыми. Сразу после корона-ции он

отправил посольство к Гонорию, чтобы сообщить, что готов принести ему оммаж, а также чтобы попросить Папу подтвердить его королевский титул. Гонорий в ответ предал анафеме Хайме, его мать королеву Констанцию и всех сицилийцев. Двое иерархов, проводивших коронацию, епископы Чефалу и Никастро, были вызваны к папскому двору для объяснения своего проступка.[375]

История следующих нескольких лет — это история неудачных соглашений о мире. Пленный Карл Салерн-ский был готов на жертвы ради своей свободы, а его тюремщики готовы были отпустить его в обмен на признание их прав на Сицилию и Калабрию. Но папство решительно отказалось дать Карлу разрешение отдать остров, а французский двор боялся любого значительного усиления власти арагонцев. Договор, подписанный в Париже в июле 1286 г., устанавливал перемирие между Францией и Арагоном на четырнадцать месяцев, затем оно должно быть заменено четко определенным мирным договором.[376] Но в это же время Карл Салернский подписал в своей тюрьме в Каталонии договор со своими тюремщиками, в котором обещал уступить Сицилию и окрестные земли, включая Мальту, Реджо и его окрестности и все права на сбор дани с эмира Туниса. Сам Карл взамен получал свободу; он должен был проследить, чтобы папство отменило анафему против арагонского королевского дома и их подданных; договор следовало закрепить браком короля Сицилии и одной из дочерей Карла, а также браком инфанты Виоланты и одного из сыновей Карла. Это было бы справедливое и разумное соглашение, но его должен был утвердить Папа, а Гонорий отказался. Вместо этого он организовал новую атаку на Сицилию.[377]

Война в Южной Италии продолжалась, продолжались и партизанские налеты на западном побережье. Теперь Папа планировал вторжение на Сицилию, которое началось весной 1287 г. Это была пагубная затея.

Большая армия выступила из Бриндизи и высадилась возле Аугусты, между Катанией и Сиракузами, 1 мая и взяла город в осаду. К концу июня запасы провианта заканчивались, а Аугуста все еще держалась. На поддержку армии в Неаполе был снаряжен флот под предводительством графа Фландрского. 23 июня Руджеро ди Лауриа с флотом вошел в Неаполитанский залив и выманил графа на битву. И снова он одержал полную победу. Он захватил сорок восемь галер вместе с командами, насчитывавшими в общей сложности пять тысяч человек, в числе которых были граф Фландрский, главнокомандующий анжуйскими войсками Жан де Монфор, граф Жуанвиль и многие другие аристократы Прованса и

Франции. За битвой с берега наблюдал посол монгольского ильхана Персии, священник-несторианин Раббан Саума, приехавший в Европу в расчете на то, что христианский мир готов объединиться против мусульман Востока. После известия об этой битве огромная армия на Сицилии оставила поле битвы. Но Руджеро не завершил свою победу. Он удовольствовался тем, что отпустил своих пленников за огромный выкуп, который позволил ему заплатить своим матросам сильно задержанное вознаграждение и отложить сколько-то денег на будущее.[378]

Папа Гонорий не увидел результатов своего упрямства. Он умер в Риме 3 апреля 1287 г. Десять месяцев его престол оставался незанятым; антифранцузская оппозиция в коллегии кардиналов была достаточно сильна, чтобы некоторое время препятствовать избранию еще одного Папы, сочувствующего Анжуйской династии. В результате Папой выбрали бывшего генерала ордена францисканцев, Джироламо ди Асколи, который взошел на папский престол под именем Николая IV в феврале 1288 г.[379] Во время междувластия Эдуард Английский, обеспокоенный возможной войной в Испании, которая могла затронуть и его владения во Франции, пока он занят проблемами в Уэльсе и Шотландии, еще раз выступил посредником в переговорах между Альфонсом Арагонским и Карлом Салернским. По договору, подписанному в Олороне в графстве Беарн в июле 1287 г., Карл получал свободу в обмен на 50 000 марок серебра; трое его сыновей вместе с шестьюдесятью провансальскими аристократами должны были занять его место в качестве заложников. Карл должен был добиться мирного договора, который удовлетворил бы Альфонса Арагонского и Хайме Сицилийского, с одной стороны, и самого Карла Салернского, короля Франции, его брата Карла Валуа и Святой Престол — с другой. Если такой мирный договор не будет подписан в течение трех лет, Карл должен будет вернуться в плен или отказаться от графства Прованского, на которое у Арагонской династии были наследственные притязания. Представители коллегии кардиналов присутствовали на подписании договора и нехотя дали свое согласие.[380]

Теперь сотрудничать отказался король Франции. Его беспокоил пункт, касающийся Прованса, и он хотел быть уверенным, что его брат, претендующий на титул короля Арагона, получит должную компенсацию. Карл остался в тюрьме. Новый Папа вскоре проявил то же упрямство, что и его предшественники: он требовал полного подчинения от короля Альфонса и его брата Хайме. Папа отказался выслушать арагонских послов, пытавшихся объяснить ему, что восстание на Сицилии было

законным протестом против угнетения, а произвол, допущенный в отношении французов, шокировал большинство сицилийцев.[381] Но Папа Николай был обеспокоен возрождением гибеллинов в Центральной Италии. Гвидо да Монтефельтро снова «вышел на тропу войны», и даже римские горожане стали проявлять симпатии к гибеллинам. Кроме того, с Востока пришли известия о том, что мамлюки планируют новую кампанию против того, что осталось от Святой Земли.[382] Папа убедил Эдуарда Английского снова попробовать себя в роли посредника.

По договору, подписанному в Канфранке в октябре 1288 г., Карл получал свободу на тех же условиях, что и по Олоронскому договору; но сам Эдуард, заинтересованный в подписании этого договора, предложил заложников из своего герцогства Гиень и большую сумму денег королю Альфонсу на тот случай, если окажется невозможным отправить к арагонскому двору старшего сына Карла, Карла Мартела, в качестве заложника вместе с его братьями. Получив гарантии от Эдуарда, Альфонс освободил Карла Салернского и отправил его в Париж — добиваться, чтобы король Филипп одобрил договор. Но Карлу было велено не принимать титул короля Сицилии, поскольку это оскорбило бы брата Альфонса, Хайме.[383]

При французском дворе Карла приняли неприветливо. Филипп IV пока не собирался заключать мир с Арагоном. Он арестовал арагонских послов, сопровождавших Карла; а когда Карл несколько недель спустя отправился в Италию, Филипп навязал ему в сопровождение хорошо вооруженных рыцарей. Когда Карл прибыл в Италию, его не воспринимали как вестника мира. Гвельфы повсюду оказывали ему восторженный прием. Папа приветствовал его как героя. Сам Николай, решив, что в Риме слишком много гибеллинов, чтобы ему там ничего не угрожало, перебрался в Рие-ти, рядом с границей королевства Карла. Там Папа короновал Карла как короля Сицилии на Пятидесятницу 1289 г. и даровал ему право собирать церковную десятину в Италии, чтобы подготовиться к войне против Арагона и Сицилии. Карл, будучи человеком чести, чувствовал себя крайне неловко. Папа приставил к Карлу кардинала-легата, Берарда да Кагли, — следить за тем, чтобы Карл вел себя в соответствии с пожеланиями Святого Отца.[384]

К чести Карла следует отметить, что он продолжал добиваться мира. Возможность подвернулась неожиданно. Альфонс Арагонский, разгневанный из-за обмана, планировал высадиться вместе с Руджеро ди Лауриа на побережье королевства, и его убедили, что город Гаэта восстанет

против анжуйцев. Его обманули. Альфонс высадился возле Гаэты, но горожане отказались открыть перед ним ворота. Пока Альфонс осаждал город, подоспела большая анжуйская армия под предводительством Карла Мартелла и графа Артуа и поймала его в ловушку у городских стен. Противостояние продлилось почти два месяца. Затем появился сам Карл. Он беспокоился за своих пленных сыновей. Эдуард Английский прислал к Карлу посольство, умоляя его выполнить свои обязательства. Пришла весть о том, что египтяне взяли Триполи и Сирию, и Эдуард рвался в крестовый поход. Карл предложил Альфонсу заключить перемирие на три года. Папа, узнав об английском посольстве, послал двух кардиналов проследить за тем, чтобы Карл не предпринимал никаких попыток заключить с врагами мир. Карл проигнорировал их. Его рыцари жаловались на то, что в его армии слишком много священников и проповедей по сравнению с весельем, царившим в лагере Альфонса, но благочестие Карла не успокаивало Папу. Один их двух кардиналов, Бенедет-то Каэтани, будущий Папа Бонифаций VIII, так никогда и не простил Карлу его миролюбия.[385]

Несмотря на неодобрение папства, политика Карла Салернского оказалась мудрой. Хотя гаэтанское перемирие не распространялось на Калабрию и Сицилию (где Хайме Сицилийский продолжал воевать), заключив его, король Альфонс начал постепенно отдаляться от своего брата. Король Арагона начал размышлять о том, не смогут ли сицилийцы сами о себе позаботиться и не стоит ли ему отступить, сохранив те достижения, которых он добился, и сосредоточиться на укреплении своей власти в Испании.

Следующим миротворческим шагом Карла Салернского был приезд во Францию с целью успокоить французов и Карла Валуа. Чтобы успокоить свою совесть и оправдаться перед Арагоном, он 1 ноября 1289 г. доехал до арагонской границы и официально предложил арестовать себя. Ни один арагонский чиновник не явился, чтобы взять его под стражу, и Карл поехал в Париж. После нескольких месяцев переговоров 19 мая 1290 г. он подписал пакт в Санлисе. Карл Валуа женился на дочери короля Карла Маргарите и получил за ней в качестве приданого богатые графства Анжу и Мэн. Взамен он обещал отказаться от любых притязаний на Арагон, если Папа не станет возражать. Король Филипп IV согласился заключить мир с Арагоном, как только король Альфонс помирится с Папой; и он предложил папству 200 000 ливров, чтобы отвоевать Сицилию. Следующей зимой мирный конгресс собрался сначала в Перпиньяне, а затем его участники перебрались в Тараскон. Английский посредник был председателем, присутствовали посланцы Папы, короля Карла Салернского, короля

Филиппа, Карла Валуа, короля Майорки Хайме и представители королевства Арагон, защищавшие интересы не только короля, но и знати. Предварительный договор был подписан в Бриньоле 19 февраля 1291 г. Соглашение, достигнутое в Санлисе, подтвердили. Между Францией, Арагоном и королевством Карла Салернского (все еще официально носившим название Сицилийского) был заключен мир. Карл Валуа отказывался от притязаний на арагонский престол, но за ним оставались Анжу и Мэн. В качестве компенсации король Филипп передавал королю Карлу те авиньонские владения, которые были частью Тулузского графства. Король Альфонс должен был как можно скорее отправиться в Рим, чтобы примириться с Церковью, и там будет подписан окончательный договор в присутствии Папы. Произошла небольшая заминка, когда Альфонс отказался вернуть Майорку своему дяде Хайме, потерявшему ее после поражения арагонского крестового похода, но согласился оставить вопрос на рассмотрение Папы. Все были довольны, кроме короля Хайме Сицилийского и сицилийцев, которых оставили сражаться в одиночку.[386]

И снова вмешался рок. 18 июня, когда пора уже было отправляться в Рим, король Альфонс умер от внезапной лихорадки в возрасте двадцати семи лет. Предательство по отношению к сицилийцам запятнало его репутацию. Но нельзя винить его одного. Альфонс зависел от арагонской знати, а она устала воевать за Сицилию. Желание сохранить Сицилию могло стоить Альфонсу короны. Но его матери и брату, остававшимся на Сицилии, было трудно его простить. Брак Альфонса с Алиенорой Английской так и не состоялся, поскольку он долгое время был отлучен от Церкви. Таким образом, наследником Альфонса стал его брат, Хайме Сицилийский. Но Альфонс, выполняя завещание своего отца, повелел, чтобы после того, как Хайме получит корону Арагона, он передал Сицилию их младшему брату — инфанту Федерико. Арагонцы, испугавшись анархии, поспешили отправить корабль за Хайме, который находился в Мессине. После короткой поездки по острову Хайме отплыл из Трапани 23 июля.[387]

Хайме отказался соблюдать договоры или заветы своего брата: он заявил, что является законным наследником Арагона, но не станет отрекаться от сицилийского престола. Он назначил инфанта Федерико своим наместником, но не королем. Хайме прервал свою поездку из Барселоны на Майорку и объявил Балеарские острова неотъемлемой собственностью арагонской короны, что бы по этому поводу ни говорил Папа. Таким образом, Бриньольский договор был расторгнут. Папа

Николай снова отлучил Хайме и сицилийцев от Церкви, и все вновь приготовились к войне.[388] Но став королем Арагонским, Хайме оказался в том же положении, что и его покойный брат. Его арагонские подданные были сыты по горло Сицилией. Тогда Хайме намекнул, что за соответствующее вознаграждение готов уступить Сицилию анжуйцам. К папскому двору отправился арагонский посол, чтобы предложить Папе верность своего короля. Несколько дней спустя, 4 апреля 1292 г., Папа Николай умер.[389]

Последовавшее после его смерти междувластие длилось два года. Все это время Карл Салернский по-прежнему пытался заключить мир с Арагоном и вернуть себе Сицилию. Потенциальных союзников сицилийцев — например, генуэзцев — подкупом или угрозами склонили к нейтралитету. С королем Хайме начали вести переговоры при посредничестве короля Санчо Кастильского, поскольку Эдуард Английский теперь воевал с Францией.[390] Карл Салернский был особенно заинтересован сохранить средиземноморскую колонию, поскольку у него теперь имелись новые идеи, касательно его династии. Король Венгрии Владислав IV умер в 1290 г., не оставив потомства, и его наследницей стала его сестра, жена Карла Мария. Венгры, не желавшие, чтобы ими правила отсутствующая принцесса, передали трон последнему мужчине в древней династии Арпадов, Андрашу III, прозванному Венецианцем из-за матери-венецианки. Королева Мария твердо решила сохранить свое наследство, для себя или для одного из своих многочисленных сыновей, и хотела, чтобы ее муж вмешался, по крайней мере, когда король Андраш, у которого не было сыновей, умрет.[391] Перемирие между Карлом и Хайме было установлено в Фигерасе в конце 1293 г.; по условиям этого перемирия Хайме соглашался уступить Сицилию в обмен на достойное вознаграждение.[392] Шесть месяцев спустя Карл положил конец вакантности папского престола, навязав раздираемому спорами конклаву святого отшельника, Пьетро дель Мурроне, к чьей несгибаемой одухотворенности питал личную симпатию. Новый Папа, принявший имя Целестин V, был новичком в политике. Он делал все, что скажет Карл, позволяя тому собирать деньги из папских источников дохода в Италии, Франции и Англии на сицилийскую кампанию и поддерживая любой его проект с целью установить мир с Хайме Арагонским.[393] Карл и Филипп Французский стали предлагать взятки инфанту Федерико и его главным советникам Джован-ни да Прочида и адмиралу Руджеро ди Лауриа. Ни Джованни, ни Руджеро не были сицилийцами. Руджеро не получал никакой

выгоды от служения обедневшей стране, кроме славы и награбленной добычи, которую ему тут же приходилось пускать на то, чтобы расплатиться с командой. Джованни, которому было почти восемьдесят лет, мечтал вернуться в свои итальянские поместья, дарованные ему королем Манфредом. Они отомстили за Манфреда, нанеся поражение Карлу Анжуйскому. Дело можно было теперь считать завершенным.[394] Для инфанта Федерико Филипп IV припас соблазнительное предложение. Филипп де Куртенэ, законный император Константинопольский, умер. Его жена, дочь Карла Анжуйского, Беатриса, родила ему одного ребенка — дочь Катерину, которой к тому времени исполнилось двадцать лет, и она жила при французском дворе. Инфант мог на ней жениться и возместить себе потерю Сицилии, заявив о своих правах на императорский трон Константинополя.[395]

В декабре 1294 г. Папа Целестин, не выдержав груза ответственности, возложенного на него, отрекся от папского престола. На следующий день конклав избрал кардинала Каэтани, принявшего имя Бонифаций VIII. Он давно был в плохих отношениях с Карлом II, но охотно сотрудничал с ним в арагонском вопросе; считалось, что договоренность об этом была достигнута в результате тайной беседы между ними, имевшей место накануне отречения Целестина.[396] Благодаря готовности Папы утвердить планы, разработанные в последние несколько месяцев, мир был подписан в его присутствии в Ананьи, во дворце Каэтани 12 июня 1295 г. Хайме передавал Святому Престолу остров Сицилию и завоеванные земли на материке; возвращал Майорку своему дяде Хайме в обмен на Сардинию, которая до того момента считалась ничейной землей; освобождал сыновей Карла II и женился на дочери Карла Бланке, за которой Бонифаций давал большое приданое, а сестра Хайме Виоланта, выходила замуж за одного из сыновей Карла; брат Хайме Федерико в качестве компенсации получал в жены Катерину де Куртенэ и солидную субсидию на отвоевание Константинополя. Филипп Французский и Карл Валуа навсегда отказывались от всех своих притязаний на Арагон. Хайме, его мать, его братья и весь народ Сицилии принимались обратно в лоно Святой Церкви без каких-либо церковных санкции против них. [397]

И снова договор учитывал интересы всех, кроме сицилийцев. Получив известие о Фигерасском перемирии, сицилийцы отправили посольство в Барселону, чтобы сообщить королю Хайме, что остров никогда не подчиниться власти французов. Инфант Федерико колебался. Руджеро ди Лауриа и Джованни да Прочида, а также барселонский и неаполитанский

дворы убеждали его согласиться. Против была лишь мать Федерико, королева Констанция. Федерико не хотел предавать сицилийцев; он сомневался, что даже в случае его женитьбы на Катерине поход на Константинополь будет осуществимым. Когда настоящие условия договора в Ананьи стали известны на Сицилии, сицилийцы заявили Федерико, что хотят видеть его своим королем, но будут защищать остров от него и от любого, кто попытается вернуть власть французам. Чтобы выиграть время, Федерико объявил, что, если Катерина де Куртенэ до сентября 1295 г. заявит о своей готовности выйти за него, он выполнит условия договора. Ответ Катерины решил проблему: она была здравомыслящей девушкой и сказала, что принцесса без земель не должна выходить замуж за безземельного принца, и отказала ему. Федерико, которого теперь итальянские гибеллины провозглашали своим будущим императором Фридрихом, был коронован сицилийской короной в Палермо 12 декабря 1295 г. На следующий год он продолжил войну с Неаполем и организовал не слишком успешную атаку на Базиликате.[398]

В начале 1297 г. Хайме Арагонский, уже женившийся на своей невесте из Анжуйской династии, был вызван Папой Бонифацием VIII в Рим. Он отправил посольство на Сицилию, чтобы предложить Федерико встретиться на Искии для урегулирования разногласий. Тот, посоветовавшись со своим парламентом, отклонил приглашение, но он не мог помешать Джованни да Прочида и Руджеро ди Лауриа сопровождать посольство в Рим. Не осмелился он также ослушаться приказа своего брата о том, чтобы королева Констанция и инфанта Виоланта поехали с ними. Королева не хотела ехать, но подчинилась в надежде, что сможет помирить своих сыновей. В Риме в марте 1298г. Виоланта была выдана замуж за Роберта, который теперь был наследником Карла II, поскольку Карл Мартелл умер, а следующий по старшинству брат, Людовик, принял духовный сан. Виоланта стала Роберту хорошей женой, и даже Папа Бонифаций ни в чем не мог ее упрекнуть, но она умерла молодой в 1302 г., оставив после себя только одного сына. Хайме во время своего визита в Рим был назначен гонфалоньером церкви[illegible] и получил во владение как Сардинию, так и Корсику; ему разрешили отсрочить передачу Балеарских островов и обещали церковную десятину. Его дружба стоила того, чтобы ее купить, пусть даже и за высокую цену, хотя бы потому только, что он переманил в анжуйский лагерь своего талантливого адмирала, Руджеро ди Лауриа, которому Папа пожаловал лены на африканских островах Джерба и Керкена.[399]

Сицилийцы остались в одиночестве. Но новый союз короля Хайме, короля Карла II и Папы приносил на удивление мало результатов. После ряда кампаний, проведенных осенью и зимой 1298 г., они очистили Калабрию от врага. Когда они попробовали вторгнуться на остров, Роберт, наследник Карла, смог захватить лишь несколько городков и поселений поблизости от Мессины, но не саму Мессину; король Хайме после безуспешной осады Сиракуз потерпел серьезное поражение от своего брата Федерико; а объединенный ан-жуйско-арагонский флот под предводительством племянника Руджеро ди Лауриа понес тяжелые потери в битве при Мессине. В результате Хайме покинул остров.[400] Летом 1299 г. была начата новая кампания. Чтобы начать ее и король Карл, и Папа влезли в огромные долги к купцам Тосканы и евреям Рима. Начали союзники хорошо. 4 июля у мыса Орландо Руджеро ди Лауриа практически уничтожил сицилийский флот, во главе которого стоял король Федерико.[401] Но за этой победой последовали лишь беспорядочные атаки, которые Фридрих легко отразил. В сентябре король Хайме вместе со своей матерью Констанцией, которой больно было видеть, как ее сыновья воюют друг с другом, покинул Италию под тем предлогом, что его присутствие необходимо в Испании.[402] Он оставил Руджеро ди Лауриа с огромным арагонским флотом продолжать войну, но сухопутная арагонская армия отбыла вместе со своим королем. Приблизительно в то же самое время принц Роберт с помощью Руджеро высадился в Катании и занял город и его окрестности. В октябре Карл отправил своего четвертого сына, Филиппа Та-рентского, высадиться на западной оконечности острова, чтобы Федерико оказался в тисках между двумя неприятельскими армиями. Федерико, у которого была хорошо поставлена система информации, поспешил на запад и обрушился на армию Филиппа, как только та высадилась, на равнине Фальконария 1 ноября. Захватчики были разбиты, а Филипп и большая часть его людей захвачены в плен.

Эта победа воодушевила гибеллинов Италии. Многие генуэзцы, включая лучшего адмирала республики Коррадо Дория, поступили на службу к сицилийскому королю. Поползли слухи, что сама Генуэзская республика собирается официально вступить в войну. Сенешаль Прованса был так напуган, что начал вторжение на генуэзскую территорию к неудовольствию короля Карла, который поспешил отправить в Геную посольство с извинениями, пообещав территориальные уступки, если генуэзцы не вступят в войну. Действия Руджеро ди Лауриа оказались еще эффективнее обещаний Карла: 14 июня он перехватил объединенный

генуэзско-сицилийский флот с Коррадо Дориа во главе на рейде у Неаполя возле острова Понца и разбил его. Генуэзцы вышли из войны, и республика объявила нейтралитет.[404]

Несмотря на эту победу, вторжение анжуйцев на Сицилию ничуть не продвинулось. Руджеро ди Лауриа не смог найти места для высадки новых войск. Роберт прошел от Катании до Мессины и взял ее в осаду, но город сопротивлялся ему так же стойко, как его деду в 1282 г. Его войска захватили несколько замков во внутренних районах острова, но с трудом удерживали их против сицилийских партизан. Было очевидно, что завоевание острова будет долгой и трудной операцией. После того как анжуйский флот жестоко пострадал от шторма у мыса Пассеро в июле 1301 г., принц Роберт прислушался к мольбам своей жены, инфанты Виоланты, и позволил ей договориться о годичном перемирии между ним и ее братом, королем Федерико. Роберт сохранял за собой Катанию и прилегающие к ней земли, но выводил свои войска с остальной части острова.

Неаполитанский двор признал перемирие. Папа Бонифаций не одобрил его, но был слишком занят другими заботами, чтобы протестовать. В Северной Италии возрождалось движение гибеллинов под предводительством Аццо д'Эсте, синьора Феррары. В Романьи и Марке начались восстания гибеллинов. Все города Умбрии, кроме Перуджи, повторно подтвердили свою приверженность делу гибеллинов. Дело усложнялось еще и тем, что гвельфы в тех городах, где они господствовали, как, например, во Флоренции, начали делиться на фракции: на «Черных» и «Белых». Папа Бонифаций почувствовал, что утрачивает свое влияние. Он назначил нового гонфалоньера — Карла Валуа, чья жена-неаполитанка умерла, и он недавно женился на законной латинской императрице, Катерине де Куртенэ. Карл Валуа полагал, что он подчинит Италию своему влиянию и это поможет ему в предстоящем походе на Константинополь, который он намеревался завоевать. Но Карл Валуа был безответственным авантюристом, принесшим мало пользы делу папства. Когда перемирие на Сицилии закончилось, его отправили туда, назначив главнокомандующим войск Анжуйской династии. Принц Роберт остался на острове в качестве наместника своего отца, но Бонифаций VIII ему не доверял. В тайном донесении кардинала Герарда Пармского, папского легата, говорилось, что Роберт находится под сильным влиянием своей жены-арагонки, чья смерть при родах годом позже в силу этих причин не вызвала у Папы сожаления.[406]

В конце мая 1302 г. Карл Валуа высадился на северном побережье

Сицилии возле города Термини и захватил его. Руджеро ди Лауриа в это же время атаковал Палермо, но сумел взять лишь внешний форт. Затем Карл пересек остров, пришел к Скьячче на южном побережье и взял ее в осаду. Лето было жаркое. К концу августа армия устала и ослабла, а город так и не был взят. Потом Карл Валуа получил письма от своего брата, французского короля Филиппа, призывающие его вернуться домой во Францию. Филипп недавно поссорился с Папой и потерпел серьезное поражение от фламандцев в битве при Куртрэ. Ему нужна была помощь брата. Карл II позволил Карлу Валуа вступить в переговоры с противником в случае необходимости. В конце августа он и принц Роберт встретились с королем Федерико в Кальтабеллотте в горах возле Скьячче. 31 августа там был заключен мир.

Кальтабелоттский договор дал Сицилии независимость. Все анжуйские войска были отозваны с острова, а все сицилийские войска — с материка. Федерико получал титул короля острова Сицилия, с тем чтобы Сицилийское королевство официально осталось за Анжуйской династией. Федерико должен был жениться на младшей дочери короля Карла Алиеноре и оставаться королем только до своей смерти. После его смерти корона должна вернуться к анжуйцам, а наследники Федерико в качестве компенсации должны были получить королевство Сардинию, или королевство Кипр, (правда, ни одно из них анжуйцы не имели права дарить), или 100 000 унций золота. Всех пленников следовало отпустить.[407]

Все приняли договор со вздохом облегчения. Король Карл оставил надежду на завоевание острова, но у него все еще была вероятность получить остров мирным путем после смерти Федерико — а тот мог умереть очень молодым, как его брат Альфонс. Кроме того, пункт договора, согласно которому остров в итоге возвращался Анжуйской династии, спасал репутацию Карла. Папа Бонифаций, хоть и недовольный тем, что Сицилия досталась отлученному от Церкви государю, тоже мог найти утешение в этом пункте. Он лишь настоял на том, чтобы титул Федерико звучал «король Тринакрии»[✧A≣⊙], чтобы избежать слова «Сицилия», а также чтобы правление Федерико официально начиналось со дня подписания договора. Папа дал свое благословение на подписание договора и принял Федерико и сицилийцев обратно в лоно Церкви. Он приберег свой гнев для Карла Валуа, которого принял очень холодно.[408] В скором времени, в мае 1303 г., в Мессине была пышно отпразднована свадьба Федерико и Алиеноры.[409]

На самом деле и для Бонифация, и для Карла II сицилийский вопрос

имел второстепенное значение. Первый был слишком занят ссорой с Филиппом IV Французским, ссорой, достигшей своего апогея в унизительной сцене пленения Бонифация VIII французскими посланцами в его собственном дворце в Ана-ньи.[410] Главной же целью Карла II сейчас было укрепление своей династии в Венгрии. Его жена, венгерская принцесса, передала свои права своему старшему сыну, Карлу Мартелу, многообещающему юноше, чья смерть от лихорадки в 1296 г. нанесла тяжелый удар по анжуйцам. Притязания Карла Мартела на титул, однако, не были признаны за пределами владений его отца, а война на Сицилии не позволила Карлу II предпринять что-нибудь против короля Андраша III, которого венгры поддерживали.[411]

Карл Мартел и его жена Клеменция Габсбург, умершая вскоре после своего мужа, оставили троих маленьких детей, сына и двух дочерей. Когда Бонифаций VIII взошел на папский престол, они с Карлом II договорились, что итальянские и провансальские владения короля перейдут его третьему сыну, Роберту, поскольку второй его сын, Людовик, принял духовный сан, а второй сын Карла Мартела, Карл-Роберт или Каробер, получит венгерский трон. После смерти Андраша III в начале 1301 г. Каробер был отправлен на венгерскую территорию в Далмации и там коронован. Но тем временем венгерские аристократы предложили трон королю Чехии Вацлаву IV, чья бабка была венгерской принцессой. Он принял предложение для своего сына Владислава, который и был коронован короной Св. Стефана, без чего венгерская коронация была недействительна. В августе 1301 г. Папа призвал обоих королей предстать перед его третейским судом, но явился только Каробер. Таким образом, его права были признаны Римом. Следующие несколько лет папские легаты защищали права анжуйцев в Венгрии, а Рудольф, Римский король, второй дед Каробера, оказывал давление на короля Чехии. Владислав чувствовал себя так неуютно на венгерском троне, что после смерти отца в 1305 г. отрекся от него, но передал драгоценную корону Св. Стефана не анжуйцам, а Оттону, герцогу Баварскому, чья мать была принцессой из рода Арпадов. Правление Оттона было несчастливым. В 1307 г. он поехал к самому могущественному своему вассалу, Владиславу Кану, воеводе Трансильвании, полагая, что женится на его дочери. Но Владислав решил, что Оттон не стоит его поддержки, арестовал его и отпустил только тогда, когда тот передал ему корону Св. Стефана. За сим Оттон с радостью вернулся в Баварию. Большинство венгерских аристократов, собравшись наконец, провозгласили королем Каробера в октябре 1307 г., но оставались еще

серьезные препятствия. Только в ноябре 1308 г. он смог приехать в Пешт и вступить во владение королевством. Каробера короновали в июне следующего года, но только изготовленной специально для этого случая диадемой, поскольку воевода Владислав отказался вернуть корону Св. Стефана. Наконец, под угрозой отлучения от Церкви следующим летом воевода сдался, и Каробер был снова коронован священной реликвией в августе 1310 г.[412]

Пристальное внимание, с которым неаполитанский двор наблюдал за молодым королем Каробером, отвлекло его от Сицилии. Венгерский трон давал более широкие возможности, чем владение средиземноморским островом, и в итоге именно в Венгрии Анжуйская династия достигла своего расцвета. Карл Анжуйский, женив своего сына на дочери венгерского короля, не мог предвидеть, какую славу он таким образом принесет своей династии, и все же из всех его решений это в конце концов оказалось самым удачным.

Король Карл II мог пережить потерю Сицилии с холодной невозмутимостью. Для Федерико Арагонского Кальтабеллотский мир был достойной наградой за усилия. Его не беспокоило, что он лишь прижизненный владелец острова, этот вопрос можно было еще обсудить позже. Не подчинился Федерико Папе и в его решении датировать начало его правления лишь с момента утверждения договора Папой. Успех также привел Федерико к примирению со своим братом, королем Хайме Арагонским, который, выжав все, что было можно, из союза с врагом, позволил своим семейным привязанностям вновь одержать верх.[413]

Сицилийскому народу этот договор принес даже большую, но вполне заслуженную, награду. Война была выиграна благодаря стремлению сицилийцев к свободе. На протяжении двадцати лет после Вечерни они отклоняли уловки правителей и государственных деятелей и дали понять, что не примут мирный договор, который отдавал бы их обратно под власть ненавистных французов. Сицилийцы не сожалели, что у их нового короля не было владений на материке, — он мог лучше позаботиться об их процветании. На протяжении наступающего столетия Сицилия была свободным и независимым королевством, не очень богатым и играющим не слишком большую роль в мировой политике, но зато счастливым.[414]

Анжуйцы, конечно, не оставляли надежды отвоевать Сицилию. В 1314 г. Роберт, который к тому времени сменил отца в Неаполе, попытался вторгнуться на остров, чтобы наказать короля Федерико за то, что тот предложил помощь его врагу, императору Генриху VII. Вторжение

закончилось полным провалом. Главным его итогом стал отказ Федерико от пункта Кальтабеллоттского мира, ограничивающего срок правления его династии на Сицилии сроком его жизни. Сицилийский парламент признал сына Федерико, Педро, его наследником. В 1328 г., чтобы развеять все возможные сомнения, Федерико сделал Педро своим соправителем. В конце своего правления король Роберт предпринял несколько попыток вернуть себе Сицилию. Он снарядил в общей сложности шесть походов на остров, но добивался лишь временных успехов. Был совершен ряд атак во время правления внучки и наследницы Роберта, Джованны, пока наконец в 1372 г. в Аверсе при поддержке Папы не был подписан долгосрочный мирный договор. Этот договор безоговорочно оставлял Сицилию за потомками Федерико Арагонского. Но король Тринакрии должен был признать не только папство, но и правителя «Сицилийского королевства» в Неаполе, своими сюзеренами. Этот сюзеренитет был не слишком тяжел для острова и означал, что нападениям и угрозам со стороны материка пришел конец. Вскоре упадок королевства Анжуйской династии при ветреной и неумелой королеве Джованне и последовавшие за ее убийством беспорядки свели сюзеренитет к пустой формальности.[415] В начале XV в. Сицилия перешла по наследству королям Арагонским, и вассальная зависимость вскоре была забыта.[416]

В 1435 г. Альфонс III, король Арагонский и Сицилийский, отнял королевство на материке у косвенной наследницы последнего правителя династии Карла I, королевы Джованны П. Так Арагон в конечном счете победил. Но прошлое странным образом вернулось, и остров Сицилия остался присоединенным к арагонской короне, а Неаполь на протяжении полувека наслаждался независимостью под управлением побочной династии.[417]

Сицилия уже никогда не была независимой после 1409г. От королей Арагонских она перешла к их наследникам, королям объединенной Испании. В XVIII в. после кратких перерывов Австрийского и Пьемонтского правления она была передана вместе с Неаполем одной из ветвей французской династии Бурбонов, которая правила Испанией. Их королевство было названо королевством Обеих Сицилии, но из этих двух Сицилии остров был младшим компаньоном, если не считать тех нескольких лет, когда войска Наполеона вынудили королевскую династию искать убежище в Палермо. От Бурбонов Сицилия была освобождена Гарибальди, чтобы стать частью объединенной Италии, но частью, которой долго пренебрегали и обделяли. Теперь, наконец, у Сицилии снова есть

свой парламент, и ее друзья могут надеяться, что свирепое мужество, проявленное народом Сицилии на протяжении всей ее истории, будет вознаграждено.

Глава XVII. ВЕЧЕРНЯ И СУДЬБА ЕВРОПЫ

Эту тему следует рассматривать с двух сторон. События Вечерни в Палермо отметили жестокую и важную поворотную точку в истории Сицилии. Они также преподали урок всей Европе.

Со смертью императора Фридриха II и упадком империи Гогенштауфенов папство, казалось, восторжествовало над своим главным соперником в борьбе за всеевропейское господство. Для сохранения победы политика папства заключалась в предотвращении сосредоточения слишком большой власти в руках одного монарха. Со времени смерти Фридриха в 1250 г. и вплоть до коронации Генриха VII в 1311 г. на Западе не было ни одного коронованного императора. Отчасти случайно, но в большей степени из-за политики папства, Римский король, избранный император, был не более чем просто король Германии; и расширению его власти на Италию, по возможности, препятствовали обдуманные действия Папы. Но папство на самом деле не могло повелевать христианским миром без помощи светской власти. Сколь много верующих ни соглашались бы с его завышенными требованиями, ему все равно была необходима материальная поддержка. Как бы хорошо ни был организован папский двор в качестве правового и финансового центра, он нуждался в физической поддержке для обеспечения выполнения указов и сбора назначенных им налогов и десятин. Идеальным решением был бы зависимый император, чьи войска были бы в распоряжении Папы. Иннокентий III на это и рассчитывал, когда позволил своему подопечному, Фридриху II, стать императором. Но Иннокентий и его преемники не смогли понять, что от гордого и честолюбивого императора нельзя ожидать, что он будет строить свою политику таким образом, чтобы угодить иерарху, чьи интересы не всегда совпадали с интересами императора и его подданных. Сталкиваясь с императором, Папа препятствовал единственной центростремительной силе того времени. И наоборот — поддерживал главную центробежную силу, зарождающийся дух национализма, который станет значительно большей угрозой для идеи вселенского папства. Папа поощрял рост обособленных светских государств, не понимая, что сила этих государств держится на их национализме. Никогда не было более преданного и честного сына Церкви, чем король Людовик IX Французский. Но Людовик Святой верил, что его главное служение, после служения Богу, разумеется, — это служение людям, которыми Бог призвал его править. Людовик не

пожертвовал бы интересами французов в угоду имперскому строительству папства. Если бы все монархи того времени обладали такими же достоинствами, правление в Европе было бы спокойным и у папства было бы время осознать границы своей власти. Но Людовик был исключением. В суматохе времен Папы никогда не останавливались, чтобы подумать.

Когда Фридрих умер, основной целью Пап стало предотвращение возрождения власти Гогенштауфенов. Это было непросто. Еще оставались талантливые и блистательные члены этой семьи, чьи подданные хранили им верность, в то время как итальянцы, с их страстью к партийной политике, делились на две враждующие партии — гвельфов и гибеллинов — и использовали все средства для достижения своих целей. Чтобы установить в Италии мир, была необходима направляющая сила. Папа же не мог чувствовать себя в безопасности на своем престоле в Риме. Когда Манфред получил наследство Гогенштауфенов в Италии, его итальянская политика приняла столь же угрожающий папству курс, как и у его отца; но в отличие от Фридриха II, Манфреда не отвлекали беспорядки в Германии. Чтобы сокрушить Манфреда и создать в Италии послушное правительство, Папа решил пригласить принца из-за границы, располагающего достаточными денежными средствами для организации военной кампании. Английский принц подошел бы, если бы в Англии нашлась подходящая кандидатура и если бы на английском троне сидел более рассудительный король. Но юность принца Эдмунда и бездарность короля Генриха III в сочетании с финансовыми требованиями папства делали английскую кандидатуру неприемлемой. Тогда спасителя стали искать во Франции.

К сожалению, именно в тот момент понтификом выбрали француза. В условиях, когда итальянские кардиналы ссорились между собой, выбор Папы Урбана IV, который был патриархом Иерусалима и обладал большим международным опытом, казался наилучшим выходом из сложившейся ситуации. За полтора века до того Папа Урбан II — тоже француз — проявил себя как самый дальновидный и широко мыслящий из всех средневековых Пап. Но за эти полтора столетия во Франции зародилась нация и ее сыновья стали истинными французами. Для Урбана IV было вполне естественным пригласить французского принца для спасения Церкви от германо-итальянской династии, тем более что на примете был французский принц, обладавший выдающимися способностями.

Союз с Карлом Анжуйским не принес папству ничего, кроме бед. Карл был необычайно амбициозный человек, и приглашение в Италию дало ему все возможности показать себя в деле. Вскоре он стал так же опасен для независимой Церкви, как и Гогенштауфены. На самом деле он был куда

более опасен, поскольку, возглавив вместо Папы партию гвельфов в Италии, мог оказать им материальную помощь, что для них было намного полезнее, чем духовная поддержка Папы. Карл также мог влиять на выборы Папы, на что за прошедшие два столетия были способны лишь не многие императоры. Избрание Папы-француза означало, что он сделает нескольких французов кардиналами, которые вместе с союзниками-гвельфами впоследствии, на выборах нового понтифика, могли возвести на папский престол француза или человека, сочувствующего французам, — тем более что Карл со своей армией всегда был поблизости. Урбан IV, пригласивший Карла в Италию, был французом, как и Климент IV, тепло принявший Карла. После смерти Климента последовала реакция конклава, в результате которого папский престол пустовал почти три года. Это вполне устраивало Карла, так же как его устроило бы избрание Папы-француза. Избрание Григория X означало для Карла неудачу, и Григорий действительно помешал некоторым его планам. Сменившие Григория один за другим трое пап, проживших недолго — савойец, итальянский гвельф и португалец, — были благосклонны к Карлу. Затем он получил новый отпор с избранием Николая III, чему причиной послужило то, что Карл несколько отошел от дел из-за болезни. У Николая III, как и у Григория X, было несколько более широкое понимание папских обязанностей. После смерти Николая Карл не стал рисковать и подготовил избрание самого непреклонного из французских Пап, Мартина IV. Таким образом, к 1282 г. Карл был уверен, что Папа окажет ему поддержку, что бы ни случилось. Столь сильное стремление Карла получить поддержку папства было типичным для того времени. Его набожность была искренней и не позволила бы ему идти наперекор воле папства, но она не помешала ему принять все возможные меры, чтобы с почтением исполнять волю понтифика, который будет марионеткой в его руках.

На первый взгляд кажется странным, что политическая деятельность Карла, талантливого государя, которого поддерживали и папство, и Франция, и итальянские гвельфы, окончилась провалом. Он потерпел неудачу из-за своей черствости и недостаточного понимания нужд тех народов, с которыми должен был иметь дело. Французы проявили себя как самый энергичный и предприимчивый народ средневековой Европы, и они знали об этом. Они начали считать себя высшей расой. Французы организовали движение крестоносцев, и по большей части именно они снабжали его солдатами и руководили походами в Святую Землю. Они установили свои порядки в Палестине и Греции. Власть над всем христианским миром была их предназначением. Карл был французом.

Более того — он был французским принцем, а именно французская королевская династия, главным образом, дала стране единство и национальное самосознание. И именно короли династии Капетингов давали порядок и правосудие народу и ослабляли деспотичную и разрушительную власть аристократов. Пока Карл был ребенком, его мать и брат занимались усмирением непокорной французской знати. В юности ему пришлось усмирять знать Прованса. Карл вырос в убеждении, что народные симпатии — на стороне централизованной власти.

Гордясь своим происхождением и положением, Карл совершил две роковые ошибки: одну внешнеполитическую и одну внутриполитическую. Он считал себя наследником правителей-крестоносцев, в особенности в Восточной Европе. Французы гордились Четвертым крестовым походом и созданием Латинской империи в Константинополе. Ее падение потрясло их. Им не приходило в голову, что для византийцев, как и для арабов на Востоке, французы несли с собой не прекраснейший расцвет цивилизации, а были жестокими захватчиками, склонными к религиозным гонениям. Карл был убежден, что восстановление Латинской империи будет простым делом, если только ему позволят устроить крестовый поход на Константинополь. С военной точки зрения Карл был прав, но он не учел ни той страстной ненависти, которую византийцы питали к Западу, ни того, как далеко они смогут зайти, чтобы предотвратить его вторжение; недооценил он также их искусство дипломатии, отточенное веками. Карл с презрением относился к арагонскому двору и не думал о том, насколько эффективно притязания арагонцев могут быть использованы против него. Он недооценивал всех своих иностранных врагов и никогда не понимал, что они могут быть опасны, если объединятся.

Их объединение стало возможным, благодаря ошибкам, допущенным Карлом в управлении своим королевством. Он знал о силе национализма. Он знал, что может доверять своим соотечественникам-французам, и больше не доверял никому. Карл, по возможности, во всех своих владениях назначал чиновниками подданных из других своих владений. Но он не учел, какое негодование может вызвать такая политика. Похоже, он полагал, что, как и во Франции, здесь основной угрозой для монархии является знать и что народ сам собой сплотится вокруг короля. В своих итальянских владениях Карл ослабил власть местной аристократии и опирался на французских аристократов и рыцарей, которым никогда не давал слишком большой территориальной власти. Он не понял ни того, что эти приглашенные аристократы не стали немедленно умелыми и неподкупными руководителями только потому, что их оторвали от их

наследных земель, ни того, что местное население могло невзлюбить иноземных правителей, даже если бы они действительно знали свое дело. Карл был умелым государем, но он не мог уследить за всем. По реформам, которые он поспешно провел, когда дела пошли не так, становится ясно, что в его правлении была масса изъянов, главным из которых было то, что оно не устраивало сицилийцев.

Именно здесь сицилийский вопрос переплетается с европейским. Карл забросил Сицилию. Он считал, что она беднее других его владений, а потому менее полезна. Сицилийцы вывели Карла из себя восстанием, случившимся в начале его правления. Он никогда надолго не приезжал на остров и никогда не проверял его правительственный аппарат. Чиновники на острове были более продажными и деспотичными, чем на материке, где Карл мог лично следить за их деятельностью. И все же, несмотря на прежнюю непокорность сицилийцев, Карл, похоже, не ждал от них неприятностей. Народ Сицилии был многонационален. Всего полвека назад греческую и арабскую составляющие можно было легко отличить от латинской. Карл запросто мог решить, что люди столь разных кровей никогда не смогут сплотиться настолько, чтобы представлять постоянную угрозу его власти. Но на самом деле несчастья, обиды и помыслы всего острова сплотили его жителей. Это яркий пример того, как мало национальное чувство зависит от чистоты расы. На острове произошел переворот, задуманный, поддержанный и организованный иноземными врагами Карла, но осуществленный благодаря яростной храбрости самих сицилийцев, которая и разрушила империю Карла. Некоторые сицилийские лидеры могли дрогнуть. Вмешательство Арагона и навигационный гений Руджеро ди Лауриа могли внести свой вклад в победу, но только твердая целеустремленность самих сицилийцев, которую не сломило последующее предательство союзников, освободила их от ненавистной власти Анжуйской династии.

Главная причина неудачи, которую потерпел Карл в строительстве империи, кроется в его непонимании средиземноморского мира того времени. Если бы он удовольствовался ролью короля Сицилии, у него было бы время научиться править сицилийцами. Но Карл считал себя воином Господним, которого Святая Церковь избрала своим защитником. Западная империя рухнула потому, что противилась Церкви. Он собирался создать новую империю при поддержке Церкви, как мирской представитель церковной власти. Карл опоздал. Христианский мир был расколот на слишком много частей, у каждой из которых были свои интересы, национализм развивался слишком быстро, он затронул даже самого Карла.

Что бы сам Карл ни думал о своей роли, действовал он отчасти в интересах папского империализма, отчасти — в интересах французского империализма, а отчасти — в угоду своим личным и династическим амбициям; и все эти понятия переплетались. Позже Анжуйская династия снискала славу, взойдя на венгерский престол, но только пока ограничивала свои интересы Центральной Европой. Когда она попыталась объединить свои владения в Италии с центрально-европейскими, задача оказалась слишком сложной. Короли из Анжуйской династии почти все были людьми выдающихся способностей, оставившими свой след в истории Европы. Но это был мимолетный след, давший Европе мало хорошего.

Вечерня положила конец попытке короля Карла построить империю. Но в этой кровавой резне погибло также нечто большее. Это был конец папства Григория VII. Папство предало себя в руки Карла. Немногие мудрые Папы, такие как Григорий X и Николай III, пытались ослабить влияние Карла, но безуспешно. Сами сицилийцы сделали все, что могли, чтобы дать папству путь к спасению. Папа, более компетентный, чем Мартин IV, мог бы сократить потери папства в то время, но избежать их было невозможно. Отказ Карлу в поддержке означал бы признание неправоты Рима. Но такая слепая поддержка Карла, идущая вразрез с желаниями преданного папству народа и с совестью большей части Европы, а затем поражение, к которому Карл привел папство, означали гораздо более жестокое унижение. Папство бросило в бой все силы. Оно тратило больше денег, чем могло себе позволить. Оно использовало оружие Священной войны, и все напрасно. Папство оказалось финансово истощенным и, чтобы восстановить свои финансы, было вынуждено попробовать получить от светских властей больше, чем те были готовы заплатить. Его духовное оружие оказалось запятнанным, поскольку немногие европейцы за пределами Франции и гвельфских городов Италии могли увидеть в усмирении сицилийцев духовную цель. Идея Священной войны уже была скомпрометирована, когда ее использовали против Гогенштауфенов. Теперь она уже окончательно заработала себе дурную славу. Папство растратило свой высокий авторитет на проигрышное дело, не имея убежденности в том, что правда на его стороне. Не было идеи прекраснее, чем Вселенская Церковь, объединяющая христианский мир в одну великую теократию, управляемую справедливой мудростью наместника Божьего. Но в этом грешном мире даже наместнику Божьему нужна вполне материальная поддержка для претворения в жизнь своей священной воли. Средневековое папство не смогло найти во всем христианском мире ни одного представителя светской власти, на которого

могло бы положиться. Разрушив Вселенскую империю, которая одна, возможно, могла бы дать папству такую поддержку, Папы поставили перед собой трудную задачу. То, что их выбор пал на Карла Анжуйского, легко понять, но это был роковой выбор. Когда власть Карла была сломлена событиями Вечерни в Палермо, Папы слишком глубоко увязли. Все это привело к оскорблению, нанесенному Бонифацию VIII в Ананьи, к Авиньонскому пленению[A] и после Великой схизмы[B] и крушения иллюзий — к Реформации.

Сицилийцы с обнаженными клинками, толпой валившие по улицам Палермо в тот кровавый вечер, наносили свои удары во имя свободы и чести. Они не могли знать, к каким последствиям это приведет их, а вместе с ними и всю Европу. Кровопролитие — дело дурное, и оно редко приводит к добрым последствиям. Но кровь, пролитая в тот вечер, не только спасла отважный народ от угнетения. Она в корне изменила историю христианского мира.

Этот урок не был полностью забыт. Более чем три века спустя король Генрих IV Французский похвалялся перед испанским послом тем, какой урон он может нанести испанским землям в Италии, если король Испании будет чрезмерно испытывать его терпение. «Я позавтракаю в Милане, — сказал он, — а пообедаю в Риме». — «Тогда, — ответил посол, — Ваше Величество несомненно поспеет на Сицилию как раз к Вечерне».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об истории Сицилии во времена греков и римлян см. соответствующие отрывки в «Camridge Ancient History». Хорошей книги по общей истории древней Сицилии не существует.

2. См. Bury. History of the Later Roman Empire. V. I, P. 254-258, 333, 410. T. II. P. 129, 171, 215-216, 255-260.

3. Ostrogorsky. History of the Byzantine State, P. 109-110, со ссылками на источники.

4. Vasiliev. Byzance et les Arabes. V. I. P. 61-88, 127-137, 187-188, 204-208, 219-222, 260-264; V. II (original edition in Russian). P. 20-25, 43-46, 58-68, 84-87, 122-130, 258-262, 302-309. Amari. Storia dei Musulmani in Sicilia. 3 vols. 1854-1872, остается лучшей полной исто рией того периода.

5. Ostrogorsky. Op. cit. P. 293-294.

6. О нормандском завоевании Сицилии см. Chalandon. Histoire de la Domination Normande en Italie.V. I. P. 189-211, 327-354. О нормандском правлении на Сицилии — V. II, passim.

7. Chandalon. Op. cit. V. II. P. 439-491. См. также Jordan. L'Allemagne et 1'Italie aux XIIe et XIIIe siecles. P. 150-160.

8. Kantorowicz. Kaiser Friedrich der Zweite. V. I. S. 11-12.

9. Jordan. Op. cit. P. 160-166.

10. Ibid. P. 172-173; Kantorowicz. Op. cit. S. 20-21.

11. О несовершеннолетии Фридриха см. Bathgen. Die Regentschaft Papst Innocenz HI im Konigreich Sizilien; Van Cleve. Markward of Anweiler; Luchaire. Innocent III. V. Ill: Rome et 1'Italie. P. 153-204.

12. Jordan. Op. cit. P. 204-206; Leonard. Les Angevins de Naples. P. 29-34; Cohn. Das Zeitalter der Hohenstaufen in Sizilien, passim; Schipa. Sicilia ed Italia sotto Federico II, passim.

13. Лучшее краткое описание характера Фридриха можно найти в Jordan. L'Allemagne et 1'Italie. P. 219-221, и описание его деятельности в последующих главах. Его жизнеописание в Kantorowicz. Kaiser Friedrich der Zweite слишком льстиво и романтично. О происхождении партий гвельфов и гибеллинов см. Jordan. Op. cit. P. 272-274. См. также Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles. V. VI, I. P. 6-9.

14. О падении Византии см. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. P. 356-370.

15. См. Hitti. History of the Arabs. P. 484, 652-658.

16. См. Runciman. History of the Crusades. Vol. III. P. 237-254.

17. Кроме упомянутых детей у Фридриха была еще законная дочь от Изабеллы Английской Маргарита, которая вышла замуж за Альбрехта Тюрингского, маркграфа Мейсенского. Об их сыне Фридрихе см. далее на стр. 41. Из незаконных дочерей императора одна, Сильваджа, вышла замуж за Эццелино III, веронского тирана; другая, Виоланта, вышла за Риккардо, графа Казертского; имена еще двоих его дочерей неизвестны; одна из них была замужем за Джакомо, маркгафом Каретским, другая — за Томмазо Аквинским, графом Ачерры.

18. Boemer. Regests Imperii, no 3835 V. V, I. P. 693; M.G.H. Constitutiones. V. II. P. 382. Его внук Фридрих должен был, если бы остался в живых, унаследовать Австрию от своей матери.

19. См. Runcimsn. History of the Crusades. V. III. P. 182, 220-221, 275.

20. Cambridge Medieval History. V. VI. P. 109-113; Jordan. L'Allemagne et 1'Italie. P. 289-296.

21. Итальянская история этого периода подробно изложена в Jordan. L'Allemagne et 1'Italie. P. 289-296.

22. Jordan. Les Origines. P. 173-182, 235-240.

23. Nicolas of Cabrio. Vita Innocentii IV (Muratori//R.I.S. V. III. P. 592); Rymer. Foedera. V. I. P. 302; Jordan. Les Origines. P. 238-239; Leonard. Les Angevins de Naples. P. 38.

24. Matthew Paris. Chronica Majora. V. IV. P. 242; Paulus. Geschichte des Ablasses im Mittelalter. Bd. II. S. 27.

25. Baronius-Raynaldi. Annales Ecclesiastici. Vol. II. P. 505. Гвельфы обвиняли Манфреда в том, что тот подстроил убийство Конрада при помощи отравленного клистира, который поставил Конраду придворный лекарь Джованни да Прочида. См. Salimbene de Adam. Cronica (M.G.H. Scriptores. V. XXXII. P. 444, 472).

26. Hampe. Geschichte Konradins von Hohenstaufen. S. 4-7; Runciman History of the Crusades. V. III. P. 281.

27. Jordan. L'Allemagne et 1'Italie. P. 322-323.

28. Nicolas of Carbio. Vita Innocentii IV. P. 592; Boehmer. Regesta. № 4644. Vol. V. I. P. 855.

29. Nicolas of Jamsilla. Historia de rebus gestis Friderici II, Conradi et Manfredi (Muratori//R.I.S. V. VIII. P. 513-41). См. Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles. Vol. VI, I. P. 18.

30. Nicholas of Jamsilla. Loc. cit.; Jordan. L'Allemagne et 1'Italie. P. 322-323.

31. Hefele-Leclercq. Op. cit. P. 18, n. 3. О характере Иннокентия см.

Jordan. Les Origines. P. LXXIX-LXXXI.

32. Nicholas of Carbio. Op. cit. P. 592; Salimbene de Adam. Op. cit. P. 453-454. Салимбене называет Папу Александра ученым и миролюбивым. Более резкое суждение можно найти в Jordan. L'Allemagne et 1'Italie. P. 323.

33. Nicholas of Jamsilla. Historia. P. 543; Jordan. Les Origines. P. XIII-XIV. О соглашении Манфреда с партией Конрадина см. Boehmer. Regesta, № 4771. Vol. I. P. 882.

34. Nicholas of Jasmilla. Historia. P. 584; Baronius-Raynaldi. Annales Ecclesiastic. V. III. P. 24-25; Capasso. Historia Diplomatica Regni Siciliae. P. 167-168 (о денонсировании коронации Папой). Причастность Манфреда к распространению слухов о смерти Конрадина рассматривается в Schirrmacher. Die letzten Hohenstaufen. S. 449.

35. Данте описывает Манфреда так: «Он русый был, красивый, взором светел» («Чистилище, III, ст. 107») и называет его прославленным героем и покровителем литературы в «De Vulgari Eloquentia» (кн. I, §12) («О народном красноречии»). Гвельфские хроники обвиняют Манфреда во всех пороках, но трубадур Раймунд Тор, друг Карла Анжуйского, восхваляет его честность, справедливость и утонченность; неизвестный трубадур уже после гибели сицилийского короля, когда уже ничего не мог выиграть, восхвалял Манфреда, называя его доблестным, несущим радость и добродетельным правителем. De Bartholomaeis. Poesie Provenzali Storiche raelative all'Italia. Vol. II. P. 212-215, 234. Современные историки судят его более строго. Для Previte-Orton («Cambridge Medieval History». V. VI. P. 184) он был «ленивый и нерешительный», «дитя гарема», «влюбленный в вымысел о собственном величии» и ему было присуще «азиатское сочетание самоуверенности и слабости». Leonard. Les Angevins de Naples. P. 40, дает оценку сдержанную и справедливую.

36. См. Libertini, Paladino. Storia della Sicilia. P. 444-445.

37. О «двойных выборах» см. Jordan. L'Allemagne et 1'Italie. P. 304-310, с комментариями, и Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles. V. VI. P. 23-26.

38. Jordan. Les Origines. P. 241-242; Hampe. Op. cit. S. 15-19.

39. Jordan. Les Origines. P. 94-142, 179-211, 242-244; у Данте есть строки относительно Монтаперти, «Окрасившего Арбию в багрец» («Che fece 1'Arbia coloranta in rosso»), «Ад», X, ст. 86; G. Villani, «Cronica» (1823 ed.). V. II. P. 108-109.

40. cm. Longnon. L'Empire Latin de Constantinople. P. 178-186; см. также — Wolff. Mortgage and Redemption of an Emperor's Son // Speculum. V. XXIX. P. 45-54, где содер жатся полезные сведения о долгах Балдуина II.

41. Vasiliev. History of the Byzantine Empire. P. 506-507; Ostrogorsky.

History of the Byzantine State. P. 378.

42. Ostrogorsky. Op. cit. P. 384-391.

43. Ibid. P. 371-395.

44. Miller. The Latins in the Levant. P. 91-98; Norden. Das Papsttum und Byzanz. S. 332-333; Longnon. Op. cit. P. 217-223.

45. Я считаю, что принято придавать слишком мало значения стремлению Манфреда переломить недовольство папства его правлением, выступив в качестве защитника католицизма на Востоке. Об Иннокентии IV и Ричарде Корнуэльском см. Powicke. King Henry III and the Lord Edward. V. I. P. 197, n. 2.

46. О Констанции, которую византийцы перекрестили в Анну, см. Gardner. The Lascarids of Nicaea. P. 169-171. О Михаиле Палеологе позже говорили, что он хотел развестись со своей женой, чтобы жениться на Анне, но патриарх Константинопольский ему не позволил.

47. Gardner. Op. cit. P. 197-231; Ostrogorsky. Op. cit. P. 395-397.

48. О женитьбе Гильома и приданом см. Geneakoplos. The Battle of Pelagonia // Dumbarton Oaks Papers, no. VII. P. 111-112. О женитьбе Манфреда и приданом см. там же, P. 103-105. Дата свадьбы указана в анонимной хронике Трани. Вступление Манфредом во владение различными городами Эпира и Албании, Дураццо, Авлоной, Велеградом и Сфинарицей, похоже, подтверждается нотариальным актом, датированным 23 февраля 1258 г., в котором он упоминается, как владелец этих областей (Miklosich and Muller. Acta et Diplomata. V. III. P. 239-240). Этот документ далее датируется восьмым годом Конрада II, короля Сицилийского, но данная фраза не вполне понятна. Под Конрадом II должен подразумеваться Конрадин; во всяком случае, возможно, что провинциальный греческий юрист перепутал его с его отцом, восьмым годом правления которого был бы тот год, если бы он был жив. Предполагается, что передача земель была сделана во время помолвки Манфреда и Елены, точная дата которой не известна. Но первая жена Манфреда, Беатриса Савойская, по всей видимости, умерла только в 1258г. См. del Guidice. La Famiglia del Re Manfredi// Archivio Storico per le Provincie Napoletane. P. 55-56.

49. Gardner. Op. cit. P. 231-240; Ostrogorsky. Op. cit. P. 397-398.

50. Dolger. Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Reiches. V. III. S. 31; George Acropolita. Historia/Ed. Heisenberg. P. 165; Norden. Op. cit. P. 382.

51. Пелагонская битва описана в: Chronicle of Morea. 11. 3602-3900 (Greek version, ed. Kalonaros); Acropolita. P. 165-170; Pachymer. Op. cit. P. 83-86; Nicephorus Gregoras. Historia Byzantina. V. I. P. 71-75, поздний и

запутанный отчет, который приписывает Манфреду уча стие в битве. Хорошее современное описание см. Geneakoplos. Op. cit. P. 120-136; но см. Nicol. The Date of the Battle of Pelagonia // Byzantinische Zeitschrift. V. XLVIII, I. P. 68-71, где убедительно доказывается, что битва состоялась самое позднее в июле 1259 г., а не поздней осенью, как Geneakoplos заключил вслед за другими историками, опиравшимися на Gregoras.

52. Gardner. Op. cit. P. 254-260; Ostrogorsky. Op. cit. P. 399-400. О Нимфийском договоре см. Dolger. Op. cit. V. III. S. 36-38.

53. Chronicle of Morea (Greek version). 11. 4324-4348; Pachymer. Op. cit. P. 88; Longnon. Op. cit. P. 228-230; Dolger. Op. cit. V. III. S. 38-39.

54. Pachymer. Op. cit. P. 89. Стратегопул был передан Ман фреду и впоследствии обменян на императрицу Констан цию (Анну), сестру Манфреда.

55. Дураццо, хоть и упомянутый в февральском документе 1258 г., не входил в приданое и был предположительно впоследствии возвращен деспоту Эпира.

56. Wolff. Mortgage and Redemption. P. 65-66; Miller. Latins in the Levant. P. 114-115.

57. Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles. V. VI, I. P. 28.

58. Jordan. Les Origines. P. 293-296 — сведения о прошлом Урбана и хорошая его характеристика. Жизнеописание Урбана в стихах, написанных плохим слогом, содержится в произведениях в Тьерри Вокулерского (издано в Muratori, R.I.S. V. III, 2. P. 405).

59. О замужестве Констанции см. Carini. Gli Archivi e le Biblioteche di Spagna. V. II. P. 185-186. Помолвка состоялась 28 июля 1285 г. в Барселоне, а само бракосочетание — четыре года спустя (13 июня 1262 г.).

60. Jordan. Les Origines. P. 297-307, полный список новых кардиналов.

61. Ibid. P. 336-355.

62 Libertini and Paladino. Storia della Sicilia. P. 444-445.

63. Innocent IV. Registre/ Ed. Berger. V. II. P. CCLXXVI-CCLXXXV; Matthew Paris. Historia Anglorum. V. III. P. 126, где говорится, что Ричард спрашивал о правах Конрада, но намекнул, что мог бы согласиться, если ему хорошо заплатят; см. также Chronica Majora. V. V. P. 346-347, где говорится, что Ричард наотрез отказался и произнес фразу о луне.

64. Rymer. Foedera. V. I, 14 (1816 ed.). P. 297, 301.

65. Ibid. P. 301-302; Matthew Paris. Chronica Majora. V. V, I. P. 410.

66. Powicke. King Henry III and the Lord Edward. V. I. P. 236-238.

67. Ibid. P. 239-242

68. Ibid. P. 370-375.

69. Ibid. P. 376-378.

70. Ibid. P. 385-387, Boehmer. Regesta. № 9178. V. V, 2. P. 1423.

71. Urban IV. P. Registres/ E. Guiraud V. I. P. 145.

72. Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles V. VI, I. P. 38, n. I; Jordan. Les Origines. P. 374-378.

73. Jordan. Op. cit. P. 378-390. См. Taoce Wolf. Mortgage and Redemption. S. 66-67.

74. Boehmer. Regesta, № 4737a. V. V, I. P. 874-875.

75. Pachymer. De Michaele Palaeologo. S. 88.

76. Jordan. Op. cit. P. 389-392.

77. Ibid. P. 392-396.

78. Ibid. P. 397-401.

79. Ibid. Loc. cit.

80. Письмо Балдуина к Манфреду и письмо Урбана с комментариями на этот счет можно найти в Martene et Durand. Thesaurus novus anecdotorum. V. II. P. 23. Королева Маргарита заставила своего семилетнего сына, будущего Филиппа III, поклясться никогда не действовать сообща со своим дядей Карлом. Король Людовик пришел в ярость, узнав об этом; а Папа прислал письмо, освобождающее мальчика от данного обета. См. Wolff. Op. cit. P. 66-68.

81. Все условия договора можно найти в Jordan. Op. cit. P. 20-26.

82. Об амбициях Беатрисы подробно рассказывается в Villani. Cronica. Vol. II. P. 129-130.

83. Карла очень сурово судят германские историки, которые не могут простить ему смерть Конрадина, и итальянские историки, как, например, Амари, который всячески подчеркивал гнет правления Карла, стараясь оправдать восстание на Сицилии. Jordan. Op. cit. P. 410-419, дает аргументированное, хотя, возможно, слишком доброжелательное, описание его характера. Гармоничная оценка дается в Leonard. Les Angevins de Naples. P. 41-47. См. также далее P. 255-256. Нос Карла упоминается у Данте.

84. Leonard Op. cit. P. 47-48.

85. Ibid. P. 48-49. История правления Карла в Провансе подробно изложена в Sternfeld. Karl von Anjou als Graf der Provence.

86. Leonard. Op. cit. P. 47-48.

87. Jordan. Les Origines. P. 458-460, о довольно запутанных переговорах; со ссылками на источники.

88. Ibid. P. 478-479.

89. Ibid. P. 460-462. Папа разъяснил свою точку зрения в письме

Альберту Пармскому, которое приводится в Martene. P. Durand. Thesaurus. V. II. P. 50.

90. Jordan. Op. cit. Саму переписку см. в Martene, Durand. Thesaurus. V. II. P. 33-43.

91. Ibid. P. 468-475, где можно найти все встречные предложения Карла.

92. Ibid. P. 486-490; Urban IV. Registres. V. IV. P. 807-809, 816-836.

93. Jordan. Op. cit. P. 495-500. О Гантельме в Риме см. Sternfeld. Karl von Anjou. P. 229.

94. Jordan. Op. cit. P. 490-495, 506-509.

95. Thierry of Vaucouleur. Vita Urbani IV. P. 420; Potthast. Regesta Pontificum Romanorum. V. II. P. 1540.

96. Sternfeld. Op. cit. P. 214 ff.

97. Jordan. Op. cit. P. 516-517.

98. Ibid. P. 299-303.

99. Ibid. P. 521-522.

100. Annales Januenses // M.G.H. Scriptores. V. XVIII. P. 249; Pachymer. Op. cit. S. 167-168; Caro. Genua und die Machte am Mittelmeer. Bd. I. S. 142-157, 167; Jordan. Op. cit. P. 570-575.

101. Sternfeld. S. cit. P. 242-246.

102. Jordan. Op. cit. P. 524-526. Martene, Durand. Thesaurus. V. II. P. 141, 264, 324; Boehmer. Regesta, № 4760. Bd. V, I. S. 879.

103. Boehmer. Regesta, no. 4763. Bd. V, I. S. 880. Савва Маласпина (Muratory, R.I.S. Vol. VIII. P. 815-816) пишет, однако, что Манфред был обеспокоен новостью, хотя незадолго до того его астрологи успокоили его относительно положения его дел.

104. Jordan. Op. cit. P. 526-533.

105. Ibid. P. 534-535.

106. Финансовые вопросы кампании детально рассматриваются в Jordan. Op. cit. P. 536-558.

107. Ibid. P. 592-598.

108. Ibid. P. 593-596; Leonard. Op. cit. P. 55-56.

109. Boehmer. Regesta, № 14276. V. V, 2. P. 2060; булла, уполномочивающая кардиналов, датируется 29 декабря; ibid, nos. 9622-9623. P. 1479; Villani. Cronica. V. II. P. 142-143, о коронации.

110. Leonard. Op. cit. P. 57; Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 49-50. Предполагалось, что мост будет защищать Риккардо Казертский, чью жену Виоланту, сводную сестру Манфреда, Манфред предположительно соблазнил. У Данте написано об этой измене в «Аде», XXVIII, ст. 16-17.

111. Leonard. Op. cit. P. 57-58; Oman. A History of the Art of War in the Middle Ages. V. I. P. 498-489.

112. Отчеты современников о битве при Беневенте можно найти в Andrew of Hungary. Descriptio Victoriae a Karolo reportatae (M.G.H. Scriptores. V. XXVI), где приводятся письма участников битвы, как, например, Гуго де Бо; отчеты Карла Папе — в Baronius-Raynaldi, Annales Ecclesiastici. V. III. P. 188-189; Saba Malaspina. P. 825-830; Ricordano Malespini (Muratori, R.I.S. V. VIII. P. 1002-1005); Villani. V. II. P. 147-155, несколько более поздний и слишком живописный отчет. Есть более краткие упоминания о битве почти во всех хрониках того времени. Хорошее описание есть в Oman. Op. cit. P. 500-505. Данте упоминает могилу Манфреда в «Чистилище», III, ст. 124-132.

113. Del Guidice. La Famiglia del Re Manfredi. P. 69-70, указывает дату; Villani. V. II. P. 155-156 описывает королевский въезд в Неаполь.

114. Martene et Durand. Thesaurus. V. II. P. 319.

115. Hampe. Geschichte Konradins von Hohenstaufen. S. 65-67; Jordan. P. L'Allemagne et 1'Italie. S. 366-367; Leonard. P. Les Angevins de Naples. P. 60.

116. Del Guidice. La Famiglia del Re Manfredi. P. 71, указана дата; см. также Wieruszowski. La Corte di Pietro d'Aragona // Archivio Storico Italiano. V. Anno 96. V. I. P. 142-143, и комментарии, в которых она приводит убедительные доводы в пользу того, что три сына Манфреда были незаконнорожденными.

117. Jordan. L'Allemagne et 1'Italie. P. 366-367, со ссылками на источники.

118. См. Trifone. La Legislazione Angioina. P. 5 ff.

119. См. выше, примеч. 35.

120. Boehmer. Regesta, № 9667, 9713, 9730, 9761-9762. V. V, 2. S. 1484, 1488, 1490, 1493.

121. Jordan. Op. cit. P. 370-371.

122. Saba Malaspina. P. 833-834; del Guidice. Don Arrigo, Infante de Castiglia. Passim.

123. Jordan. Op. cit. P. 375-377; Leonard. Op. cit. P. 372.

124. Leonard Op. cit. P. 372-375.

125. Salimbene de Adam. Cronica. P. 473. Ее тело было перевезено в Экс-ан-Прованс для похорон.

126. Hampe. Op. cit. S. 21-41, 176 (о Фридрихе Австрийском).

127. Ibid. S. 24.

128. Ibid. S. 68-69.

129. Ibid. S. 95-100.

130. Martene et Durand. Thesaurus. V. II. P. 456-458, 525, 574; Jordan. Op. cit. P. 377-379.

131. Hampe. Op. cit. S. 111-150. 111-150. Поэтическое приветствие, написанное Энрике для Конрадина, можно найти в d'Ancona and Comparetti. Le Antiche Rime Volgari. V. II. P. 305-307.

132. Jordan. Op. cit. P. 386-390; Leonard. Op. cit. P. 65-66; Hampe. Op. cit. S. 189-195.

133. О манифесте Конрадина см. Hampe. Op. cit. S. 346-350. О его отъезде из Германии, ibid. S. 172-174.

134. Jordan. Op. cit. P. 385-386; Saba Malaspina. Op. cit. P. 834-836.

135. Hampe. Op. cit. S. 211-269, подробное описание путешествия Конрадина. Савва Маласпина (Op. cit. P. 842-844) дает живое описание приема Конрадина в Риме.

136. Jordan. Op. cit. P. 392. Булла Папы Николая III, «Fundamenta Militantis Ecclesiae», изданная в 1278 г., отражает беспокойство Папы в то время.

137. Hampe. Op. cit. S. 270-282.

138. Самый полный современный источник о битве при Тальякоццо — хроника монаха Примата, выдержки из которой приводятся у Жана де Виньи (M.G.H. Scriptores. V. XXVI. P. 655-667). Савва Маласпина дает хорошее описание (Op. cit. P. 845-848). Собственный отчет Карла Папе и народу Падуи сообщает дальнейшие подробности. Baronius-Raynaldi. Annales Ecclesiastici. V. III. P. 242-243; Annales S. Justinae Patavini// M.G.H., Scriptores. V. XIX. P. 190-191. Отчет Виллани, как обычно, слишком живописен (V. II, P. 181-189). Современные описания см. в Hampe. Op. cit. S. 288-295, и Oman. Op. cit. V. I. P. 505-515. Точное место битвы трудно установить из-за осушения равнины. Современная Виз Валерия обходит участок, ведущий к Тальякоццо, и поворачивает вниз на восток. Конрадин, похоже, прошел на северо-восточный склон Монте Бови, за Тремонти и Сайта Марией.

139. Saba Malaspina. Op. cit. P. 848-850.

140. Hampe. Op. cit. S. 305-306, 314.

141. Ibid. P. 312-327, 358-365. Большинство современных хроник говорят о смерти Конрадина с сочувствием к жертве, хотя Салимбене (P. 476) говорит небрежно и ошибочно, что после смерти его имя растаяло, как дым.

142. De Bartholomseis. Poesie Provenzali. V. II. P. 230.

143. Маргарита была дочерью и сонаследницей Матильды де Бурбон — графини Оксера, Невера и Тоннера — и Эда, старшего сына герцога

Бургундского. Она унаследовала графство Тоннерское и часть Оксерр и баронии в Монмирай, Аллюе, Ториньи и Брюньи — все в Северо-Восточной Франции. Карл отдал ей город Ле Ман во вдовью долю. См. Leonard. Les Angevins de Naples. P. 72, 75-76.

144. De Boiiard. Le Regime politique et les Institutions de Rome au Moyen Age. P. 76-79, 137-138, 162-163, 172-175; Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter / Ed. Schilmann. V. II. S. 64-65, 1411; Jordan. P. L'Allemagne et 1'Italie. P. 401-402. О проекте университета см. del Guidice. Codice Diplomatico. V. I. P. 68.

145. Sternfeld. Cardinal Johann Gaetan Orsini. S. 152; Jordan. Op. cit. P. 394-395.

146. Jordan. Op. cit. P. 403-405.

147. Annales Placentini Gibellini // M.G.H. Scriptores. V. XVIII. P. 542-545; Jordan. Op. cit. P. 414.

148. Jordan. Op. cit. P. 411-414.

149. Annales Placentini Gibellini. P. 535-539; Jordan. Op. cit. P. 411-413.

150. Jordan. Op. cit. P. 395-396. Провансальский трубадур, Галега Панзано, порицал Карла за то, что тот был добрее к мусульманам, чем к христианам. Monti. Gli Angioini di Napoli nella Poesia Provenzale. P. 418.

151. Jordan. Op. cit. P. 396-397; Leonard. Op. cit. P. 72-73.

152. Del Guidice. Codice Diplomatico. V. II. P. 239, 250, 258, 322.

153. Leonard. Op. cit. P. 80-82, со ссылками на источники.

154. Ibid. P. 82-83. Полный перечень высокопоставленных чиновников есть в Durrieu. Les Archives Angevines de Naple. V. II. P. 189-213.

155. Jordan. Op. cit. P. 398-400; Leonard. Op. cit. P. 83-89. Сохранившиеся фискальные записи приводятся в Boiiard. Documents en Fransais des Archives angevines de Naple, Regne de Charle 1er: I. Les Mandements aux Tresoriers; II. Les Comptes des Tresoriers.

156. Передвижения Карла полностью прослеживаются в Durrieu. Les Archives Angevines. V. II. P. 163-189.

157. Durieu. Op. cit. P. 267-400, дает перечень французов, служивших Карлу. Об использовании французского языка см. del Guidice. Op. cit. V. I. P. 17.

158. Об острове Сицилия. С. 254-255. Он был разделен на две административные провинции, граница между которыми проходила по реке Сальсо.

159. Leonard. Op. cit. P. 75-77.

160. Ibid. P. 77-80.

161. См. выше с. 70-71.

162. Pachymer. De Michaele Paleologo. S. 508; Miller. The Latins in the Levant. P. 125-126; Leonard. Les Angevins de Naples. P. 103-104.

163. Текст договора приводится в Buchon. Recherches et Materiaux pour servir A une Histore de la Domination fransaise. V. I. P. 33; Miller. Op. cit. P. 126-127.

164. Miller. Loc. cit.

165. Runciman. History of the Crusades. V. III. P. 313, 331-332.

166. Leonard. Op. cit. P. 105-106.

167. Притязания дочери Балдуина Елены, королевы Сербии, которая, хотя и будучи замужем за принцем-схизматиком, была ярой проповедницей католицизма, похоже, не брались в расчет в Витербо.

168. Miller. Op. cit. P. 129-130, и P. 253-253 о завещании, якобы написанном в пользу Маргариты.

169. Martene, Durand. Thessurus. V. II. P. 469 (письмо Климента Михаилу); Pachymer. Op. cit. S. 359-361; Norden. Das Papattum und Byzanz. S. 448-457.

170. Pachymer. Op. cit. S. 361-362; Annales Januenses. P. 264; Norden. Op. cit. S. 265-266.

171. Sternfeld. Ludwigs des Heiligen Kreuzzug nach Tunis und Politik Karls I von Sizilien. S. 164.

172. Sternfeld. Op. cit. S. 201; он неубедителен в утверждении, что Карл не знал об африканском проекте своего брата. Савва Маласпина (Op. cit. P. 859) открыто говорит, что он договорился о нападении на Африку; Joinville. Histoire de Saint Louis / Ed. De Wailly. P. 398-400.

173. Sterfeld. Op. cit. S. 237-248; Runciman. Op. cit. V. III. P. 291-292; Hefele-Leclercq. Histoire de Conciles. V. VI. P. 64-66. Главный источник — это Гильом де Нанжи, «Gesta Sancti Ludovici» (Bouquet, R.T.F. V. XX). P. 440-462. См. также Annales Januenses. P. 267-269.

174. Виллани (Op. cit. V. II. P. 203-204) рассказывает о недовольстве крестоносцев. Об Эдуарде см. Ромске. King Henry III and the Lord Edward. V. II. P. 598-599.

175. William of Nangis. Gesta Philippi III (Bouquet, R.T.F. Vol. XX). P. 476-478, 482-484; Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI. P. 66.

176. О королеве Маргарите. С. 95 Король Филипп снова женился в 1274 г., и его вторая жена, Мария Брабантская, положила конец влиянию своей свекрови, см. ниже, С. 232.

177. Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 66-67; Pinzi. Storia della Citts di Viterbo. V. II. P. 280-292.

178. Powicke. Op. cit. V. II. P. 609-610.

179. Leonard. Op. cit. P. 107-108; Miller. Op. cit. S. 516-517; Essays on the Latin Orient. P. 432-433; Boucart; L'Albanie et les Albanais. P. 98; Norden. Op. cit. S. 477-480.

180. Longnon. L'Empire Latin. P. 240-242; Diehl, Oeconomos, Guilland and Grousset. L'Empire Orientale de 1081 a 1453. P. 204-206; Miller. The Latins in the Levant. P. 131-133; Norden. Op. cit. S. 480-485.

181. Gregorii X Vita Auctore Anonymo Scripta / Muratori // R.I.S. V. Ill, I. P. 599; Throop. Criticism of the Crusade. P. 12-15; Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles. V. VI, I. P. 67; Potthast. Regesta Pontificum Romanorum. V. II. P. 1651-1652.

182. Annales Januenses. P. 262, 272-273; Caro. Genoa und die Machte am Mittelmeer. V. I. S. 213-233; Jordan. L'Allemagne et 1'Italie. P. 407-411.

183. Annales Placentini Gibellini. P. 554-555; Annales Januenses. P. 273-274; Potthast. Regesta. V. II. P. 1456.

184. Gregory X. Registres. P. 129-132; Jordan. Op. cit. P. 406-407.

185. Gregory X. Registres. P. 65-67. Письмо Альфонса не сохранилось, но его содержание ясно из ответа Григория.

186. Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 68-69; Jordan. Op. cit. P. 416. В Генуе были уверены, что Отакар — кандидат Папы. В Чешской хронике, «Annales Ottokariani» (M.G.H. Scriptores. V. IX), говорится, что Отакару предложили корону германские князья, но он отказался.

187. Champollion-Figeac. Lettres des Rois, Reines et autres Personages. V. I. P. 652.

188. Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 71; Jordan. Op. cit. P. 417-420. Документы, касающиеся выборов, опубликованы в M.G.H. Constitutiones. V. III. P. 7-15, и Krammer. Quellen zur Geschichte der Deutschen Konig-swahl. Bd. II. S. 1-12.

189. Отакар, похоже, надеялся, даже после выборов, что Григорий все же его поддержит. См. Throop. Op. cit. S. 105-106. О протесте самого Отакара, M.G.H. Constitutiones. V. III. P. 19.

190. См. ниже, с. 195.

191. Caro. Op. cit. V. I. P. 319, приводится текст венецианского демарша.

192. Annales Januenses. P. 280-282; Caro. Op. cit. S. 265-278.

193. Norden. Op. cit. S. 471-472, 491-492; Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I P. 159-160; Champan. Michel Paleologue. P. 113-114.

194. В переводе с латыни — «и от сына»; эти слова были добавлены в VII в. западно-христианской церковью к христианскому «Символу Веры»; в соответствии с этим добавлением Святой Дух исходит не только от Бога-

отца, но «и от сына». Это добавление не было принято Православной церковью и стало одной из причин разделения церквей.

195. Norden. Op. cit. S. 499-520, подробное описание переговоров со ссылками на источники; Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 161-163, 167-168.

196. Potthast. Regesta. V. II. P. 1672; Longnon. Op. cit. P. 242-243.

197. Pachymer. De Michaele Paleologo. S. 317-318, 342-355.

198. Ibid. S. 308-309, 332-334, 410.

199. Annales Placentini Gibellini. P. 553; Caro. Op. cit. V. I. P. 288; Chapman. Op. cit. P. 96.

200. Gregory X. Registres. V. I. P. 123; Norden. Op. cit. S. 518, n. 2.

201. Powicke. Op. cit. V. II. P. 609-611. C. 191.

202. Виллани подробно пишет об отравлении Фомы (V. IV. P. 195), и Данте, «Чистилище», XX, ст. 68-69, соглашается с этим.

203. Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 168-172; яркий и хвастливый рассказ короля Хайме Арагонского о его роли на Соборе есть в «Chronicle of James I Aragon»/ Ed. Forster. V. II. P. 639-654. Эфель-Леклерк пишет об указах Op. cit. V. VI, I. P. 181-209.

204. Pachymer. Op. cit. S. 384-396; Norden. Op. cit. S. 520-522; Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 172-173; Chapman. Op. cit. P. 109-112.

205. Pachymer. Op. cit. S. 396-399; Norden. Op. cit. S. 520-536; Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 172-178.

206. Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 178-80.

207. Gregory X. Registres. P. 123; Leonard. Op. cit. P. 116-117; Norden. Op. cit. S. 537-553. Pachymer. Op. cit. S. 410, пишет, что Карл был так зол из-за того, что ему запретили нападать на Константинополь, что откусил верхушку своего скипетра.

208. Fournier. Le Royaume d'Arles et Vienne. P. 230; Leonard. Op. cit. P. 118-119.

209. Annales Placentini Gibellini. P. 558-559; Monti. La Dominazione Angioina in Piemonte. P. 45-46.

210. Annales Placentini Gibellini. P. 559-560; Monti. Op. cit. P. 50-52.

211. О Марии Антиохийской и ее притязаниях см. La Monte. Feudal Monarchy in the Latin Kingdom of Jerusalem. P. 77-79; History of Cyprus. V. II. P. 161-165; Runciman. History of the Crusades. V. III. P. 328-329, 342.

212. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1702-1703.

213. Potthast. Regesta Pontificum Romanorum. V. II. P. 1704. Карл оставался в Риме на протяжении всего понтификата. Durrieu. Les Archives Angevines de Naples. V. II. P. 179.

214. Potthast. Regesta. V. II. P. 1705.

215. Annales Januenses. P. 283; Caro. Genua und die Ma'chte am Mittelmeer. Bd. I. S. 367-380; de Bou'ard. Actes et Lettres de Charles ler concernant la France. P. 302; Potthast. Op. cit. V. II. P. 1708.

216. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1709-1710; Савва Маласпина (Historia Sicula. P. 871-872) описывает противозаконное вмешательство Карла в избрание Адриана.

217. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1710-1711; Durrieu. Op. cit. V. II. P. 180.

218. John XXI. Registres / Ed. Cadier.

219. Leonard. Les Angevins de Naples. P. 121-123.

220. Annales Placentini Gibellini. P. 564-565; Villani. V. II. P. 224-225.

221. Hefele-Leclercq. Histoire des Conciles. V. VI, I. P. 234-235; Redlich. Rudolf von Habsburg. S. 268-284.

222. Redlich. Op. cit. S. 420-421.

223. Pachymer. De Michaele Paleologo. S. 398-402; Chapman. Michel Paleologue. P. 120-121.

224. Norden. Das Papsttum und Byzanz. S. 563-680; Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 209-212.

225. Norden. Op. cit. S. 546-548. Наржо де Туси был вынужден просить подкрепления из Италии.

226. Pachymer. Op. cit. S. 324-336; Sanudo. Istoria del Regno di Romania; Hopf. Chroniques Greco-Romanes. P. 120-121; Miller. The Latins in the Levant. P. 134-136; Longnon. L'Empire Latin de Constantinople. P. 243-244.

227. Pachymer. Op. cit. S. 410-413; Sanudo. Op. cit. P. 125-126, 136; Miller. Op. cit. S. 136-140; Dolger. Regesten der Kaiserurkunden des Ostromischen Reiches. V. III. S. 68-69.

228. Miller. Op. cit. S. 141-142.

229. Runciman. History of the Crusades. V. III. P. 345-348.

230. Ibid. P. 346-347, 387.

231. Hill. History of Cyprus. V. II. P. 174-175. cm. Nicholas III. Registres / Ed. Gay. V. I. P. 336-337.

232. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1718.

233. О карьере Николая до восшествия на папский престол см. Sternfeld. Der Kardinal Johann Gaetan Orsini. Passim. О назначенных им кардиналах см. de Mas Latrie. Tresor de Chronologic. Col. 1193. Виллани (V. II. P. 226-227) рассказывает о его матримониальных планах в отношении дома Капетингов. Суровое суждение Данте о нем можно найти в «Аде», XIX, ст. 98-99. История о его взяточничестве — часть легенды о Джованни да Прочида. С. 250.

234. Ibid. P. 1719-1720. Передвижения Карла летом и осенью 1277 г. были более ограниченными, чем обычно (Durrieu. Op. cit. V. II. P. 180-181), а письмо Николая, датированное началом декабря (Potthast. Op. cit. V. II. P. 1720), содержит соболезнования в связи с недугом Карла.

235. Nicholas III. Registres. P. 332.

236. Redlich. Op. cit. S. 307-320; Fournier. Le Royaume d'Arles et de Vienne. P. 230. См. Rymer. Foedera. V. I, 2. P. 599.

237. Nicholas III. Registres. P. 369-376; Fournier. Op. cit. P. 233-234; Leonard. Op. cit. P. 126-127.

238. Nicholas III. Registres. P. 378-379; Fournier. Op. cit.; Leonard. Op. cit.

239. Leonard. Op. cit. P. 127-128.

240. Ibid. P. 128-129.

241. Свидетельств о финансовом положении Карла того времени нет; однако он не просил о финансовой помощи.

242. Nicholas III. Registres. P. 127-137. См. Genekapolos. On the Schism of Greek and Roman Churches; Greek Orthodox Theological Review. V. I.

243. Pachymer. Op. cit. S. 449-466; Norden. Op. cit. S. 589-601; Hefele-Leclercq. Op. cit. P. 211-216.

244. Pachymer. Op. cit. S. 462-463; Norden. Op. cit. S. 605-606. О денежном вопросе. С. 250.

245. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1754-1757; Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 268-269; Leonard. Op. cit. P. 130-131. Виллани (Op. cit. V. II. P. 237) открыто обвиняет Карла в том, что тот повлиял на исход выборов.

246. О карьере Мартина до восшествия на папский престол см. выше, стр.

247. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1758; Leonard. Op. cit. P. 131.

248. Villani. Op. cit. V. II. P. 264-267.

249. Monti. La Dominiazione Angioina in Piemonte. P. 58-60.

250. Fournier. Op. cit. P. 248-255. В январе 1282г. Мартин попытался установить мир между Маргаритой и Карлом (Rymer. Foedera. V. I, 2. P. 601).

251. Pachymer. Op. cit. S. 505; Hefele-Leclercq. Op. cit. V. VI, I. P. 216.

252. Текст договора Карла, Филиппа и венецианцев приводится в Tafel, Thomas. Urkunden zur altern Handels- umd Staatgeschichte der Republik Venedig. V. III. S. 287-297. См. Norden. Op. cit. S. 625-629. Об участии пизанцев, Kern. Acta Imperii, Angliae et Franciae. P. 15-17. Император Михаил и король Педро Арагонский просили пизанцев отказаться.

253. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1763; Pachymer. Loc. cit. Полный текст

приводится в «Annales Altahenses» (M.G.H. Scriptores. V. XVII. P. 409).

254. См. ниже.

255. Pachymer. Op. cit. S. 508-519; Sanudo. Op. cit. P. 129-130; Norden. Op. cit. S. 621-623; Miller. Op. cit. P. 171-173; Chapman. Op. cit. P. 140-142.

256. Pachymer. Op. cit. S. 518-519.

257. Miller. Op. cit. P. 161-164.

258. Sanudo. Op. cit. P. 130, 132.

259. Pachymer. Op. cit. S. 430-449; Jireheek. Geschichte der Bulgaren. S. 275-280.

260. Jireheek. Geschichte der Serben. V. I. S. 326-331.

261. Leonard. Op. cit. P. 134.

262. Pachymer. Op. cit. S. 472-474; Chapman. Op. cit. P. 150-151.

263. Пророчество приводится Иорданом Оснабрюккским (De Prerogativa Romani Imperii. P. 79). Санудо (Istoria del Regno di Romania. P. 138) пишет о Карле, что он «жаждал мировой монархии», а Никифор Грегора (Historia Byzantina. V. I. P. 123) пишет, что сицилийский король намеревался возродить империю Юлия Цезаря и Августа. Карл был потомком Карла по своей бабке, Изабелле д'Эно.

264. О притязаниях Констанции на сицилийский престол и о ее королевском титуле см. Wieruszowski. La Corte di Pietro d'Aragona. V. I. P. 142-146. Она, похоже, использовала королевский титул с момента смерти Манфреда, но только при дворе своего мужа.

265. В «Хронике Хайме I Арагонского», которая почти наверняка написана им самим, приводится самое яркое описание этого тщеславного, но сильного правителя.

266. Wieruszowski. Op. cit. V. I. P. 147-152; Cartellieri. Peter von Aragon und die Sizilianische Vesper. S. 23-26. Среди других изгнанников-придворных Манфреда была тетка Констанции, Констанция-Анна, бывшая никейская императрица. Она была в Неаполе во время вторжения графа Анжуйского, но Карл разрешил ей уехать в Испанию в 1269 г.

267. О юности Джованни см. Предисловие Сикарди к «Due Cronache del Vespro» (Muratori, R.I.S. V. 34). Он был одним из свидетелей, подписавших завещание Фридриха II (см. выше, 34). Его подробную биографию можно найти в de Renzi. Il Secolo decimo terzo e Giovanni da Procida. Про обвинение в отравлении короля Конрада см. выше, 59. Рекомендательное письмо от кардинала Орсини Королю Карлу приводится в Martene et Durand. Thesaurus. V. II. P. 298. Виллани. V. 234-235, рассказывает о жестоком обращении с его женой и дочерью. О его переговорах с Фридрихом Тюрингским см. Busson. Friedrich der Friedige als

Pratendant der Sizilianischen Krone und Johann von Procida // Historische Aufsatze dem Andenken an Georg Weitz gewidmet. Подробные дискуссии о всей его карьере приведенные у Сикарди в его предисловии к «Due Cronache del Vespro», хотя и снабжены хорошими ссылками, но сами по себе некритичны, поскольку автор не желает слышать ни одного дурного слова о своем герое.

268. Cartellieri. Op. cit. S. 28-53.

269. См. ниже.

271. Carini. Gli Archivi e le Biblioteche di Spagna. V. II. P. 2-4, 190.

271. Lu Rebellamentu di Sichilia//Due Cronache del Vespro. P. 5-11; Liber Jani de Procida et Palialoco // P. 49-52; Leggenda di Messer Gianni di Procida // P. 65-68. В «Rebellamentu», написанной на сицилийском диалекте, о Джованни пишется как о герое, а в «Liber Jani» и в «Leggenda», написанных на итальянском (причем последняя, вероятно, написана моденским гвельфом), — как о злодее. Ricordano Malespini. Storia Fiorentina / Ed. Follini. P. 180-181; Brunette Latini. Tresoro / Ed. Amari // Altre Narrazioni del Vespro Siciliano. P. 60-89; Villani. Cronica. V. II. P. 233-237, 239-242, дают краткие изло жения этой легенды.

272. Rebellamentu. P. 14-17; Liber Jani. P. 52-55; Leggenda. P. 68-71.

273. Wieruszowski. Der Anteil Johanns von Procida an der Verchworung gegen Karl von Anjou. S. 230, где приведен маршрут Джованни и документы, свидетельствующие о том, что он не мог доехать даже до Рима. О «взяточничестве» Николая см. выше, С. 250.

274. О сицилийских аристократах см. Due Cronache del Vespro, introduction. P. XXXVII. n. I. Об Адриано да Прочиде см. Cartellieri. Op. cit. S. 90.

275. D'Esclot. Cronica del Rey en Pere // Buchon. Chroniques Etrangeres relatives aux Expeditions Fransaises, P. 624; Muntaner. Cronica / Ed. Coroleu. P. 86-88; William of Nangis. Gesta Philippi III. P. 514; Cartellieri. Op. cit. S. 63-64, опровергает историю, рассказанную Мунтанером о грубости Педро по отношению к Карлу Салернскому. Однако история содержит убедительные подробности; короли Французский и Майоркский напоминают Педро, что Карл женат на его кузине. Кроме того, Гильом де Нанжи предполагает, что имела места некая ссора. Письмо Педро в Милан, копии которого были отправлены другим основным коммунам гибеллинов в Ломбардии, приводится в Carini. Op. cit. V. II. P. 41.

276. См. выше, С. 232. О взимании церковной десятины на Сардинии, Martin IV. Registres. № 116.

277. D'Esclot. Op. cit. P. 626; Muntaner. Op. cit. P. 100-101; Cartellieri. Op.

cit. P. 80-81, 149.

278. Ptolemaeus of Lucca. Historia Ecclesiastica// Muratori, R.I.S. V. XL P. 1186-1187; Martin IV. Registres. P. 112; Sanudo, Istoria del Regno di Romania. P. 133; Cartellieri. Op. cit. P. 87-89; Dolger, Regesten der Kaiserurkunden. V. III. S. 74-75. Император попросил руки арагонской принцессы для своего сына и наследника Андроника.

279. Carini. Op. cit. V. II. P. 45.

280. Bartholomew of Neocastro. Historia Sicula // Muratori. R.I.S. V. XIII, III. P. 10, глава под названием «Как король Карл притеснял народ»; Nicholas Specialis. Historia Sicula//Muratori. R.I.S. V. X. P. 924, 930. См.также Libertini and Paladino. Storia della Sicilia. P. 442; Pontieri. Ricerche sulla Crisi della Monarchia Siciliana nel sec. XIII. Passim; Leonard. Les Angevins de Naples. P. 143-144.

281. Norden. Das Papattum und Byzanz. S. 626-629. Карл провел январь в Риме и Орвьето, но был в Капуа и Неаполе в феврале и оставался в Неаполе весь март. Мы не знаем, действительно ли он собирался сам возглавить поход. Durrieu. Les Archives Angevins de Naples. V. II. P. 187.

282. Виллани. Op. cit. V. II. P. 242, пишет, что король Филипп предупреждал Карла, но тот был слишком самонадеян, чтобы прислушаться к предупреждению. Виллани добавляет в качестве комментария народную пословицу: «Коли утверждают, что у тебя отвалился нос, потрогай это место». Карлу были чужды такие предосторожности.

283. Amari. La Guerra del Vespro Sicilisno. V. I. P. 193-194.

284. Ibid. P. 193, n. 1. Дата, понедельник, 30-е, указана у Бартоломео да Неокастро и у других сицилийцев того времени. Та самая церковь сегодня затерялась на огромном кладбище.

285. Описания самой резни есть у Бартоломео да Неокастро. (Historia sicula. P. 11-12); Nicholas Specislis. Historis Siculs // Muratori. R.I.S. V. X. P. 924-925; продолжение Saba Malaspina. Rerum Sicularum Historia // Muratori. V. VIII; Annales Januenses. P. 576; Ricordano Malespini. Storia Fiorentina. P. 182-183; Villani. Cronica. V. II. P. 242-243; Rebellamentu. P. 19-20; Legenda. P. 72-73; D'Esclot. Cronica del Rey en Pere. P. 628-629; Muntaner. Cronica. P. 94-95; William of Nangis. Gesta Philippi III. P. 516. Есть более короткие изложения в большинстве хроник того времени. История блестяще изложена у Amari. Op. cit. V. I. P. 193-200.

286. Возглас «Смерть французам» упоминается во всех источниках. Даже Данте ссылается на него, «Рай», VIII, ст. 73-75.

287. Amari. Op. cit. V. I. P. 301, сочетает различные источники.

288. Nicholas Specialis. Historia Sicula. P. 924-925. См. Egidi. La 'Communitas Siciliae' del 1282 // Annuario dell'Universita de Messina. 1914-1915.

289. Ibid. P. 201-202.

290. Ibid. P. 203-220.

291. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 12-15. Бартоломео жил в Мессине и играл большую роль в общественной жизни города. Его изложение случившегося отличается полнотой и убедительностью.

292. Ibid. P. 18-22.

293. Ibid. P. 21-22.

294. Ibid. P. 36-37; Michael Poleologus. De Vita Sua Opusculum. Под ред. Троицкого // Христианское Чтение. Т.П. С. 537-538. Бартоломео (Op. cit. P. 10-11) упоминает среди претензий сицилийцев к Карлу то, что тот выступил с «разбойничьим крестом» против «наших друзей греков».

295. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 22.

296. Ibid.; Виллани (Op. cit. V. II. P. 244) цитирует слова, которые, как считается, произнес Карл.

297. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 15; Villani. Op. cit. V. II. P. 245-246. См. Amari. Op. cit. V. I. P. 228-231; Cartellieri. Op. cit. P. 162-164.

298. Potthast. Regesta. V. II. P. 1768-1770.

299. Villani. Op. cit. V. II. P. 244-245.

300. Champollion-Figeac. Lettres des Rois, Reines et autres Personnages. V. I. P. 285. См. Cartellieri. Op. cit. P. 169, 187. Морис де Краон написал 19 мая Фердинанду Арагон-Майоркскому, 26 мая — Эдуарду Английскому, чтобы сообщить ему эту новость; Rymer. Feeders. V. I, 2. P. 609. Во Франции об этом узнали, вероятно, в первой половине мая.

301. D'Esclot. Op. cit. P. 626-627; Muntaner. Op. cit. P. 103-108; Cartellieri. Op. cit. P. 192-193.

302. D'Esclot. Op. cit. P. 631-632; Cartellieri. Op. cit. P. 199.

303. D'Esclot. Op. cit. P. 628, 630-631; Muntaner. Op. cit. P. 108-111.

304. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 23-25; Amari. Op. cit. V. I. P. 232; Leonard. Les Angevins de Naples. P. 147.

305. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1771; Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 27.

306. Trifone. Legislazione Angioina. ns LVIII. P. 92-93.

307. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 24-25.

308. Ibid. P. 29, 67.

309. Ibid. P. 33-36.

310. Ibid. P. 33-36.

311. Ibid. P. 29; D'Esclot. Op. cit. P. 632-634; Muntaner. Op. cit. P. 112-113, 116-118, Педро также написал оправдательное письмо Эдуарду Английскому, Rymer. Foedera. V. I, 2. P. 612.

312. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 30; D'Esclot. Op. cit. P. 635-636; Muntaner. Op. cit. P. 119-120.

313. D'Esclot. Cronica. P. 636-637; Muntaner. Cronica. P. 112-113, где ошибочно утверждается, что Педро был коронован в это время; Bartholomew of Neocastro. Historia Sicula. P. 30.

314. Bartholomew of Neocastro. Loc. cit.

315. Ibid. P. 30-32.

316. Ibid.; D'Esclot. Op. cit. P. 638.

317. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 125-126.

318. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 38-42.

319. Ibid. P. 42-43; D'Esclot. Op. cit. P. 639-642; Muntaner. Op. cit. P. 130-132. Письмо Педро к Гвидо да Монте-фельтро, где он рассказывает о своих победах, приводится в Carucci. La Guerra del Vespro Siciliano. P. 114.

320. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 45-46; Villani. Cronica. V. II. P. 260-261. Некоторые указы Карла об обороне южной части королевства приводятся в de Bou'ard. Les Comptes des Tresoriers. S. 204 ff.

321. Villani. Op. cit. V. I. P. 267-270; Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. V. II. P. 86-88.

322. См. Caro. Genua und die Ma'chte am Mittelmeer. V. II. Генуэзцы могли предвидеть, что каталонцы под защитой арагонцев вытеснят их с привилегированных позиций на Сицилии. См. Heyd. Histoire du Commerce du Levant. V. I. P. 475. Бартоломео да Неокастро отдает должное доброжелательности отдельных генуэзцев (Op. cit. P. 36-37).

323. Pachymer. De Michaele Paleologo. S. 531-532; De Andronico Paleologo. S. 87-88 (о замужестве Ирины Монферратской, состоявшемся в 1284г.). Пархимер отмечает, что Ирина была родом не из королевской семьи, но приходилась внучкой королю Кастильскому; но истинной причиной этого брака были притязания семейства маркграфов Монферратских на королевство Фессалоникское, основанное Бонифацием II Монферратским в 1205 г. и захваченное византийской династией Ангелов в 1222 г. Вильгельм VII Монферратский передал свои права зятю. Ирина стала последней наследницей маркграфов Монферратских. Она передала маркграфство своему сыну, который таким образом основал династию Палеологов в Северной Италии. О внешней политике Андроника II см. Vasiliev. History of the Byzantine Empire. P. 603.

324. Об отношениях Рудольфа с папством и Италией см. Hefele-

Leclercq. Histoire des Conciles. V. VI, I. P. 268-270. Папа Мартин считал короля Эдуарда недостаточно нейтральным, поскольку король не расторг помолвку своей дочери Алиеноры со старшим сыном Педро Альфонсом. См. Rymer. Foedera. V. I, I. P. 613-614.

325. Leonard. Les Angevins de Naples. P. 159-150.

326. Potthast. Regesta. V. II. S. 1773-1774.

327. См. Leonard. Op. cit. P. 153.

328. D'Esclot. Op. cit. P. 642-644; Muntaner. Op. cit. P. 138-141; Виллани (Op. cit. V. II. P. 274-275), ошибочно утверждает, что соглашение было подписано в присутствии Папы, но дает проницательное объяснение мотивов обоих королей. См. Amari. La Guerra del Vespro Siciliano. V. II. P. 19-21.

329. Potthast. Regesta. V. II. P. 1774-1778; Rymer. Foedera. V. I, 2. P. 621-628.

330. См. Leonard. Op. cit. P. 15. Брат Педро убедил его вернуться в Арагон в то время. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 47-48.

331. Durrieu. Les Archives angevines de Naples. V. II. P. 188. Виллани (Op. cit. V. П. P. 275-276) пишет о том, что Карл проезжал через Флоренцию, где его также видел хронист Паолино ди Пьеро (см. Leonard. Op. cit. P. 533).

332. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. p. 44; D'Esclot. Op. cit. P. 645; Muntaner. Op. cit. P. 133-136. Это единственный источник, в котором говорится, что граф Алан-сонский был убит во время этого налета.

333. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 45-46; D'Esclot. Op. cit. P. 645-647; Muntaner. Op. cit. P. 145-147. См. Carucci. Op. cit. P. 117-119.

334. Текст реформы приводится в Trifone. La Legislazione Angioina. P. 93-105.

335. Potthast. Regesta. V. II. P. 1780.

336. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 46-47; D'Esclot. Op. cit. P. 647-648.

337. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 47-51; D'Esclot. Op. cit. P. 648-649; Muntaner. Op. cit. P. 147-150.

338. В D'Esclot. P. 649-652, дается арагонская версия; в William of Nangis. Gesta Philippi III. P. 522-524 - версия Анжуйского; Muntaner. Op. cit. P. 170-185, опирается на d'Esclot; Villani. V. II. P. 276-280 (по его версии Карл появляется на ристалище раньше Педро); Amari. Op. cit. V. II. P. 24-26.

339. Martin IV. Registres, nos. 220, 221.

340. Ibid. nos. 292-299; Rymer. Foedera. V. I, 2. P. 634-639; Grandes Chroniques de France. Ed. Viard. V. VIII. P. 93-94, 97; Petit Charles de Valois. P.

5-6; Leonard. Les Angevins de Naples. P. 155-156.

341. Villani. Cronica. V. II. P. 270-272.

342. См. Leonard. Op. cit. P. 153.

343. Bartolomew of Neocastro. Historia Sicula. P. 55-56; D'Esclot. Cronica. P. 658-659; Muntaner. Cronica. P. 158-159.

344. Bartolomew of Neocastro. Op. cit. P. 49-50.

345. Письмо короля Педро приводится в Carucci. Op. cit. P. 122.

346. Martin IV. Registres. № 304. См. выше, 290.

347. Carucci. La Guerra del Vespro Siciliano. P. 127-169, где цитируются отрывки из архивов Анжуйской династии.

348. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 57-58; D'Esclot. Op. cit. P. 663-668; Muntaner. P. 227-234; Villani. Op. cit. V. II. P. 286-288, где приводится история о жителях Сорренто.

349. Villani. Op. cit. V. II. P. 268-270; Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 58-59, неправдоподобный рассказ о том, как Карла утешала его супруга.

350. См. Leonard. Op. cit. P. 158.

351. Bsrtholomew of Neocastro. Op. cit. P. 60-61.

352. Ibid.

353. Ibid. P. 61-62. Датировку см. в Durrieu. Les Archives Angevins de Naples. V. II. P. 189.

354. Бартоломео да Неокастро (Op. cit. P. 59) пишет, что жизнь принцу спасла королева Констанция: Мутанер (Op. cit. P. 234-236) утверждает, что принца уберег инфант Хайме. Принц был спасен, очевидно, благодаря посредничеству неаполитанского аристократа Аденульфо Аквинского. См. Leonard. Op. cit. P. 158, п. 2. Виллани (Op. cit.. V. II. P. 292-293) указывает на Констанцию.

355. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 67-69.

356. Ibid. P. 62-63, 66, 70.

357. Miller. The Latins in the Levant. P. 174-175; Runciman. History of the Crusades. V. III. P. 392-394.

358. Durrieu. Op. cit. V. II. P. 160. Указ о всеобщем созыве в войско, обнародованный в Бриндизи, датируется 5 октября 1284 г.

359. См. Leonard. Op. cit. P. 159.

360. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 70.

361. Villani. Op. cit. V. II. P. 290-291; Salimbene de Adam. Cronica. P. 564-565, где описываются видения, имевшие место после смерти Карла. О завещании Карла см. Leonard. Op. cit. P. 159-160.

362. Cadier. Essai sur 1'Administration du Royaume de Sicile. P. 112; Leonard. Les Angevins de Naples. P. 161-163.

363. Арагонский крестовый поход описан *с* точки зрения арагонцев D'Esclot, Cronica. P. 677-727, и Muntaner. Cronica. P. 246-286, а с точки зрения французов — William of Nangis. Gesta Philippi III. P. 528-534. См. Lavisse. Histoire de France. V. III, 2. P. 113-117.

364. Miller. The Latins in the Levant. P. 164-165; Longnon. L'Empire Latin de Constantinople. P. 264-265.

365. Runciman. History of the Crusades. V. III. P. 396-397.

366. Potthast. Regesta Pontificum Romanorum. V. II. P. 1794; Villani. Cronica. V. II. P. 306. Он умер от несварения желудка. Данте в «Чистилище», XXIV, ст. 20-24, пишет, что это случилось из-за того, что Мартин позволил себе во время поста съесть больсенских угрей с вином.

367. William of Nangis. Op. cit. P. 534-535; D'Esclot. Op. cit. P. 727-732; Villani. Op. cit. V. II. P. 298-305. Данте в «Чистилище», VII, ст. 105, пишет, что Филипп «пал, как беглец, честь лилий омрачивший».

368. Bartholomew of Neocastro. Historia Sicula. P. 80; D'Esclot. Op. cit. P. 732-736; Muntaner. Op. cit. P. 296-300. Данте в «Чистилище», VII, ст. 112-114, пишет, что он «кряжистый» и «опоясан всем, что люди чтят».

369. О характере Карла см. блестящее изложение в Leonard. Op. cit. P. 172-174. Карл был переведен с Сицилии в Каталонию незадолго до смерти короля Педро, вопреки желанию сицилийского коронного правительства; Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 78-79.

370. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1795-1796. См. Honorius IV. Registres / Ed. Prou, предисловие, где дается его краткая биография и характеристика. Он назначил своего брата Пандольфо Савелли сенатором Рима. См. Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. Bd. II. P. 90-91.

371. Honorius IV. Registres. P. 76-82. Introduction. P. XXII-XXXV.

372. Ibid. Introduction. Loc. cit.

373. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 81; Muntaner. Op. cit. P. 300-301. Хроника д'Экло заканчивается смертью короля Педро.

374. Rymer. Foedera. V. I, 2. P. 662-667. Папа боялся участвовать в переговорах; Honorius IV. Registres. P. 938-939.

375. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 78, 81; Honorius IV. Registres. P. 348-349, 548.

376. Rymer. Foedera. V. I, 2. P. 670-671.

377. Honorius IV. Registres. P. 572.

378. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 81, 86-88, 93-101; Budge. The Monks of Kublai Khan. P. 171 (перевод рас сказа Раббана Саумы). Раббан Саума полагал, что война велась очень благородно, поскольку не затрагивала мирное население.

379. Potthast. Op. cit. Vol. II. P. 1823-1826. О Николае см. статью Teetsert in Vacant and Mangenot. Dictionnaire de theologie catholique. V. XI, I.

380. Rymer. Foedera. V. I, 2. P. 677-679.

381. Ibid. P. 680-681; Digard. Philippe le Bel et le Saint-Siege. V. I. P. 43.

382. Nicholas IV. Registres. V. I. P. 114; Runciman. Op. cit. V. III. P. 405-406.

383. Rymer. Foedera. V. I, 2. P. 685-697; Muntaner. Op. cit. P. 327-329; Digard. Op. cit. V. I. P. 63-66.

384. Villani. Op. cit. V. II. P. 331-332; Nicholas IV. Registres. V. I. P. 212-216, 247; Digard. Op. cit. V. I. P. 66-70.

385. Bsrtholomew of Neocastro. Op. cit. P. 102-111; Villsni. Op. cit. V. II. P. 343-344; Carucci. L3 Guerra del Vespro Siciliano. P. 199.

386. Muntaner. Op. cit. P. 337-340; Digard. Op. cit. V. I. P. 100-110, и Pieces justificatives, no. XII (текст Санлиского договора). V. II. P. 279-280.

387. Bartholomew of Neocastro. Op. cit. P. 126; Muntaner. Op. cit. P. 340-341; Villani. Op. cit. V. III. P. 25.

388. Nicholas IV. Registres. V. II. P. 892; Carucci. Op. cit. P. 252-282; Digard. Op. cit. V. I. P. 136-140.

389. Potthast. Op. cit. V. II. P.1914.

390. См. Digard. Op. cit. V. I. P. 155-160.

391. О наследовании венгерского трона см. далее, 329.

392. Carucci. Op. cit. P. 349.

393. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1915-1916; Hefele-Leclerq. Histoire des Conciles. V. VI, I. P. 333-337. О слухах, связанных с его избранием, см. Villani. Op. cit. V. III. P. 11-12.

394. Digard. Op. cit. V. I. P. 119-120, 190-191; Leonard. Op. cit. P. 81. Ни Каруччи, ни Сакарди, чье предисловие к «Rebellamentu» является длинной апологией Джованни да Прочида, не желали замечать ничего, что свидетельствовало бы против него. Бартоломео да Неокастро (Op. cit. P. 120) пишет, что Джованни сам отправился в Рим, чтобы открыть переговоры.

395. Digard. Op. cit. P. 190-191.

396. Potthast. Op. cit. V. II. P. 1921-1924; Hefele-Leclerq. Op. cit. V. VI, I. P. 338-339, 348-351; Boase. Boniface VIII. P. 49-51. О слухе относительно тайной беседы см. Villani. Op. cit. V. III. P. 13-16.

397. Boniface VIII. Registre/Ed. Digard. Vol. I. P. 68-70; Nicholas Specialis. Historia Sicula. P. 961 (где говорится, что Джованни да Прочида и Руджеро ди Лауриа прибыли с королем Хайме); Digard. Op. cit. V. I. P. 222-224.

398. Acta Aragonensia/ Ed. Finke. V. III. P. 49; Digard. Op. cit. V. I. P. 217-218, 258, 263; Carucci. Op. cit. P. 427-429; Leonard. Op. cit. P. 184-186. Об ответе Катерины см. Boniface. Registres. V. I. P. 290.

399. Boniface VIII. Registres. V. I. P. 68-70, 272-273, 925-935; Acta Aragonensia. V. I. P. 33, 40; Nicholas Specialis. Op. cit. P. 985-986; Carucci. Op. cit. P. 546; Digard. Op. cit. P. 290-292. О Виоланте см. эпизод в Finke. Aus den Tagen Bonifaz VIII // Quellen. S. XXXVI, о том, как Бонифаций неохотно согласился с похвалами Карла II в ее адрес.

400. Nicholas Specialis. Op. cit. P. 962-965, 995-996.

401. Ibid. P. 999-1001.

402. Acta Aragonesia. V. I. P. 55, 70; Finke. Op. cit. P. XIV.

403. Nicholas Specialis. Op. cit. P. 1015-1019; Boniface VIII. Registres. V. II. P. 913-925.

404. Nicholas Specialis. Op. cit. P. 1027. Об отношениях с Генуей см. Leonard. Op. cit. P. 189.

405. Nicholas Specialis. Op. cit. P. 1035; Acta Aragonesia. V. III. P. 107, 113; Finke. Op. cit. P. XX, LV. Обороной Мессины руководил Бласко де Алагон, каталонский адмирал, сохранивший верность Сицилии.

406. Petit. Charles de Valois. P. 52; Leonard. Op. cit. P. 190-193; Finke. Op. cit. P. XX.

407. Nicholas Specialis. Op. cit. P. 1037-1043; Finke. Op. cit. P. XXXV, XLVI, LII, LII, LVI; Acta Aragonensia / V. I. P. 106, 108, 111; Leonard. Op. cit. P. 194-196; Boase. Op. cit. P. 289-292.

408. Boniface VIII. Registres. V. III. P. 847-864; Villani. Op. cit. V. III. P. 75.

409. Nicholas Specialis. Op. cit. P. 1048-1050.

410. Digard. Op. cit. V. II. P. 175-185; Boase. Op. cit. P. 341-351.

411. Leonard. Op. cit. P. 196-197; См. Schipa. Carlo-Martello. Angioino. Passim.

412. Leonard. Op. cit. P. 197-199.

413. Caggese. Robero d'Angir e I suoi Tempi. V. I. P. 20. Папа Бенедикт XI в 1303 г. осудил Федерико за датировку его актов (Potthast. Op. cit. V. II. P. 2027).

414. Внутреннее правление островом на протяжении следующего столетия, похоже, в целом протекало без беспорядков, если не считать периодических войн с Неаполем.

415. Leonard. Op. cit. P. 224, 243-245, 252-255, 326-329, 433-436.

416. Правнучку и последнюю наследницу короля Федерико Марию сменил на троне после ее смерти в 1402г. ее муж Мартин, сын короля

Мартина Арагонского. После его смерти сицилийская корона перешла Фернандо, младшему сыну короля Хуана I Кастильского и принцессы Элеоноры Арагонской, чья мать была принцессой Сицилийской. Сын Фернандо Альфонс унаследовал и Арагон, и Сицилию и был усыновлен в 1420г. Джованной II Анжуйской, королевой Сицилийской (Неаполитанской), и таким образом «Две Сицилии» были объединены.

417. Арагон также ненадолго восторжествовал над Грецией, где благодаря солдатам удачи из Каталонской кампании сицилийская ветвь династии породила династию герцогов Афинских.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ИСТОЧНИКИ

1. Сборники источников

Acta Aragonensia, aus dem diplomatischen Korrespondenz James II / Ed. Finke. 3 vols. Berlin, 1908-.

Amari, M. Altre Narrazioni del Vespro Siciliano, в приложении к Guerra del Vespro Siciliano. См. PaafleJi II. d'Ancona, A., Comparetti, D. Le Antiche Rime Volgari. Bologna, 1875-1888. 5 vols.

Baronius, O., Raynaldi C. Annales Ecclesiastici. Lucca, 1747-1756. 15 vols. Далее сокр. — Baronius-Raynaldi.

De Bartholomaeis, V. Poesie Provenzali Storiche relative all'Italia. Istituto Storico Italiano. Rome, 1931. 2 vols.

Boehmer, J. F. Regesta Imperil. V. V: Regesten des Kaiser-reichs / Ed. J. Picker, E. Winkelmann. Innsbruck, 1881-1901.

De Boiiard, A. Actes et Lettres de Charles ler concernant la France. Paris, 1926.

De Boiiard, A. Documents en Fran9ais des Archives angevines de Naples, Regne de Charles ler. V. I: Les Mandements aux Treoriers. Paris, 1933. V. II: Les Comptes des Tresoriers. Paris, 1935.

Bouquet, M. Recueil des Historiens des Gauls et de la France. Paris, 1738-1876. 23 vols. Далее сокр. - Bouquet, R.H.F.

Buchon, J. A. Chroniques etrangeres relatives aux Expeditions francais pendant le XIIIe siecle. Paris, 1840. Capasso, B. Historia Diplomatica Regni Siciliae, 1250-1266. Naples, 1874.

Carini, I. Gli Archivi e le Biblioteche di Spagna, in rapporto alia storia d'ltalia in generale e di Sicilia in particolare. Palermo, 1884-1897. 2 vols.

Champollion-Figeac, J.J. Lettres des Rois, Reines et autres Personnages des Cours de France et d'Angleterre. Collection de Documents Inedits. Paris, 1839-1847.

Dolger, F. Regesten der Kaiserurkunden des Ostrb'mischen Reiches. Munich-Berlin, 1924-1932. 3 vols.

Duchesne, A. Historiae Francorum Scriptores. Paris, 1636-1649. 5 vols.

Finke, H. Aus den Tagen Bonifaz VIII: Quellen. См. Paafleji II. Fonti per la

Storia d'ltalia. Instituto Storico Italiano. Rome, 1887.

Del Giudice, G. Codice Diplomatico di Carlo II d'Angix. Naples, 1863-1869, 1902. 3 vols.

Hopf, K. Chroniques Greco-Romanes inedites ou peu connues. Berlin, 1873.

Kern, F. Acta Imperii, Angliae at Franciae, 1267-1313. Tubingen, 1911.

Krammer, M. Quellen zur Geschichte der deutschen Konigswahl und Kurfurstenkollegs. Leipzig, 1911. 2 vols.

Martene, E., Durand, U. Thesaurus novis Anecdotorum. Paris, 1717. 5 vols.

Miklosich, F., Mu'ller, J. Acta Diplomata Graeca medii aevi sacra et profana. Vienna, 1860-1890. 6 vols.

Monumenta Germaniae Historica. Hanover, 1826. Далее сокр. — M.G.H.

Muratori, L. A. Rerum Italicarum Scriptores. Milan, 1723-1751. 25 vols. Новые тома: G. Carducci and V. Fiorini. Citta di Castello-Bologna, 1900-. Далее сокр. — Muratori, R.I.S.

Potthast, A. Regesta Pontificum Romanorum, 1198-1304. Berlin, 1874-1874. 2 vols.

Registres des Papes. Ecoles Franchises d'Athenes et Rome. Paris: Alexander IV (ed. C. Bourel de la Rename), 1902-1917. 2 vols.

Boniface VIII (ed. G. Digard and others), 1884-1932. 4 vols.

Clement IV (ed. E. Jordan), 1893-1945. 2 vols.

Gregory X, John XXI (ed. J. Guiraud and L. Cadier), 1892-1906. 2 vols.

Honorius IV (ed. M. Prou). 1888.

Innocent IV (ed. E. Berger), 1884-1921. 4 vols.

Martin IV (ed. various), 1901-1935. 3 vols.

Nicholas III (ed. J. Gay and S. Vitte), 1898-1938. 2 vols.

Nicholas IV (ed. E. Langlois), 1886-1905. 2 vols.

Urban IV (ed. J. Guiraud), 1892-1929. 4 vols.

Rymer, T. Foedera (ed. A. Clarke and F. Holbrooke), London, 1816. vols. I, II.

Tafel, G. L., Thomas, G. M. Urkunden zur a'ltern Handels- und Staats-geschichte der Republik Venedigs, Vienna, 1856-1857. 3 vols.

Trifone, R. La Legislazione Angioina. Naples, 1921.

2. Отдельные источники

Acropolita, George. Oprea (ed. A. Heisenberg), Leipsic, 1903. 2 vols.

Andrew of Hungary. Descriptio Victoriae a Karolo, Provinciae Comite,

reportatae / Ed. G. Waitz // M.G.H. Scriptores. V. XXVI, 1882.

Annales Altahenses / Ed. G.H. Pertz // M.G.H. Scriptores. V. XVII, 1861.

Annales Cavenses / Ed. G.H. Pertz // M.G.H. Scriptores. V. III, 1839.

Annales Januenses Cafari et Continuatorum / Ed. G.H. Pertz // M.G.H. Scriptores. V. XVIII, 1863.

Annales Ottokariani / Ed. G.H. Pertz // M.G.H. Scriptores. V. IX, 1851.

Annales Placentini Gibellini / Ed. G.H. Pertz // M.G.H. Scriptores. V. XVIII, 1863.

Annales Sanctae Justinae Patavini (Monachi Patavini Chronicon / Ed. P. Jaffe // M.G.H. Scriptores. V. XIX, 1866.

Anonymi Chronicon Siciliae. Ed. Muratori. R.I.S. V. X.

Bartholomew of Neocastro. Historia Sicula / Ed. C. Paladino. (Muratori, R.I.S. vol. XIII, 1922.)

Boccaccio, Giovanni. De Casibus Illustrium Virorum. Berne, 1539. Chronicle of James I of Aragon (Chronica o commentary del rey En Jacme) / Trans. J. Foster. London, 1883.

Chronicle of Morea. Greek version (ed. P. Kalonaros). Athens, 1940. Italian version (Cronaca di Morea), in Hopf, Chroniques Greco-Romanes. French version (Livre de la Conqueste de la Princee de I'Amoree) (ed. J. Longnon). Paris, 1911.

Chronicon Sancti Bertini / Ed. O. Holder-Egger // M.G.H., Scriptores. V. XXV, 1880.

Dante Alighieri. Opere / Ed. E. Moore and P. Toynbee) // Oxford, 1924.

D'Esclot (Desclot), Bernat. Cronica del Rey en Pere, in Buchon. Chroniques Etrangeres.

Ellenhard. Gesta Rudolfi et Alberti Regum Romanorum // M.G.H. Scriptores. V. XVII, 1861.

Gestes des Chiprois / Ed. G. Raynaud. Geneva, 1887.

Grandes Chroniques de France / Ed. J. Viard. V. VIII, Paris, 1934.

Gregoras. Nicephorus. Byzantina Historia / Ed. L. Schopen. Bonn, 1829-1830. 2 vols.

Gregorii X Papae Vita Auctori Anonymo Scripta // Muratori. R.I.S., III.

Gudo of Corvaria. Fragmenta Historiae Pisanae // Muratori. R.I.S. V. XXIV.

Di Jaci, Athanasio. La Vinuta e lu Suggiornu di lu Re Japicu in la Gitati di Catania, L'annu MCCLXXXVII / Ed. E. Sicardi. Muratori. R.I.S., V. XXXIV: Due del Vespro in Volgare Siciliano.

Jean de Vignay. Ex Primati Chronicis per J. de Vignay translates / H. Brosein M.G.H. Scriptores. V. XXVI 1882.

Joinville, J. de. Histoire de Saint Louis / Ed. N. de Wailly. Paris, 1874.

Jordan of Osnabruck. De Prerogativa Romani Imperii (ed. G. Waitz. Abhandlungen der Ko'nigliche Gesellshaft der Wissenschaft zu Gottingen, vol. XIV, 1868-1869.)

Latini, Brunette. Libri del Tesoro// Amari. Altre Narrazioni. Leggenda di Messer Gianni di Procida (ed. E. Sicardi). (Muratori. R.I.S., vol. XXXIV: Due Cronache del Vespro in Volgare Siciliano.)

Liber Jani de Procida et Palioloco. Ibid. Malaspina, Saba. Historia Sicula. (Muratori. R.I.S., vol. VIII.)

Malaterra, Gaufredus. Historia Sicula, 1099-1265. (Muratori. R.I.S., vol. V.)

Malespini, Ricordano and Giachetto. Historia Fiorentina (ed. V. Follini). Florence, 1816.

Matthew Paris. Chronica Majora (ed. H.R. Luard). (Rolls Series, 7 vols. London, 1872-1884.)

Matthew Paris. Historia Anglorum, sive Historia Minora (ed. F. Madden). (Rolls Series, 3 vols. London, 1866-1869.)

Michael VIII Paleologus, Emperor. De Vita sua Opusculum (ed. J. Troitsky// Christianskoe Chtenie, v. II). St. Petersburg, 1885.

Muntaner, Ramon. Cronica o Descriptio fets e Hazanyes dell inclyt Rey Don Jamme (ed. J. Caroleu). Barcelona, 1886.

Nicholas of Carbio (Curbio). Vita Innocentii IV. (Muratori. R.I.S., vol. III.)

Nicholas of Jamsilla. Historia de rebus gestis Friderid II Imperatoris ejusque filiorum Conradi et Manfredi: adnectitur Anonymi supplementum de rebus gestis ejusdem Manfredi, Caroli Andegavensis et Conradini Regum. (Muratori, R.I.S., vol. VIII.)

Pachymer, George. De Michaele Paleologo: De Andronico Paleologo (ed. I. Bekker), 2 vols. Bonn, 1835.

Petrarch, Francesco. Itinerarium Syriacum. Basle, 1534.

Pipino, Francesco. Chronicon. (Muratori, R.I.S., vol. IX.)

Ptolomaeus of Lucca. Historia Ecclesiastica. (Muratori, R.I.S., vol. XI.)

Praeclara Francorum Facinora // Duchesne. Historiae Francorum Scriptores, vol. V.

Primatus. See John of Vignay.

Rabban Sauma. History. Transl. E. Wallis Budge // The Monks of Kublai Khan, Emperor of China. London, 1928.

Rebellamentu di Sichilia / Ed. E. Sicardi Muratori, R.I.S. V. XXXIV: Due Cronache del Vespro in Volgare Siciliano.)

Salimbene de Adam. Cronica / Ed. O. Holder-Egger // M.G.H. Scriptores. V. XXXII, 1905-1913.

Sanudo Marino. Istoria del Regno di Romania // Hopf. Chroniques Greco-

Romanes.
Specialis, Nicholas. Historia Sicula // Muratori. R.I.S. V. X.
Villani, Giovanni. Cronica. Florence, 1823. 8 vols.
William of Nangis. Gesta Sancti Ludovici: Gesta Philippi III. // Bouquet, R.H.F. V. XX.

II. Современные работы

Amari, M. La Guerra del Vespro Sicilano. Milan, 1886. 3 vols.
Amari, M. Storia dei Musulmani di Sicilia. Florence, 1854-1872. 3 vols.
Bathgen, F. Die Regentschaft Papst Innocent III im Konigreich Sizilien. Heidelberg, 1914.
Boase, T.S.R. Boniface VIII. London, 1933.
De Boiiard, A. Le Regine politique et les Institutions de Rome au Moyen Age. Paris, 1920.
Bourcart, J. L'Albanie et les Albanais. Paris, 1921.
Bury, J. B. History of the Later Roman Empire, A.D. 395-A.D. 565. London, 1923. 2 vols.
Busson, A. Friedrich der Friedige als Pratendent der Sizilianischen Krone und Johann von Procida // Historiche Aufsatzen dem Andenken an Georg Waitz gewidmet. Hanover, 1886.
Busson, A. Die Doppelwahl des Jahres 1257 und der romische Ko'nig Alfons X von Castilien. Minister, 1866.
Cadier, L. Essai sur l'Administration du Royaume de Sicile sous Charles I et Charles II d'Anjou. Paris, 1891.
Caggese, C. Roberto d'Angir e I suoi Tempi. Florance, 1922-1931. 2 vols.
Cambridge Medieval History. V. VI: Victory of the Papacy; vol. VII: Decline of the Empire and Papacy. Cambridge, 1929-1932.
Caraballesi, F. Saggio di Storia del Commercio della Puglia. Trani, 1900.
Caro, G. Genua und die Machte am Mittelmeer. Halle, 1895. 2 vols.
Cartellieri, O. Peter von Aragon und die Sizilianische Vesper. Heidelberg, 1904.
Carucci, C. La Guerra del Vespro Siciliano nella frontiera del Principato. Subiaco, 1934.
Chalandon, F. Histoire de la Domination Normande en Italic. Paris, 1907. 2 vols.
Champan, C. Michel Paleologue, restaurateur de 1'Empire Byzantin. Paris, 1926.

Cipolla, C. Compendio della Storia politica di Verona. Verona, 1899.
Cohn, W. Das Zeitalter der Hohenstaufen in Sizilien. Breslau, 1925.
Croce, B. Storia del Regno di Napoli. Bari, 1931.
Cutolo, A. Gli Angioini. Florence, 1934.
Davidssohn, R. Geschichte von Florenz. Berlin, 1896-1927. 4 vols.
Diehl, C., Oeconomos, L., Guilland, R. and Grousset, R. L'Europe Orientale de 1081 a 1453. (G. Glotz. Histoire Generale, Histoire du Moyen Age. V. IX, Paris, 1945.)
Digard, G. Philippe le Bel et le Saint-Siege. Paris, 1934. 2 vols.
Durrieu, P. Les Archives de Naples. Paris, 1887. 2 vols.
Egidi, P. La «Communitas Siciliae» di 1282. Messina, 1915.
Fawtier, R. L'Europe Occidentale de 1270 a 1328 // G. Glotz. Histoire Generale: Histoire du Moyen Age. V. VI, I). Paris, 1940.
Finke, H. Aus den Tagen Bonifaz VIII. Minister, 1902.
Fournier, P. Le Royaume d'Aries et de Vienne. Paris, 1891.
Gardner, A. The Lascarids of Nicaea. London, 1912.
Geneakoplos, D. Greco-Latin relations on the eve of the Byzantine Restoration; The Battle of Pelagonia, 1259 // Dumbarton Oaks Papers, № VII. Cambridge, 1953.
Geneakoplos, D. Michael VIII Palaeologus and the Union of Lyons // Harvard Theological Review. V. XLVI. Cambridge, 1953.
Geneakoplos, D. On the Schism of the Greek and Roman Churches // Greek Orthodox Theological Review. V. I 1954.
Gibbon, E. The Decline and Fall of the Roman Empire (ed. J. B. Bury). London, 1896-1900. 7 vols.
Del Giudice, G. Don Arrigo, Infante de Castiglia. Naples, 1878.
Del Giudice, G. La Famiglia del Manfredi//Archivio Storico per le Provincie Napoletane. Naples, 1878.
Gregorovius, F. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter (ed. F. Schillmann). Dresden, 1926. 2 vols.
Halpen, L. L'Essor de 1'Europe. Peuples et Civilisations // Ed. L. Halpen, P. Sagnac. V. VI. Paris, 1940.
Hampe, K. Geschichte Konradins von Hohenstaufen. Innsbruck, 1894.
Von Hefele, C.J. Histoire des Conciles (revised and translated by H. Leclercq). Paris, 1907-1921. 8 vols. Далее сокр. - Hefele- Leclercq.
Heyd, W. Histoire du Commerce du Levant au Moyen Age (translated be F. Raynaud). Leipzig, 1923. 2 vols.
Hill, G. History of Cyprus. Cambridge, 1940-1948. 3 vols.
Hitti, P. K. A History of the Arabs. London, 1937.

Iorga, N. Breve Histoire de 1'Albanie. Bucarest, 1919.
Jireeek, C. Geschichte der Bulgaren. Prague, 1876.
Jireeek, C. Geschichte der Serben. Gotha, 1911-1918. 2 vols.
Jordan, E. L'Allemagne et 1'Italie aux XIIe et XIIIe Siecles // G. Glotz. Histoire Generale: Histoire du Moyen Age. V. IV, I. Paris, 1939.
Jordan, E. Les Origines de la Domination Angevine en Italie. Paris, 1909.
Kantorowicz, E. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1927.
Karst, A. Geschichte Manfreds von Tode Friedrichs II bis zu seiner Kronung. Berlin, 1897.
Kempf, J. Geschichte des Deutschen Reiches wahrend des grossen Interregnums, 1245-1273. Wurzburg, 1893.
Kretschmayr, H. Geschichte von Venedig. Gotha, 1905-1920. 2 vols.
La Monte, J.L. Feudal Monarchy in the Latin Kingdom of Jerusalem. Cambridge, 1932.
Langlois, C.V. Le Regne de Philippe III le Hardi. Paris, 1977.
Leonard, E.G. Les Angevins de Naples. Paris, 1954.
Libertini, G., Paladino, G. Storia della Sicilia. Catania, 1933.
Longnon, J. L'Empire Latin de Constantinople et la Principaute de Moree. Paris. 1949.
Longnon, J. Les Fransais d'Outremer au Moyen Age. Paris, 1929.
Luchaire, A. Innocent III. Paris, 1905-1911. 6 vols.
De Mas Latrie, L. Tresor de Chronologic d'Histoire et de Geographic. Paris, 1889
Merkel, C. La Dominazione di Carlo I d'AngiT in Piemonte e in Lombardia//Memoire della Reale Accademia Scienze di Torino, new series, vol. XLI. Turin, 1891.
Merkel, C. Manfredo I e Manfredo II Lancia. Turin, 1886.
Miller, W. Essays on the Latin Orient. Cambridge. 1921.
Miller, W. The Latins in the Levant. London, 1908.
Minieri Riccio, C. Genealogia di Carlo d'AngoT, prima generazione. Naples, 1857.
Minieri Riccio, C. Genealogia di Carlo II d'Angio, re di Napoli. Archivio Storico per le Provincie Napoletane. Naples, 1882-1883.
Minieri Riccio, C. II Regno di Carlo I di Angox. 2 vols. Florence, 1875-1881.
Minieri Riccio, C. Saggio di Codice Diplomatico di Napoli. 2 vols. Naples, 1878-1883.
Monti, G. M. La Dominazione Angioina in Piemonte. Turin, 1930.
Monti, G. M. Nuovi Studi Angioini, включая Gli Angioini di Napoli nella

Poesia Provenzale. Trani, 1937.

Muller, E. Peter von Prezza, ein Publizist der zeit des Interregnums. Heidelberg, 1913.

Nicol, D. M. The Date of the Battle of Pelagonia // Byzantinische Zeitschrift. V. XLIX, I. Munich, 1956.

Norden, W. Das Papsttum und Byzanz. Berlin, 1903.

Oman, C. A History of the Art of Ear in the Middle Ages. London, 1924. 2 vols.

Ostrogorsky, G.A. A History of the Byzantine State (translated by J. Hussey). Oxford, 1956.

Paulus, N. Geschichte des Ablasses im Mittelalter. Paderborn, 1922-1923. 2 vols.

Pawlicki, B. Papst Honorius IV. Miinster, 1896.

Petit, J. Charles de Valois. Paris, 1900.

Pinzi, C. Storia della Citta di Viterbo. Rome, 1887-1889. 2 vols.

Pontieri, E. Ricerche sulla Crisi della Monarchia Siciliana nel secolo XIII. Naples, 1942.

Powicke, F. M. King Henry III and the Lord Edward. Oxford, 1947. 2 vols.

Redlich, O. Rudolf von Habsburg. Innsbruck, 1903.

De Renzi, S. Collectio Salernitana. Naples, 1854.

De Renzi, S. II Secolo decimo terzo e Giovanni da Procida. Naples, 1860.

Rohde, H. E. Der Kampf urn Sizilien in den Jahren 1291-1302. Berlin, 1913.

Rodenburg, C. Innocenz IV und das Konigreich Siciliens. Halle, 1892.

Runciman, S. A History of the Crusades, Cambridge, 1951-1954. 3 vols.

Schipa, M. Carlo-Martello Angioino. Naples, 1926.

Schipa, M. Sicilia ed Italia sotto Federico II. Archivio Storico per le Provincie Napolitane. Naples, 1928.

Schirrmacher, F. W. Die Letzten Hohenstaufen. Gb'ttingen, 1871.

De Stefano, A. Federico III Aragona, Re di Sicilia. Palermo, 1937.

Sternfeld, R. Cardinal Johann Gaetan Orsini (Papst Nikolaus III). Berlin, 1905.

Sternfeld, R. Karl von Anjou als Graf von Provance. Berlin, 1888.

Sternfeld, R. Ludwigs der Heiligen Kreuzzug nach Tunis un die Politik Karls I von Sizilien. Berlin, 1896.

Stamer, E. Aus der Vorgeschichte der Sizilischen Vesper // Quellen und Forschungen aus Italienischen Archiven und Biblioteken.

V. XIX, 1927. Teetaert, A. Nicolas IV // A. Vacant and E. Mangenot. Dictionnaire de Theologie Catholique. V. XI, I. Paris, 1931.

Tenckhoff, F. Papst Alexander IV. Paderborn, 1907.

Terlizzi, S. Codice Diplomatico delle relazioni tra Carlo I d'Angor e la Toscana. Florence, 1914.

Throop, P.A. Criticism of the Crusade. Amsterdam, 1940.

Van Cleve, T.C. Markward of Anweiler and the Sicilian Regency. Princeton, 1937.

Vasiliev, A. A. Byzance et les Arabes, vols. I and II, ed. And trans. By H. Gregoire and M. Canard. Brussels, 1935, 1950. Original Russian ed., St. Petersburg, 1900-1902. 2 vols.

Wieruzowski, H. Der Anteil Johanns von Procida an der Verschworung gegen Karl von Anjou, Gesammelte Aufsatze zur Kulturgeschichte Spaniens. V. V. 1930.

Wieruzowski, H. Conjuraciones y alanzas politicas del rey Pedro de Aragyn contra Carlos de Anjou antes de las Visperas Sicilianas // Boletin de la Academia de la Historia. Madrid, 1935.

Wieruzowski, H. La Corte di Pietro d'Aragona e i Precedenti dell'Impresa Siciliana. Archivio Storico Italiano, anno 96. Florence, 1938.

Wolf, R. L. Mortgage and Redemption of an Emperor's Son: Castile and the Latin empire of Constantinople // Speculum. V. XXIX. Cambridge, 1954.

Yver, G. Le Commerce et les Marchands dans 1'Italie meridionale au XIIIe et au XIVe Siecles. Paris, 1903.